

Е. А. Рябинин

ВОДСКАЯ ЗЕМЛЯ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Е. А. Рябинин

ВОДСКАЯ ЗЕМЛЯ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

(результаты археологических исследований 1971—1991 гг.)

С.-ПЕТЕРБУРГ

2001

ISBN 5-88007-126-2

Монография подводит итоги многолетних исследований автора по проблеме формирования средневекового населения на северо-западе Древней Руси. Впервые вводятся в научный оборот материалы многочисленных погребальных памятников и поселенческих центров XI—XV вв. из раскопок 1971—1991 гг. Полученные данные рассматриваются в контексте археологических источников, накопленных за 150 лет изучения древностей летописной Водской земли Великого Новгорода (западные районы современной Ленинградской области). Особое внимание уделено детальной характеристике погребального обряда и инвентаря могильников, выделению хронологических этапов их развития. На основе комплексного анализа археологических, исторических, историко-географических и антропологических данных определен этнический состав, социально-экономический уклад и характер духовных представлений средневековых обитателей края. Установлена эволюционная взаимосвязь ранней сети сельского расселения с поселенческой структурой этнографической эпохи.

Издание рассчитано на широкий круг специалистов в области славяно- и финно-угроведения, музейных работников, преподавателей, студентов и всех, интересующихся прошлым многонационального населения Российской Федерации.

*Книга подготовлена при финансовой поддержке и в рамках проекта
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
«Финно-угры и славяне Северо-Западной Руси»
(проект № 00-011623д; код 96-01-00199)*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1. ЛЕТОПИСНАЯ ВОДСКАЯ ЗЕМЛЯ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ	10
Глава 2. СЕЛЬСКИЕ МОГИЛЬНИКИ КРАЯ. КЛАССИФИКАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ	19
Глава 3. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННОБЫТОВОЙ ИНВЕНТАРЬ	43
Глава 4. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: УКРАШЕНИЯ И МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ДЕТАЛИ ОДЕЖДЫ	53
Глава 5. ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ И РАЗНОВИДНОСТЕЙ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ	83
Глава 6. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ УБОР. ФОРМИРОВАНИЕ И СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ, СВЯЗЬ С ХАРАКТЕРОМ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА	91
Глава 7. РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ ВОДСКОЙ ЗЕМЛИ .	102
ПРИЛОЖЕНИЕ: ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ	143
ЛИТЕРАТУРА	202
АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ	209
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	211
ТАБЛИЦЫ	213

ВВЕДЕНИЕ

В 1971—1991 гг. автором осуществлено широкое обследование средневековых археологических памятников в западных районах Ленинградской области (Волосовский, Гатчинский, Кингисеппский, Ломоносовский р-ны).¹ Основное внимание было уделено изучению территории Водской («Вотской») земли Великого Новгорода, включавшей в свои границы Ижорскую возвышенность. За пределами плато обследовалось побережье Финского залива (Конновский и Сойкинский полуострова, нижнее течение Луги), а также некоторые участки в бассейнах рек Плюссы, Долгой и Нарвы.

Одной из задач двадцатилетнего цикла полевых изысканий являлась фиксация археологических памятников с целью их последующей постановки на государственный учет и охрану. В общей сложности на западе Ленинградской области выявлено или проверено современное состояние свыше 100 различных объектов — могильников, укрепленных и неукрепленных поселений, центров железоделательного производства, скоплений новгородских каменных крестов (25% всех известных к настоящему времени памятников четырех указанных выше районов).²

Самую массовую категорию памятников Водской земли составляют курганным-жальничные могильники. Последние наиболее активно исследовались в последней четверти XIX — начале XX в. Грандиозные по размаху раскопки погребальных памятников, подавляющая часть которых сконцентрирована на Ижорской возвышенности, произведены в 1872—1891 гг. Л. К. Ивановским, вскрывшим 5877 захоронений в 127 группах. Сводная публикация этих материалов осуществлена в капитальном издании А. А. Спицына [1896]. Кроме того, несколько сотен курган-

---

¹ В 1971—1977 гг. работы осуществлялись Ижорским отрядом ЛГУ и ЛОО ВООПИК, Ижорским отрядом ЛОИА АН СССР, Четвертым отрядом Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР, с 1978 г. — Ижорской (Ленинградской областной) экспедицией ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН). Для краткости дальнейшего изложения в тексте используется последнее наименование экспедиционного подразделения.

² В относительно недавно опубликованном каталоге археологических памятников западных районов Ленинградской области [Лапшин 1990] указания на наши исследования по каталогу см.: № 513, 538, 541—544, 546, 550, 551, 554—556, 559, 566 (Гатчинский р-н); 596, 603—606, 608 (Ломоносовский р-н); 616, 617, 621—623, 626, 628, 657, 658, 663—671, 676, 690, 691, 717, 728—731, 733—735, 749—753, 758 (Волосовский р-н); 778, 780, 782—787, 793, 794, 798, 803, 804, 806—809, 811—814, 820, 829 (Кингисеппский р-н). Этот перечень значительно расширен при проведении экспедиционных работ последнего периода.

ных насыпей и жальничных могил были исследованы в дореволюционный период Н. К. Рерихом, А. Э. Мальмгренем, В. Н. Глазовым, Л. Н. Целепи. Именно тогда сложилась та археологическая база, которая до последнего времени оставалась по существу единственным источником для изучения средневекового прошлого Водской земли.

Вместе с тем информативные возможности основной части добытого материала носили достаточно односторонний и далеко не полный характер. Последнее заключение относится прежде всего к массовым раскопкам Л. К. Ивановского, итоги которых отражены в коллекции вещевых находок, но лишь в крайне слабой степени документированы сведениями о погребальном обряде. Это породило сохраняющуюся поныне дискуссионность и разнообразие трактовок исследованных ранее погребальных сооружений, их эволюционного развития, корреляции с инвентарем комплексов и наложило особенно сильный отпечаток на этническую оценку неоднородных по элементам культуры захоронений Водской земли. Следует также отметить полную неизученность средневековых поселенческих пунктов, что не позволяло судить о характере местного домостроительства, формах керамики, фактически не представленной в старых курганных коллекциях, хозяйственном быте населения и его связи с определенными этнокультурными группами.

Новый этап широких полевых исследований Северо-Западного региона России, предпринятый в 1927—1931 гг. Палеоэтнологическим отрядом под руководством П. П. Ефименко, принес ценную информацию о распространении археологических памятников на Ижорском плато и сопредельных территориях, а их фиксация позволила впервые наметить топографическое размещение разнотипных погребальных сооружений в пределах конкретных могильников. В цели таких работ, однако, не входили дополнительные раскопки самих средневековых объектов.

Поэтому вполне закономерным явилось возобновление в начале 1970-х гг. продолжающегося и поныне цикла исследований на Ижорской возвышенности. Наряду с автором данной публикации (при активном участии Т. В. Рябининой) раскопки и разведки могильников в пределах средневековой Водской земли осуществлялись В. А. Кольчатовым, а их обследование — В. А. Лапшиным. Ижорской экспедицией было произведено частичное вскрытие четырех курганно-жальничных групп в юго-западной и центральной частях возвышенности (Беседа, Плещевицы, Горки Первые, Фьунатово) и пяти — на ее северо-западной окраине, в относительной близости от военно-административного центра Водской земли Копорья (Бегуницы, Лашковицы I и II, Тegliцы I и II). В общей сложности исследовано 222 сохранившихся захоронения, совершенных в погребальных сооружениях разных типов и датируемых с конца XI в. по XIV—XV вв. Основные работы производились в копорской округе, где крупные могильники раскапывались широкой и, по мере возможности, сплошной площадью. Последнее диктовалось стремлением проследить развитие и смену погребального обряда в пределах всего периода функционирования средневековых кладбищ и созданием на основе этого единой типо-хронологической колонки при корреляции изменений в характере ритуала с развитием и сменой вещевого комплекса. Существенным дополнением к полученной информации служат материалы исследований укрепленного поселения у дер. Кайболово на р. Суме, расположенного на том же участке плато и датируемого второй половиной XII—первой половиной XIII в. Несомненный интерес

представляют средневековые могильники местного прибалтийско-финского (водского) населения, впервые выявленные экспедицией к северо-западу от Ижорской возвышенности.

Целью предлагаемой публикации является полное введение в научный оборот новых данных о погребальных древностях Водской земли.³ До настоящего времени сведения о них ограничивались лишь информационными заметками или носили общий характер. Основу работы составляет каталог — покомплексное описание объектов, сопровождающееся по возможности исчерпывающим воспроизведением встреченных в них вещевых находок. В этом отношении издание представляет своего рода продолжение капитального и остающегося до сих пор единственным монографического исследования А. А. Спицына о древностях рассматриваемого региона. На основе используемой источниковой базы анализируется характер погребального обряда и его эволюция во времени, состав инвентаря и взаимосвязь последнего с разновидностями погребальных объектов, устанавливается хронология памятников. Это предполагает возможность обращения к общим историко-культурным вопросам, связанным с формированием средневекового населения Водской земли и его культуры.

Книга посвящается столетию выхода в свет монографии А. А. Спицына «Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского» [МАР. № 20. СПб., 1896].

---

³ Вскрытые за пределами Водской земли погребения новгородской «чуди» XIII—XVIII вв. (свыше 200 комплексов), которые дают представление о истоках и путях формирования современной финской народности Ленинградской области, несомненно заслуживают самостоятельной, основанной на комплексном использовании источников монографической публикации.

ГЛАВА I

ЛЕТОПИСНАЯ ВОДСКАЯ ЗЕМЛЯ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Водская («Вотская») земля — одно из особых административно-политических подразделений средневековой Руси, существовавших наряду с Корельской и Ижорской землями на северо-западном порубежье новгородских владений. В своем территориальном значении она впервые упомянута в уставе князя Ярослава «о мостех» (60-е гг. XIII в.) под наименованием «Вочскаа сотня» [Древнерусские... 1976: 150]. Под 1338 г. летописью зафиксирован и сам термин «Вотская земля» [НПЛ 1950: 349].

К значительно более позднему времени восходят исторические известия о води, или вожанах, традиционно связываемых с населением указанной территории и, в свою очередь, отождествляемых большинством исследователей с предками води — малой прибалтийско-финской народности, и поныне проживающей на северо-западе Ленинградской области. Согласно летописному рассказу, помещенному под 1069 г., вожане принимали участие в набеге полоцкого князя Всеслава на Новгород [НПЛ 1950: 17]. Высказано предположение, что эта военная акция являлась реакцией обитателей региона на смену системы существовавших ранее новгородско-водских даннических отношений [Гадзяцкий 1940: 102; Куза 1975: 183].

Следующее упоминание указанного этнонима относится к 1149 г.: «На ту же зиму придоша Емь на Водь с ратью не в тысящи; и услышавыше новгородци любо в 500 с Водью, и идоша на них, и не упустиша ни мужа» [НПЛ 1950: 28]. Таким образом, через 80 лет источники фиксируют уже совместное выступление новгородцев и води против вторгшегося в пределы водского расселения крупного отряда финской еми. Этот факт может свидетельствовать о завершившемся к середине XII в. переходе води в вассальную зависимость от Новгорода [Куза 1975: 183].

Позднее упоминания о «язычниках вотландцах» появляются в западных источниках. В папских буллах второй половины XII — первой половины XIII в. они названы среди языческих народов северо-западных территорий: «*pagani carelie, ingrie, lappie et watandie*» [Кеппен 1861: 81—82].

Сведения о води (вожанах) и Водской земле содержатся и в русских источниках XIII в. Среди них особый интерес представляют два летописных рассказа. Первый приурочен к известию о вторжении ливонских рыцарей зимой 1240—1241 гг. на

порубежье новгородских владений: «Тои же зимы придоша Нѣмци на Водь с Чудью, и повоеваша, и дань на них възложиша, а город учиниша в Копорье погосте» [НПЛ 1950: 78]. Александр Невский, организовав ополчение из новгородцев, корелы и ижоры, прежде всего отбил Копорье у захватчиков, а «Вожан и Чюдю перъветники извеша». Из этого повествования, во-первых, можно установить наличие новгородских погостных центров в регионе еще до его первого упоминания в качестве особой «земли» Великого Новгорода и, во-вторых, локализовать на участке, территориально тяготеющем к Копорью, будущему центру Водской земли, двух явно отличающихся в этническом отношении групп местного населения — вожан и чуди.

Второе сообщение, помещенное под 1270 г. в связи с военным столкновением новгородцев с великим князем Ярославом Ярославичем, раскрывает статус существовавшей в это время «Вочской сотни». Участвовавшие в междоусобице вожане выступают здесь как составная часть «всей волости новгородской» [НПЛ 1950: 89].

Исторически засвидетельствованное наличие в Новгородской земле особого административно-политического образования не документировано по существу синхронными указаниями на его территориальные границы. Определение последних в значительной степени базируется на данных писцовых книг конца XV—XVI в., составленных уже после присоединения Новгорода к Москве. Но в этом важнейшем виде источников перечисление и локализация погостов, формирование многих из которых, несомненно, относится к эпохе новгородской независимости, приведено уже не в рамках бывших «земель» и «сотен», а в пределах новообразованных уездов; в ряде случаев границы уездов разрезают территории старых погостов, иногда в их состав включаются погосты, явно не составляющие в предшествующее время определенного единства. Данное обстоятельство затрудняет попытки ретроспективного вычленения погостов, входивших в состав новгородской Водской земли и определение ее ареала (рис. 1).

В историко-географическом исследовании А. Н. Насонова территория последней очерчивается следующим образом: на западе Водская земля граничила с Лужской «волостью», на северо-востоке — с Ижорской землей; в южном направлении она, возможно, доходила до Новгорода и включала Климецко-Тесовский и Егорьевско-Луский погосты Новгородского уезда. Погосты Водской пятины, располагавшиеся к западу от нижней Луги, в состав Водской земли не входили. Это заключение находит подтверждение в летописном известии 1338 г. о том, что «немцы приходили воеват на Толдогу и оттоле хотяху на Водскую землю»; Никольский Толдожский погост «в Чюди», оказывающийся за пределами Водской земли, по данным писцовых книг, занимал довольно обширный участок между нижним течением Луги и р. Систой [Насонов 1951: 120—121].

По мнению А. В. Кузы, нижнее течение Луги также не включалось ни в Водскую землю, ни в Лужскую «волость». Автор полагает, что «Толдожский погост в устье Луги и примыкавший к нему с востока Каргальский погост и размещавшийся северо-восточнее г. Ямы Ополецкий погост» относились к «чуди» — особому экстерриториальному образованию, граничившему с Водской землей [Куза 1975: 180].

Несколько иначе определяет границы Водской земли И. П. Шаскольский. Он считает, что «территория води точно ограничена с запада р. Наровой, с востока рекой Стрелкой у современного города Стрельна» [Шаскольский 1979: 46], то есть полностью включала западную часть Водской пятины и Ивангородский уезд Шелонской пятины рубежа XV—XVI вв.

Исходя из существующих историко-географических разработок, подкрепленных дополнительным анализом письменных источников и картографической локализацией селений эпохи составления писцовых книг,¹ можно заключить, что в Водскую землю входила фактически вся Ижорская возвышенность, занимающая западную часть современной Ленинградской области. На севере она, возможно, доходила до побережья Финского залива, на востоке граничила с Ижорской землей, порубежье с которой проходило по рекам Стрелке и Ижоре. Территорию, относящуюся к Лужской «волости», определить по историческим данным не представляется возможным, но, по-видимому, она охватывала прибрежную полосу р. Луги, не распространяясь вглубь самой возвышенности. Наиболее сложным и вместе с тем представляющим особую историко-культурную значимость является вопрос о западной границе Водской земли. Письменное сообщение 1338 г. о «Толдоге» несомненно фиксирует особый статус одного из древних новгородских погостов, относящихся не к рассматриваемой единице Новгородского государства, а к «чуди». Есть основания полагать, что и второй погост, имевший дополнительное наименование «в Чюди» — Воздвиженский Опольский (Ополецкий) — также не входил в Водскую землю. Что же касается Каргальского погоста, то полностью исключить его из Водской земли мы не можем, так как именно в его восточной части оформился с конца XIII в. военно-административный центр области — город-крепость Копорье. По-видимому, Каргальский погост являлся относительно поздним новообразованием, сложившимся на основе предшествующего «погоста в Копорьи», но значительно расширившимся в западном направлении. Исходя из наблюдающихся различий в почвенно-географическом положении «чудских» погостов и более восточных погостов реконструируемой Водской земли, а также некоторых данных исторической топонимики и ономастики, вероятной границей последней с «Чудской» областью (или даже особой землей) представляется рубеж по р. Систе и ее притоку Суме; такое предположение согласуется, в целом, с наблюдениями А. Н. Насонова и А. В. Кузы.

Ижорская возвышенность как территориальная основа Водской земли

Среди факторов, определяющих сложение историко-географических центров освоения ландшафтов, ведущее значение имели природные свойства территории, изменения в природопользовании, сельскохозяйственная и промышленная технология, а также традиции населения [Жекулин 1982: 94—95]. Ижорская возвышенность (Силурийское плато) представляет собой особый физико-географический регион на северо-западе Европейской России. Возвышенность характеризуется значительными — до 150 м — высотными отметками над уровнем моря, плоским рельефом и близким к поверхности залеганием силурийских известняков, перекрытых валунными суглинками. С трех сторон плато окружено болотистыми приречными равнинами, северный край глинта близко подступает к побережью Финского залива. Недостаточность поверхностных вод на возвышенности обусловила почти совершен-

¹ Границы погостов Водской пятины реконструируются на основе исследования Тихомирова (Сергия) [1905] с некоторыми уточнениями; границы погостов Шелонской пятины приводятся по А. М. Андрияшеву [1914].

ное отсутствие озер, болот и малое количество заболоченных почв. Отсутствуют здесь и реки, которые пересекали бы всю территорию плато. Исключение составляют его окраины, откуда берут начало речные артерии без разработанных в верховьях приводных долин: с севера и северо-запада — впадающие в Финский залив реки Систа с притоком Сумой, Копорка, Воронка, Коваши; с востока — впадающая в реку Неву Ижора и верхнее течение Оредежа с притоком Суйдой; с юга и юго-запада — притоки р. Луги Вруда, Лемовжа и Городенка.

Преобладающие на плато дерново-карбонатные (наряду с дерново-подзолистыми) почвы резко отличаются от почв сопредельных территорий как строением почвенного профиля, так и своими физико-химическими свойствами. Они сравнительно богаты гумусом (для центральной части плато типичны даже перегнойно-карбонатные почвы) и характеризуются выраженным присутствием в них минеральных веществ, необходимых для питания растений. По своему природному плодородию эти земли могут быть сопоставлены только с черноземами, однако проведение на них аграрных работ затруднено значительным содержанием в почвенном покрове тяжелого суглинка [Северо-Запад РСФСР 1949; Ленинградская область 1958].

С геоморфологической спецификой региона неразрывно связана дискуссионная проблема начального заселения Ижорской возвышенности в докурганный период. В ряде работ выдвинут тезис о широкой зоне обитания ранних прибалтийско-финских племен на всем пространстве от р. Нарвы до Невско-Ижорского бассейна. В пользу этого положения приводятся данные о поселениях и случайных находках в низовьях рек Нарвы и Луги и соединяющей их речки Россони, относящихся к III—I тыс. до н. э. и свидетельствующих о том, что в те времена данная территория была уже освоена предками прибалтийских финнов; используются также сведения о случайных находках из более восточных мест побережья Финского залива — низовьев р. Коваши, окрестностей Красного Села, а также из бассейна р. Ижоры [Моора Х. А., Моора А. Х. 1965: 68—69].² Для доказательства преемственного проживания здесь местного населения привлекаются единичные находки вещей более позднего периода — блоковидных кресал V—VII вв. (дер. Куземкино в Нарвско-Лужском междуречье, дер. Выбье на выступающем в Финский залив Курголовском полуострове), а также указания на наличие вблизи Курголовского полуострова (остров Лавансаари) каменных куч с остатками трупосожжения, предположительно относящихся к бронзовому веку или эпохе железа [Tallgren 1938: 96; Конькова 1992: 95—96]. Показательно, однако, что все эти материалы происходят из местностей, расположенных на низменных пространствах за пределами возвышенности и тяготеющих к побережью залива или речным и озерным системам.

Сходная топографическая ситуация характерна для ранних погребальных памятников прибалтийских финнов, впервые выявленных Ижорской экспедицией к северо-западу от плато в этнографической зоне води (территория средневекового Толдожского погоста «в чуди», соответствующая старому водскому приходу Каттила). У селений Валговицы и Великино на вершине песчаных всхолмлений исследованы поверхностные каменные вымостки с перегородками, имеющие подпрямоугольную форму и достигающие площади 45 кв. м [Рябинин 1987: 408—411;

² В недавнее время озерная стоянка эпохи раннего металла выявлена к северо-западу от Ижорского плато у пос. Хабалово на Хабаловском озере [АИА, Р-1, д. 1983/9575, 9575а].

1989: 15—18; 1994: 23—29; Ryabinin 1989: 93—97]. Кладка у дер. Великино содержала остатки человеческих сожжений, совершенных на стороне, вымостка у дер. Валговицы — предположительно несохранившиеся трупоположения. Состав находок из Валговицкого объекта (втульчатый топор-кельт, бронзовый и железные браслеты) позволяют датировать его I—II вв. н. э., великинское сооружение на основании аналогий может быть отнесено к III—IV вв. н. э.

Выявленные памятники принадлежат к типу каменных могильников с оградками, получившими с I в. н. э. развитие на основе предшествующих курганов с каменными ящиками.³ Их ареал охватывает почти всю Эстонию, Северную Латвию и частично Финляндию. Такие памятники широко распространены на северо-востоке Эстонии, преимущественно вдоль побережья Финского залива. Наиболее восточные из них отделены от могильников этнографической зоны води пространством не более 40—45 км. По широко представленному мнению, этот тип погребальных сооружений можно «с полным правом считать своего рода „национальными“ памятниками западных прибалтийских финнов» [Лаул 1975: 381], дифференцирующих последних от восточной группы прибалтийско-финских племен [Седов 1979: 74]. Наблюдаемый хронологический разрыв между каменными могильниками римского железного века и «чудскими» грунтовыми ингумациями начала II тыс. н. э., выявленными Ижорской экспедицией в тех же водских местностях, обусловлен, по-видимому, практикованием у местного населения в переходный период трудно уловимого обряда кремации на стороне с помещением остатков сожжения на поверхность земли без каменных конструкций [Седов 1984: 160—161; 1987а: 40—41; Лиги 1986: 163; 1987: 8—9; Ligi 1988: 271—275].

Последним обстоятельством объясняют обычно неизученность собственно финских (водских) могильных древностей на Ижорской возвышенности. С ними предположительно связывают загадочные каменные «фигуры», выявленные Н. К. Рерихом в имении Извара и у дер. Лисино на юго-восточной окраине плато [Рерих 1899: 328—329; 1900: 107—108; 1901: 60—68]. Они представлены вымостками (Лисино), разнообразными по размерам и конструкциям нагромождениями валунов или отмечены несколькими крупными валунами, лежащими на различном расстоянии друг от друга (Извара). При исследовании объектов зафиксирован слой золы, выходящий за пределы «фигур»; кроме того, имеются противоречивые указания на находки бесформенных перегоревших косточек и каких-то железистых остатков. Н. К. Рерихом изварско-лисинские сооружения были интерпретированы как погребения води, типологически сходные с каменными могилами эстов. Это положение широко утвердилось в литературе [Седов 1953: 200—204; 1987а: 40; Третьяков 1970: 146—147; Рябинин 1977: 114—115; Лебедев 1977: 152—153], однако ныне поставлено под серьезное сомнение. Детальное изучение отчетных материалов показало, что рассматриваемые объекты представляют, по-видимому, набросы камней на слой лесного подзола и к памятникам археологии, скорее всего, отношения не имеют [Кольчатов 1982: 62—63; Хвощинская 1983: 43—48].

---

³ В работе Х. А. Моора со ссылкой на данные П. П. Ефименко содержится указание на еще один каменный могильник в бассейне нижнего течения р. Луги. Сведений о характере памятника не приводится, автором он был отнесен к V в. Судя по приложенным к публикации картам, этот археологический объект располагался на территории того же водского прихода Каттила [Moora 1938: 18, karte XV, XVI].

Не проясняет этнокультурную ситуацию и наиболее ранний вещевой комплекс из раскопок Л. К. Ивановского, обнаруженный у с. Доложское. Представленные в нем находки (железный умбон, удила, наконечник копья) отнесены А. А. Спицыным к VIII—IX вв. [Спицын 1896: 5—6, табл. XVIII, 7, 16, 8], А. М. Тальгренем и М. Х. Шмидехельм — к VI в. [Tallgren 1938: 97; Шмидехельм 1955: 220]. Однако их принадлежность к определенному кругу памятников остается неясной, а по своему положению у озера Самро, в междуречье Плюссы и Луги, указанный объект оказывается на значительном удалении от Ижорской возвышенности и в иной геоморфологической зоне.

Вследствие этого при изучении этно- и культурогенеза средневековых обитателей рассматриваемой территории, равно как и сопредельного региона к северо-востоку от Чудского озера, традиционно рассматриваются прежде всего материалы курганно-жальничных могильников, получивших здесь распространение лишь в древнерусскую эпоху. Не вызывает сомнения прямая или опосредованная связь появления качественно нового типа погребальных памятников с процессами славянского освоения северо-западных земель Великого Новгорода. Крестьянская колонизация Ижорского плато в указанный период определялась распространением пашенной системы земледелия и выработкой новых типов сельскохозяйственных орудий, пригодных для возделывания тяжелых почв [об этом см.: Кольчатов 1982: 61—65].

Признавая в целом преимущественное заселение Водской земли из ареала словен новгородских, исследователи несколько расходятся в хронологической оценке начального появления здесь курганных могильников. В. В. Седов, исходя из наличия в регионе немногочисленных трупосожжений, относит первое проникновение славян на северо-запад Новгородской земли, в южные районы Ижорского плато и на восточное побережье Чудского озера к IX—X вв. [см., напр.: Седов 1982: 170—171]. В. А. Кольчатов, также признающий возможность инфильтрации отдельных новопоселенцев на возвышенность еще в X в., полагает, что ее массовое заселение начинается не ранее рубежа X—XI вв. [Кольчатов 1982: 61—65]. В ряде публикаций автора данной монографии высказывалось предположение о появлении наиболее ранних курганов в указанном регионе в середине—второй половине XI в.

Хронологическая разработка курганно-жальничных древностей Ижорской возвышенности, основанная на использовании дендрохронологически датированных материалов Великого Новгорода, осуществлена Ю. М. Лесманом [Лесман 1982: 65—74; 1988]. По его наблюдениям, могильники с наиболее ранними комплексами (до 1116 г.) крайне немногочисленны и распространены лишь на западе плато, выходя в его центральную часть. К концу периода I (до 1177 г.) курганные группы занимают всю территорию возвышенности, а их численность возрастает более чем в 2,5 раза. Именно на финальной стадии указанного периода (вторая—третья четверть XII в.) формируются границы региона, не претерпевшие существенных изменений вплоть до XIV—начала XV в. Начиная с середины XIII—начала XIV в. и особенно в XIV—начале XV в. происходит резкое сокращение численности функционирующих курганно-жальничных кладбищ с территориальным тяготением последних к наиболее «глухим» юго-восточным и северным окраинам возвышенности. Наиболее поздние датированные комплексы не выходят за пределы первой четверти XV в.

Важнейшей и традиционной проблемой изучения древностей Водской земли является вопрос об этническом составе оставившего их населения. Дискуссионность этой темы прежде всего обусловлена привносным характером как самого обряда, так и большинства вещевых находок, что было отмечено еще при начальной систематизации археологического материала. Так, А. А. Спицын при анализе данных раскопок Л. К. Ивановского писал: «Изучаемые курганы вполне могут принадлежать народности русской. Но они могут принадлежать и води, так как это племя, вошедшее с ранего времени в состав новгородских владений, могло заимствовать у новгородцев целиком и вещи, и обряд погребения» [Спицын 1896: 36—37]. Все же, по его мнению, более вероятно славяно-русское происхождение рассматриваемых могильников; лишь единичные памятники, выявленные в пределах средневековых погостов «в Чюди» и характеризующиеся ярко выраженной финской культурной подосновой, могут бесспорно связываться с аборигенным населением.

Спорность однозначной атрибуции северо-западных древностей признавал и Н. К. Рерих. Он склонялся к мысли о том, что «отличие водских курганов от новгородских либо вовсе не будет заметно, либо выразится в таких незначительных деталях, обнаружить которые может только самая тщательная и осмотрительная раскопка, отнюдь не количественная, но качественная» [Рерих 1900: 114]. Оригинальные же водские погребения, вероятно не имевшие курганных насыпей, следует искать в зоне современного обитания води — в северо-западной части Петергофского уезда, близ Копорья и Котлов [АИИМК, ф. 1, 1897, № 54, л. 4].

В 1920–1930-е гг. эта проблема получила освещение в работах финского ученого А. М. Таллгрена. По его заключению, западная часть Ингрии, включавшая Ижорскую возвышенность и окрестности Гдова (Северо-Восточное Причудье), составляла особый восточнобалтийский регион, освоенный выходцами с эстонских территорий; курганные могильники северо-запада Новгородской земли принадлежали води, родственной древнеэстонским племенам [Tallgren 1938: 96—101]. Признавая в целом древнерусский характер погребальных памятников, Таллгрен полагал, что хотя «культура железного века Ингрии ориентирована на Новгород... корни новгородской и ингерманландской культур различны» [Tallgren 1928: 20]. Мнение о водской подоснове преобладающей части могильников было в свое время высказано Х. А. Моора [Moora 1929: 272—283] и в общей форме повторено И. П. Шаскольским: «Курганы в Водской земле, надо полагать, все же главным образом должны быть водскими» [Шаскольский 1979: 46—47].

С 1950-х гг. накопленный фонд курганно-жальничных древностей вошел в сферу научных разработок В. В. Седова [Седов 1953: 190—229; 1984: 155—161; 1987а: 47—40]. На основе корреляции археологического материала им были выделены две группы инвентарей, атрибутированных в качестве этнокультурных индикаторов славян и води. По характеру этнически значимых признаков определены славянские, водские и смешанные славяно-водские могильники. Высказано мнение о связи с дорусскими традициями такой специфической особенности погребального обряда, как захоронение умерших в сидячем положении. Исходя из картографических данных, намечена территориальная разбросанность могильников води, обнаруживающая, тем не менее, географическую привязку к определенным участкам Северо-Запада — северной половине Ижорского плато, междуречью Нарвы и Плюссы, верховьям Оредежа, некоторым пунктам на северо-востоке Эстонии.

Восстановлены две стороны славяно-финского этнического взаимодействия, выражающиеся как в аккультурации значительной части прибалтийско-финского населения (переход к древнерусскому курганному обряду и распространение в местной среде древнерусской культуры), так и постепенной его ассимиляции в зонах чересполосного обитания. Археологическая диагностика памятников подкреплена краниологическим анализом курганных серий [Седов 1952: 72—85]. По заключению В. В. Седова, к XIII—XIV вв. незатронутой славянским влиянием оставалась лишь прибрежная полоса Финского залива, где курганные могильники отсутствуют.

Во многом базируясь на указанных выше археологических разработках, но привлекая дополнительные лингвистические и историко-этнографические данные, реконструируют этнокультурную ситуацию на северо-западе Новгородской земли Х. А. Моора, А. Х. Моора [Моора Х. А., Моора А. Х. 1965: 63—85]. По их мнению, к югу от Финского залива ранее существовало два племенных образования: северо-западное и северо-восточное. Северо-восточное племя, заселявшее собственно Водскую землю и тесно связанное в культурно-экономическом отношении с Новгородом, очевидно соответствует води русских летописей. Область северо-западного племени, локализуемая Х. А. и А. Х. Моора между западными скатами Ижорского плато и р. Нарвой, ареально совпадает со средневековыми погостами «в Чюди» и зоной этнографического расселения води, маркированной обнаруженными Ижорской экспедицией оригинальными погребальными памятниками предков этой народности — «чудинами» («чудцой») новгородских источников. Наконец, к востоку и северо-востоку от Чудского озера проживало еще одно водское племя с неясным этнонимом — южная чудь.

В последнее время вопрос об этносе создателей курганной культуры Водской земли вновь превратился в объект обсуждения. Ряд исследователей склоняется к мнению о древнерусской в целом подоснове населения региона, не считая возможным дифференцировать последнее по племенному признаку. Становится очевидным, что наряду с обработкой и анализом старых добытых материалов назрела необходимость накопления новой археологической информации по указанной проблеме. В значительной степени этому были посвящены и многолетние работы Ижорской экспедиции.

ГЛАВА 2

СЕЛЬСКИЕ МОГИЛЬНИКИ КРАЯ. КЛАССИФИКАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ

В пределах средневековой Водской земли выявлено свыше 250 погребальных памятников, из которых не менее 150 подверглись частичному или полному исследованию (см. рис. 1). Грунтовые кладбища этого региона немногочисленны, относятся в основном к позднесредневековой эпохе и локализуются на окраинах Ижорской возвышенности. Ведущими разновидностями погребальных сооружений являются курганные насыпи и жальничные могилы с поверхностными каменными конструкциями. Курганные и курганно-жальничные кладбища значительно варьируют по размерам — от групп, содержащих лишь несколько погребальных комплексов, до огромных средневековых некрополей, включающих многие сотни захоронений. Примером последних может служить обследованный нами могильник у дер. Плещевицы, где зафиксировано около 700 курганов и жальничных могил. К сожалению, отчетная документация дореволюционных исследователей не позволяет установить численный состав погребальных комплексов на многих не сохранившихся к настоящему времени памятниках. При использовании же данных современного обследования следует учитывать разрушенность значительной части объектов в процессе активной хозяйственной деятельности, развернувшейся на территории Ленинградской области с начала коллективизации. Кроме того, характер жальничных захоронений, прослеживаемых до раскопок лишь по отдельным обкладочным камням, также затрудняет определение их численности.

Кладбища, состоящие только из жальничных могил или с преобладанием последних, на Ижорском плато встречаются достаточно редко. Обычно такие комплексы занимают периферийную часть курганных могильников, располагаясь также на свободных участках между земляными насыпями. Во внутренней топографии погребальных памятников нашла отражение генеральная линия развития обряда в Водской земле — от курганов, большинство которых имеет каменную обкладку основания, к могильникам жальничного типа.

Средневековые могильники располагаются, как правило, в издавна освоенных поселенческих зонах, поблизости от деревень, многие из которых по своим первым упоминаниям восходят к эпохе составления переписных книг конца XV—XVI в. [об этом см.: Дегтярев 1980: 34 след.]. Кладбища занимают возвышенные участки поверхности (нередко в островках лесной поросли и кустарника) или же раскинуты

по берегам рек. Для крупных могильников характерна скученность насыпей, наме-чающаяся же в некоторых случаях их дифференциация на обособленные группы объясняется чаще всего ландшафтными условиями (табл. I—VI).

Исследование памятников еще раз подтвердило отсутствие четких границ между курганными насыпями и жальничными могилами при их очевидной эволюцион-ной преемственности. Вследствие этого, мы сочли необходимым ввести в систему классификации особый тип погребальных сооружений — «курганы-жальники», само название которых указывает на промежуточный характер таких объектов в развитии местной похоронной обрядности [Рябинин 1985б: 70—73].

Характеристика исследованных погребальных сооружений

Таблица 1

Разновидности погребальных сооружений

Памятник	Курганы			Курганы-жальники	Жальничные могилы	Погребения в насыпи
	с погребениями на горизонте	с погребениями на горизонте и в яме	с погребениями в яме			
Бегуницы	50/66	—	1/1	—	—	4/5
Лашковицы	16/15	—	8/8	28/28	13/13	—
Лашковицы II	3/3	—	—	—	—	—
Теглицы I	10/10	2/7	18/22	8/8	2/2	—
Теглицы II	5/6	—	2/2	—	—	1/1
Беседа	3/3	—	—	2/5	6/6	—
Плещевицы	—	—	—	2/3	—	—
Горки Первые	—	—	—	2/2	—	—
Фьонатово	—	—	1/1	2/2	3/3	—
Итого	77/103	2/7	30/34	44/48	24/24	5/6

Примечание: через разделитель приведены количественные данные о числе погребальных комплексов и встреченных в них захоронениях.

Курганы (108 насыпей, содержащих 144 сохранившихся погребения).

Их ранняя группа представлена насыпями с основным захоронением (или захо-ронениями) на горизонте. Дальнейшее звено эволюции документировано распро-странением курганов с захоронениями в ямах. В двух случаях (Тег. I-15; 24)¹ отмечены случаи коллективного захоронения умерших на горизонте и в незначительных по глубине — до 10—15 см — могильных ямах.

Курганы существенно различаются по размерам (рис. 2). Диаметр насыпей со-ставляет от 4—5 до 10—12 м, высота — от 0,4 до 1,2 м. При этом, однако, достаточно

¹ При ссылках на материалы исследованных комплексов в тексте работы приняты следующие сокра-щения: Бегуницы — Бег.; Беседа — Бес.; Горки Первые — Гор.; Лашковицы, группы I и II — Лаш. I., Лаш. II; Плещевицы — Пл.; Теглицы, группы I и II — Тег. I, Тег. II; Фьонатово — Ф. Следующая за наиме-нованием памятника арабская цифра обозначает номер погребального сооружения, соответствующий его описанию в Приложении. При наличии нескольких захоронений в погребальном объекте вводится дополнительное обозначение для каждого из них (сокращение «п.» с соответствующим номером).

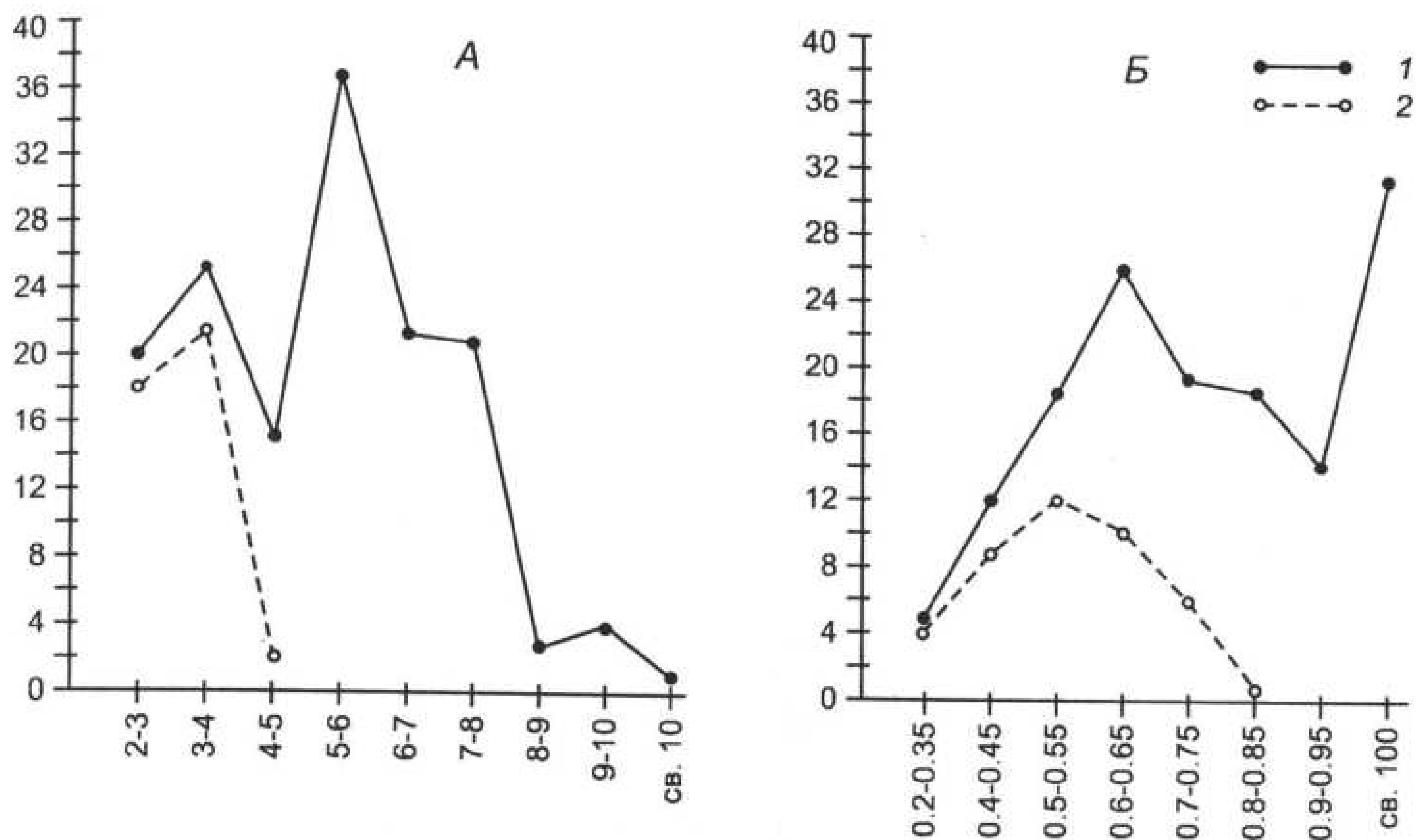

Рис. 2. Распределение насыпей по диаметру (А) и высоте (Б).

На оси координат — количество насыпей, на оси абсцисс — параметры (м): 1 — общее количество насыпей; 2 — в том числе курганов-жальников.

четко прослеживается тенденция к изменению параметров их основания в зависимости от уровня совершения основных захоронений (рис. 3). Для погребений на горизонте наиболее характерны насыпи диаметром 5—8 м, при этом почти все самые крупные курганы, диаметр которых составляет семь и более метров, содержали только захоронения данного уровня (26 насыпей). Диаметр курганов с захоронениями в ямах не превышает, как правило, 5—7 м. Меньшая зависимость от уровня совершения захоронений наблюдается при обращении к высотным показателям.

Преобладающая часть исследованных насыпей сооружена из суглинка (нередко с примесью мергеля), что способствовало сохранению их изначальной формы. Более расплывчатые очертания имеют курганы, возведенные из песчаного грунта. Для курганов Водской земли в целом характерна правильная полусферическая, иногда приближающаяся к конической, форма, отмечавшаяся и при предшествующих раскопках могильников (табл. VII А—Б). Уплощенность вершины у ряда насыпей, особенно многочисленных в Бегуницком могильнике, обычно объясняется последующими перекопами и повреждениями курганов.

Ритуальные ровики в основании раскопанных насыпей не зафиксированы.² Грунт для их сооружения брался из прилегающих к курганной площадке участков, о чем

² «Прямых указаний на то, как часто попадаются близ курганов рвы, не имеем, и не можем сказать, составляют ли они характерную черту в устройстве курганных насыпей», — отмечал А. А. Спицын при обращении к материалам раскопок Л. К. Ивановского [Спицын 1896: 6]. Крайне редко такие канавки фиксировались при изучении курганов Ижорского плато Н. К. Рерихом. Отсутствие ровиков при наличии каменных обкладок основания рассматриваются в качестве характерных признаков насыпей Водской земли В. А. Кольчатовым [см., напр.: Кольчатов 1981: 14]. За единичными исключениями указанная деталь не прослеживалась и при обследовании многочисленных могильников региона, осуществленных в 1927—1931 гг. и 1971—1988 гг. [Лапшин 1990].

Выс. Дiam.	0.20 - 0.35	0.40 - 0.45	0.50 - 0.55	0.60 - 0.65	0.70 - 0.75	0.80 - 0.85	0.90 - 0.95	1.00 и св. 1.00
Св. 10								—
9 - 10								≡
8 - 9								≡
7 - 8				=	=	≡	≡	≡ TI
6 - 7				—	= I	= T II	= III	≡ III
5 - 6			=	≡ III	≡ II	≡ IIII	= I	— III
4 - 5		=	≡ •	•	I	TI	— II	I
3 - 4		•	— •	= •	•	•		
2 - 3	— •	•	•	•	•	•		

— 1 T 2 I 3 • 4

Рис. 3. Метрические параметры погребальных сооружений (м).

Условные обозначения: 1 – курганы с погребениями на горизонте; 2 – курганы с погребениями на горизонте и в ямах; 3 – курганы с погребениями в ямах; 4 – курганы-жальники.

свидетельствуют выявленные вокруг курганов котлованы. При исследовании Бегуницкого могильника неоднократно отмечалось использование неровностей микроландшафта для оформления основания насыпей: вершина земляных холмов нивелировалась, их склоны в необходимых случаях подрезались и курган возводился на естественном возвышении, создавая тем самым преувеличенное впечатление о его реальных размерах.

Известно, что использование камня для оформления нижней части насыпей представляет характерную особенность погребальных древнерусских памятников Северо-

Запада. Суммируя результаты раскопок Л. К. Ивановского, А. А. Спицын рассматривал последнюю в качестве неперменного атрибута всех курганов Ижорской возвышенности [Спицын 1896: 6]. В наших раскопках конструкции из камней отмечены в 77 случаях (69,4% исследованных курганов). Обкладки основания отличаются значительным разнообразием — от регулярных кольцевых обносков из нескольких рядов валунов до нескольких обособленно расположенных камней. Аккуратно сложенные кольцевые венцы наиболее типичны для крупных насыпей диаметром 7—12 м и высотой 0,7—1,2 м, содержащих захоронения на горизонте (табл. VIII; IX А). Камни — крупные валуны, булыжник, в отдельных случаях обломки плитняка — нередко сложены в несколько ярусов по склону основания насыпи. Подобные обноска явно имели не только ритуальное, но и конструктивное значение, предохраняя нижнюю часть земляных сооружений от их последующего расползания. Более скромные по исполнению каменные венцы или одиночные камни вокруг курганов такой функциональной нагрузки уже не могли носить, отражая лишь общность погребальных традиций.

Интересно сопоставление различных вариантов обкладок с уровнем размещения захоронений. Из 47 курганов с погребениями на горизонте замкнутый венец отмечен в 23 случаях, незамкнутый регулярный — в 15 и лишь в 9 случаях наблюдались беспорядочные скопления камней или отдельные валуны у подошвы. Из 31 насыпи с подкурганными ямами замкнутый венец зафиксирован в 9 случаях, незамкнутый — в 11 и у 11 курганов представлены слабо выраженные следы обноска. Таким образом, аккуратность и регулярность кольцевых обкладок — это признак, наиболее характерный для ранних курганных насыпей с каменными конструкциями.

При исследовании двух близкорасположенных курганов на восточной окраине Бегуницкого могильника (№ 27, 47) зафиксированы каменные вымостки основания (табл. X А—Б). Они использованы при сооружении крупных насыпей диаметром 8—9 м и высотой 1,0—1,2 м, содержащих парные захоронения с западной ориентировкой на горизонте. Дата обоих объектов — конец XII в.

Курган 27 возведен на склоне всхолмления, имеющего понижение к юго-востоку. На этом участке под дерном выявлена вымостка из мелких камней, покрывающая склон всхолмления до его основания. Она образует изогнутую линию, повторяющую очертания южной полы кургана (протяженность вымостки 8 м, ширина 1,5—2,2 м). На ее поверхности и рядом с камнями зафиксированы следы ритуальных кострищ.

Курган 47, также возведенный на краю всхолмления, имеет понижение подошвы к западу. Здесь под дерном расчищено покрытие из мелких камней, занимающее западную часть основания насыпи и прилегающие участки (протяженность вымостки 8,5 м, ширина до 2,5 м). К северу от сплошного покрытия в районе разреженного скопления камней располагалось кострище, занимающее площадь 3,7×2,0 м. Среди камней и на кострище встречены кости животных и фрагменты гончарной керамики.

Вымостки такого рода в курганных могильниках Северо-Запада нам не известны. Следует указать на сходное использование камней, зафиксированное при исследовании Деревяницкой сопки в окрестностях Новгорода. Здесь во рву, окружающем останец уничтоженной грунтовым кладбищем огромной насыпи, были зафиксированы вымостки из мелких булыжников, среди которых встречались обломки лепной посуды [Конецкий 1984б: 40]. Размещение каменного покрытия рассматриваемых

курганов только в районе ската естественных всхолмлений, возможно, отражает в трансформированном виде ту же древнюю ритуальную традицию.

36 насыпей, раскопанных в группах Бегуницы, Лашковицы I, Теглицы I и II, сооружены без использования камней для оформления их основания. 33 из них содержали погребения на горизонте (41,25% всех курганов с таким положением умерших). В курганах с захоронениями в ямах доля таких насыпей уменьшается до 9,7%, закономерно приводя к появлению курганов-жальников и жальников, обязательным атрибутом которых служат обкладочные камни вокруг могил.

Наряду с обкладкой основания неоднократно отмечалось использование камней во внутрикурганных конструкциях и для оформления верхней части насыпей.

1. Вымостка из булыжника, частично перекрывающая поверхность насыпи (Бег. 51; табл. XI A) или образующая покрытие в средней части насыпного грунта (Тег. II-1) и сочетающаяся с регулярной обкладкой подошвы. Зафиксирована в курганах с погребениями на горизонте. Сходные «своды» или «куполообразные покрытия» курганов, сложенные, правда, из плитняка, наблюдались Л. К. Ивановским на Ижорском плато в могильнике Озера, где они располагались «под верхним слоем земли» [Спицын 1896: 70]. Покрытие насыпи булыжным камнем или плитняком отмечалось и Л. Н. Целепи при раскопках древнерусских курганов в Верхнем Полужье [АИИМК, ф. 1, д. 1899/113].

2. Наличие нескольких камней над погребениями, в отдельных случаях образующих небольшие вымостки.³ Отмечены в кургане 39 у дер. Бегуницы (шесть крупных валунов, расположенных на 0,3—0,4 м выше труположения на горизонте и перекрывающих верхнюю часть костяка; обкладка основания отсутствует). Представлены также в насыпях с кольцевой обкладкой и захоронениями в яме, исследованных в группе I у дер. Теглицы (к. 10, 11).

3. Цепочки из камней, расположенные над погребением и также сочетающиеся с внешним кольцом обкладки. Выявлены в курганах, содержащих погребения на горизонте (Тег. I-30), коллективные захоронения на горизонте и в яме (Тег. I-15; 24), погребения в могильных ямах (Тег. I-4).

4. Частичное покрытие булыжником и валунами валообразных колец из насыпного грунта, возведенных в процессе сооружения насыпей вокруг погребений на горизонте (Тег. II-3) или на выбросе из подкурганной могильной ямы (Лаш. I-27; табл. XI Б). В обоих случаях зафиксирована обкладка основания курганов.

5. Небольшая вымостка над захоронением в яме (Тег. I-13). Каменная обноска основания по существу отсутствует.

6. Наличие камней на уровне горизонта, отмеченное в насыпях у дер. Бегуницы: кург. 28 (крупный валун под спиной сидячего захоронения; обкладка основания отсутствует); кург. 56 (цепочка из булыжника справа от погребения, также совершенного в сидячем положении; имеется кольцевая обноска подошвы), несколько камней на уровне горизонта зафиксировано в кург. 45 группы I у дер. Лашковицы, лишенного обноски основания.

Обращает на себя внимание разная степень распространения данного элемента внутрикурганных устройств на исследованных широкой площадью памятниках. Наиболее ярко он представлен в группе I у дер. Теглицы (7 из 30 курганов — 23,3%),

³ Одиночные камни, имеющие, скорее всего, случайный характер, и не связанные с конструктивными особенностями оформления насыпей, здесь не учитываются.

слабее всего — в Бегуницком могильнике (4 из 55 насыпей — 7,27%). При этом в основном для первого из указанных кладбищ оказываются характерными конструкции из камней — вымостки, цепочки из булыжника — над погребениями. Что касается их сочетания с разным уровнем захоронения, то каких-либо заметных отличий здесь не наблюдается (погребения на горизонте — 7 случаев; на горизонте и в яме — 2; в подкурганных могилах — 6).

Большинство насыпей с однородной структурой грунта сооружено в один прием. Вместе с тем некоторые из них имеют сложное внутреннее устройство, обусловленное как поэтапностью возведения кургана с включением в этот процесс определенных конструктивных элементов, так и последующими прихоронениями к основному погребению. О поэтапности свидетельствуют уже рассмотренные выше внутрикурганные каменные конструкции, а также зольно-углистые прослойки в некоторых насыпях. В отдельных случаях отмечены и иные специфические детали, не получившие заметного распространения.

1. При вскрытии кургана 23 (группа Лаш. I) прослежена внутренняя насыпь из обломков мергеля с примесью суглинка, возведенная над погребением в сидячем положении. Это твердое «ядро» (диаметр 2,4 м, высота 0,6 м), призванное поддерживать умершего в приподнятой позе, затем было перекрыто грунтом, в результате чего курган достиг диаметра 8 м, высоты 1,15 м.

2. В группе II у дер. Лашковицы две из трех исследованных насыпей (кург. 2, 3) содержали внутренние валообразные кольца из грунта вокруг погребений, на которых разводились ритуальные костры перед досыпкой курганов. Сходный характер имело устройство насыпи с трупосожжением № 50 у дер. Бегуницы.

3. Интерес представляют три компактно расположенных объекта на восточной окраине могильника Лашковицы I (кург. 31—33). Насыпи имели правильную полусферическую форму и довольно крупные размеры (диаметр 6—8 м, высота 0,6—1,0 м); обкладка основания отсутствовала. В стратиграфических бровках четко прослеживались отличающиеся по характеру заполнения ямы, впущенные с вершины курганов (табл. XII). В одном случае могила прорезала на 5—10 см материк, в остальных лишь достигала уровня погребенной почвы и в плане не была прослежена. Отсутствие вещевых находок затрудняет их датировку, хотя время сооружения этих комплексов с трупоположениями может быть предположительно отнесено к XII—первой половине XIII в. Известно, что в Новгородской земле для эпохи распространения обряда трупосожжения характерно первоначальное возведение самих насыпей и последующий перенос в их верхнюю часть остатков кремаций. Этот обряд рассматривается как продолжение погребальных традиций, бытовавших в эпоху сооружения сопков (Седов 1982: 170). Не исключено, что та же реминисценция старых традиций могла проявляться на окраине новгородских владений и в период перехода к ингумации умерших. Следует, однако, иметь в виду сложный этнический состав населения Водской земли, который мог определить появление своего рода компромисса между привнесенным извне курганным обрядом и практикованием у финских аборигенов грунтовых захоронений.

Останки умерших зафиксированы в 105 насыпях. 82 кургана содержали по одному погребению, 16 — по два, 5 — по три и 3 — по четыре-пять умерших. Чаще всего парные и коллективные захоронения располагались на одном уровне под стратиграфически однородной насыпью. Дважды прослежено наличие первоначальной насыпи над парным — мужским и женским — погребением и боковой

присыпки к ней над детским прихоронением (Бег. 11, 41; табл. VII Б). В четырех случаях захоронения располагались в насыпи, выше уровня основного погребения: костяк женщины и кремированные останки ребенка над мужским труположением (Бег. 20; табл. IX Б); женское труположение над мужским (Бег. 48); костяк ребенка над женским (Бег. 44) и над умершим с неясной половой принадлежностью (Бег. 53).⁴ Показательно, что все отмеченные факты явных прихоронений или ярусных захоронений относятся к такому этнически неоднородному памятнику, каковым является Бегуницкий могильник.

По антропологическим данным, состав умерших в коллективных усыпальницах распределяется следующим образом: мужчина и женщина — 7 случаев; мужчина, женщина и ребенок — 5; женщина с ребенком или несколькими детьми — 6; две женщины и ребенок — 1; мужчина и ребенок — 2; двое мужчин — 1. Несомненно, что под общей земляной насыпью совершались в основном захоронения членов одной семьи.

Парные и коллективные погребения встречены в 23% исследованных курганов. Их распространенность представляет особый интерес вследствие того, что в «петербургских курганах» даже двойные погребения встречаются крайне редко [Спицын 1896: 11]. Учитывая концентрацию семейных усыпальниц на ограниченном участке копорской округи, в относительной близости от «чудских» погостов с древневодским населением, вполне вероятна связь этой погребальной особенности с локальными традициями дорусского происхождения.

Подавляющая часть курганов содержала захоронения несожженных трупов. Лишь в четырех-пяти случаях отмечено проявление обряда кремации, являвшегося в эпоху распространения могильников на Ижорской возвышенности явным пережитком. Этот факт согласуется с данными дореволюционных раскопок. Систематизируя материалы раскопок Л. К. Ивановского, А. А. Спицын отметил крайнюю незначительность встреченных на плато захоронений по обряду кремации, который «здесь составляет уже почти совершенно вымерший обычай» [Спицын 1896: 7]. По его наблюдениям, полная кремация представлена в 25 курганах XI—XII вв. (не более сотой части общего числа ранних насыпей) и в нескольких случаях зафиксировано частичное сожжение умерших. Ряд курганов, содержащих слои угля и золы и лишь в отдельных случаях — остатки пережженных косточек, обломки керамики, неопределенные фрагменты побывавших в огне железных предметов, зафиксированы при раскопках Н. К. Рериха.

Исходя из скудной полевой документации, А. А. Спицын писал: «Естественнее предположить, что труп сжигался на месте, а не в стороне от кургана, хотя прямых указаний на это в отчетах Л. К. Ивановского мы не находим» [Спицын 1896: 8]. Вполне очевидно, что такое заключение применимо к курганным захоронениям с неполным сожжением умерших, однако оно вряд ли может быть однозначно перенесено на обряд полной кремации. Установлено, что все исследованные нашей экспедицией трупосожжения совершены на стороне [Рябинин 1997б: 139—145]. Такой же характер был типичен для курганных захоронений по рассматриваемому обряду, известных в других районах Новгородской земли [Седов 1982: 170].

⁴ Из этого перечня исключены единичные впускные погребения, относящиеся к позднейшей эпохе.

Остатки сожжений встречены в насыпях с основными погребениями на горизонте. По характеру размещения выделяются следующие их разновидности:

1. Захоронение по обряду кремации — основное и единственное. Кальцинированные кости с частью углей и золы погребального костра ссыпались на курганную площадку, предварительно очищенную огнем. Основная часть сопутствующих вещей не имеет следов пребывания в огне, оплавленность некоторых из них обусловлена помещением предметов среди еще не остывших остатков кремации. Такие захоронения (оба женские) отмечены в кург. 50 у дер. Бегуницы и, предположительно, в разрушенной перекопом насыпи 8 у дер. Беседа. Они принадлежат к наиболее ранним датированным комплексам Водской земли (до 1134 г.).

2. Остатки кремации, очищенные от углей и золы, завернутые в кору и помещенные на курганную площадку с основными захоронениями по обряду ингумации (Бег. 42). По инвентарю курган датируется XII в.

3. Кальцинированные кости с углями и золой, помещенные рядом с трупоположениями, отчасти перекрывающие при этом и сами костяки. В одном случае (Лаш. I-38) они сопровождали два женских захоронения на горизонте (табл. VIII, IX A). Курган 20 Бегуницкого могильника содержал мужское трупоположение в основании насыпи и разрушенный скелет женщины в насыпи. Последний был пересыпан многочисленными остатками трупосожжения, углями и золой погребального костра. Под умершей располагалась овальная яма, ориентированная в меридиональном направлении (размеры 1,12×0,65 м, глубина дна от уровня верхнего захоронения 0,3 м), в которой также встречены остатки сожжения и серия бус, не имеющие следов пребывания в огне. Дата бегуницкого погребального комплекса — первая половина XIII в.

Пережитком обряда трупосожжения являются ритуальные кострища в основании курганов. Крупные пятна угля и золы на прокаленном грунте прослежены под костяками в семи насыпях Бегуницкого могильника (кург. 1, 5, 7, 11, 32, 33, 34). В трех случаях выявлены миниатюрные зольно-углистые линзы, располагавшиеся у руки захоронения (Бег. 43), между могильными ямами подкурганных захоронений (Тег. I-1), в изголовье могилы (Лаш. I-30). На одном из таких кострищ был поставлен гончарный горшок.

В двух насыпях с погребениями на горизонте (Бег. 8; Бег. 20) и одной — с подкурганным ямным захоронением (Лаш. I-24) зафиксированы «огненные кольца» (табл. XIII). Они представляли собой зольно-углистое заполнение кольцевых канавок шириной 0,2—0,5 м (диаметры 2,8×3,5; 3,8×4,0; 3,4×3,6 м), окружающих захоронения и заключенных внутри каменных обкладок основания. Ровики глубиной 0,3—0,5 м выкапывались после частичного сооружения кургана на половину или треть его высоты и прорезали грунт до древнего горизонта. Затем они заполнялись легким горючим материалом — ветками, возможно соломой — и в них разводился огонь. По совершении этого ритуального действия производилась окончательная досыпка кургана.

Кольцевые канавки вокруг курганных захоронений X—XIII вв. в небольшом количестве зарегистрированы на широкой территории славянского расселения — от бассейна Припяти на юго-западе до Суздальской земли на северо-востоке [Седов 1982: 146; Сабурова, Седова 1984: 106, 127, 128]. Признается ритуальное назначение таких ровиков и их вероятная связь с культом солнца в языческой обрядности древних славян (Лавров 1951: 73). Следует, однако, отметить, что в основном известные

аналогии канавок интерпретируются в качестве оградок-часток, сооруженных из столбиков, которые вкапывались в отдельные ямки или одну общую канаву. Наибольшее сходство наши конструкции обнаруживают с «огненными кругами» в некоторых курганах радимичей X—XII вв. (Соловьева 1967: 187—198, рис. 1: 4; 6: 1—4). По мнению Б. А. Рыбакова, именно к ним применялся летописный термин «крада», выражавший одновременно два совершенно различных понятия — «огонь» и «круг»; с этой же языческой обрядовой особенностью предположительно связаны упоминания о «дымах», приведенные в Житии Константина Муромского при описании захоронений несожженных трупов под курганными насыпями (Рыбаков 1970: 42—43).

В ряде курганов с ингумациями на горизонте отмечены следы кострищ в насыпном грунте. Иногда такие кострища представлены зольно-углистыми линзами, занимающими сnivelированную часть насыпи над погребениями и располагающимися в один (Бег. 21, 26, 38) или два (Бег. 17) яруса. Как уже отмечалось, в трех случаях выявлены кострища на валообразных кольцах, возводившихся на начальном этапе сооружения насыпей вокруг центральных трупоположений (Лаш. II-2, 3; Бег. 50). В кургане 50 у дер. Бегуницы зольно-углистое покрытие кольцевого вала сочеталось с наличием на нем спекшейся «известняковой» белой массы.⁵ Такие огневища по своему характеру напоминают описанные выше «огненные круги». Ритуальное назначение зольно-углистых прослоек в насыпи подтверждается находками на некоторых из них целых или фрагментированных гончарных сосудов (Бег. 17, 38; Лаш. II-2, 3).

По уровню положения основных захоронений курганы распределяются следующим образом (см. табл. 1 на с. 20): 70,64% насыпей содержали погребения на горизонте, 27,52% — в ямах и в двух случаях представлены погребения обоих уровней. Могильные ямы имеют подпрямоугольную форму и нередко скругленные углы. Для них наиболее характерна длина 200—240 см при ширине 60—80 см. Меньшие размеры могил отмечены для детских захоронений. Ямы длиной 250—280 см (6 случаев) и шириной 90—120 см (5) обнаруживают прямую взаимосвязь с группой погребений, совершенных в сидячем положении, хотя часть последних выявлена в могилах обычных параметров. Глубина варьирует от 7 до 50 см, при этом более 2/3 подкурганных ям не превышает 30 см.

Такие элементы обряда, как поза умерших, их ориентировка, положение рук, использование конструкций для захоронений, состав и размещение инвентаря являются общими для всех выделенных разновидностей погребальных сооружений. К их рассмотрению и сравнительной оценке представляется целесообразным обратиться ниже, после характеристики остальных категорий памятников.

Курганы-жальники (44 комплекса с 48 погребениями по обряду ингумации) (табл. XIV, XV).

Курганы-жальники представляют собой насыпи, окруженные кольцом из валунов или оконтуренные отдельными валунами и по своим высотным отметкам не имеющие заметных отличий от курганов с ямными захоронениями (рис. 2, 3).

⁵ Присутствие в зольно-углистых присыпках кусков обожженной глины или извести отмечено и в курганах других восточнославянских территорий (Седов 1982: 98).

Таблица 2

Данные о глубине могильных ям в погребальных сооружениях разных типов
(количественный учет по комплексам)

Тип погребальных сооружений	Ниже горизонта, см										
	до 10	11–20	21–30	31–40	41–50	51–60	61–70	71–80	81–90	91–100	101–120
Курганы с ямными захоронениями	5	10	9	5	5	1	—	—	—	—	—
Курганы-жальники	1*	1*	9	12	14	8	1	—	—	—	—
Жальничные могилы	—	—	1*	1*	4	5	6	1	1	—	3
Итого	6	11	19	18	23	14	7	1	1	—	3

* — детские захоронения.

Как и в последних, умершие помещались в сравнительно мелкие могильные ямы глубиной 20—60 см (табл. XIV, XV).

Имеется, однако, одна весьма существенная дифференцирующая деталь, указывающая на место курганов-жальников в общей линии развития обряда. Для всех курганов, в том числе для насыпей с ямными захоронениями, общим является наличие погребальной площадки, значительно превышающей размеры самого погребения. На такой площадке перед возведением насыпей совершались разного рода ритуальные действия, или, по крайней мере, ее сохранение обусловлено связью с предшествующими похоронными традициями. В собственно жальничных могилах такая площадка уже не фиксируется: здесь каменная обкладка трассирует на поверхности лишь контуры могильной ямы. Особенность выделенного нами переходного типа заключается, с одной стороны, в сохранении земляной насыпи, что сближает его с курганами, а с другой — в исчезновении традиционной погребальной площадки, что связывает курганы-жальники с собственно жальничными могилами. По своим метрическим показателям (диаметр составляет, как правило, 2—4 м) они также существенно отличаются от курганов. Высота насыпей таким дифференцирующим признаком не является. Можно лишь отметить, что для курганов-жальников характерны земляные холмики высотой 40—70 см при общем диапазоне высотных параметров 20—80 см.⁶

Разумеется, само положение выделенной разновидности памятников в эволюции обряда предполагает отсутствие резких границ как с предшествующими, так и последующими видами погребальных сооружений. Известны объекты, по своим характе-

⁶ Сложность разграничения курганов с ямными захоронениями и жальников круглой формы отмечалась многими исследователями. Во избежание терминологической путаницы Г. Н. Пронин предлагает считать жальником только «погребение в грунтовой могильной яме с обкладкой по периметру (или отмеченной с торцов и боков) камнем, не имеющей насыпи внутри обкладки или с насыпью, размеры которой по высоте не превышают окружающих ее камней» [1988: 15]. Однако высотный показатель таким дифференцирующим признаком служить не может, отнесение же к единому типу погребальных сооружений могилы без насыпей и с насыпями (с условными ограничениями параметров высот последних) определяет нечеткость классификационного подхода.

ридикам более тяготеющие к курганам или к жальничным могилам с круглой обкладкой, а также комплексы с неясной типологической принадлежностью. В целом же, однако, курганы-жальники достаточно четко опознаются даже визуально.

О их месте в развитии погребального обряда можно судить по топографии могильников, вскрытых широкой площадью. На прекратившем функционирование в XIII в. кладбище у дер. Бегуницы, где курганы за единичным поздним исключением содержали только захоронения на горизонте, курганы-жальники, равно как и жальничные могилы, вообще отсутствуют. В группе I у дер. Лашковицы они образуют компактное скопление между курганами с погребениями в ямах и жальничным полем (табл. III). В группе I у дер. Тegliцы они локализуются в основном по соседству с насыпями, содержащими ингумации в ямах, смыкаясь на восточной окраине могильника с жальничными оградками (табл. IV).

Курганы-жальники сооружались для совершения одиночных захоронений по обряду трупоположения. Исключения единичны и относятся к объектам с условной типологической принадлежностью. Это комплекс 1 Плещевицкого могильника, представлявший собой круглую насыпь высотой 0,4 м, диаметром около 5 м, окруженную круглой оградкой. В основании располагалась каменная вымостка со следами кострища, находками костей животных и обломками керамики. Она перекрывала яму округлых очертаний, на дне которой были выкопаны отдельные прямоугольные могилы для мужского и женского захоронения. В изголовье между могилами был установлен каменный крест из тесаного плитнякового камня. Дата комплекса — конец XIII—XIV в.

Еще одно парное — мужское и женское — погребение обнаружено в сооружении 1 у дер. Беседа. Общая для умерших могильная яма подпрямоугольной формы (размеры 1,8×2,0 м) была перекрыта насыпью высотой 0,3 м и диаметром 4 м, с нерегулярной каменной обноской основания. Объект относится ко второй половине XIII—XIV в.

Особое место в системе выделенных погребальных сооружений занимает комплекс 3, раскопанный на окраине курганно-жальничного могильника у дер. Беседа (табл. XVI). Овальная насыпь (диаметр 5×6 м, высота 0,5 м) перекрывала систему связанных между собой оградок жальничного типа — круглую, окружающую могилу с парным захоронением, и две овальные с одиночными трупоположениями. На Северо-Западе известны курганы с полной или частичной обкладкой могильных ям по их периметру — [АИИМК, ф. 2, д. 1928, № 122; Пронин 1990: 244] в Лужско-Оредежском регионе и бассейне р. Полы. Однако возведение насыпей над «классически» оформленной системой коллективных оградок зафиксировано для этого района впервые. Ближайшей аналогией данного объекта является курган 11 у дер. Новинка в среднем течении Мологи [Пронин 1986: 82—91]. При его вскрытии установлено, что курган, выглядевший как обычная насыпь диаметром 6 м и высотой 0,4 м, представлял собой сложный комплекс, сочетающий систему жальничных и курганных захоронений. Автор раскопок датирует памятник XIII—XIV вв.

Насыпи над одиночными погребениями имеют преимущественно круглую или слабо выраженную овальную форму, соответствующую направленности могильной ямы. Более четкие овальные очертания отмечены у ряда всхолмлений могильника Лашковицы I: курган-жальник 1 (размеры 3,0×3,8 м); 9 (3,8×4,4 м); 14 (4,0×4,6 м); 15 (4,2×5,0 м); 22 (2×3 м); 37 (3×4 м) и могильника Тegliцы I: курган-жальник 17 (2,4×3,2 м). Отчетливой корреляции с характером обкладки форма насыпей не обнаруживает.

Обкладки основания сложены из валунного камня. Регулярные круглые обноски, иногда лишь разомкнутые на незначительных участках, отмечены в 18 случаях. Наблюдается преимущественное расположение камней в один ряд; пять насыпей были окружены крупными валунами с наружной и более мелкими — с внутренней стороны кольца. 6 курганов-жальников имели регулярную обкладку, охватывающую лишь часть периметра насыпи в виде сплошного полукольца. В четырех случаях отмечена разреженная обкладка из крупных валунов по всему основанию. 10 комплексов выделяются наличием лишь одного-двух или нескольких крупных валунов, установленных в изголовье и изножье могилы. Остальные насыпи характеризуются сочетанием крупных валунов, фиксирующих направленность могильных ям, с разреженными цепочками камней по периметру насыпей.

При исследовании некоторых объектов (Лаш. I-8; 10; Тег. I-13) отмечено расположение камней как по основанию всхолмления, так и в самой насыпи, причем в последнем случае валуны частично перекрывали могильные ямы. Дважды зафиксировано сочетание кольцевидной оградки с вымосткой из мелких камней над могилой (Тег. I-2; Плещ. 2).

Погребения совершены в ямах подпрямоугольной формы размерами 180—250×50—30 см (наиболее типичные параметры 180—210×70—90 см). Могилы меньших пропорций (130—160×50—60 см) выкапывались для детских захоронений.

Внутримогильные каменные конструкции отмечены только в группе I у дер. Лашковицы. Комплекс 30: в изголовье — стенка из установленных на ребро обломков плиты с боковым выступом справа; комплекс 19: слева у черепа — цепочка из трех плитняковых камней; комплекс 18: в изножье — крупный обломок плиты.

В отличие от курганов элементы «огненного» ритуала здесь почти не представлены. Кроме описанного выше комплекса Плещ. 1, остатки кострища прослежены лишь под насыпью 30 могильника Лашковицы I, где миниатюрное зольно-углистое пятно размерами 25×40 см зафиксировано на уровне горизонта в изголовье могильной ямы.

У основания обкладочных камней и под дерном нередко встречались черепки битой гончарной посуды (13 комплексов), причем в трех случаях горшки представлены почти целыми формами. Свыше половины таких находок (7) обнаружено на участках, соответствующих направленности головы умерших. В четырех курганах-жальниках под дерном найдены обрезки трубчатых костей и зубы животных.

Жальничные могилы (24 комплекса с 24 погребениями по обряду ингумации).

Исследованы на участках жальничных полей, прослеживаемых по отдельным выступающим на поверхности камням и занимающих окраины курганно-жальничных могильников. Представлены как одиночными комплексами, так и системами смыкающихся «семейных» оградок. При сооружении каменных конструкций обычно использовались валуны. Исключение составляет могильник у дер. Беседа, где наряду с валунным камнем встречены куски колотой плиты, применявшейся, как правило, для оформления торцов оградок.

По классификации А. А. Спицына выделяются три основных типа жальничных могил в соответствии с формой обкладки: круглые, овальные и прямоугольные (квадратные); при этом подразумевается эволюционное развитие жальников от

круглых к прямоугольным [Спицын 1899: 149—153; 1903: 14—17]. Несомненно, что часть круглых жальников (по Спицыну) относится к разновидности погребальных сооружений, выделенных нами в группу «курганов-жальников» [ср.: Спицын 1896: 39—40].⁷

Одиночные жальничные могилы определенной формы в рассматриваемом материале представлены тремя комплексами. Это аккуратно сложенная круглая оградка над несохранившимся детским захоронением, располагавшаяся в поле крупной курганной насыпи (Тег. I-32); круглая оградка с крупным валуном в западной части (в изголовье ?) над разрушенным погребением (Бес. 5); несомкнутая, но близкая к овальной форме обкладка могилы 25 в группе I у дер. Лашковицы.

Основная часть исследованных комплексов представлена системами связанных между собой жальничных конструкций (табл. XVII А—Б). Комплекс 6 у дер. Беседа включал круглую оградку с крупным валуном в изголовье могилы над погребением взрослой женщины и продолжающую ее в широтном направлении оградку овальной формы над погребением девочки-подростка; между ними и у боковой стенки круглого жальника отмечено не менее трех миниатюрных жальничных оградок, связанных, очевидно, с истлевшими захоронениями младенцев. Комплекс 4 у дер. Беседа состоял из двух четко выраженных обкладок четырехугольной формы, трассирующих расположенные в широтном направлении могилы с захоронениями мужчины и женщины, и приложенной к ним несомкнутой оградки таких же очертаний над детским погребением. Торцы этих обкладок отмечены установленными вертикально крупными обломками плиты, в изголовье мужского комплекса обнаружена часть каменного креста новгородского типа.

Классическим образцом рядной системы жальничных погребений является комплекс 2 у дер. Фьунатово. В четко ограниченной валунами четырехугольной оградке размерами 3,6×2,6 м по ее продольной оси размещались захоронения в могильных ямах — мужское, женское и, отделенное каменной перегородкой, снова женское, к которому примыкало погребение ребенка под сплошной вымосткой из мелкого булыжника.

Достаточно сложный характер размещения каменных конструкций и их соотношения с погребениями отмечен при исследовании участка 26 на могильнике Лашковицы I (табл. XVIII А—Б). Здесь выявлена перегородчатая система из небрежно сложенных и в основном не образующих замкнутых цепочек камней, которые отмечали восемь могил с захоронениями взрослых людей и остатками прихороненных к женщинам детей грудного возраста (по антропологическим данным, рядная система образована погребениями пяти мужчин и трех женщин). Одна из могил была частично перекрыта сплошной вымосткой из мелкого булыжника. Еще в двух могильных ямах с неопределенной формой обкладки зафиксированы остатки трех детских костяков. Наконец, два детских захоронения, примыкавшие

---

⁷ Показательно, что сам автор при обращении к материалам раскопок В. Н. Глазова в Гдовском уезде испытывал колебания при интерпретации подобных сооружений. Например, описание комплекса 242 у дер. Малая Каменка: «Курган или грунтовая могила, с насыпью до 3/4 арш., в диаметре 3 арш. Ограждение из несплошного кольца камней, в головах и ногах большей величины. На глубине до 1 арш. два костяка» [Спицын 1903: 94]. В переводе на современную метрическую систему — это насыпь высотой 0,55 м и диаметром несколько более 2 м, то есть типичный курганно-жальничный комплекс.

к жальничной перегородчатой системе, вообще не были отмечены поверхностными каменными конструкциями.

По-видимому, именно перегородчатые коллективные усыпальницы фигурируют в дневниках Л. К. Ивановского под термином «клетки». Из 127 раскопанных им групп эта форма захоронений отмечена лишь в шести пунктах [Спицын 1896: 40]. Судя по приведенным данным о поло-возрастной принадлежности умерших, их действительно можно связывать с захоронениями членов определенных семей. Несмотря на малочисленность исследованных нами объектов, обращает внимание разнообразие жальничных конструкций даже в период образования «клеток»: сочетание оградок круглой и овальной формы; оградки четырехугольных очертаний; кладки из отдельных валунов по периметру ям; беспорядочный наброс камней на могилы; поверхностные вымостки и примыкающие к обкладкам грунтовые могилы без фиксирующего их камня.

Погребения совершены в ямах подчетыреугольной формы. Размеры могил — 175—205×55—75 см; для захоронений детей, естественно, выкапывались могилы меньших параметров. Глубина большинства ям составляет 40—70 см, хотя в период распространения жальничного обряда впервые фиксируются могилы, выкопанные на глубину до 120 см. В целом, при сопоставлении с предшествующими разновидностями погребальных сооружений, устанавливается медленная тенденция к увеличению глубины могильных ям, соответствующая постепенному исчезновению насыпей над погребениями (см. табл. 2 на с. 29).

Какие-либо внутримогильные каменные конструкции здесь не обнаружены. Не прослежено и остаточных следов «огненного» ритуала. Вместе с тем, в жальниках значительно чаще, чем в курганах и курганах-жальниках, встречаются остатки тризны — черепки битой посуды и кости животных под дерном на уровне основания обкладочных камней.

Способ совершения ингумаций, размещение и положение останков умерших

Общепризнано, что ведущий способ захоронения несожженных трупов в древнерусских могильниках — в вытянутом положении, на спине. Исключением в этом отношении является Водская земля, где зафиксировано (в основном дореволюционными исследователями — Л. К. Ивановским и Н. К. Рерихом) около 545 погребений из более чем 630 захоронений подобного типа на территории Древней Руси [Лесман 1981: 155—161; см. также: Седов 1984: 155—161; 1987а: 39—40].

Характер таких погребений представлен на ряде рисунков, помещенных А. А. Спицыным в публикации раскопок Л. К. Ивановского [1896: 8, 9, 38, 39; рис. 2—4, 6, 7]. Данные изображения, однако, представляют выполненные Н. К. Рерихом графические реконструкции этого своеобразного обряда, уровень же старой отчетной документации не позволяет, как правило, судить об археологических критериях, на основе которых производилось выделение захоронений в сидячем или приподнятом положении.⁸

⁸ Последнее в методическом отношении особенно важно при обращении к данным раскопок Л. К. Ивановского, вскрывавшего за один полевой сезон в среднем до 500 курганов, что само по себе исключало возможность точных наблюдений.

Характер положения захоронений по обряду ингумации

Могильник	В вытя- нутом поло- жении	Разру- шен- ные	Погребения в сидячем положении								
			досто- верные	возмо- жные	в осно- вании курга- нов	в под- курган- ных ямах	в курга- нах-жаль- никах	в жаль- никах	мужские	женские	детские
Бегуницы	24	28	11	1	11	1	—	—	8	4	—
Лашковицы I	52	—	11	—	3	7	1	—	8	3	—
Лашковицы II	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Теглицы I	27	8	7	4	5	5	1	—	2	9	—
Теглицы II	1	1	7	—	5	2	—	—	3	3	1
Беседа	11	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Плещевицы	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Горки Первые	1	—	1	—	—	—	1	—	—	1	—
Фьонатово	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	125	41	37	5	24	15	3	—	21	20	1

Для опознания последних ведущее значение имеет характер размещения верхней части костяка и его соотношение с нижними конечностями, сохраняющимися обычно в анатомическом порядке. Однако данный критерий не всегда может быть использован из-за плохой сохранности погребений и их нарушенности позднейшими перекопами. В Бегуницком могильнике, например, доля таких не поддающихся определения ингумаций достигает 43,7%, в общей же массе вскрытых комплексов она составляет около 20% всех умерших.

Из 167 захоронений по обряду ингумации, имеющих удовлетворительную сохранность, 74,8% погребены в вытянутом положении на спине. В 37 случаях отмечена необычная поза костяков, позволяющая с достаточной уверенностью предполагать их помещение на курганной площадке или в могильной яме в приподнятом положении; в 5 случаях такая констатация имеет лишь предположительный характер.

Для сидячих погребений в основании насыпи типичны следующие признаки: нижние конечности и тазовые кости размещены в анатомическом порядке; верхняя часть скелета — кости грудной клетки, кисти рук — образуют беспорядочное скопление (верх которого расположен на 10—15 см выше горизонта), нередко сдвинутое в область таза; череп, как правило, опрокинут и также смещен к поясу (табл. XIX А). Согласно сведениям Л. К. Ивановского, подобные погребения на горизонте производились на кострище. Труп при этом прислонялся к груде камней, покрытых углем и золой с примесью жженных костей домашних животных (так называемые жертвенники). Иногда куча камней имела незначительные размеры и на нее опиралась лишь голова [Спицын 1896: 8—9].⁹ В наших раскопках столь отчетливых конструктивных остатков, использовавшихся для придания умершему сидячего положения, не зафиксировано. Исключениями являются два захоронения

⁹ Думается, что при суммарной характеристике ярких индикаторов, присущих сидячим погребениям, были использованы признаки, установленные при вскрытии лишь некоторых курганов.

Бегуницкого могильника, одно из которых опиралось спиной на крупный валун (кург. 28), другое сопровождалось цепочкой камней, располагавшихся у разрушенной верхней части скелета (кург. 56). Очевидно, фундаментом для удержания погребенного в приподнятой позе на курганной площадке до возведения самой насыпи служила земляная подсыпка, не прослеживаемая археологически. При этом какой-либо корреляции положения умерших с кострищами не наблюдается.

Наиболее четко сидячие захоронения выделяются в тех случаях, когда они совершены в подкурганных ямах (табл. XIX Б, XX). Они характеризуются смещенностью правой или левой стороны грудной клетки и костей рук к стенке могилы и их локализацией на 10—15 см выше дна могилы. Опрокинутый череп расположен или поверх перемешанных костей, или же, что встречается чаще, сдвинут в область таза. В целом для подкурганных ямных захоронений типично их помещение не в сидячем, а лишь в несколько приподнятом положении. При вскрытии ряда насыпей выявлены конструктивные детали, дающие представление о характере действий, которые обеспечивали приподнятую позу умерших. В одном случае (Лаш. I-27) в заполнении могилы четко прослежена подсыпка из мешаного грунта, несколько отличающаяся от грунта самой насыпи, которая занимала западную часть ямы и использовалась в качестве опоры для тела погребенной; ступни были опущены в канавку Т-образной формы, вырытую на дне ямы у противоположного края, и, судя по фрагментарным остаткам, крепились в ней с помощью деревянных конструкций.

Наличие расширений Т-образной формы в изножье (Тег. I-11, 25, 37; Лаш. I-23, 24, 27) обнаруживает прямую корреляцию с помещением умерших в сидячем положении. При отсутствии иных признаков эта деталь может служить индикатором захоронения умерших в этой необычной позе даже при разрушенности самих костяков.

По проявлению данной обрядности устанавливается ее преимущественное использование в курганах с захоронениями на горизонте и в ямах. В курганах-жальниках такое положение отмечено лишь в единичных случаях, в жальничных могилах встречены только погребения в вытянутом положении на спине. Эти данные в целом согласуются с материалами старых раскопок. Так, на Ижорском плато, судя по отчетам Л. К. Ивановского, в эпоху распространения «клеток» умерших хоронили только в обычной позе [Спицын 1896: 40]. Редкость проявления сидячих захоронений отмечается и для всего ареала жальников (6 могильников, из которых половина расположена в верхнем течении р. Плюссы и ее правых притоков) [Пронин 1988: 26—27].

Ориентировка умерших установлена в 196 случаях (рис. 4; 5). Выделяются два основных варианта направленности погребенных — головой на запад (155) и восток (41). Распространение обычая ориентировать захоронения на запад соответствует общей тенденции развития погребального обряда в древнерусских землях с начала II тыс. н. э. В пяти могильниках зафиксированы только положения на запад, в могильнике Тegliцы I они являлись абсолютно преобладающими. При сопоставлении различных видов погребальных сооружений на раскопанных широкой площадью памятниках (Лашковицы I, Тegliцы I) выявляется общая тенденция постепенной замены достаточно характерной и ведущей для погребений на горизонте северо-западной ориентировки на юго-западную — в курганах-жальниках и жальничных могилах.

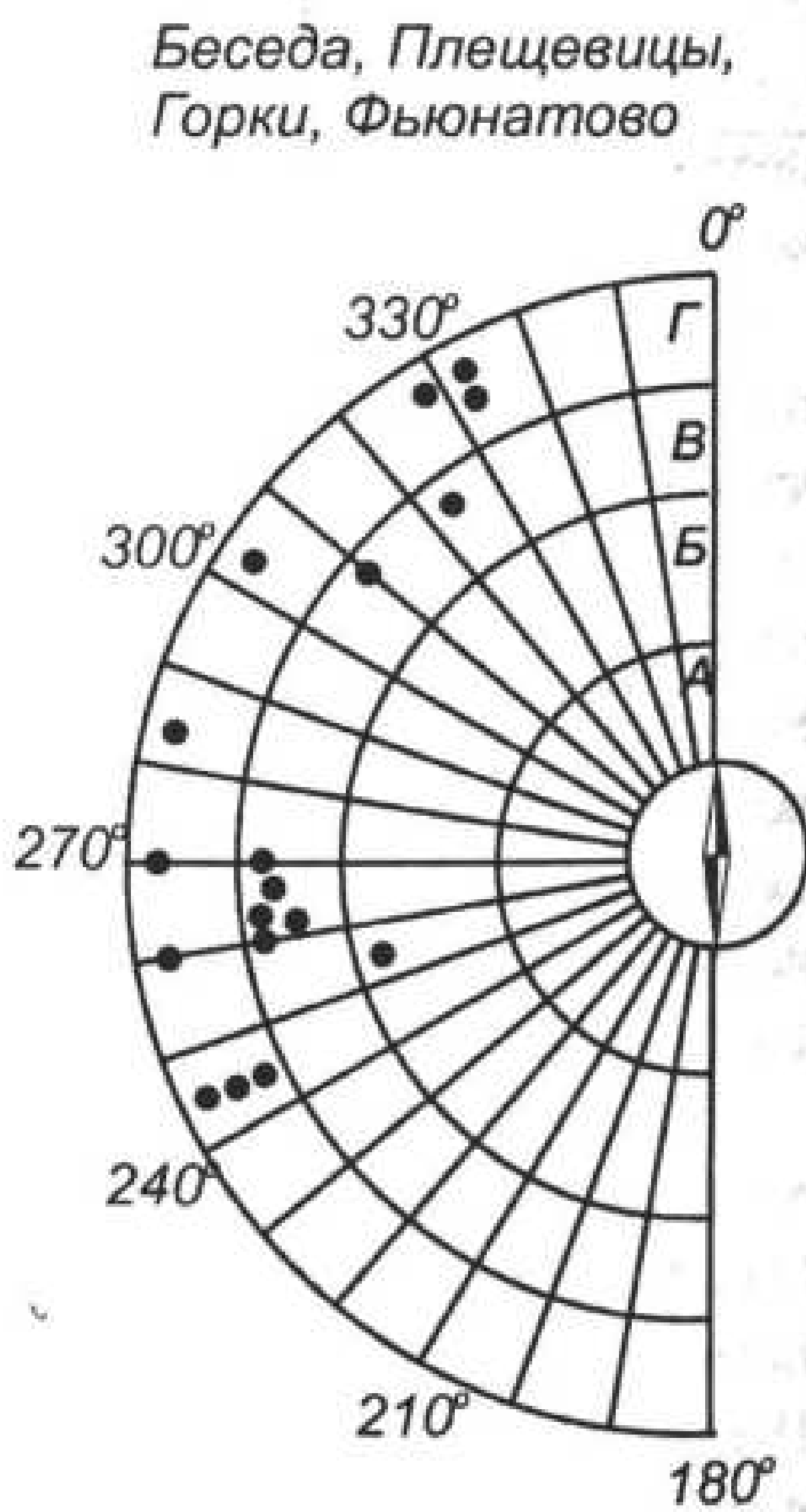
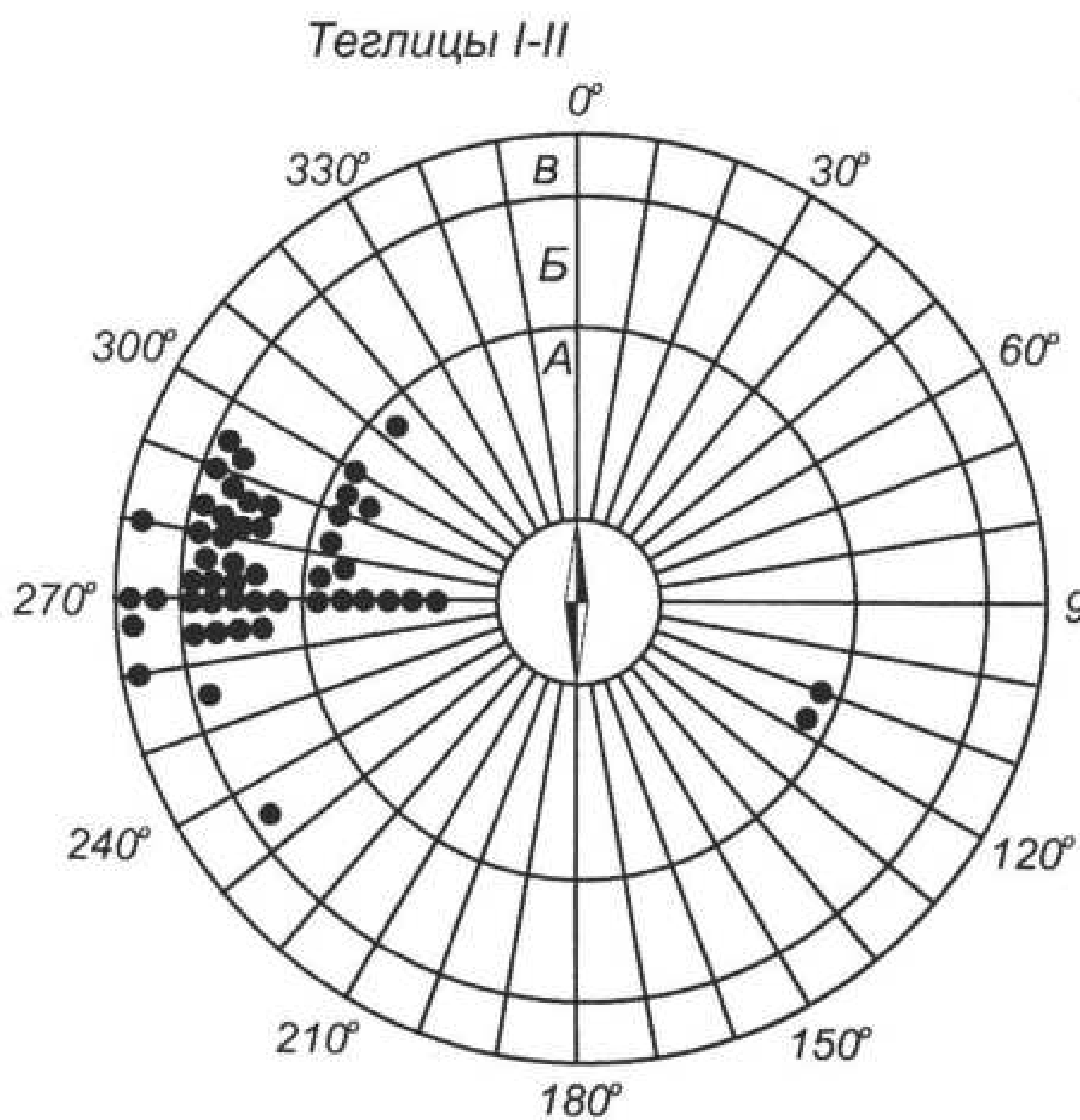
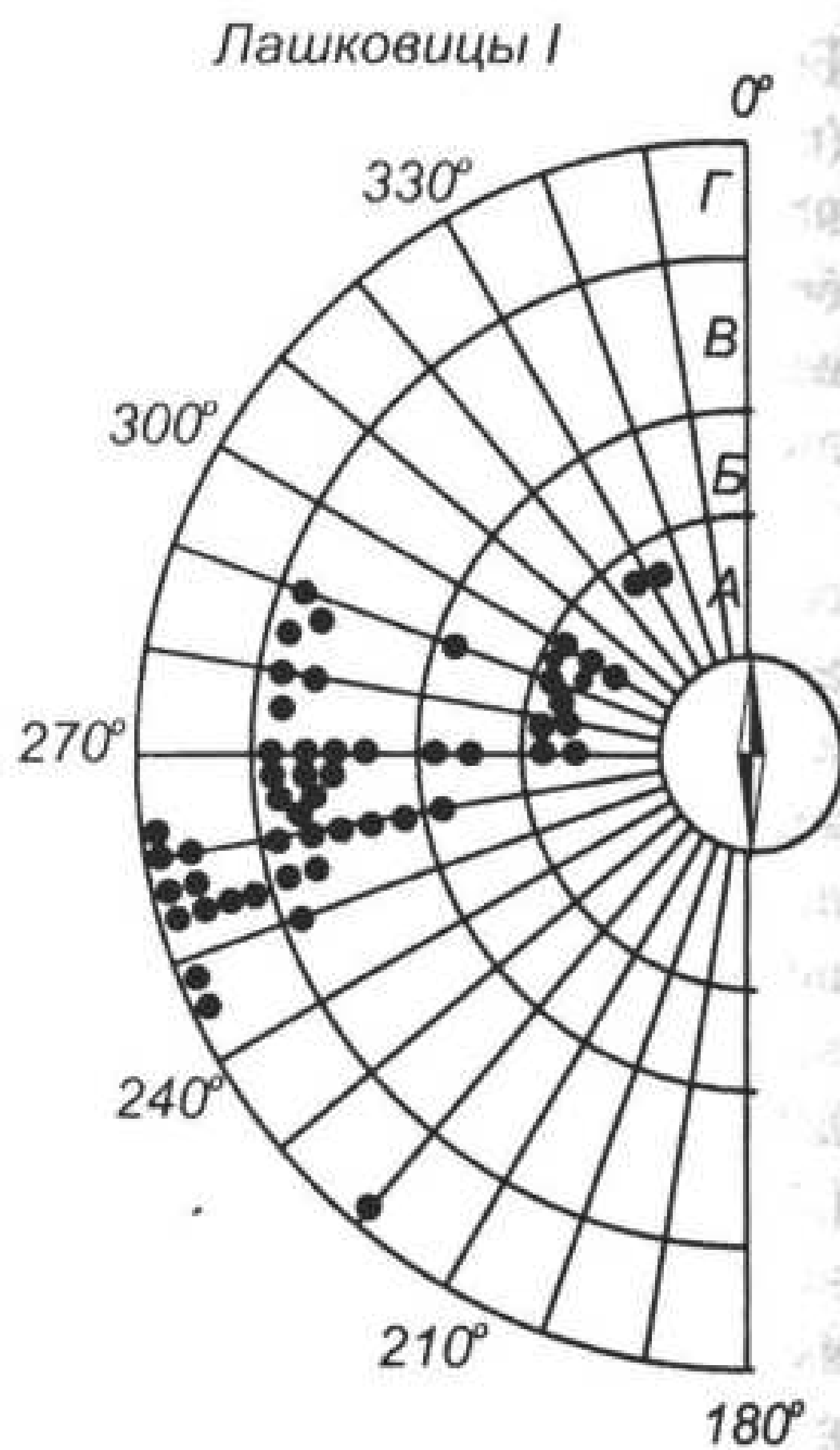
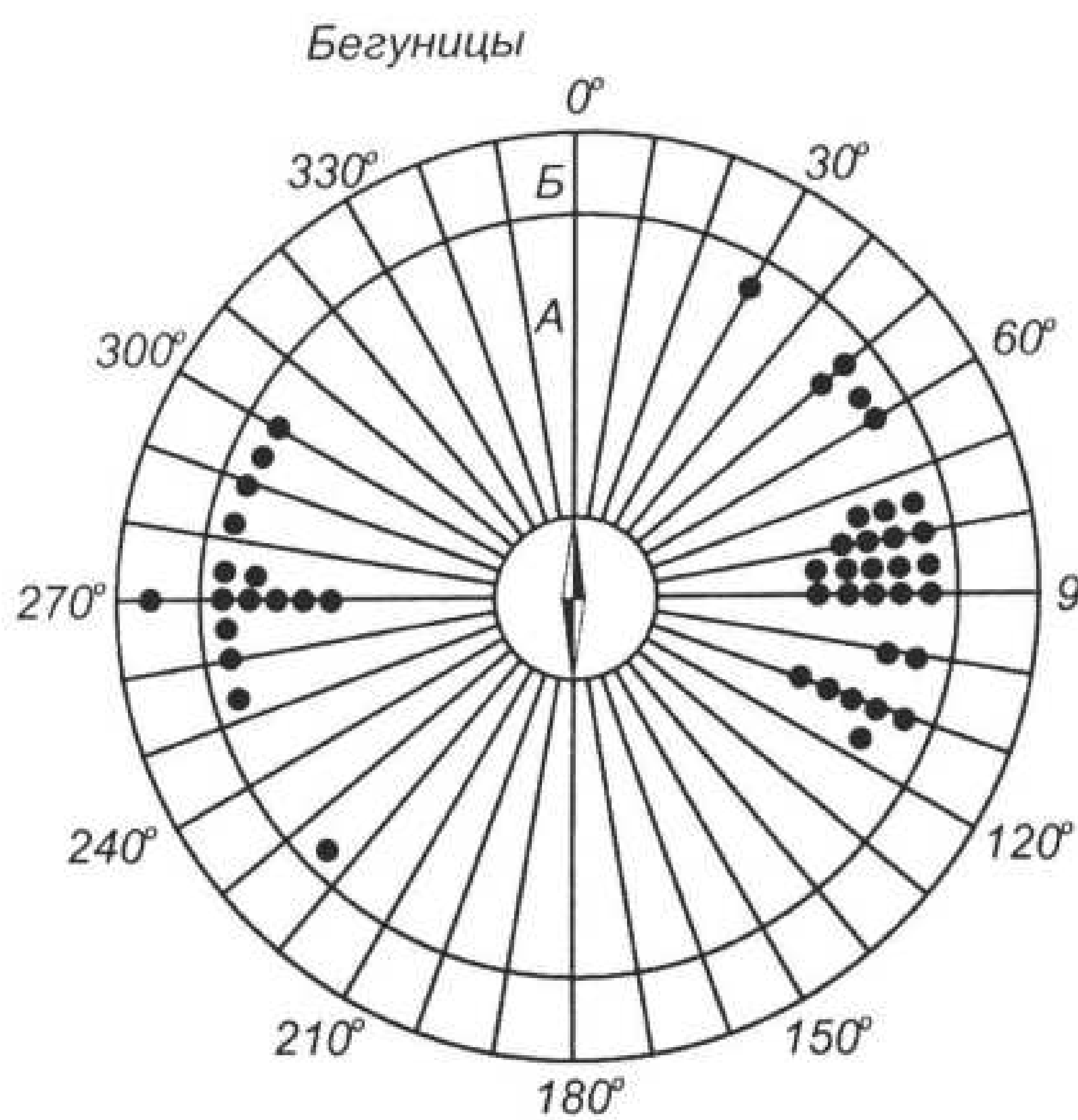

Рис. 4; 5. Ориентировка погребений (распределение по разновидностям погребальных сооружений).

А – курганы с погребениями на горизонте; *Б* – курганы с погребениями в ямах; *В* – курганы-жальники;
Г – жальничные могилы.

Преобладание восточной направленности умерших представляет особенность Бегуницкого могильника, где она отмечена в 35 из 58 фиксируемых случаев (67,2%). Кроме того, она же наблюдалась у двух мужских захоронений в группе I у дер. Теглицы. Все без исключения случаи восточной ориентировки зафиксированы в курганах с основными погребениями на горизонте.

В Бегуницком могильнике оба варианта ориентировки практиковались в погребальном обряде одновременно. При обращении к микротопографии памятника вырисовывается интересная картина: восточная ориентировка умерших безраздельно господствует в насыпях западной и центральной части кладбища, западная — в восточном скоплении курганов, встречаясь также на периферии центрального массива (рис. 6). В крупном кургане 17, исследованном в восточной части памятника, отмечен единственный случай противоположной ориентировки погребенных: умерший мужчина был обращен головой к западу, девочка-подросток — к востоку.

По-видимому, положения на восток неоднократно встречались в зоне массовых раскопок Л. К. Ивановского на Ижорском плато, хотя и не получали отражения в полевой документации. Об этом можно судить по результатам работ Н. К. Рериха, дополнительно исследовавшего могильники, ранее изучавшиеся Ивановским. Захоронения с восточной ориентировкой отмечены им в курганных группах у деревень Калитино, Рабитицы и Пезовицы [АИИМК, ф. 1, д. 1894/74; 1896/56]. Та же ориентировка умерших зафиксирована А. Э. Мальмгренем у мызы Войковицы [АИИМК, ф. 1, д. 1903/43]. Спорадическое проявление той же направленности отмечено при исследовании Ижорской экспедицией древневодских захоронений XIII—XV вв. в зоне «чудских» погостов, расположенных к северо-западу от Ижорской возвышенности. Всего в Водской земле и прилегающих к ней погостах «в Чюди» насчитывается около 70 документированных трупоположений с восточной ориентировкой.

Аналогичная направленность умерших присуща курганным комплексам XI—XII вв. прибалтийско-финского могильника у дер. Залахтовье на северо-восточном побережье Чудского озера [Хвощинская 1978: 18]. Положения головой на восток неоднократно отмечались В. Н. Глазовым при вскрытии курганов Северо-Восточного Причудья и среднего течения р. Плюссы (Калихновщина, Криуши, Куклина Гора, Куричок, Ольгин Крест, Патреева Гора, Скарятина Гора); при этом в трех случаях умершие имели северо-восточную направленность [Спицын 1903: 59 след.]. Положения головой к востоку и юго-востоку представлены в отдельных жальничных могилах этого региона (Дворец, Замошье) [Шмидт 1886а: 522; 1886б: 614], а также отмечены среди впускных погребений в длинном кургане на р. Сабе (Гусли); принадлежность последних к средневековой эпохе доказывается находками древнерусской гончарной керамики [Потресов, Шолохова 1966: 68—69].

В курганных группах Северо-Восточной Эстонии (Йыуга, Куремаз, Кунингакюля, Палази), документирующих присутствие водского этнического элемента в районах к западу от р. Нарвы, наряду с преобладающей западной направленностью также неоднократно наблюдалась восточная (4 погребения) и северо-восточная (2) ориентировка умерших [Лиги 1987: 6]. В целом, исходя из этнокультурного характера ряда памятников, можно заключить, что такая ориентировка имела заметное распространение у прибалтийско-финского населения Северо-Запада и ее проявление в курганном обряде связано, прежде всего, с местным финским субстратом. Последнее, однако, не исключает принадлежности части рассматриваемых комплексов продви-

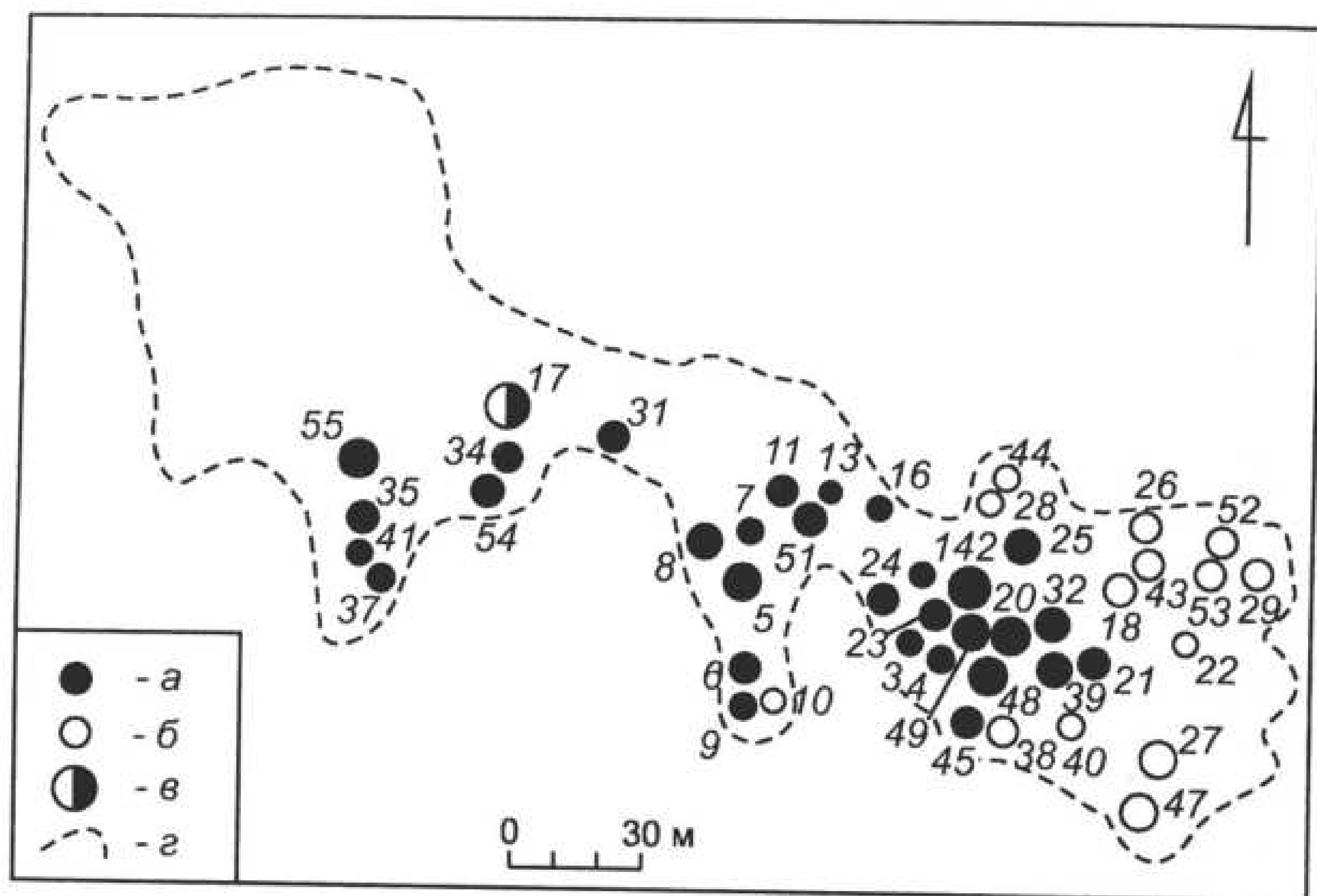

Рис. 6. Бегуницкий могильник. Топографическое распределение захоронений с различной ориентировкой.

(а – положения головой к востоку; б – то же, к западу; в – то же, к востоку и западу; г – граница могильного поля).

нувшимся в данный регион ославяненным балтам [об этом см.: Седов 1961: 103—121; 1982: 174].

Можно заключить, что, как и в Бегуницком могильнике, погребения с восточной ориентировкой наиболее типичны для ранних насыпей с трупоположениями на горизонте. Все узкодатированные комплексы Ижорского плато с указанной направленностью относятся к концу XI—первой половине XIII в. В Северо-Восточном Причудье основная часть таких захоронений принадлежит к началу—первой половине XII в. К XI—XII вв. относятся ингумации Залахтовского могильника, в котором из 68 трупоположений, исследованных в дореволюционный период, 67 были обращены головой к востоку [Хвощинская 1976: 18—24]. Лишь изредка восточная направленность встречается в более поздних жальничных и грунтовых памятниках. Наблюдается определенная взаимосвязь рассматриваемой ориентировки с обычаем погребения умерших в сидячем положении. На Ижорском плато такая корреляция зафиксирована в ряде курганных комплексов у деревень Калитино, Пезовицы, Войсковицы, Бегуницы, Теглицы. В Причудье сидячие погребения единичны, однако и здесь захоронение с восточной ориентировкой, исследованное в кургане 6 у дер. Калихновщина, было совершено в полусидячем положении.

Точное положение рук умерших установлено в 65 случаях (табл. 4). Интересно сопоставление данного элемента погребальной обрядности с параллельными материалами других древнерусских территорий. По наблюдениям Н. Г. Недошивиной, в курганах вятичей с захоронениями на горизонте (XI—XII вв.) доминирующим являлся обычай хоронить умерших с вытянутыми вдоль тела руками. С появлением подкурганных могильных ям (конец XII—первая половина XIII в.) распространяется традиция помещения рук на животе и груди. При этом чаще всего кисть одной руки была сложена на груди или животе, кисть другой оставалась вытянутой. Появление данной традиции связывается с начальным распространением христианской рели-

Положение рук умерших
(количественные данные)

Разновидность погребальных сооружений	Варианты положения рук						
	I	II	II—III	III	III—IV	IV	Всего
Курганы с погребениями на горизонте	1	—	—	6	4	2	13
Курганы с погребениями в ямах	—	1	1	8	1	—	11
Курганы-жальники	—	3	5	13	4	—	25
Жальничные могилы	—	5	3	5	2	1	16
Итого	1	9	9	32	11	3	65

Примечание: I — руки вытянуты вдоль тела; II — кисти рук сложены на лобке; II—III — кисть одной руки сложена на лобке, другой — на поясе; III — кисти рук сложены на поясе; III—IV — кисть одной руки сложена на поясе, другой — на груди; IV — кисти рук сложены на груди.

гии в земле вятичей [Недошивина 1971: 182—196]. Сходного мнения о причинах появления со второй половины XII в. на грунтовых могильниках восточного Прионежья погребений с сильно согнутыми руками придерживается и Н. А. Макаров [1990: 24].

В нашем случае можно констатировать почти полное отсутствие погребений с вытянутыми вдоль тела руками (вариант I). Вместе с вариантом II (кисти сложены на лобке) доля захоронений со слабо согнутыми руками не превышает 15,4%. При этом наибольший процент последних (31,25%) приходится на самую позднюю разновидность погребальных сооружений — жальничные могилы. Для всех исследованных объектов — от курганов с ингумациями на горизонте до жальников — фиксируется преобладание традиции захоронения умерших, у которых руки сильно согнуты и покоятся на поясе, или же одна рука вытянута вдоль тела, а кисть другой лежит на поясе (варианты II—III и III — 60%). Погребения со скрещенными на груди руками или одной из кистей рук, покоящейся на груди (варианты III—IV и IV), немногочисленны и, в целом, оказываются наиболее характерными для ранней группы сооружений — курганов с ингумациями на горизонте.

Насколько эти наблюдения отражают характер рассматриваемой погребальной обрядности в Водской земле, судить трудно. В данном случае определенный интерес представляют документированные материалы раскопок В. Н. Глазова в Северо-Восточном Причудье (табл. 5). Устанавливается, что и в этом сопредельном регионе захоронения с вытянутыми или слабо согнутыми руками не имели значительного распространения (21,16%), хотя и представлены на всем периоде практикования курганно-жальничного обряда. Ведущим являлся обычай хоронить умерших в положении, когда одна рука была вытянута вдоль тела, а кисть другой сложена на груди. Подобная черта, наряду с положением обеих рук на груди, оказывается наиболее типичной для ранней группы насыпей с ингумациями на горизонте, где она составляет 68,3%. Очевидно, что сопоставляемые данные близких в тер-

Положение рук умерших. Параллельные материалы Гдовских курганов из раскопок
В. Н. Глазова
(количественные данные)

Разновидность погребальных сооружений	Варианты положения рук						Всего
	I, II, I—II	I—III, II—III	I—IV, II—IV	III	III—IV	IV	
Курганы с погребениями на горизонте	13	6	26	—	2	13	60
Курганы с погребениями в ямах	2	—	9	—	2	7	20
Круглые и овальные жальники	3	1	6	1	7	2	20
Жальники четырехугольной формы и жальники, отмеченные несколькими камнями	22	3	28	18	9	9	89
Итого	40	10	69	19	20	31	189

Примечание: нумерация вариантов соответствует табл. 4. Двойные номера документируют различное положение рук на теле умершего, соответствующее принятой индексации.

риториальном и этнокультурном отношениях регионов указывают на отсутствие заметной связи рассматриваемого элемента обряда с постепенной христианизацией языческого населения.

Использование деревянных конструкций в погребальных целях отмечено лишь в немногих случаях. В курганах с захоронениями на горизонте (Тег. I-24) и в яме (Тег. I-5) зафиксирован древесный тлен, располагавшийся под спиной от головы до колен умершего. Еще в одной насыпи (Тег. I-33) сходные остатки сочетались с наличием узких полосок истлевшей древесины с наружной стороны обеих ног. В кургане 27 у дер. Бегуницы узкая полоса дерева прослежена между двумя костяками на протяжении от пояса до ступней ног умерших. Наконец, в двух насыпях, содержащих погребения в сидячем положении (Лаш. I-24; Лаш. I-27), аналогичные полосы отмечены с наружной стороны обеих ног погребенных.

Для курганов-жальников использование дерева также фиксировалось лишь в редких случаях. Это наличие узкой полосы древесины вдоль правой ноги от колена до ступни и перпендикулярной линии у затылка (Лаш. I-9); аналогичная полоска, также располагавшаяся с наружной стороны правой ноги от колена до ступни (Лаш. I-13); древесный тлен под ногами, прослеженный от колен до ступней умершего (Тег. I-3).

В жальничных могилах каких-либо остатков дерева вообще не выявлено.¹⁰ Следует отметить, что в синхронном жальникам Ижорского плато материале могиль-

¹⁰ При вскрытии В. Н. Глазовым жальников Северо-Восточного Причудья в некоторых случаях были отмечены следы неопределенных гробовищ, а в наиболее поздних комплексах, относящихся, возможно, к XVI в., встречены гвозди от крышек гробов [Спицын 1903: 16].

ников «чудских» погостов широко представлена традиция помещения умерших в долбленные колоды.

Что представляли собой слабо выраженные остатки деревянных конструкций? В тех случаях, когда древесный тлен прослеживался под костяком, можно предполагать подкладку доски под умершего. Подобные факты неоднократно отмечались на курганных могильниках в ареале словен новгородских [Седов 1982: 174]. При обращении же к чаще фиксируемым узким полосам древесины, обычно располагавшимся вдоль нижних конечностей, наиболее вероятно предположение об использовании дерева для сооружения рамчатых каркасов вокруг ног умерших.

Подстилок из коры или обертывания трупов корой не зафиксировано. Вместе с тем, интерес представляет компактно расположенная группа курганов-жалыников на могильнике Лашковицы I (№ 34—36). Все костные останки выявленных здесь мужских трупоположений были покрыты интенсивно-черным налетом, а под самими захоронениями прослежена мягкая пружинящая масса распавшейся органики.

При обращении к составу и характеру размещения погребального инвентаря особо следует отметить следующее важное обстоятельство: все достаточно многочисленные случаи захоронения умерших с бытовыми предметами, орудиями труда, предметами вооружения и керамикой представлены только в насыпях с погребениями на горизонте. С появлением подкурганных ям (даже самых мелких, имеющих лишь символический характер) традиция помещать сопутствующий инвентарь в могилы полностью прекращается. Есть все основания рассматривать этот факт, прямо коррелирующий с изменениями погребального порядка, с развернувшейся в середине—второй половине XIII в. христианизацией сельского населения, обитавшего в округе старого новгородского погоста в Копорье. Более подробно этот сюжет будет проанализирован в заключительной главе исследования.

Среди сопутствующего инвентаря наиболее многочисленны ножи, также происходящие только из курганов с основными захоронениями на горизонте (33 насыпи). Обычно эта категория находок, встречающаяся как в мужских, так и женских погребениях, располагалась в области таза, и очевидно крепилась к поясу. В одном из женских погребений обнаружен кожаный футляр с бронзовыми оковками; при двух костяках, принадлежащих мужчине и женщине, вместе с ножами найдены бронзовые наконечник ножен и боковая оковка футляра.

Топоры происходят из 17 курганов. Почти во всех определяемых случаях они сопровождали захоронения мужчин. Исключение представляет находка рабочего топора в основании насыпи Лаш. II-3, где не были выявлены костные остатки, но встречены женские украшения. Однако и в данном случае можно предполагать принадлежность находок к несохранившемуся парному — мужскому и женскому — погребению. Как правило, топоры, основная часть которых принадлежит к рабочим и универсальным формам и лишь в отдельных случаях относится к боевым типам, встречены в ногах погребенных.

Наконечники копий обнаружены при четырех мужских захоронениях. Отмечено их положение у правой или левой голени с направленностью острия к стопе умершего.

В четырех курганах (из определяемых погребений 1 мужское и 2 детских, по видимому принадлежащих мальчикам) найдены крупные железные орудия с ноже-

видным жалом и тордированным черешком, рассматриваемые исследователями или в качестве однозубых острог, или же причисляемые к одношипным гарпуновидным наконечникам охотничьих копий (дротиков). Они также располагались у голени умерших и были обращены острием к стопе.

Наконечники стрел происходят из пяти комплексов (4 мужских, 1 детское). В четырех случаях они представлены единичными экземплярами, положенными у колена или ступни костяка. Интересна находка в кургане 9 у дер. Бегуницы пяти наконечников стрел, кучно лежащих у левого бедра умершего и обращенных остриями вверх. По-видимому, стрелы были помещены в несохранившийся колчан.

Из орудий труда серийно представлены серпы (13) и косы-горбуши (6). Серпы являлись исключительной принадлежностью женских погребений. Зафиксировано их положение у бедра (как правило, слева), голени (почти всегда справа) и в ногах умерших. Косы-горбуши и их обломки также найдены лишь при захоронениях женщин, располагаясь в определенных случаях у голени.

Гончарные горшки при погребениях зафиксированы в 9 случаях. Все они сопровождали захоронения женщин и девочек-подростков, ставились обычно в ногах погребенных. В двух мужских комплексах представлены кресала и кремни для высекания огня. Из несерийных находок следует отметить кольчатые железные удила с декором из насечек и бронзовой инкрустацией, встреченные в составе женского инвентаря истлевшего трупоположения (Бег. 5), и железную весовую гирьку из насыпи с остатками сожжения (Бег. 50).

Погребения с монетами единичны, что согласуется с относительно поздним временем распространения на Ижорском плато курганного обряда и данными массовых раскопок Л. К. Ивановского.¹¹ Все они происходят из Бегуницкого могильника, причем лишь в двух случаях можно предполагать их ритуальное использование в качестве «оболов мертвых».

В мужских погребениях украшения и металлические детали одежды (в основном элементы поясной гарнитуры) встречаются достаточно редко, а с появлением могильных ям под курганами и в эпоху распространения курганов-жальников и жальников они вообще не фиксируются. Женские захоронения обычно сопровождалось украшениями. Однако, судя по материалам наиболее поздних жальничных комплексов, в этот период также происходит резкое оскуднение состава и количества металлических деталей женского погребального убора и появление большого числа безынвентарных могил.

---

¹¹ В полевых журналах Л. К. Ивановского содержатся указания на 21 курган с находками монет — преимущественно при захоронениях мужчин [Спицын 1896: 35].

ГЛАВА 3

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВОЙ ИНВЕНТАРЬ

Сопровождающий инвентарь из могильников Водской земли включает некоторые бытовые предметы, орудия и керамику. Встречаются также и немногочисленные предметы вооружения. Своеобразие исследованных памятников заключается в том, что все эти категории материала происходят только из курганов с основными захоронениями на горизонте. С появлением подкурганных могильных ям обычай погребения умерших с сопутствующими вещами полностью выходит из употребления. Вследствие этого археологические свидетельства хозяйственного развития и бытовых особенностей средневекового населения ограничены временными рамками конца XI—XIII в. Исключение составляет лишь керамический материал, в качестве остатков тризны и ритуальных приношений изредка встречающийся на могилах последующей эпохи и позволяющий таким образом несколько расширить его типологическую колонку.

Предметы вооружения, орудия труда и бытовой инвентарь

Топоры. Коллекция топоров насчитывает 17 экз., представленных боевыми, универсальными и рабочими формами. Встреченные находки вполне могут быть соотнесены с типологическими разработками А. Н. Кирпичникова [Кирпичников 1966: 26—46] и Б. А. Колчина [Колчин 1959: 24—27].

К типу I по классификации А. Н. Кирпичникова относится чекан с продолговатым треугольным лезвием, тыльная часть которого снабжена квадратным молоточком (Тег. I-32; табл. XXII, 4). Этот тип широко представлен в памятниках Древней Руси X—XIII вв., являясь особенно характерным для дружинных комплексов; по форме молотка и пропорциям — длина 15 см, ширина лезвия 9 см — он близко напоминает топоры XII—XIII вв. [Кирпичников 1966: 33—35, табл. XI, 10].

К типу VI принадлежит бородовидный топор с оттянутым книзу лезвием и двумя парами боковых щекавиц (Бег. 8; табл. XXIII, 9). Длина лезвия 16 см, ширина 13 см. О его явно нерядовом назначении свидетельствует зональная орнаментация боковых граней из углубленных прямых линий и ря-

дов узоров в виде «волчьего зуба», инкрустированных серебром по стали. Особый социальный статус владельца декорированного топора засвидетельствован богатым составом вещей из погребения. По данным А. Н. Кирпичникова, боевые образцы этого типа наиболее характерны для X—XI вв. [Кирпичников 1966: 38—39]. Рассматриваемая находка может быть соотнесена с первым типом новгородских топоров (представлен только этим единственным образцом в нашей коллекции), датируемым X—XII вв. [Колчин 1959: 24, рис. 9: 1—4; 1982: 163—164, рис. 4].

К типу VII по классификации А. Н. Кирпичникова принадлежит секира с широким симметрично расходящимся лезвием, косо срезанным у режущего края (Лаш. II-1; табл. XXI, 7). Топор имеет тонкое лезвие и снабжен боковыми щекавицами. По своим размерам (длина 18 см, ширина лезвия 20 см) он полностью вписывается в пропорции наиболее характерных образцов этого типа. Скандинавские по происхождению широколезвийные секиры около 1000 г. вошли в обиход населения Восточной Европы. В основном они бытовали на Севере Руси в XI в., но зафиксировано их последующее использование в XII—XIII вв. [Кирпичников 1966: 39, табл. XIV, 9, XV, 3].

К типу IV по А. Н. Кирпичникову относится топор с оттянутым вниз лезвием, двумя парами боковых щекавиц и удлиненным вырезным обухом (Бег. 11, п. 2; табл. XXIII, 10). Это наиболее массовый тип, в котором, в зависимости от размеров, выделяются как специальные боевые, так и универсальные формы. Рассматриваемая находка по своим параметрам (длина 17,5 см, ширина лезвия 10,5 см) близка последней серии топоров. Их использование для военных целей документировано неоднократными находками в археологических комплексах с оружием. Топоры типа IV появились в X в., а в XI и отчасти XII вв. в русской армии они предпочитались другим формам и нередко, судя по курганам, являлись единственным оружием воинов. Серия аналогичных образцов представлена в коллекции раскопок Л. К. Ивановского.

Дальнейшая эволюция этой формы нашла отражение в появлении топоров типа IVA (Лаш. II-2; 3; табл. XXI, 1, 2). Щекавицы на топорах отсутствуют, тыльная сторона обуха представляет широкие отходящие в сторону мысовидные выступы. Судя по размерам (длина 16 см, ширина 10—11 см), наши экземпляры относятся к рабочим топорам. Датируются топоры типа IVA, также неоднократно встречавшиеся в раскопках Л. К. Ивановского, XII—XIII вв. [Кирпичников 1966: 37].

К типу VA принадлежит топор с прямой верхней гранью и «опущенным» лезвием, обух которого трубкообразно вытянут вдоль топорища (Лаш. I-33; табл. XXII, 8). Эта форма, появившаяся в XIII в., эволюционно связана с финско-русскими топорами типа V. В XIII—XIV вв. она получила широкое распространение на территории от Поволжья до Прибалтики [Кирпичников 1966: 38].

Остальные находки топоров полностью соответствуют рабочим и универсальным орудиям, преобладающим в слоях Новгорода. Наиболее ранние из них представлены переходными формами между типами I и II по классификации Б. А. Колчина, время бытования которых относится ко второй половине XII—первой половине XIII в. [Колчин 1959: 25—27, рис. 10: 1—4, 7; 1982: 24—27].

Форма А продолжает конфигурацию топоров первого типа с массивным и широким опущенным лезвием с выемкой и проушным обухом с одним внутренним выступом, но имеет значительно меньший выем. В наших материалах представле-

но четыре находки с близкими параметрами: длина 15,5—17 см, ширина лезвия 9—10 см (Бег. 10; 20, п. 3; Лаш. I-40, п. 1; Тег. II-4; табл. XXII, 1, 2). Форма Б имеет симметричное лезвие и облегченный обух с выступающими щекавицами; длина 15,5 см, ширина лезвия 10 см (Бег. 38; 43; табл. XXI, 5, 6).

К типу II относятся три топора с симметричным лезвием и облегченным круглым обухом, лишенным боковых щекавиц; длина 14,5 см, ширина лезвия 8,5—9 см (Бег. 29, п. 2; Тег. I-38; Тег. II-7; табл. XXII, 5—7). В Новгороде они появляются во второй четверти XIII в. и бытуют до начала XV в.

Втульчатые наконечники копий происходят из четырех мужских погребений. Представлены следующими разновидностями:

Копье с пером ланцетовидной формы, слегка суживающимся у шейки и плавно переходящим во втулку; лезвие имеет ромбическое сечение, длина наконечника 28 см, длина лезвия 21 см, ширина 1,8 см (Бег. 18, п. 1; табл. XXIII, 2). Относится к типу I по классификации А. Н. Кирпичникова. Ланцетовидные копья принадлежат к одному из основных типов дружинных древностей, наиболее распространенных в X—XI вв. на севере Руси. Их позднейшие образцы происходят из ленинградских и белорусских курганов XII—начала XIII в. [Кирпичников 1966: 6, 9, 11].

Копье с относительно широким пером удлинненно-треугольной формы. Имеет несколько приподнятые плечики, заостренно-уплощенное лезвие и массивную, расширяющуюся книзу втулку (Бег. 40; табл. XXIII, 4). Общая длина наконечника около 36 см, длина пера 21 см, ширина 5 см, диаметр втулки 3 см, отношение лезвия к втулке 3:2. Копья удлинненно-треугольной формы (тип III по А. Н. Кирпичникову) наиболее типичны для многочисленных деревенских курганов центральной и северной Руси XI—XIII вв., и являются, по-видимому, как охотничьим, так и боевым оружием [Кирпичников 1966: 12—14].

Как результат эволюции этой формы копий расценивается появление узколистных длинных наконечников типа III Б. Происходящий из кургана 25 у дер. Бегуницы наконечник имеет общую длину 42,5 см, длину пера 27 см, ширину лезвия 3,2 см и характеризуется соотношением пера и втулки в пропорции 2:1 (табл. XXIII, 1). Копья данного типа появляются в X—XI вв., но их наибольшее распространение относится к XII—XIII вв. Принадлежность рассматриваемой находки к последнему периоду подтверждается ее крупными размерами. Судя по аналогиям, копья типа III Б являлись скорее боевым, чем охотничьим предметом вооружения [Кирпичников 1966: 14].

Особенностью еще одного наконечника удлинненно-треугольной формы с ромбическим сечением лезвия являются низко опущенные плечики, на которые приходится максимальная ширина пера (Тег. I-31; табл. XXIII, 3). Его общая длина 32,5 см, длина пера 24 см, ширина 4 см, соотношение лезвия и втулки 3:1. Наконечник обнаруживает сходство с лавролистными копьями типа IV А, имеющими усиленное крепление в месте соединения пера и тульи. Появление последних в XII в. связывается с оформлением специализированного рода охотничьего оружия — древнерусских рогатин [Кирпичников 1966: 14—15].

Железные орудия с ножевидным острием (4 экз. из четырех погребений). Три из них имеют острозаточенное короткое жало и тордированный черешок

(Лаш. I-40, п. 4; 38, п. 2; Тег. II-2; табл. XXIII, 5, 6, 8). Размеры полностью сохранившихся предметов: 1) общая длина 22 см, длина клинка 7 см, ширина 1,6 см; 2) общая длина 15 см, длина клинка 7 см, ширина 2 см. Четвертый экземпляр характеризуется наличием более длинного жала и прямоугольным нетордированным черешком (Бег. 43; табл. XXIII, 7); его длина 26 см, длина клинка 12,5 см, ширина 2 см.

Изделия данной формы длительное время рассматривались в качестве гарпунов. В разработках А. Э. Кустина, А. Р. Артемьева и ряда других исследователей выдвинуто положение об их принадлежности к разряду одношипных черешковых наконечников копий. Боевое назначение предметов подтверждается данными металлографического анализа, выявившим маловероятную для гарпунов сложную феррлитно-перлитную структуру наконечников. В древнерусских памятниках насчитывается около 40 одношипных изделий XI—XIII вв. [Артемьев 1991: 185—187]. Основная их концентрация наблюдается на Северо-Западе, где значительные серии находок выявлены, в частности, в слоях городских центров (Новгород, Псков, Изборск). Наконечники данного типа известны также в городах Владимиро-Суздальской и Полоцкой земель. За пределами Руси они широко представлены в древностях Юго-Восточной Прибалтики и Финляндии. Особенно многочисленны подобные изделия в Эстонии (свыше 70), что позволяет предполагать древнеэстонское происхождение этого типа наконечников [ср.: Selirand 1974: 114—115, tahv. XII, 7, 8].¹

Обращение к старым коллекциям курганных раскопок на Ижорском плато показывает, что из 11 ранее обнаруженных одношипных копий свыше половины встречено в могильниках с прибалтийско-финской культурной подосновой на пограничье или в пределах этнографического расселения води — позднесредневековых погостах «в Чюди» (Войносолово, Мануйлово, Унатицы, Пиллово). В контексте новых находок, также происходящих из комплексов с заметными неславянскими особенностями, становится вполне вероятным финно-угорский источник заимствования изделий этого типа. Вместе с тем обращает на себя внимание следующее обстоятельство. В отличие от остальных категорий оружия, сопровождающих исключительно мужские захоронения, одношипные наконечники встречены как в погребениях мужчин (Бег. 43; Тег. II-2), так и женщин (Лаш. I-38, п. 2; 40, п. 3). Не свидетельствует ли это об универсальном назначении орудий, употреблявшихся в обиходе сельского населения Водской земли?

Черешковые наконечники стрел и сулиц (9 экз. из пяти погребений). Семь из них относятся к остролистным ромбовидным наконечникам стрел новгородского типа (тип 46 по А. Ф. Медведеву) (Бег. 9, 35, 39; табл. XXIV, 1—7). Такие наконечники широко применялись на севере Восточной Европы с рубежа нашей эры до конца XIII в. [Медведев 1966: 67—68]. Еще две находки по своим размерам вписываются в параметры, принятые для метательных копий-сулиц [см.: Кирпичников 1966: 23—25]. Они происходят из кургана с парным захоронением (Лаш. I-41), где располагались у колен умерших с направленностью острия к ступне. Один из них имеет заостренный черешок со следами истлевшего дерева и характеризуется уплощенно-листовидной формой; его длина 16 см, длина лезвия 9 см, ширина

¹ Отметим, что еще А. А. Спицын указывал на аналогии данного типа «острог», прежде всего, в Прибалтийском крае [Спицын 1896: 33, табл. XVIII, 11].

2 см. Второй фрагментированный наконечник той же формы отличается наличием удлиненного черешка; его длина составляет около 15 см, длина лезвия 9 см, максимальная ширина около 2,3 см.

Явно нерядовой находкой в сельских курганах являются кольчатые удила, положенные в качестве приношения рядом с женским захоронением (Бег. 5). Состоят из двух неравноплечных звеньев и двух подвижных колец диаметром 3,5 см; кольца удила орнаментированы насечками с бронзовой инкрустацией (табл. XLII, 7). По размеру колец этот элемент конской упряжи может быть отнесен к группе малых удила типа IV по классификации А. Н. Кирпичникова. В XII—XIII вв. данный тип составлял массовую категорию находок, особенно широко представленную в городских слоях предмонгольского времени. Вместе с тем на северо-западе Новгородской земли они до сих пор почти не встречались; единственное исключение — удила неизвестного типа из могильника у дер. Калихновщина в Северо-Восточном Причудье [Кирпичников 1973: 16—19].

К специализированным сельскохозяйственным орудиям, представленным в инвентаре курганных погребений, относятся серпы и косы-горбуши.

Серпы (табл. XXV, 8—15) в целом или фрагментированном виде найдены в 11 женских погребениях (Бег. 18, п. 2; 38, п. 2; 41; 45; 49; 55; Лаш. I-39; Тег. I-23; Тег. II-1, п. 1; 3). Размеры сохранившихся экземпляров: длина клинка 26—32 см, высота дуги изгиба лезвия 8—11 см, ее соотношение с дугой составляет $1/3—1/4$. Вершина дуги сдвинута в сторону рукояти. Изгиб начальной части клинка крутой, его угол прямой или приближается к прямому ($85—95^\circ$), режущая часть образует угол в $30—45^\circ$. По форме и параметрам встреченные находки соответствуют серпам новгородского типа, известным по материалам массовых раскопок Л. К. Ивановского [Левашева 1956: 62, 70, рис. 15: 1—3, 5].

Косы-горбуши, целые или в обломках, происходят из семи женских захоронений. В одном случае (Бег. 42, п. 1) коса была преднамеренно согнута — ритуальная традиция, характерная для древневодского населения погостов «в Чюди». Несмотря на малочисленность и фрагментированность почти половины кос, среди них выделяются три типа.

Тип I (табл. XXV, 2—4, 6, 7) представлен тремя целыми экземплярами (Бег. 3; 42, п. 2; Лаш. I-40, п. 2) и к нему же, по-видимому, относятся обломки еще двух горбуш (Бег. 14; 15). Длина клинка 32—38 см, высота дуги изгиба лезвия 9—10 см, составляя, тем самым, $1/3—1/4$ его длины. Вершина дуги лезвия расположена ближе к концу клинка, вследствие чего изгиб последнего в конечной части более крутой, чем в начальной. Все эти признаки характерны для кос новгородского типа, хорошо известных по материалам раскопок Л. К. Ивановского [Левашева 1956: 88—90, рис. 18: 7—9]. Можно лишь отметить, что рассматриваемые находки несколько отличаются по соотношению высоты дуги к длине от устанавливаемых пропорций новгородских горбуш ($1/5—1/8$), но при этом оказываются тем более несходными с южнорусскими находками, имеющими слабо выраженный изгиб лезвия (указанное соотношение у последних не превышает $1/10$).

Тип 2 (табл. XXV, 1) представлен одним экземпляром (Бег. 20). Длина клинка 27 см, высота дуги изгиба лезвия 5,5 см, его соотношение с длиной

составляет около $1/5$. Особенностью горбуши является слабо выраженный изгиб начальной части клинка по отношению к конечной, вследствие чего лезвие по существу является продолжением отделенного уступом черешка. Это достаточно архаический тип кос, появившийся в середине I тыс. н. э., обнаруживает ближайшие аналогии в древностях средневековых прибалтийских и волжско-финских племен [ср.: Левашева 1956: 88—89, рис. 17: 18, 20; Седов 1987б: 443, табл. СХХIV, 18].

Тип 3 (табл. ХХV, 5) представлен уже упоминавшимся выше преднамеренно согнутым экземпляром и его параметры восстанавливаются по развертке. Длина клинка 29 см, высота изгиба лезвия 13 см, ее соотношение с длиной составляет около $1/2$. Особенностью горбуши является сильная крутизна изгиба начальной части клинка (размер угла между основанием дуги и лезвием составляет 85° , вместе с тем как у остальных он варьирует от 30° до 50°) и расположение вершины дуги в средней части клинка. По своей форме и пропорциям коса близко напоминает серпы, отличаясь от последних лишь оформлением черешка. Учитывая связь этой находки с древневодскими ритуальными традициями, можно предположить, что такие серповидные косы были в обиходе у местного финно-угорского населения до заимствования им новгородских типов сельскохозяйственных орудий.

Ножи. Наиболее массовой категорией бытовых вещей являются ножи (45 экз. из 43 погребений). Типологическая принадлежность девяти из них не поддается определению из-за фрагментарного состояния находок. Остальные клинки подразделяются на две группы, соответствующие классификации, принятой для новгородских и восточнославянских ножей. Серия, относящаяся к группе IV по Р. С. Минасяну [Минасян 1980: 72—73] или к раннему типу А по Б. А. Колчину [Колчин 1959: 48, 53, рис. 34 А], представлена восемью достоверными (Бег. 7; 8; 11; 13; 17, п. 1—2; 23; 44) и двумя отнесенными сюда условно (Бег. 16; 34) экземплярами. Ножи этой группы имеют узкое клиновидное лезвие и прямую спинку, отделенную уступом от узкого черешка. Клинки в основном сильно сточены; их длина составляет 4—10 см, далеко не всегда устанавливаемая ширина варьирует от 0,8 до 1,2 см (табл. ХХV, 10, 13, 15, 16). Ножи, изготовленные в технике пакетной или сварной технологии, датируются, по данным новгородской стратиграфии, X—второй половиной XII в.

Вторая группа ножей соответствует более позднему, технологически упрощенному типу ножей, появляющемуся в Новгороде с начала XII в. [Колчин 1959: 48, рис. 34 Б] и широко представленному в северных погребальных древностях XII—XIII вв. [см., напр: Макаров 1990: 54]. Эта серия более многочисленна и включает 23 четко определимых экземпляра (Бег. 3; 4; 9; 15; 18, п. 1—2; 21; 27; 29, п. 1—2; 38; 42, п. 1—2; 45; 47; 52; Лаш. I-31, п. 1—2; 41, п. 2; Лаш. II-2; Тег. I-37; 38; Тег. II-4; табл. ХХV, 12, 14, 16—18) и три находки, отнесенные к ней условно (Бег. 37; 39; 49).

На черенках многих ножей прослежены остатки дерева от рукоятей, в одном случае (Бег. 9) последняя сохранилась полностью: длина рукояти 12,5 см, диаметр 2 см, длина самого клинка 8 см (табл. XLIII, 1). Рукояти двух ножей (Бег. 17) имели медную проволочную обмотку, причем на одной из них наблюдается чередование рядов витой и неперевитой проволоки; поверх последней сохранились остатки кожного покрытия (табл. XL, 5, 6). Из кургана 2 второй группы у дер. Лашковицы происходят фрагменты двух костяных рукоятей с остатками клинков ножей,

состоящих из двух уплощенно-треугольных пластин, скрепленных бронзовыми штифтами.

Кресала (2 экз. из мужских погребений). Одно из них относится к типу калачевидных огнив (Бег. 17, п. 2; табл. XL, 13). Экземпляр имеет плохую сохранность, но, по-видимому, принадлежит к ранней разновидности кресал с язычком, датируемой, по новгородским материалам, X—первой четвертью XII в. [Колчин 1959: 103, рис. 85; 1982: 163, рис. 4]. Вторая находка представлена овальным удлиненным кресалом с заостренными боками и круглыми отверстиями по краям внутреннего выема (Бег. 38, п. 1; табл. XXV, 9). Дата находок этого типа — вторая четверть XII—середина XIV в. [Колчин 1982: 163, рис. 4].

Калачевидное кресало найдено вместе с кремневым отщепом. Кремни для высекания огня встречены еще в двух курганах с погребениями мужчин (Бег. 31; Лаш. II-2).

Железная игла с кольцом, орнаментированным насечками. Обнаружена у пояса умершего, сопровождавшегося дружинным набором инвентаря (Бег. 8; табл. XXV, 8). По определению Л. А. Голубевой, такие хорошо известные в севернорусских древностях X—XIII вв. предметы входили в состав снаряжения мужчины при военных походах и на охоте [Голубева 1971: 114—126].

Керамика.

Выделяются две разновременных группы керамики, одна из которых происходит из курганов (10 целых и 1 фрагментированный сосуд), другая же представлена в основном обломками, найденными в обкладках и могильном заполнении курганов-жальников, жальников, и в одном случае — в верхней части курганной насыпи (3 восстановленных полностью и 17 фрагментированных сосудов).

Вся керамика принадлежит к развитым гончарным формам. Исключение составляет подправленный на круге горшок из кургана 4 у дер. Бегуницы, имеющий более вытянутые пропорции (диаметр венчика 13 см, диаметр дна 6,5 см, высота 13 см) и украшенный по тулову неровной линейной орнаментацией, дополненной насечками по плечу (табл. XXVI, 2).

Курганная керамика сформована из сравнительно хорошо отмученной глины с примесью мелких или средних размеров зерен дресвы. Обжиг однослойный, тесто в изломе черное, поверхность темно-серая с оттенками коричневого и желтого цвета, несущая на себе следы пребывания в огне. Среди гончарной посуды преобладают небольшие горшки (диаметр венчика 13—14 см, высота 11—12 см) с плавными очертаниями плечиков и отогнутым наружу венчиком. У трех сосудов венчик имеет прямосрезанный край, у трех закруглен, в одном случае имеет S-образную профилировку. Известны как неорнаментированные сосуды, так и горшки, украшенные различными вариантами линейно-волнистого, линейного и волнистого орнамента. Единственный фрагментированный горшок, выделяющийся более крупными размерами и обнаруженный на ритуальном кострище в средней части насыпи (Бег. 17; табл. XXVI, 1), имеет на днище клеймо в виде двух concentрических кругов и системы прямых линий.

Курганные горшки, имеющие обширный круг аналогий в городских центрах Северо-Западной Руси, подразделяются на два типа:²

Тип. 1 (Тег-II-1, 3; Лаш. II-3; табл. XXVI, 4—6). Судя по материалам Пскова, устанавливается его бытование в XII—второй четверти XIII в.

Тип. 5 (Бег. 6; 7; 11; 37; Лаш. II-2; табл. XXVI, 7—11). По аналогиям датируется XII—XIII вв. Несколько выделяющийся по пропорциям и более выраженной шарообразности формы горшок (табл. XXVI, 8) относится к позднейшим представителям этого типа.

Кроме того, из насыпи 25 у дер. Бегуницы происходит миска с невысоким поддоном (верхний диаметр 11 см, высота 6 см), изготовленная из желто-серой глины с примесью мелкой дресвы (табл. XXVI, 3). В Новгороде миски с поддоном характерны для 10—15 ярусов, датируемых 1224—1340 гг. [Смирнова 1956: 233].

Керамика второй хронологической группы представлена фрагментами горшков, диаметр венчиков которых варьирует от 14—15 до 18—22 см. Наряду с неорнаментированными сосудами встречены горшки с линейно-волнистым, волнистым и линейным орнаментом, покрывающим плечики или верхнюю часть горшка. Два экземпляра имеют «ногтевой» орнамент по венчику.

Находки в обкладках и верхней части заполнения курганов-жальников представлены следующими типами и вариантами гончарной посуды (по В. И. Кильдюшевскому):

Тип II (Лаш. I-12; табл. XXVI, 15). На Северо-Западе известен с первой четверти XIII в. при наибольшем его распространении в первой половине XIV в. Исчезновение горшков этого типа относится к рубежу XIV—XV вв., хотя в незначительном количестве они отмечены в слоях Ивангорода XV в.

Тип V представлен несколькими вариантами:

Вариант А (Лаш. I-29; табл. XXVI, 13). Появляется в середине — второй половине XIII в. Характерен для слоев Орешка и Копорья XIV — середины XV в., в Новгороде бытует до конца XIV в.

Вариант Б (Лаш. I-14; табл. XXVI, 12). Появляется во второй четверти XIII в., бытует во многих городских центрах до конца XIV в.

Вариант Д (Лаш. I-2; табл. XXVI, 14). Появляется во второй половине XIV в., наиболее характерен для первой половины XV в. В ряде городских центров сосуды этого варианта отмечены и в отложениях начала XVI в.

Поздний вариант типа V (Лаш. I-11; табл. XXVI, 18). Появляется не ранее XV в., бытовал на протяжении XV—XVI вв.

Тип VII, вариант В (Лаш. I-19; табл. XXVI, 21). Появляется в Пскове в середине второй половины XIV в., наиболее характерен для городов Северо-Запада во второй половине XV—начале XVI в.

---

² Классификация и хронологические определения всей керамической коллекции выполнены сотрудником Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН В. И. Кильдюшевским. При характеристике материала использована типологическая шкала, разработанная этим исследователем (для курганных находок — на материалах Пскова, для более поздних форм — на материалах Новгорода, Пскова, Орешка, Копорья, Корелы, Ивангорода, Гдова, Изборска). Пользуюсь случаем выразить В. И. Кильдюшевскому глубокую признательность за оказанную им помощь в написании данного раздела.

Века	Из курганов								Из курганов-жальников								Из жальников	Поздняя находка
	4	5	6	7	9	10	11	8	13*	16*	12	14	15	17	18	21	20	19**
XVIII																		
XVII																		
XVI																		
XV																		
XIV																		
XIII																		
XII																		

Рис. 7. Хронология керамических находок из погребальных сооружений по их аналогиям в городских центрах Северо-Запада (нумерация соответствует графическим воспроизведениям сосудов на табл. XXVI).

Примечание: * – находки в засыпи могильных ям курганов-жальников (остальные происходят из обкладок или насыпей данной разновидности объектов); ** – приношение сосуда при позднем вторичном захоронении в верхней части насыпи кургана 25 у дер. Бегуницы.

Тип XIII (Лаш. I-29; 42; табл. XXVI, 16, 17). Появляется в конце XIII в. при наибольшем его распространении в середине—второй половине XIV в. В конце XV в. выходит из употребления.

Находка в обкладке жальничной могилы (Лаш. I-26; табл. XXVI, 20) принадлежит к позднейшей форме сосудов, появившейся не ранее рубежа XVII—XVIII вв. Поздним временем датируются и обломки горшка, обнаруженного в верхней части кургана 25 у дер. Бегуницы при остатках разрушенного шурфом труположения, первоначально располагавшегося в основании насыпи (табл. XXVI, 19). По определению В. И. Кильдюшевского, подобные

горшки (тип VIII вариант Б) появляются не ранее конца XVI—начала XVII в., бытуя до начала XVIII в. Очевидно, эта находка была помещена в ритуальных целях позднесредневековыми землекопами при перезахоронении случайно уничтоженного курганного погребения.

При суммировании данных о хронологии керамического материала можно заключить следующее (рис. 7). Нижняя граница бытования курганной керамики относится ко времени не ранее XII в. Для части горшков верхний рубеж их распространения приходится на середину XIII в., некоторые формы соотносятся с периодом второй четверти—конца XIII в. Находки из курганов-жальников датируются временем не ранее второй половины XIII в. при доживании ряда форм до конца XV в. Следует, однако, учитывать, что основная часть находок из обкладок попала в комплексы уже после совершения захоронения. Интересным исключением в этом отношении являются обломки сосудов типов VA и XIII, происходящие из засыпи могилы кургана-жальника 29 у дер. Лашковицы. Они позволяют ограничить нижнюю дату появления этого погребального сооружения концом XIII в.

ГЛАВА 4

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: УКРАШЕНИЯ И МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ДЕТАЛИ ОДЕЖДЫ

При исследовании курганно-жальничных могильников встречено около 500 металлических украшений и свыше 700 стеклянных, каменных и металлических бус. Типы вещей характеризуются большим разнообразием и содержат достаточно полную информацию о становлении и развитии древнерусской культуры в Водской земле. Наряду с изделиями, широко бытовавшими на славяно-русских территориях, выделяется серия вещей, связанных с местными традициями или же появившихся в результате тесных контактов региона с Юго-Восточной Прибалтикой. Ряд находок документирует процесс формирования областной «вотландской» культуры. Использование этих материалов позволяет обратиться к частичной реконструкции женского убора и выделить как его синхронные варианты, так и проследить динамику изменения элементов металлического убора в хронологической последовательности.

Украшения и металлические детали одежды

Головные венчики (4 экз.). Найдены в трех курганах с погребениями на горизонте (Бег. 14; Лаш. I-40, п. 4; Тег. I-23) и в насыпи, содержащей захоронения на горизонте и в мелких могильных ямах (Тег. I-24, п. 3). Представляет собой серебряные пластинчатые ленты шириной 2 см и толщиной до 0,1 см. Суженные концы на сохранившихся полностью экземплярах оформлены в виде крючков или трубочек, через которые пропускался шнур для соединения головного убора.

В погребальных комплексах Северо-Западной и Северо-Восточной Руси насчитывается не менее 43 аналогичных венчиков-диадем, 23 из которых представлены в коллекции раскопок Л. К. Ивановского. В. П. Левашева относит распространение металлических налобных повязок к XI—XII вв., отмечая их наличие в отдельных погребениях XIII в. Редкость таких находок и поло-возрастная атрибуция захоронений предполагает их принадлежность к особому, девичьему головному убору [Левашева 1968: 91—97]. Последнее заключение подтверждается антропологической характеристикой наших материалов: в двух случаях венчики встречены в погребениях девочек-подростков, в одном сопровождали трупоположение молодой женщины.

Височные кольца и серьги. Эта категория древностей обнаружена в 35 женских захоронениях. Представлена следующими разновидностями:

1. Ромбощитковые височные кольца (25 экз. из 13 комплексов), основная часть которых происходит из Бегуницкого могильника (9 погребений). Относятся к наиболее характерному типу височных колец Новгородской земли XI—начала XIV в. [Седов 1982: 172—178]. В курганах Ленинградской области, преимущественно в пределах Ижорского плато, они составляют 48% от общего количества встреченных здесь височных украшений [Левашева 1967а: 24].

Все находки принадлежат трупоположениям, совершенным в основании насыпи (Бег. 3—5; 11; 14; 37; 38, п. 2; 42, п. 1—2; Лаш. I-38, п. 1; 40, п. 2; Лаш. II-3; Тег. I-23, п. 1; табл. XXVII, 1—14; XXVIII, 5). Погребения сопровождались одним кольцом (5 случаев) или двумя кольцами (6), не сочетающимися, как правило, с другими разновидностями височных украшений. Головной убор двух детских захоронений включал от трех до пяти таких изделий.

Все украшения изготовлены из бронзы и относятся к разряду щитковых незавязанных колец с различным количеством ромбических расширений — от двух до пяти. Почти все они имеют заостренный конец. Исключение составляет крупное кольцо с одним выделенным щитком на дуге и спиральным завершением проволоочной основы (табл. XXVII, 14). В этом изделии сочетаются черты собственно новгородского типа колец и локальной разновидности браслетообразных височных украшений с завитком на одном конце, бытовавшей у средневекового населения Северо-Восточного и Восточного Причудья [ср.: Спицын 1903: табл. XX, 10; Хвощинская 1981: 36—37].

Лишь в одном захоронении представлено кольцо с неорнаментированными щитками, большинство колец украшено классическим узором в виде нанесенного пунктирной или точечной линией креста с тремя кружочками, вписанного в ромб. По характеру декора и его синхронизации с ювелирными изделиями Новгорода такие находки соотносятся с городскими ярусами 1134—1281 гг. [Лесман 1989: 85]. В одном случае совместно с набором колец, имеющих указанную орнаментацию, встречен экземпляр, щитки которого украшены кружками (Бег. 42, п. 2), в другом — найден обломок кольца с пунктирным декором в виде ромба и вписанной в него прямой чеканной линией (Лаш. II-3). Три щитковых кольца были снабжены трапециевидными бронзовыми привесками. Такие дополнительные украшения также достаточно характерны для колец Северо-Западной Руси, где отмечено их использование вплоть до XIII в.

2. В особую группу следует выделить серию височных — серебряных и бронзовых — колец явно городского производства, происходящих из богатого инвентарного захоронения в основании насыпи 17 у дер. Бегуницы (табл. XXVIII, 1—4). Она включала пару небольших колец с бусами в виде низкого цилиндрика, составленного из двух-трех рядов плотно соприкасавшейся крупной зерни. Такие изделия лишь изредка встречаются в сельских памятниках Древней Руси, но являются достаточно частой находкой в городскихкладах XII—середины XIII в. Третий экземпляр с ажурно-филигранными бусами относится к типу украшений, также хорошо известному по киевскимкладам XII—середины XIII в. [Левашева 1967а: 20—22, 35, рис. 4: 3, 7]. Последняя находка из указанного комплекса — «кудрявое» кольцо, дужка которого оплетена в нижней части тонкой проволокой, образующей кружевную муфту. На территории Восточной Европы, включая Новгород, известно десять

таких изделий [Левашева 1967а: 35; Седова 1981: 15, 16, рис. 3: 3; Макаров 1990: 67]. По мнению В. П. Левашевой, они имеют западное, возможно венгерское, происхождение. Наконец, к редким для сельских могильников Новгородской земли украшениям следует отнести бронзовое колечко с узелковой, плетеной из нескольких рядов тонкой крученой проволоки, бусиной (Бег. 6; табл. XXVII, 15). Аналогичная находка встречена в слое Новгорода второй четверти XI в. [Седова 1981: 14, 15, рис. 3: 6]; известны такие кольца и в сельских могильниках XI—XII вв. разных восточнославянских территорий [Левашева 1967а: 20, 21, 42, рис. 4: 8].

3. Простые проволочные кольца из бронзовой проволоки — перстнеобразные и средних размеров с несомкнутыми или со слегка заходящими концами (табл. XXVIII, 12, 13). Вариант 1 (9 экз.): кольца с прямосрезанными концами или с одним заостренным концом. Представлен в погребениях, совершенных в основании насыпи (Бег. 37; 44; 47), и в курганах-жальниках (Пл. 1, п. 1; Гор. 1, п. 1); у сохранившихся полностью поздних экземпляров концы всегда разомкнуты. Вариант 2: перстнеобразные кольца с загнутым наружу концом (3 экз.). Встречены в курганах с захоронениями на горизонте, где отмечено их совместное ношение с первым вариантом простых проволочных колец (Бег. 3) и ромбоштитковым украшением (Бег. 37). Вариант 3: перстнеобразное несомкнутое кольцо с пластинчатой петлей на одном конце. Происходит из насыпи, содержащей погребения на горизонте и в мелких подкурганных ямах (Тег. I-24, п. 2).

Простые проволочные кольца широко известны в древностях Северной Руси X—XIII вв. [Левашева 1967а: 15]. Перстнеобразные кольца с разомкнутыми или слегка заходящими концами представлены в новгородских слоях конца XI—конца XIII в., кольца с загнутым наружу концом — в слоях XI—XII и XIV—начала XV вв. [Седова 1981: 13].

4. Многобусинные височные кольца, серийно выявленные в курганах-жальниках на юго-западной окраине Лашковицкой группы I (15 экз. из девяти погребений: Лаш. I- 4—7; 10—12, 14; 30; табл. XXVIII, 6—10; XXIX, 1—7). Встречены только в погребениях взрослых женщин, умерших в возрасте от 20—25 до 60—65 лет. Как правило, их носили попарно; в одном случае такое кольцо посредством кожного ремешка было соединено с проволочным перстнеобразным колечком. Почти все изделия относятся к классической разновидности подобных находок, для которой характерен стержень переменного — прямоугольного и круглого — сечения с нанизанными на него вплотную полыми, изготовленными из двух половинок, бронзовыми бусинами (от четырех и более экземпляров); один конец проволочной основы загнут спирально вовнутрь, другой завершается расклепанным ромбическим или овальным щитком с отверстием. Исключение составляет пара колец из кургана-жальника 14 (табл. XXIX, 6), изготовленных из серебра и снабженных цельнометаллическими полыми бусинами. Высокое качество исполнения позволяет предполагать их городское производство [ср.: Лесман 1990б: 100].

Особый интерес к данному типу височных украшений определяется его преимущественной концентрацией на северо-западе Новгородской земли (свыше 200 экз. из более чем 140 погребальных комплексов) и предполагаемой связью с этнокультурными традициями средневековой восточной Европы [Седов 1953: 190—229; 1984: 155—161, 1987: 37—40]. В последнее время вопрос о происхождении и датировке многобусинных колец активно обсуждается в археологической литературе. Некоторые авторы усматривают в них локальный и хронологический тип распространенных

у славян бусинных височных колец, использовавшихся разноэтничным населением восточноевропейского Северо-Запада [см., напр.: Кольчатов 1984: 170—176; Конецкий, Носов, Хвошинская 1984: 166—167; Конецкий 1990: 104—105; Лесман 1990б: 99—101]. Появление классической разновидности таких украшений относится к концу XIII в. при их бытовании по крайней мере до первой трети XV в.; наибольшее распространение многобусинных колец приходится на конец XIII—первую половину XIV в. [Лесман 1990б: 100].

5. Серьги в виде вопросительного знака (табл. XXVIII, 11; XXIX, 9—11). Происходят из курганов-жальников и жальничных могил (6 экз. из пяти погребений: Лаш. I-3; 26, п. 2, 9; Бес. 4, п. 3; 6, п. 2). В некоторых случаях на проволоочной бронзовой основе сохранились напускные бусы — бронзовые шаровидные полые (2 экз.) и керамическая темная грушевидной формы. Это восточный по происхождению тип украшений, получивший широкое распространение у разноплеменного населения Восточной Европы после монголо-татарского нашествия. Аналогичные серьги серийно представлены в древностях Волжской Болгарии, Золотой Орды, финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья и Волго-Камья. В Новгороде они появляются после 1313 г. [Седова 1981: 15—16; Лесман 1990а: 70—71]. Их позднее бытование в северо-западных районах Руси подтверждается корреляцией с иными датирующими категориями инвентаря могильников и локализацией находок на периферии курганного массива Водской земли, в зоне преимущественного распространения жальничных кладбищ [Рябинин 1980: 76—82; Кольчатов 1984: 176]. Представительная серия таких серег обнаружена при исследовании чудских средневековых кладбищ в этнографическом ареале води.

Бусы, ожерелья. Важнейшим элементом женского убора являлись бусы, найденные в 65 погребениях. Количество бус в комплексах различно — от одного-двух до нескольких десятков экземпляров, входивших в состав шейных ожерелий. Одно из богатых ожерелий XII—начала XIII в. включало, кроме 55 бусин, дополнительные украшения — мелкие спиральки, пластинчатые бронзовые обоймицы, привески из раковин каури (Лаш. I-40, п. 4); последние принадлежат к наиболее ранним находкам *Cyprea moneta* на Северо-Западе Руси.

Коллекция стеклянных и кашинных бус насчитывает 495 экз. (табл. 6; рис. 8: 1—38). Большинство из них относится к типам, широко представленным в средневековых материалах Восточной и Северной Европы [об этом см.: Щапова 1956: 164—179; 1972: 73—96; Фехнер 1959: 149—224; Колчин 1982: 165, 167—170, рис. 6]. Несмотря на их разнообразие, лишь отдельные разновидности изделий образуют представительные серии находок. При этом многие из малочисленных типов и вариантов стеклянных бус относятся к группе ранних захоронений, совершенных в основании курганных насыпей. Так, в предполагаемом трупосожжении (Бес. 8) обнаружен бисер из рубленых палочек (дата бытования по новгородской стратиграфии — до 1161 г.)¹ и золоченая лимоновидная бусина (до 1134 г.). Четыре из пяти бочонкообразных золоченых бусин найдены в комплексе с набором западноевропейских монет, наиболее поздние из которых чеканены в третьей четверти XI в. (Бег. 17, п. 1). В курганах с ингумациями на горизонте представлены единичные

¹ Уточненная ярусная хронология новгородских находок приводится по разработкам Ю. М. Лесмана.

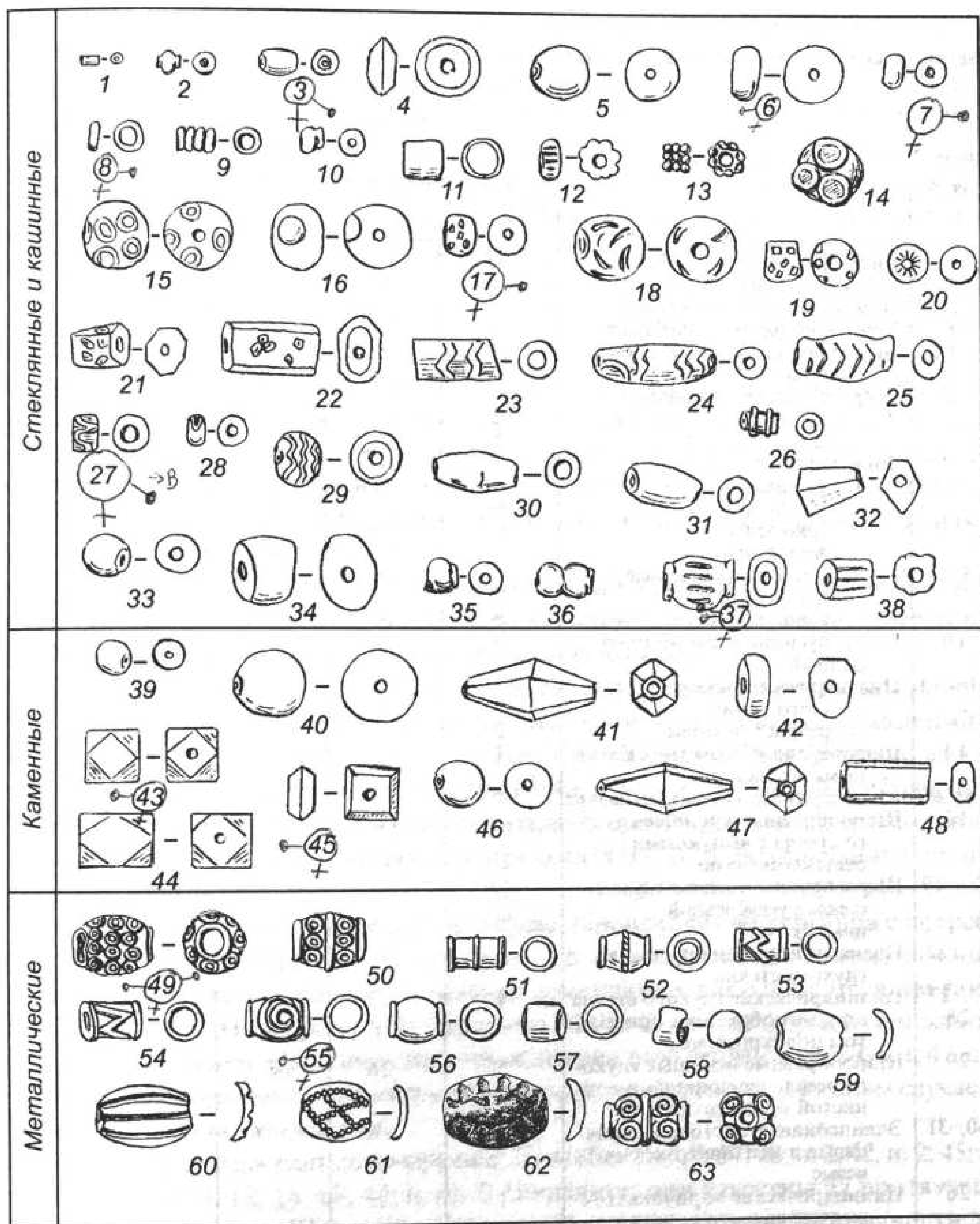

Рис. 8. Бусы Водской земли (нумерация соответствует перечню бус в табл. 6, 7).

экземпляры таких разновидностей бус из прозрачного стекла, как битрапециодные уплощенные (Бег. 3; 26: дата — до 1134 г.), зонные и кольцевидные ярко-зеленые (Бег. 21; 37; Лаш. I-40, п. 4: дата — 1096—1299 гг.), фиолетовые (Лаш. I-40, п. 4: дата — 1116—1268 гг.), цилиндрические одноцветные крученые (Бег. 14: дата — 1055—1238 гг.), цилиндрические ребристые (Бег. 5; Тег. I-36: дата — 1055—1238 гг.), бусенный бисер (Бег. 3; 26; 47, п. 3: дата — с 1116 г.). Здесь же сосредоточены почти все находки гладких глазчатых (Бег. 37; 42, п. 1; 48, п. 1: дата — до 1238 г.) и спаянных из отдельных глазков (Бег. 4) бус, цилиндрических мозаичных (Бег. 5; 42, п. 1), цилин-

Таблица 6

Состав и количественное распределение стеклянных и кашинных бус по разновидностям погребальных сооружений

№ по рис. 8	Типы и варианты бус	Количество находок в комплексах				
		курганы с погребения- ми на гори- зонте	курганы с погребения- ми в ямах	курганы- жальники	жальничные могилы	Всего
1	Бисер рубленый голубой прозрачный	63	—	—	—	63
2	Лимоновидные золоченые	1	—	—	—	1
3	Бочонкообразные золоченые	5	—	—	—	5
4	Битрапециодные прозрачные синие и зеленые	2	—	—	—	2
5	Шарообразные прозрачные: ярко-синие	2	1	—	—	3
	светло-желтые	5	—	—	—	5
6, 7	Зонные прозрачные: ярко-синие	5	1	1	—	7
	светло-желтые	34	—	13	—	47
	ярко-зеленые	41	—	—	—	41
	фиолетовые	1	—	—	—	1
8, 9	Кольцевидные прозрачные: ярко-синие	2	1	—	—	3
	ярко-зеленые	8	—	—	—	8
10	Бисер бусинный синий проз- рачный	4	—	—	—	4
11—13	Цилиндрические прозрачные: густо-синие	1	—	—	—	1
	ребристые синие	2	—	—	—	2
14	Шарообразные глазчатые с впаян- ными «глазками»	1	—	—	—	1
15, 20	Шарообразные глазчатые гладкие	7	—	—	—	7
16	Шарообразные и зонные глухо- го стекла с выпуклыми белыми пятнами	—	9	—	—	9
17—19	Шарообразные и зонные глухого стекла с углубленной инкрустацией	42	—	1	—	43
21, 22	Полихромные цилиндрические глухого стекла	2	—	—	—	2
23, 27, 28	Цилиндрические глухого стекла с зигзагообразным орнамен- том полихромные	4	—	—	—	4
29	Шарообразные и зонные глухо- го стекла со спирально-вол- нистой орнаментацией	5	26	38	—	69
30, 31	Эллипсоидные пастовые корич- невые и желтовато-корич- невые	6	—	—	—	6
26	Цилиндрические коричневато- желтые глухого стекла с рельефными черными кольцами	1	—	—	—	1
32	Рыбовидные зеленого стекла	1	—	—	—	1
33	Бочонкообразные и зонные глухого стекла (коричневая, желтая, синяя, зеленая, чер- ная паста)	10	63	12	—	85
34	Грубые крупные бусы из тем- ной пасты с кососрезанными краями	1	—	4	4	9
35, 36	Винтообразные глухого стекла	17	17	13	—	47
37, 38	Кашинные с бирюзовым покрытием	1	13	4	—	18
Итого		274	131	86	4	495

дрических, зонных и эллипсоидных бус с зигзагообразным орнаментом (Бег. 3; 4; 6; 11, п. 1; 42, п. 2; 48, п. 1; Тег. II-3). М. В. Фехнер рассматривает такие полихромные пастовые изделия в качестве характерных украшений XI—XII (и частично XIII) вв. [Фехнер 1959: 168, рис. 6: 12, 16, 20, 23].

В особую группу выделяются бусы глухого стекла с углубленной инкрустацией. Из 43 находок такого рода подавляющая часть (35 экз.) представлена выработанной формой, происходящей только из погребений в основании насыпи (Бег. 3; 4; 21, 42, п. 2; Лаш. I-40, п. 4; Тег. I-33; Тег. II-3). Это изделия зонной формы коричневого цвета с желтыми углубленными пятнышками по всей поверхности. Такие бусы достаточно часто встречаются в курганах XII—первой половины XIII в. Костромского Поволжья [Рябинин 1986: 62]. Ко второму варианту относятся округлые бусы темно-красного или бежевого цвета с разноцветными вставками (Бег. 38, п. 1, 2; Лаш. I-38, п. 1), к третьему — аналогичные по форме изделия из синей пасты с красными и желтыми углублениями (Бег. 20, п. 2). Все они также найдены в курганах с основными захоронениями на горизонте. Единственное исключение составляет зонная черная бусина со вставками из разноцветного стекла, происходящая из кургана-жальника (Лаш. I-4).

Некоторые из стеклянных и пастовых изделий, представленных в погребениях на горизонте, бытовали в период появления подкурганных ям, а отдельные их разновидности отмечены и в инвентаре курганов-жальников.

1. Шарообразные крупные бусы ярко-синего и желтого прозрачного стекла, иногда несколько сплюсненные с боков. В основном связаны с ингумациями на горизонте — все желтые (Бег. 42, п. 1; Тег. I-23; 33; Лаш. I-38, п. 1) и одно из двух захоронений с находками синих бус (Лаш. I-40, п. 4); другое погребение совершено в подкурганной яме (Тег. I-12). По данным новгородской хронологии, круглые разноцветные бусы прозрачного стекла датируются XII—XIII вв. при наибольшем их распространении в XII в.

2. Зонные ярко-синие прозрачные бусы. Происходят из курганов с погребениями на горизонте (Бег. 4; 37, 45; 48, п. 1) и в подкурганных могильных ямах (Тег. I-12; 13). Их длительное бытование документировано присутствием таких находок в слоях Новгорода XII—середины XIV в. С этой же формой сближаются единичные находки ярко-синих изделий кольцевидной формы (Бег. 44, п. 1; 47, п. 3; Тег. II-3), обнаруженных при ингумациях в основании насыпи, и в одном случае — в подкурганной могильной яме.

3. Зонные светло-желтые прозрачные бусы (Бег. 3; 4; 7; 37; 38, п. 2; 42, п. 2; 45; 48, п. 1; Лаш. I-3; 4; 12; 18, 19; 40, п. 4). В Новгороде они известны на протяжении XII—XIII вв. и всего XIV в., что соответствует их достаточной типичности для захоронений в курганах-жальниках.

4. Винтообразные разноцветные глухого стекла (Бег. 47, п. 3; Тег. I-24, п. 3; 33; Лаш. I-10). Происходят из поздних погребений на горизонте, встречаясь также в подкурганных захоронениях в яме и курганах-жальниках. По новгородской стратиграфии установлено их бытование с последней четверти XII и до конца XIV в.

Для перечисленных изделий фиксируется или их количественное уменьшение со временем, или же равномерное присутствие в курганах с ингумациями разных уровней и в курганах-жальниках. Наряду с этим выделяются бусы из глухого стекла (пасты), получившие наибольшее распространение на поздних этапах существования курганно-жальничного обряда.

1. Только в курганах с ямными захоронениями отмечены шарообразные и зонные черные бусы с орнаментом из выпуклых белых пятен (Тег. I-1, п. 3; 37). М. В. Фехнер датирует аналогичные изделия XII—XIII вв. [Фехнер 1959: 168, рис. 6: 13], А. А. Спицын относил северо-западные находки этого типа к XIII—XIV вв. [Спицын 1896: 42, табл. XI, 9; 1903: 117].

2. С появлением подкурганных ям наблюдается резкое увеличение зонных и шарообразных бус со спирально-волнистой — белой, желтой, зеленой, синей, красной — инкрустацией на темной, преимущественно черной, основе. Лишь в одном случае они встречены в позднем захоронении на горизонте (Тег. I-15, п. 2). В пяти случаях бусы входили в инвентарь ингумаций, совершенных ниже уровня горизонта (Тег. I-1, п. 3; 4; 8; 12; 37), в пяти — в инвентарь курганов-жальников (Лаш. I-4; 12; 14; 16; 20). При этом в поздних комплексах они составляли, как правило, крупные наборы из однотипных украшений.

Подавляющая часть таких находок характеризуется наличием рельефной орнаментации, однако неоднократно отмечалось присутствие совместно с последними и бус с гладким узором (в том числе в инвентаре курганов-жальников). Бусы с гладкой инкрустацией (тип 2 по Ю. Л. Щаповой) представлены в новгородских слоях 1076—1340 гг., изделия с рельефным узором (тип 1) бытовали по тем же данным в период между 1268—1382 гг. [Щапова 1956: 177]. А. А. Спицын относил бусы с рельефной инкрустацией к характерному типу поздних украшений Водской земли XIII—XIV вв., отмечая их широкое распространение в древностях Волжской Болгарии и Золотой Орды XIV в., на мордовских могильниках того же времени и в курганах Северного Кавказа [Спицын 1896: 42, табл. XI, 3, 7; см. также: Щапова 1956: 176—177].

3. С традициями восточного бусинного производства связаны находки кашинных бус с бирюзовой глазурью и желобчатыми или крестовидными углублениями по тулову. В литературу со времен А. А. Спицына они вошли под названием «фарфоровых» бус; сам автор отмечал их заметную популярность у сельского населения Северо-Западной Руси, указывая на круг аналогий в болгарских и мордовских древностях XIV в. [Спицын 1896: 42, табл. XI, 6, 8, 10; 1903: 117]. По мнению современных исследователей, такие изделия появились в период монгольского господства на Руси и, очевидно, изготовлялись в золотоордынское время на территориях, попавших в XIII в. под контроль Джучидов [Герасимова 1982: 22; Савельева, Павлова 1993: 172, 174; Лесман 1994: 187—193]. Как полагает Ю. М. Лесман, вероятным источником их поступления на Северо-Запад являлся завоеванный монголами в 1222 г. Азербайджан, где производство кашина было налажено еще в предшествующий период. Время бытования импортных бус на Ижорском плато соотносится с новгородскими ярусами 1238—1313 гг. при намечающемся массовом завозе таких украшений в сельский регион в 1240—1250-е гг. Показательно, что в культурных отложениях самого Новгорода этот тип бус не является серийным.

Наши находки по форме могут быть подразделены на два варианта: а) бочонковидные с венчиками по краям; б) цилиндрические и зонные. Первый вариант представлен единичным экземпляром из погребения на горизонте (Тег. I-36), девятью изделиями — из захоронений в подкурганных ямах (Тег. I-8; 22, п. 1; 24, п. 3; Лаш. I-27) и одним — из кургана-жальника (Лаш. I-12). Вторым вариантом отмечен в комплексах с погребениями в подкурганных ямах (4 экз.: Бег. 44, п. 1; Тег. I-1, п. 3; 37) и в группе курганов-жальников (3 экз.: Лаш. I-3; 5).

4. С распространением подкурганных могильных ям связано преимущественное бытование пастовых бус зонной и бочонкообразной формы коричневого (14 экз.), черного (2), зеленого (6), синего (1), желтого (2) цвета и с неопределенной обызвесткованной поверхностью (60). Отдельные их находки отмечены в погребениях на горизонте (Бег. 3; 20, п. 2; 37; 41; 45), серийно они представлены в подкурганных ямах (Тег. I-22, п. 1; 24, п. 3; 24, п. 5; 37) и курганах-жальниках (Лаш. I-4; 5; 12; 16).

5. Позднейшей разновидностью рассматриваемых изделий являются крупные пастовые изделия темного цвета и грубой выделки, имеющие кососрезанные края. Лишь одна такая находка происходит из инвентаря женского погребения, совершенного в средней части насыпи (Бег. 20, п. 1), остальные встречены в курганах-жальниках (Лаш. I-5; 7; 8) и жальничных могилах (Ф. 2, п. 3).

Коллекция каменных бус (110 экз.) представлена изделиями из горного хрусталя (84) и сердолика (16) (табл. 7; рис. 8: 39—48). В курганных захоронениях на горизонте сосредоточены находки хрустальных шаровидных (Бег. 17, п. 1; 42, п. 1; 42, п. 2; Бес. 8; Лаш. I-38, п. 1; Тег. II-3) и бипирамидальных (Бег. 5; 42, п. 1) бус. Исключение составляет захоронение в мелкой подкурганной яме, в инвентаре которого представлены оба указанных типа (Тег. I-22, п. 1). Однако последний комплекс принадлежит к коллективным ингумациям, совершенным на разном уровне и знаменующим начало перехода к погребениям ниже основания насыпи. По новгородским материалам бытование хрустальных шаровидных бус не выходит за пределы середины—третьей четверти XIII в. Очевидно, временем не позднее XIII в. могут быть датированы и бипирамидальные изделия из хрусталя. М. В. Фехнер относит их распространение в древнерусских землях к X—XII вв. [Фехнер 1959: 157, рис. 2: 2], но, судя по хронологии бус аналогичной формы из сердолика, эта дата может быть несколько расширена.

Иная картина наблюдается при обращении к крупной серии 14-гранных хрустальных бус со срезанными углами, представленных двумя вариантами [см.: Фехнер 1959: 157, рис. 5 а, 5 б]. Бусы кубической формы изредка встречаются в захоронениях, совершенных на горизонте (Бег. 47, п. 3; Тег. II-3) и в подкурганных ямах (Лаш. I-27; Тег. I-4), но основная их часть происходит из инвентаря курганов-жальников, коррелируясь при этом с рассмотренными выше поздними разновидностями изделий из стекла и пасты (Лаш. I-3; 4; 12; 14; 16; 20; Тег. I-6; 37). Меньший по численности вариант 14-гранных бус плитчатой формы обнаружен только в погребениях, совершенных в подкурганных ямах (Лаш. I-27; Тег. I-22, п. 1) и курганах-жальниках (Лаш. I-5; 20). А. А. Спицын датировал гранчатые бусы из хрусталя XIII—XIV вв., указывая на их аналогии в мордовских древностях XIV в. [Спицын 1896: 42, табл. XI, 2, XIV, 2; 1903: 118]. Судя по распределению находок в погребальных комплексах, они наряду с кашинными бусами и бусами со спирально-волнистой инкрустацией появляются на сельских памятниках Северо-Запада только после монголо-татарского нашествия — со второй половины XIII в., быгуя на протяжении следующего столетия. У городского населения эта разновидность поздних изделий из хрусталя распространения не получила.

Бусы из сердолика представлены тремя типами. Единственная находка шарообразной бусины происходит из погребения в основании курганной насыпи (Бег. 42, п. 2). По данным Б. А. Колчина, верхняя хронологическая граница их бытования в Новгороде ограничена первой половиной XI в. [Колчин 1982: 172]. Наша находка

Таблица 7

Состав и количественное распределение каменных и металлических бус по разновидностям погребальных сооружений

Материал	№ по рис. 8	Типы и варианты бус	Количество находок в комплексах				
			курганы с погребениями на горизонте	курганы с погребениями в ямах	курганы-жальники	жальничные могилы	Всего
Горный хрусталь	39, 40	Шаровидные	18	1	—	—	19
	41	Бипирамидальные	5	2	—	—	7
	42	Уплощенно-цилиндрические	1	—	—	—	1
	43, 44	14-гранные кубические	4	2	44	—	50
	45	14-гранные плитчатые	—	4	3	—	7
Сердолик	46	Шаровидные	1	—	—	—	1
	47	Бипирамидальные	9	1	—	—	10
	48	Призматические	3	1	1	—	5
Бронза	49, 50	Бочонковидные с орнаментом из напаянных колечек	56	7	—	—	63
	51, 52	Цилиндрические с рельефным пояском посередине	3	7	—	—	10
	53, 54	Цилиндрические с рельефным зигзагом	15	9	—	—	24
	56	Бочонковидные гладкие	1	—	3	—	4
	57	Цилиндрические гладкие	2	—	3	—	5
	58	Свернутые из пластинок	1	2	5	—	8
Серебро	60–62	Литые массивные из половинок	6	—	—	—	6
	63	Литые со спиральным рельефным орнаментом	1	—	—	—	1
		Свернутые из пластинок	1	—	—	—	1
Итого			127	36	59	—	222

происходит из инвентаря XII в., что соответствует уточненной хронологии шаровидных бус по Ю. М. Лесману (до 1161 г.).

Бипирамидальные сердоликовые бусы обнаружены в пяти курганных погребениях на горизонте (Бег. 3; 5; 18, п. 2; 42, п. 2; Тег. II-3) и в одном, совершенном в подкурганной яме (Тег. I-8). Их сравнительная многочисленность объясняется временем распространения этого типичного восточнославянского украшения (XII—XIII вв.).

Еще одна разновидность изделий из сердолика — бусы призматической формы — представлена единичными экземплярами в инвентаре курганных захоронений на горизонте и в ямах (Бег. 42, п. 2; Лаш. I-38, п. 1; Тег. I-22, п. 1). Позднейший экземпляр обнаружен в кургане-жальнике XIV в. (Лаш. I-3).

Следующая группа бус включает изделия из бронзы и серебра (128 экз.; рис. 8: 49—63).

Бронзовые бусы подразделяются на ряд выработанных серийных типов с различным характером их оформления:

1. Бочонковидные бусы, орнаментированные напаянными рельефными кружками. Характерны для захоронений в основании насыпи (Бег. 18, п. 2; 20, п. 2; 26; 37; 45; 48, п. 1; 56; Лаш. I-40, п. 2; 40, п. 4) и лишь дважды представлены находками в подкурганных могильных ямах (Бег. 44, п. 1; Тег. I-22, п. 1). А. А. Спицын рассматривал такие украшения в качестве местного подражания филигранным киевским золотым и серебряным бусам, отмечая их преимущественную концентрацию в «петербургских» курганах. Первоначально они были датированы исследователем XI—XII вв. [Спицын 1896: 14—15, табл. XI, 4], позднее их хронология была определена им в пределах XII—XIV вв. [Спицын 1903: 117].

Данный тип действительно может быть отнесен к наиболее характерным украшениям сельских жительниц Водской земли. В Новгороде бочонковидные бусы с рельефными кружками не получили распространения: единственный обнаруженный здесь экземпляр происходит из слоя рубежа XII—XIII вв. [Седова 1981: 154—155, рис. 61: 1]. Находки из наших раскопок могут быть отнесены к XII—XIII вв. (встречены в погребениях, синхронизируемых с новгородскими ярусами 1161—1281 гг.). Судить о их происхождении достаточно трудно, но в контексте с иными разновидностями бронзовых бус наиболее вероятно оформление рассматриваемых украшений в рамках региональной культуры северо-западных окраин Новгородской земли. Появление небольшого числа бус с напаянными кружками во владимирских и костромских курганах связано с направлением крестьянского освоения Северо-Востока Руси из новгородских областей [см. об этом: Рябинин 1986: 63]. Этим же объясняется присутствие аналогичных изделий в двух курганах XII—XIII вв., исследованных в Юго-Восточном Приладожье [Кочкуркина 1973: 27]. Не менее 15—20 подобных находок встречено в летописной области корелы, где отмечено их использование в качестве пронизок, соединявших сложные комплексы нагрудных украшений. Однако для древнекарельских экземпляров типична не бочонковидная, а цилиндрическая форма [Кочкуркина 1982: 88—89, рис. 15: 8]. В восточном направлении бочонковидные и цилиндрические бусы с рельефным кружковым орнаментом достигали зоны расселения перми вычегодской [Савельева 1987: 127, 148—151, рис. 34: 36, 38—40].

2. Цилиндрические бусы с припаянными проволочными спиралями (волютами). Преобладают в курганных погребениях на горизонте (Бег. 22; 26; Тег. I-24, п. 2; 28; 35; 36), но встречаются и в ингумациях, совершенных в подкурганных могильных ямах (Бег. 44, п. 1; Тег. I-24, п. 3).

3. Цилиндрические бусы с рельефным зигзагообразным узором. Встречены в кургане с погребением в могильной яме (Тег. I-37, 5 экз.) и в кургане-жальнике (Лаш. I-20, 1 экз.).

4. Цилиндрические бусы с напаянным шнуром посередине. Выделяются вариант со шнуром, имитирующим витье (3 экз. — погребения на горизонте: Тег. I-28; 36; 2 экз. — погребения в подкурганных ямах: Тег. I-18; 25) и вариант с простой рельефной линией (5 экз. — погребения в подкурганных ямах: Тег. I-22, п. 1; 37).

5. Неорнаментированные литые бусы бочонковидной формы. Происходят из позднего курганного захоронения на горизонте (Тег. I-36) и двух курганов-жальников (Лаш. I-7; Плещ. 2). А. А. Спицын относил аналогичные находки к XIII—XIV вв. [Спицын 1896: 42, табл. XI, 5, 17; 1903: 117].

6. Цилиндрические крупные неорнаментированные бусы без валиков по краям. Происходят из курганных погребений на горизонте (Бег. 2) и курганов-жальников (Лаш. I-4; 20).

7. Мелкая литая цилиндрическая буска из трупоположения в основании насыпи (Бег. 6). Аналогичные находки из петербургских курганов датированы А. А. Спицыным XI—XII вв. [Спицын 1896: 16, табл. XII, 16]. Наш экземпляр относится к XII в. Подобные мелкие пронизки имели широкое распространение у ряда прибалтийско-финских и волжско-финских племен, где они использовались преимущественно для украшения кожаных или шерстяных шнуров.

8. Бусы, свернутые из тонких бронзовых пластинок. Из восьми встреченных экземпляров лишь один происходит из кургана с погребением на горизонте (Бег. 42, п. 1), остальные обнаружены в инвентаре захоронений в подкурганных ямах и курганах-жальниках (Лаш. I-16; Тег. I-8; Пл. 2).

Особый интерес представляют орнаментированные образцы цилиндрических бус. Наиболее ранние из них, судя по характеру погребальных сооружений, — изделия со спиралевитым узором (XII—XIII вв.). Это подтверждается их совместными находками с металлическими бусами, украшенными рельефными кружками. Частично синхронны с указанными разновидностями бусы с напаянным центральным шнуром (трижды встречены с бусами, орнаментированными спиральным завитком, и один раз — с рельефным кружковым орнаментом).² В целом же, основное распространение цилиндрических изделий, за исключением находок со спиральным узором, относится к XIII—XIV вв.

Бусы с напаянными волютами серийно представлены в памятниках Северо-Западного Приладожья и района Саво (могильник Туккала), причем древнейшие находки происходят из погребений XII в. Отмечено их ношение на шнурах, соединявших древнекарельские нагрудные украшения. С. И. Кочкуркина справедливо отмечает сходство этих бус по форме и орнаменту со вздутыми частями Ф-образных пронизок, с которыми, чаще всего, они и встречаются в едином комплексе [Кочкуркина 1982: 88—89, рис. 15: 7]. Меньшее распространение, но, очевидно, сходное использование имели бусы со шнуром посередине, также представленные в древностях корелы [Кочкуркина 1982: 88—89, рис. 15: 9]. В восточном направлении цилиндрические бусы с рельефным орнаментом достигали области расселения перми вычегодской и лузской пермцы. Представляется вполне обоснованным мнение об их прибалтийско-финском происхождении [Савельева 1987: 150—151; 1992: 130—133].

Небольшую, но выразительную серию образуют литые изделия из серебра, происходящие из погребений в основании курганных насыпей. Следует, однако, оговорить, что лишь одну находку можно однозначно причислить к элементу шейных украшений. Это большая бусина овальной формы, украшенная поясками и волютами (Бег. 42, п. 1; рис. 8: 63). Нехарактерные для петербургских курганов бронзовые изделия с аналогичным орнаментом А. А. Спицын датировал XI—XII вв., усматривая в них вероятное подражание золотым киевским бусам [Спицын 1896: 16, табл. XI, 19].

² Показательно, что именно в таком сочетании орнаментальных мотивов (с кружками, с напаянными волютами и со шнуром) бусы встречаются совместно в погребальных памятниках перми вычегодской [Савельева 1992: 131—132].

Особенностью остальных изделий является их присутствие в комплексах в виде отдельных половинок, представленных единичными экземплярами или непарным их количеством; при этом следы спайки на гранях не выявляются. Последнее указывает на их иное назначение. В одном из курганов найдены две разнотипных половинки — неорнаментированная и более крупная с продольным рифлением (Бег. 3; рис. 8: 59, 60), в другом представлено непарное изделие с мелким «жемчужным» узором на поверхности (Тег. II-3; рис. 8: 61).

Обращают на себя внимание три половинки оригинальных литых бус из кургана 49 у дер. Бегуницы (рис. 8: 62), где они сопровождали погребение с элементами прибалтийско-финского одежного комплекса. Аналогичные находки встречены Л. К. Ивановским в одной из насыпей Суминского могильника [Спицын 1896: 16, табл. XVI, 8]. Еще два экземпляра обнаружены автором при раскопках Кайболовского городища второй половины XII—первой половины XIII в. — новгородского острожка в прибрежной части Финского залива на стыке с позднесредневековыми погостами «в Чюди». Тщательно исполненный рельефный декор выпуклой поверхности напоминает орнамент овально-выпуклых ливских фибул того же времени, а сами рассматриваемые находки, возможно, являются миниатюрным, хотя и переработанным, воспроизведением последних (ср.: Tõnisson 1974: taf. XXXII, 5; XXXVI, 1, 3, 5; Zarina 1988: 31, 32, 45, 46 att.).

Фибулы (67 экз.). Являлись характерным элементом женского убора, встречаясь также в детских захоронениях. Лишь в одном случае отмечено наличие оригинальной застежки на груди умершего мужчины (Бег. 18, п. 1). Фибулы, как правило, носили по одному экземпляру и использовали в качестве нагрудных застежек. Отмечается их обычное положение в верхней части грудных позвонков, нередко у правой или левой ключицы. Иное применение застежек наблюдалось достаточно редко. В шести случаях отмечено их положение у правого бедра, при этом дважды установлено сочетание таких застежек с фибулами нагрудной части одежды (Бег. 42, п. 2; Лаш. I-40, п. 1). Известны также единичные факты нахождения фибул на поясе умершей (Лаш. II-1) или у головы (Лаш. I-30; Тег. I-22, п. 1); изначальное положение последних, при учете частичной разрушенности костяков, не является бесспорным.

Почти все застежки изготовлены из цветного металла — преимущественно из желтой бронзы, в редких случаях из оловянистого сплава и, как исключение, — из низкопробного серебра. Лишь в одном случае отмечена спиралеконечная фибула с прямоугольным сечением дуги, изготовленная из железа и располагавшаяся на груди ребенка (Бег. 13; табл. XXXII, 7). Она характеризуется грубостью выделки и отсутствием орнамента. По данным В. А. Мальм, типологически сходные экземпляры на древнерусской территории встречены лишь в ранних курганах с трупопожжениями (Владимирские курганы — 3 экз.; Тимеревский могильник под гор. Ярославлем — 1 экз.), а за пределами Руси известны в Финляндии и Скандинавии [Мальм 1967: 154—155, рис. 22: 4]. Наша находка относится к позднейшим образцам подобного типа в древнерусском курганном ареале и не может быть датирована временем ранее XII в.

Фибулы из цветного металла подразделяются на подковообразные и кольцевидные (табл. 8). В более многочисленной первой группе представлены фибулы с плоскими — гвоздевидными — головками (40 экз.) и спиралеконечные застежки (12 экз.). Среди фибул с плоским завершением дуги количественно преобладают

Состав и количественное распределение фибул по разновидностям погребальных сооружений

Форма фибул	Количество находок в комплексах				
	курганы с погребениями на горизонте	курганы с погребениями в ямах	курганы-жальники	жальничные могилы	Всего
Подковообразные с плоскими головками					
Сегментного сечения	11	—	1	—	12
Треугольного сечения	6	—	—	—	6
Пластинчатые	1	—	—	—	1
Ромбического сечения	2	5	—	—	7
Круглого и овального сечения	1	1	6	—	8
С тордированной дугой	4	2	—	—	6
Подковообразные спиралеконечные					
Сегментного сечения	2	—	1	—	3
Пластинчатые	—	—	—	2	2
Круглого и овального сечения	1	2	—	—	3
С тордированной дугой	2	1	1	—	4
Кольцевидные					
Без отверстия на щитке для крепления иглы	1	3	2	1	7
С отверстием на щитке для крепления иглы	—	—	5	1	6
Итого	31	14	16	4	65

изделия с сегментным сечением дуги. Почти все они происходят из погребений в основании курганных насыпей (Бег. 15; 20; 42, п. 1; 53, п. 2; Лаш. I-38, п. 1; 40, п. 1; Лаш. II-2; Бес. 7; табл. XXX, 1—6, 8) и лишь один поздний экземпляр найден в кургане-жальнике (Лаш. I-30; табл. XXX, 7). При этом обращает на себя внимание серия из четырех фибул ранней группы с единой орнаментацией: наличие на дуге выделенной средней зоны с плетеным восьмеркообразным узором и отходящими от нее пунктирными или прочерченными линиями, завершающимися кружочками; головки украшены орнаментом в виде ромба. Застежки с центральным зональным узором имели преимущественное распространение на северо-западе Новгородской земли. По подсчетам В. А. Мальм, здесь найдено около 80 экз. таких фибул при предполагаемой их датировке в пределах второй половины XI—XII в. и отчасти XIII в. [Мальм 1967: 164 след., рис. 24: 4]. Иная разновидность орнамента — нанесенные на дугу насечки, имитирующие витые, — отмечена в трех случаях, в том числе и на экземпляре из кургана-жальника.

Только в курганных погребениях на горизонте встречены застежки с гвоздевидными головками и треугольным сечением дуги (Бег. 7; 42, п. 2; Тег. II-1, п. 2; 4; Лаш. I-41, п. 1; Лаш. II-1; табл. XXX, 10, 11; XXXI, 1—3). Две из них имеют декор, напоминающий первую разновидность узора на рассмотренных выше фибулах, но лишенный центральной плетенки, остальные неорнаментированы.

Из курганов с захоронениями на горизонте происходят единичные находки фибул с пластинчатыми головками, имеющие четырехугольное, в виде узкой пластинки (Бег. 42, п. 2) и выпукло-вогнутое (Лаш. I-38, п. 2; табл. XXXI, 7) сечение дуги, а также крупная пластинчатая фибула из серебра с рубчиком вдоль всей дуги (Тег. I-33;

табл. XXXII, 1). Аналогии последнему экземпляру известны в курганах Новгородской земли всего в количестве шести экземпляров; два изделия происходят из Путиловского клада в южном Приладожье [Мальм 1967: 165, 167, рис. 24: 6].

Несколько иное распределение по погребальным сооружениям устанавливается для застёжек с ромбическим сечением дуги (7 экз.). Только две из них встречены в курганных захоронениях на горизонте (Лаш. II-1; Тег. II-3; табл. XXXI, 9). Они имеют четко выраженные головки с намеченными углами и сходную орнаментацию. Остальные находки происходят из насыпей, содержащих погребения в подкурганных ямах (Тег. I-1, п. 3; 10, п. 2; 14; 24, п. 4; табл. XXXI, 4—6, 10). Три из них лишены орнамента, две украшены по дуге насечками или слабо намеченным зигзагообразным узором.

В особый разряд традиционно выделяются фибулы с утолщением в средней части дуги, ограниченным боковыми рельефными поясками. Происходящий из наших раскопок экземпляр с ромбическим сечением дуги встречен в курганном погребении на горизонте (Бег. 39; табл. XXXI, 8). На территории Руси полностью аналогичные находки зафиксированы только в курганах Водской земли (4 экз.) и две застёжки, отличающиеся по оформлению утолщения, встречены в слоях Новгорода 30-х гг. XIII в. и начала XIV в. Основная их масса происходит из памятников эстов и ливов XI—XIV вв., подобные изделия известны также в средневековых древностях Скандинавии [см.: Мальм 1967: 164—165, рис. 24: 1; Седова 1981: 85, 88, рис. 30: 5, 7].

Серия застёжек с овальным или круглым сечением дуги насчитывает 8 экз. (Бег. 3; Лаш. I-6; 7; 10; 12; 16; 17; Тег. I-4; табл. XXXIII, 1—7, 12). В четырех случаях на них насечками воспроизведена имитация витья, остальные фибулы не орнаментированы. Пластинчатые шляпки у большинства изделий почти не отделены от подножки, за единичным исключением отсутствует и выраженность граней головок. По распределению в погребальных сооружениях разных типов намечается их явная приуроченность к позднему пласту древностей. Лишь одна такая находка происходит из трупоположения на горизонте, одна — из курганного погребения в яме, остальные находки связаны с комплексами курганов-жальников.

Еще одну серию образуют застёжки с витой серединой дуги (6 экз. — Бег. 19; 52; 55; Тег. I-22, п. 1; 24, п. 2; табл. XXXIII, 8—11). Они встречены как в курганах с погребениями на горизонте, так и в курганах с ингумациями в ямах. При этом достаточно четко прослеживаются различия между находками в захоронениях разного уровня: для первых устанавливается выраженность гвоздевидных головок, в двух из трех случаев украшенных насечками в виде ромба, для вторых — наличие слабо отделенных от подножки и неорнаментированных шляпок.

Группа спиралеконечных фибул представлена следующими разновидностями:

1. Застёжки с сегментным сечением дуги (2 экз.). Экземпляр из курганного погребения на горизонте имеет расширенную муфту иглы, украшен пунктирным орнаментом, состоящим из выделенной средней зоны и отходящими от нее к концам прямыми линиями (Тег. II-1, п. 1; табл. XXXII, 2). Более поздняя находка из кургана-жальника (Лаш. I-2; табл. XXXII, 3) отличается грубостью исполнения; муфта по своей ширине соответствует размерам иглы, на дуге имеются поперечные насечки.

2. Застёжки с круглым сечением дуги (3 экз.). Происходят из курганных погребений на горизонте (Бег. 11; табл. XXXII, 4) и в ямах (Тег. I-20; Ф. 1; табл. XXXII, 5). Все изделия неорнаментированы.

3. Застежки с витой или тордированной дугой (4 экз.). Один экземпляр происходит из погребения в основании насыпи (Бег. 29, п. 1; табл. XXXII, 6), два — из насыпи, содержащей захоронения на горизонте и в мелких ямах (Тег. I-15, п. 1,2) и один — из кургана-жальника (Пл. 2; табл. XXXII, 10). Поздняя находка отличается от остальных невыделенностью муфты иглы.

4. Застежки, изготовленные из узкой и тонкой четырехгранной пластинки и также не имеющие выраженной муфты иглы. Два полностью аналогичных экземпляра представлены в позднейшем пласте жальничных древностей (Бес. 4, п. 3; 6, п. 1; табл. XXXII, 8, 9).

Сравнительный анализ спиралеконечных фибул из разных погребальных объектов позволяет наметить следующие хронологические изменения в их типологии. Во-первых, это наблюдаемая на некоторых экземплярах эпохи распространения подкурганных могильных ям и четко фиксируемая на изделиях из курганов-жальников и жальничных могил замена расширенной муфты кольцом, по своей ширине не превышающим или слабо превышающим ширину самой иглы. Во-вторых, прослеживаемое при переходе к курганно-жальничному и жальничному пластам древностей уменьшение длины спиральных трубочек, почти не выходящих за пределы дуги застежек.

Большим разнообразием и индивидуальностью исполнения отличаются бронзовые кольцевидные фибулы (14 экз.), среди которых преобладает серия пластинчатых колец. Изделия представлены следующими типами:

1. Литая фибула диаметром 3 см с десятью выступающими на дуге стержнями — выпуклыми глазками для вставок цветного металла (Бег. 18, п. 1; табл. XXXIV, 1). Это единственная в наших материалах нагрудная застежка, происходящая из мужского погребения. Ее близкие аналогии известны в отложениях Новгородского (Рюрикова) городища, в слое Новгорода 1186—1213 гг. и на Семилуцком городище середины XII—середины XIII в., расположенном в бассейне р. Дон [об этом см.: Носов 1990: 123—124, рис. 45: 5]. Еще один экземпляр, отличающийся более крупными размерами и меньшим количеством гнезд, имеется в коллекции раскопок Л. К. Ивановского на Ижорском плато [Спицын 1896: 45, табл. XIV, 14].

2. Миниатюрная круглопроволочная фибула, диаметр которой не превышает 1,7 см (Тег. I-24, п. 5; табл. XXXIV, 2). Найдена среди костей младенца, погребенного в подкурганной могильной яме. По новгородским аналогиям, застежки из круглой проволоки в целом датируются концом XII—серединой XIV в. [Седова 1981: 92].

3. Фибула, витая из трех тонких проволок (Лаш. I-26, п. 9; табл. XXXIV, 6). Относится к числу позднейших находок, выявленных при исследовании жальничной окраины могильника.

4. Пластинчатые фибулы (11 экз.), среди которых выделяется лишь одна серийная группа изделий (Лаш. I-20; 43; Тег. I-1, п. 2; табл. XXXIV, 3, 4). Это сравнительно небольшие застежки с внешним диаметром 2,8—3,4 см. В двух случаях они обнаружены в курганах с погребениями в ямах, в одном — в комплексе курганно-жальничного облика. Аналогии фибул той же формы и орнамента (зигзагообразный узор на кольце) известны в поздних погребениях Водской земли [Спицын 1896: 45, табл. X, 10]. Для определения верхних границ их бытования интерес представляет находка такой застежки в Пскове, где она входила в заполнение ямы с керамикой XIV—XV вв. [Сергина 1983: 95, 100, рис. 15: 7].

Остальные находки индивидуальные, хотя некоторые из них имеют ярко выраженное сходство с фибулами из раскопок Л. К. Ивановского на Ижорском плато и древностей сопредельных районов Прибалтики. Из курганов-жальников происходят:

— застежка диаметром 5 см, шириной кольца 1,2 см, украшенная рельефным растительным орнаментом и насечками (Лаш. I-5; табл. XXXIV, 5); обнаруживает полное тождество с находкой из Домашковицкого могильника на Ижорском плато [ср.: Спицын 1896: 45, 119, табл. X, 13];

— застежка диаметром 4,5 см, шириной кольца 0,7 см, имеющая вздутия на противоположных концах кольца и украшенная рельефным узором (Бес. 1, п. 2; табл. XXXIV, 12);

— застежка диаметром 6 см, шириной кольца 1 см, с углубленным орнаментом в виде серии крестов (Лаш. I-11; табл. XXXIV, 9). Иконографические особенности последних позволяют предполагать западное (ливонское?) происхождение этого изделия XIV в.;

— застежка диаметром 6 см, шириной кольца до 1,7 см, изготовленная из тонкой листовой бронзы; орнаментирована тисненными полушарными выпуклостями и насечками (Лаш. I-14; табл. XXXIV, 7). Аналогичный экземпляр обнаружен Л. К. Ивановским в могильнике у дер. Греблово [Спицын 1896: 45, табл. IX, 23];

— застежка диаметром 5 см, шириной кольца 1 см, без орнамента (Пл. I, п. 1; табл. XXXIV, 13). Такие простые по характеру исполнения фибулы, в частности, серийно выявлены на могильнике Йыуга в северо-восточной Эстонии, традиционно связываемом с водью [см.: Vadjäparased... 1993, tahv. XLI; XLII; XLIII].

— застежка, максимальный диаметр которой составляет 5 см, выделяющаяся ажурным оформлением расширенной части кольца (Лаш I-4; табл. XXXIV, 10). Последняя особенность сближает это литое изделие с ажурными округло-подтреугольными цепедержателями ливского типа [ср., напр.: Спицын 1896: табл. VII, 11].

Кроме того, одна пластинчатая фибула встречена в могиле жальничного облика (Ф. 2, п. 2; табл. XXXIV, 8) и еще одна находка обнаружена при исследовании небольшой курганной насыпи на уровне основания последней, где следы захоронения отсутствовали (Тег. I-26; табл. XXXIV, 11). Застежка с шестью выступами на кольце из жальничного комплекса может быть сопоставлена с серией фибул Водской земли, известных по раскопкам Л. К. Ивановского, но характеризующихся наличием лишь четырех таких выступов [ср.: Мальм 1967: 169, 170, 189, рис. 25: 5]. Литая фибула из кургана имеет несколько вытянутые, овальные очертания (диаметр 3,4×3,8 см); часть кольца декорирована фигурными прорезями, на противоположном от ажурных выемок расширению — крестовидный узор из рельефных полушарий.

По данным новгородской стратиграфии, время бытования пластинчатых кольцевидных фибул замкнуто между ярусами 1177—1340 гг. с возможным расширением этой даты [Лесман 1990а: 78]. Распределение наших находок по разновидностям погребальных сооружений свидетельствует об их преимущественной приуроченности к периоду распространения курганов-жальников и отчасти — жальничных погребений. Поздняя дата многих образцов подтверждается их корреляцией с многобусинными височными кольцами, появляющимися лишь в конце XIII в., и с серьгами в виде вопросительного знака, встречающимися с начала XIV в. В. А. Мальм относит время распространения пластинчатых фибул на северо-западе Руси в основном к XIII—XIV вв., рассматривая их при этом в качестве характерного элемента средневековой водской культуры [Мальм 1967: 170].

Определенные данные о хронологических изменениях в эволюции кольцевидных застежек получены при обращении к характеру крепления игл на основе (табл. 8). Если фибулы с иглами, замкнутыми на внешний контур кольца, представлены во всех разновидностях погребальных сооружений, то все образцы с выемкой на щитке для крепления иглы происходят только из курганно-жальничных и жальничных захоронений.

Браслеты (95 экз. из 59 погребений) являлись почти исключительной принадлежностью женского металлического убора. Наличие браслетов в мужских погребениях, судя по их положению при костях — в ногах, у бедра, в области разрушенной грудной клетки сидячих захоронений — объясняется их ритуальным характером (Бег. 10; 35; Лаш. I-33; Тег. II-2). Лишь в одном случае (Бег. 8) браслет был надет на кисть мужчины, погребенного с богатым инвентарем дружинного облика (секира с серебряной инкрустацией, поясной набор с бронзовыми бляшками, игла с кольцом и т. д.).

По количеству браслетов, сопровождавших женские захоронения, находки распределяются следующим образом: 1 экз. — 29 комплексов (52,7%), 2 экз. — 18 (32,7%), 3 экз. — 3 (7,2%).³ Более представительные серии браслетов встречены лишь в единичных случаях — 4 экз. (Бег. 37), 7 экз. (Лаш. I-40, п. 4), 8 экз. (Тег. I-4). При этом богатые наборы таких украшений отмечены в погребениях девочек-подростков, достигших возраста невест, и молодых женщин.

Браслеты носили как на правой, так и на левой руке, а при их парности — на обеих руках. Чаще всего они располагались около запястья, но зафиксировано их положение и выше — на локтевых костях и даже около локтевого сустава. Выделяются следующие разновидности браслетов (табл. 9):

1. Дротовые и узкомассивные браслеты. Всего одним экземпляром представлено дротовое изделие, изготовленное из отрезка толстой проволоки подчетырехугольного сечения со скругленными углами и уплощенной внутренней гранью; браслет имеет несколько суженные концы (табл. XXXV, 1). Эта находка происходит из наиболее раннего захоронения, совершенного по обряду кремации (Бег. 50).

Узкомассивные тонкоконечные браслеты сегментного сечения (Бег. 1; Тег. I-24, п. 3; 35; табл. XXXV, 2) относятся к наиболее распространенному типу изделий из дрота, известному на различных территориях и бытовавшему на Руси с конца I тысячелетия и до XIV в. [Левашева 1967б: 212, 214, рис. 28: 3].

2. Крученые браслеты. Единственный экземпляр, изготовленный из перекрученной толстой проволоки, характеризующейся сочетанием острых выступов и полукруглых углублений и имеющей суженные уплощенные концы, происходит из позднего кургана-жальника (Пл. 1, п. 1; табл. XXXVI, 11). Судя по наличию в голове могилы каменного креста новгородского типа, комплекс датируется временем не ранее конца XIII—XIV в. В Новгороде крученые браслеты представлены в слоях XII—второй половины XIII в. при наблюдаемой тенденции к увеличению их численности на позднем этапе [Седова 1981: 98—99].

³ Показательно, что сходное процентное соотношение выявляется при анализе выборочных могильников из разных районов Северо-Западной и Северо-Восточной Руси: случаи находок по одному браслету при погребении составляют 57%, по 2 — 36%, по 3 — 6% [Левашева 1967б: 207].

Таблица 9

Количественное распределение браслетов по разновидностям погребальных сооружений

Разновидность погребальных сооружений	Витые								Пластинчатые (по орнаменту)									
	1	2	3	4	5	6	7	8	АБ	В	Г	ДЕ	Ж	З	И	КЛ	М	НО
Курганы с погребениями на горизонте	1	2	2	27	4	2	—	—	6	1	2	3	—	—	2	2	—	—
Курганы с погребениями в ямах	—	1	—	—	—	10	—	—	—	—	—	3	—	1	—	—	3	—
Курганы-жальники	—	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	2	—	—	—	10	3
Жальничные могилы	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	1	3	2	27	4	13	4	2	6	1	2	6	2	1	2	2	13	3

Примечание: типы браслетов (1 — дровые; 2 — узкомассивные; 3 — плетеные; 4 — трехпроводные обрубленоконечные; 5 — трехпроводные с петлей на одном конце; 6 — трехпроводные петлеконечные; 7 — витые четверные; 8 — витые 2×3); обозначения видов орнамента на пластинчатых браслетах соответствуют рис. 9.

3. Плетеные браслеты, происходящие из погребений в основании насыпи. Один из них, встреченный на кисти умершего мужчины, сплетен из четырех перевитых проволок и завершается припаянными литыми щитками овальной формы (Бег. 8; табл. XXXV, 4). Аналогичные по форме, но выполненные из серебра браслеты нередко встречаются в древнерусских кладах конца XI—XII в. [Корзухина 1954], в единичных случаях они представлены в курганах XI—XII вв. Владимирской, Московской и Смоленской областей [Левашева 1967б: 218, 228, рис. 29: 9]. В Новгороде бронзовые овальноконечные плетеные браслеты найдены в слоях от рубежа XI—XII вв. до конца XIII в., однако изделия с типологически близкими орнаментированными щитками укладываются в более узкий хронологический диапазон второй половины XII—начала XIII в. [Седова 1981: 101—102, рис. 36: 11].

Второй экземпляр относится к типу браслетов, плетенных на каркасе и имеющих оборванные концы (Бег. 14; табл. XXXV, 3). Такие украшения являются обычной находкой в древнерусских сельских курганах [Левашева 1967б: 218, 228—229, рис. 29: 10] и встречены в слоях Новгорода второй половины XI—середины XIII в. [Седова 1981: 101—102, рис. 36: 3].

4. Витые браслеты (50 экз. из 33 погребений). По количеству проволок и оформлению концов подразделяются на несколько типов.

Браслеты трехпроводные с обрубленными концами (27 экз. из 20 комплексов; табл. XXXV, 5). Происходят из трупосожжений, совершенных в основании насыпи (Бег. 10; 11; 15; 19; 35; 38; 39, п. 2; 42, п. 2; 45; Лаш. I-33; 38, п. 1, 2; 40, п. 4; 41, п. 1; Лаш. II-1; Тег. I-33; 34; Тег. II-1; 2; 4). Тройные браслеты с обрубленными концами получили особенно широкое распространение на северо-западе Новгородской земли, где учтено свыше 300 их находок [Левашева 1967б: 220]. По мнению многих исследователей, их можно считать этнически определяющим признаком новгородских словен. В Новгороде обнаружено около 40 таких находок, происхо-

дящих из слоев последней трети XI—начала XIV в. Их наблюдаемая взаимосвязь с группой курганных захоронений на горизонте находит объяснение во времени наибольшего распространения таких изделий (70-е гг. XII в.—60–70-е гг. XIII в.) [Седова 1981: 94—95].

Браслеты трехпроволочные с петлей на одном конце (4 экз. из трех комплексов: Бег. 38; 42, п. 1; Лаш. I-40, п. 1; табл. XXXVI, 1). Как и предшествующая разновидность, происходят из погребений в основании насыпи. Судя по новгородским аналогиям, изделия с таким же оформлением концов, но свитые из двух проволок, хронологически распределяются в слоях начала XII—40-х гг. XIII в. [Седова 1981: 97].

Браслеты трехпроволочные с петлями на обоих концах (табл. XXXVI, 2). Отмечены в одном из погребений в основании насыпи (Бег. 47, п. 3) и курганно-жальничном комплексе (Лаш. I-11), но более значительная их часть происходит из курганов с захоронениями в ямах (Тег. I-4; 18; 22, п. 1). Подобные браслеты относятся к наиболее распространенным находкам витых украшений рук в Новгороде, где они датируются первой четвертью XI—80–90-ми гг. XIV в. при преимущественном бытовании в XII—XIV вв. [Седова 1981: 94—95].

Браслеты четверные (2×2), сделанные из сложенной вчетверо и перевитой проволоки с оформлением одного края в виде двух петель, другого — в виде петли с двумя концами внутри (4 экз.; табл. XXXV, 6). Происходят из курганов-жальников (Лаш. I-4; Бес. 1, п. 1) и жальничных могил (Бес. 4, п. 3; Ф. 2, п. 3). Их присутствие лишь в поздних погребальных комплексах вполне согласуется с данными новгородской стратиграфии, документирующей распределение этого типа украшений в слоях середины XIII—середины XIV в. [Седова 1981: 97].

К позднейшей форме изделий относятся и сложновитые (2×3) петлеконечные браслеты, изготовленные из двойной проволоки, сложенной втрое и перевитой (табл. XXXV, 7). Они происходят только из жальничных могил (Лаш. I-26, п. 4, 6). Немногочисленные аналогии таких браслетов из Новгорода представлены в слоях 40—80-х гг. XIV в. [Седова 1981: 97].

5. Пластинчатые браслеты (40 экз. из 26 погребений).⁴ Почти все находки относятся к наиболее распространенной группе тупоконечных браслетов с суженными концами. Исключение составляет узкий ленточный браслет шириной 0,9 см из прибалтийско-финского погребения у дер. Бегуницы (кург. 17, п. 1; табл. XL, 4).

Размеры расширенной средней части браслетов составляют от 0,8—0,9 см до 2—2,4 см с наблюдаемой тенденцией к увеличению их ширины на позднем этапе (инвентарь курганов-жальников). Особую группу образуют находки крупных пластинчатых наручей, по характеру оформления подразделяющихся на два варианта:

— Браслеты с вогнутой серединой, ширина которых составляет 3 см (Бег. 20, п. 1; Лаш. I-38, п. 1; табл. XXXVIII, 2, 3). Изделия имеют сходную орнаментацию из двух рядов ленточных зигзагов с заключенными в них кружками и линиями зубцов по краям вогнутой средней части. Аналогичный браслет из петербургских курганов был отнесен А. А. Спицыным к XII—XIII вв. [Спицын 1896: 41, табл. IV, 16; 1903: 33]. Наши находки происходят из курганов с основными погребениями на горизонте.

⁴ Приведенные на таблицах находки (30 экз.) составляют 75% пластинчатых браслетов, что позволяет не останавливаться более детально на их характеристике.

— Наручи с валикообразными расширениями по краям (Тег. I-11; 25; Лаш. I-5; табл. XXXVII, 5; XXXVIII, 4). Два из них шириной 4—4,5 см происходят из курганов с погребениями в ямах, третий, наиболее крупный, достигающий ширины 7 см и украшенный зональным орнаментом в виде ленточной плетенки — из кургана-жальника (Лаш. I-5). А. А. Спицын относил начало появления браслетов с боковыми валиками на Северо-Западе к XIII в., считая вероятным бытование части таких украшений и в XIV в.

Следует отметить, что широкопластинчатые браслеты-наручи являются локальной разновидностью украшений северо-западных районов Руси, нередко встречаясь, вместе с тем, и в синхронных древностях Юго-Восточной Прибалтики.

По распространению орнаментированных браслетов в различных видах погребальных сооружений можно наметить определенные изменения в декоре последних (рис. 9; табл. 9). Наибольшее разнообразие узоров наблюдается на находках, сопровождающих погребения в основании курганных насыпей. Только для этой группы инвентаря присущ орнамент в виде «волчьего зуба», косой решетки, зигзагов с точками в центре. Указанные элементы узора оказываются типичными и для новгородских браслетов XII—XIII вв. [Седова 1981: рис. 39—40], причем для наиболее выработанного орнаментального признака — нанесенных пуансоном треугольников с включенными в них кружочками («волчий зуб») устанавливается его наличие в ярусах 1055—1268 гг.

Поздние мотивы орнаментации, отмеченные преимущественно на браслетах из курганно-жальничных погребений, сводятся к нескольким разновидностям. Это наиболее распространенный узор (представленный на некоторых изделиях из курганов с ямными захоронениями) в виде угловатой плетенки, розетки в орнаменте, а также, возможно, в виде рельефной «косички».

В особую группу украшений рук следует выделить спиральные браслеты, обнаруженные на кистях детского погребения с богатым прибалтийско-финским набором инвентаря (Бег. 17, п. 2; табл. XL, 2, 3). Наручи свернуты в двенадцать оборотов из бронзовой пластинки треугольного сечения, наружная поверхность которой украшена зубчатым штампом со следами серебряной инкрустации. Подобные украшения широко известны в древностях прибалтийских финнов и балтов, а также представлены в курганных могильниках прибалтийско-финского характера, исследованных на восточном побережье Чудского озера (Залахтовые) и в пределах Опольского погоста «в Чюди» (Мануйлово) [Спицын 1896: 49, табл. V, 13; Хвощинская 1976: 19—20]. На Ижорском плато спиральные наручи встречены в женском захоронении, инвентарь которого включал навершие булавки эстско-ливского типа (Межно, кург. 6), и в мужском погребении, сопровождавшимся копьем (Малая Горка, кург. 6); в Северо-Восточном Причудье парное ношение таких браслетов зафиксировано у умершей, обращенной головой к востоку (Патреева Гора, кург. 1), и в погребении девочки, шейная гривна которой была украшена спиральными пронизками (Калихновщина, кург. 67) [Спицын 1896: 97, 107; 1903: 77, 103]. Несмотря на редкость находок спиральных наручей в северо-западных районах Новгородской земли, их явная взаимосвязь с комплексами прибалтийско-финского происхождения не вызывает сомнений.

Перстни (38 экз. из 28 погребений). Являлись преимущественной принадлежностью женского металлического убора. В могильнике у дер. Бегуницы (кург. 10

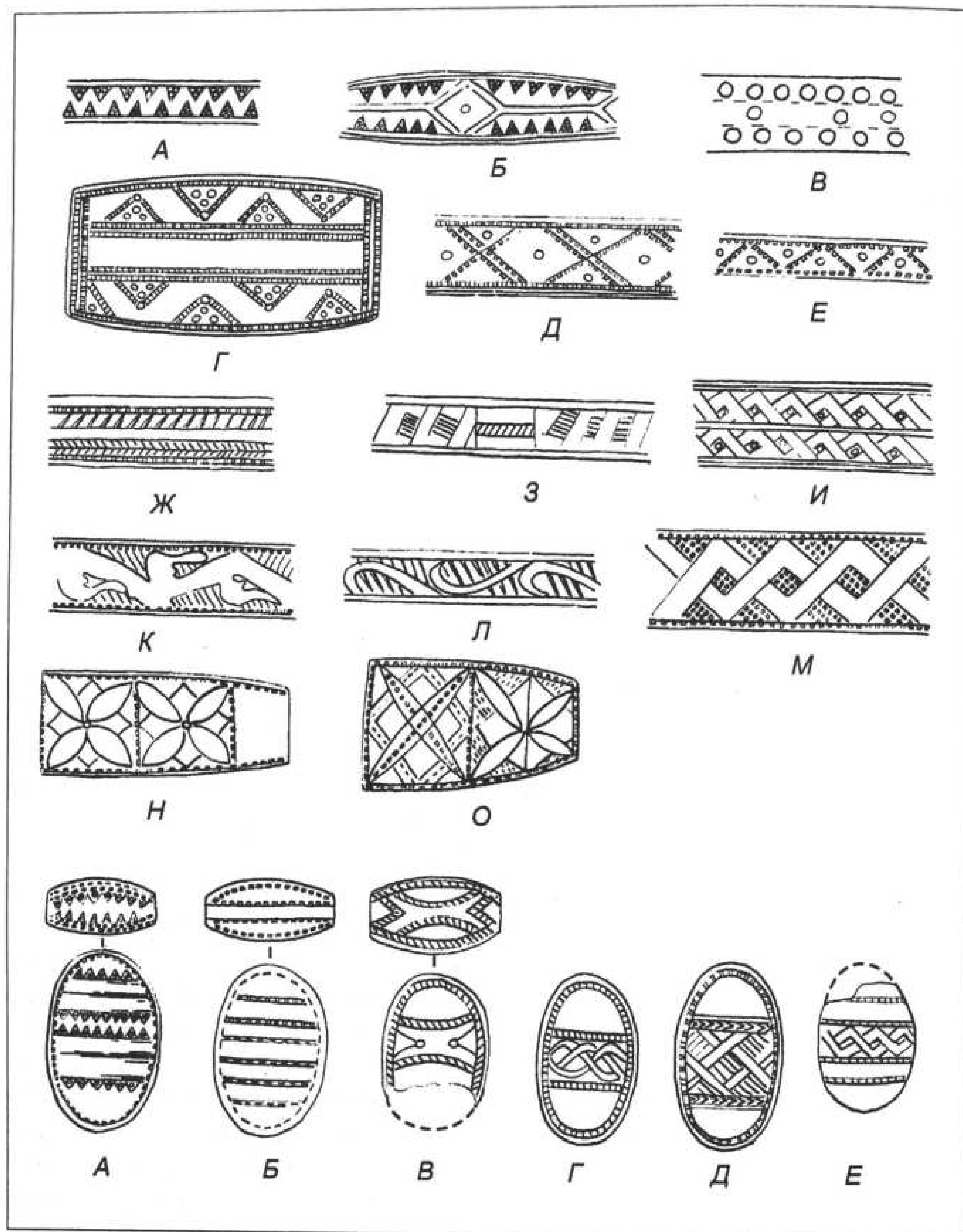

Рис. 9. Орнаментация пластинчатых браслетов и перстней Водской земли (данные о количественном распределении вариантов орнаментации браслетов приведены в табл. 9, перстней – в табл. 10).

и 35) дважды зафиксировано наличие таких украшений при мужских костяках с восточной и западной ориентировкой, причем положение находок в области грудной клетки свидетельствует об их приношении в качестве дара умершим. В двух случаях перстни встречены на пальцах погребенных мужчин (Тег. I-31; 32); показательно, что и здесь они сопровождали захоронения с восточной ориентировкой — единственные в данной группе ингумаций с подобной направленностью.

К перстням, обнаруженным только в курганах с погребениями на горизонте, относятся следующие типы (табл. 10):

Количественное распределение перстней по разновидностям погребальных сооружений

Разновидность погребальных сооружений	Типы перстней								Орнаментация перстней					
	1	2	3	4	5	6	7	8	А	Б	В	Г	Д	Е
Курганы с погребениями на горизонте	4	4	3	11	2	6	—	—	10	2	2	1	—	—
Курганы с погребениями в ямах	—	—	—	—	—	5	1	—	—	—	1	2	2	—
Курганы-жальники	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Жальничные могилы	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
Итого	4	4	3	11	2	12	1	2	10	2	3	3	2	1

Примечание: типы перстней (1 — спиральные; 2 — узкомассивные незамкнутые; 3 — рубчатые и витые; 4 — широкосрединные пластинчатые с незамкнутыми концами; 5 — пластинчатые щитковосрединные; 6 — пластинчатые поперечнощитковые «петербургского» типа; 7 — узкопластинчатые ленточные разомкнутые; 8 — узкопластинчатые ленточные замкнутые); обозначения разновидностей орнамента на пластинчатых перстнях соответствуют рис. 9.

1. Спиральные, свернутые из проволоки круглого сечения (4 экз.: Бег. 17, п. 2). Встречены на детском костяке в сочетании со спиральными браслетами. Для древнерусской культуры они не характерны и связаны по происхождению с финно-угорскими и балтскими традициями [см. об этом, напр.: Недошивина 1967: 263; Седова 1981: 122, 125].

2. Узкомассивные незамкнутые перстни сегментного сечения с сужающимися концами (4 экз.; табл. XXXIX, 1—4). Передняя часть одного изделия украшена поперечным рифлением (Тег. I-32), другого — боковыми продольными полосками с насечками (Тег. I-33), еще две находки (Бег. 3; Лаш. II-3) лишены орнамента.

3. Рубчатые сомкнутые перстни, являющиеся одним из самых распространенных типов украшений данной категории древностей у восточнославянских племен [Недошивина 1967: 264]. Представлен лишь двумя экземплярами (Бег. 42, п. 2; Лаш. II-1; табл. XXXIX, 6, 7). Серийно выявленная группа таких перстней в Новгороде укладывается в хронологический диапазон 1096—1268 гг. [Лесман 1984: 135; 1990а: 50].

Витой двойной перстень со сканной перевитью и замкнутыми концами (Тег. I-33; табл. XXXIX, 8). Такие изделия достаточно часто встречаются в древностях Прибалтики, Финляндии и Скандинавии, известны они и в курганном материале Новгородской земли; их единичные находки в самом Новгороде представлены в слоях 50—60-х гг. XI в. и 60—70-х гг. XII в. [Седова 1981: 122, 125, рис. 45, 12].

4. Пластинчатые широкосрединные перстни с незамкнутыми концами (11 экз. из 8 погребений). Семь изделий имеют гладкий щиток (Бег. 38; 42, п. 1; 42, п. 2; 47, п. 3; Лаш. II-1; Тег. I-31; табл. XXXIX, 12, 14, 15—17), четыре относятся к варианту продольнорубчатых (Бег. 10; 42, п. 1; 42, п. 2; Лаш. I-41, п. 1; табл. XXXIX, 10, 11, 13). Принадлежат к общераспространенной форме перстней с длительным периодом бытования. По новгородской шкале датируются временем до 1313 г. с возможным расширением их верхних хронологических границ [Лесман 1984: 135].

5. Пластинчатые щитковосрединные перстни, выделяющиеся наличием узкопластинчатой дужки и резко расширяющейся средней части. Один экземпляр имеет

выраженный овальный щиток, декорированный кружками (Бег. 5; табл. XXXIX, 9), другой — литой из оловянисто-свинцового сплава — щиток, украшенный крупными шариками ложной зерни (Бег. 3; табл. XXXIX, 5). Последняя разновидность обнаруживает прямые аналогии в материалах Новгорода, где отмечено их присутствие в слоях первой половины XII в. [Седова 1981: 128, 132, рис. 49: 12, 16].

Иное распределение находок по разновидностям погребений прослеживается лишь для трех типов перстней:

6. Пластинчатые перстни с овальным поперечным щитком и незамкнутыми концами, известные в археологической литературе под названием перстней «петербургского» типа (12 экз. из 12 погребений). Выделяются варианты с выпуклыми продольными линиями на щитке и без них. Они серийно представлены как в курганных погребениях на горизонте (Бег. 35; 37; 39, п. 2; 48, п. 2; Лаш. I-38, п. 1; Тег. I-33; табл. XXXIX, 20, 23), так и в подкурганных ямах (Тег. I-11; 22, п. 1.; 24, п. 3; 25; 37; табл. XXXIX, 21, 22, 24); лишь в одном случае перстень этого типа обнаружен в кургане-жальнике (Лаш. I-4; табл. XXXIX, 25).

Еще А. А. Спицыным было отмечено их преимущественное распространение на Северо-Западе Новгородской земли, где по подсчетам этого исследователя они составляли около 20% всех перстней в петербургских курганах, отнесенных к XI—XII вв. и до 30% — к XIII—XIV вв., при основном бытовании поперечнощитковых перстней в XIII в. [Спицын 1896: 31, 46, табл. V, 27, 28; 1903: 35, табл. XXV, 26, 36, 37]. Как региональный тип северо-западных украшений XII—XIII вв. расценивает их и Н. Г. Недошивина [Недошивина 1967: 257, 262, 263, 274, рис. 31: 11]. Судя по публикациям, такие перстни не встречаются в самом Новгороде и, следовательно, могут рассматриваться в качестве продукции местных сельских ювелиров. Вместе с тем они обнаруживают прямые аналогии в древностях Прибалтики (на что ранее указывал и А. А. Спицын) и серийно представлены в могильниках Принаровья и Восточной Эстонии, связываемых с водью [см., напр.: Vadjaparased... 1993: tahv. LXVIII, 6—11]. Заметная группа таких перстней найдена также Ижорской экспедицией при исследовании погребений предков води в пределах Толдожского погоста «в Чюди». Опосредованная связь данного локального типа украшений с прибалтийско-финскими культурными традициями представляется более чем вероятной.

7. Узкопластинчатый ленточный перстень с разомкнутыми концами (ширина 6 мм), имеющий боковые рельефные выступы и украшенный растительным узором. Происходит из кургана с погребением в яме (Тег. I-1, п. 3; табл. XXXIX, 26). В Новгороде сходные изделия представлены в слоях с конца X до конца XIII в. [Седова 1981: 131].

8. Узкопластинчатые замкнутые перстни шириной 5—6 мм, один из которых имеет накладной пластинчатый щиток. Обе находки встречены в могилах жальничного типа (Лаш. I-26, п. 2, 4; табл. XXXIX, 27, 28). Ленточные замкнутые перстни без щитков образуют компактную группу в слоях Новгорода середины XIV—XV в. [Седова 1981: 131—132]. Такие же украшения, в том числе и со съемным пластинчатым щитком, неоднократно встречались в захоронениях XIII—XVI вв. води «чудских» погостов.

Интерес представляют данные об орнаментальных мотивах на пластинчатых перстнях при обращении к разновидностям погребальных сооружений. В целом они коррелируются с изменениями в декоре плоских браслетов (рис. 10; табл. 10). Для находок из курганов с ингумациями на горизонте наиболее характерен узор в виде

«волчьего зуба»; на некоторых перстнях представлен узор из рядов горизонтальных линий, изделия из курганов с захоронениями в ямах и курганах-жальниках выделяются преобладанием плетеного и решетчатого орнамента.

Подвески. Нагрудные и поясные украшения.

Нагрудные и поясные подвески немногочисленны и представлены в погребальных комплексах единичными находками. Исключение составляют два захоронения девочек-подростков и одно — ребенка, сопровождавшиеся наборами таких украшений (Бег. 11, п. 1.; 37; Тег. I-24, п. 5). Выделяются следующие категории подвесок, происходящих из курганов с погребениями на горизонте.

1. Лунницы (7 экз.: Бег. 11, п. 1; Бег. 37; Бег. 42, п. 2), встреченные в составе шейных ожерелий. Четыре подвески из биллона относятся к разновидности круторогих литых лунниц (табл. XLI, 1). Варьирующиеся по размерам и пропорциям лунницы этого типа широко представлены в древнерусских памятниках XI—XIII вв. [Успенская 1967: 102—104]. Серия таких находок происходит из слоев Новгорода, где устанавливается их бытование до 1238 г. [Седова 1981: 24—25; Лесман 1990а: 62]. Три подвески относятся к типу круторогих прорезных лунниц (табл. XLI, 2). Они изготовлены из оловянисто-свинцового сплава, украшены с наружной стороны выпуклым ободком с насечками и «жемчужным» орнаментом. Полностью аналогичная находка была встречена при раскопках Бегуницкого могильника в 1873 г. (Национальный музей Финляндии, колл. 1420: 8). Судя по имеющимся данным, в остальных курганах Северо-Запада и в самом Новгороде такие украшения не представлены. Прорезные лунницы XI—XII вв., известные на других территориях (Брянская, Московская, Смоленская, Владимирская обл.), — литые из биллона и несколько отличаются от рассматриваемых изделий [ср.: Успенская 1967: 100, 104, рис. 16: 8]. Вполне вероятно изготовление таких украшений сельскими ювелирами.

2. Круглые решетчатые подвески (4 экз.: Бег. 37), отлитые из биллона (табл. XLI, 3, 4). Представлены двумя разновидностями: косорешетчатые (3) и с решетчатым радиальным узором, идущим от центра к ободку (1). Первая разновидность подвесок была широко распространена в Северной Руси; однако наибольшая их концентрация выявляется в северо-западном регионе, что позволяет отнести последние к числу характерных украшений Новгородской земли [Успенская 1967: 108, рис. 18: 3, 13]. Семь косорешетчатых подвесок, изготовленных из сплава олова и свинца или меди, происходят из новгородских слоев последней четверти XII—середины XIV в. [Седова 1981: 33, 42, рис. 10]. Подвески с радиальным узором встречаются значительно реже. Так, по данным А. А. Спицына, в коллекции Л. К. Ивановского насчитывается всего два таких изделия [Спицын 1896: 17, табл. II, 3; XII, 21], но образуют представительную серию находок из костромских курганов XII—первой половины XIII в. [Рябинин 1986а: 73, табл. IV, 21].

3. Украшение, состоящее из двух костяных ножевидных подвесок, соединенных с парной цепочкой из литых орнаментированных звеньев (табл. XLI, 16). Было прикреплено к нагрудной подковообразной фибуле женского захоронения (Лаш. I-38, п. 1). На территории Древней Руси выделяются два района с находками ножевидных оберегов, изготовленных из кости или бронзы. Первый из них включает Ижорское плато, где при раскопках Л. К. Ивановского костяные амулеты обнаружены в четырех курганах (Прологи 44; Калитино 37, 50; Выра 22) и бронзовые — в двух насыпях (Беседа 145; Пезовицы, гр. А-8). Второй район локализуется в Верхнем Поднеп-

ровье, где при исследовании курганов также найдены бронзовые (Смяличи 1; Харлапово 17, 31) и костяные (Колчино 56) подвески. За пределами Руси аналогичные или сходные по исполнению обереги широко представлены в средневековых — преимущественно древнеэстонских и ливских — материалах Прибалтики. Есть достаточные основания рассматривать распространение таких подвесок в лесной зоне Восточной Европы как отражение синтеза славяно-финно-угорских языческих представлений [об этом см.: Рябинин 1988в: 55—63].

4. Вертикальный бронзовый игольник ножевидной формы с боковым ажурным щитком. Происходит из погребения девочки, где зафиксировано его использование в качестве нагрудного украшения (Лаш. I-40, п. 4; табл. XLII, 1). Различающиеся по деталям подвески этой формы найдены на Ижорском плато (курган у дер. Вопша, раскопанный Л. К. Ивановским), в Старой Ладогe и Приладожье (курганное захоронение у дер. Горка на р. Паше), на Карельском перешейке (Тиверское городище) и серийно представлены в костромских курганах — не менее 12 экз. [Рябинин 1986: 84]. Четыре типологически сходных изделия происходят из слоев XII—начала XIII в. Новгорода [Седова 1981: 26—27, рис. 7: 1—3]. По мнению Л. А. Голубевой, ножевидные подвески-игольники имеют прибалтийско-финское происхождение, а их появление в северо-восточных землях трассирует направление миграции смешанного прибалтийско-финского населения [Голубева 1978: 200—202].

5. Колоколовидная подвеска из светлого сплава, обнаруженная в вышеуказанном кургане вне погребальных комплексов (табл. XLII, 2). Подобные украшения использовались в качестве шумящих привесок к полым коньковым амулетам конца XII—XIV в., широко распространенным на северо-западе Новгородской земли и сопредельных территориях [Рябинин 1981б].

6. Украшение из трех бронзовых спиралей, прикрепленных к железному колечку (Лаш. I-38, п. 2; табл. XLII, 4). Располагалось у пояса детского захоронения. Сходная находка обнаружена Л. К. Ивановским при раскопках могильника у дер. Унатицы в этнографической зоне води; по определению А. А. Спицына, такие украшения характерны для древностей эстов [1896: табл. XIII, 3].

7. Бубенчики в рассматриваемом материале представлены относительно малочисленной серией находок (9 экз. из восьми погребений). Из наиболее ранних захоронений по обряду трупосожжения (Бег. 50; Бес. 8; табл. XLI, 8, 9) происходят грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью; устанавливаемое по новгородской стратиграфии время их распространения — X—середина XII в. [Седова 1981: 156]. В пяти комплексах представлены шаровидные бубенчики с линейной прорезью и тройным рельефным пояском (табл. XLI, 10), датируемые по новгородским аналогиям последней четвертью XI—XIII в., в одном случае — грушевидный бубенчик с линейной прорезью. Все эти находки происходят из погребений в основании насыпи. Исключение составляет поздняя разновидность бубенчиков грушевидной формы с линейной прорезью и поперечным литейным швом, представленная в новгородских слоях второй четверти XII—XIV в., которая обнаружена в кургане с погребением в яме (Тег. I-1).

Своеобразным являлось использование таких украшений в металлическом уборе. В четырех определимых случаях бубенчик располагался у основания правой или левой ноги и, по-видимому, крепился к обмотке обуви (Бег. 8; 38, п. 2; Лаш. I-38, п. 1; 40, п. 4). Находки бубенчиков близ берцовых и пяточных костей умерших известны в некоторых курганных погребениях Московской обл., где отмечается их преиму-

щественная принадлежность мужским ингумациям [Мальм, Фехнер 1967: 141]. Почти все бубенчики из наших раскопок обнаружены в женских комплексах. Единственный экземпляр, встреченный при мужском трупоположении, служил украшением ног.

8. К редким находкам в курганах Водской земли принадлежат бронзовые пуговицы [Спицын 1896:23]. Единственный экземпляр в наших раскопках обнаружен на груди женского захоронения в основании насыпи (Бег. 42, п. 2; табл. XLII, 3). Изделие грушевидной формы изготовлено из двух тисненых половинок с рифленой нижней частью и заканчивается проволочным ушком. Пуговицы, судя по их расположению на костяках, использовались для застегивания ворота мужских и женских рубаш. Значительная серия таких находок представлена в новгородских слоях рубежа XI и XII — XV в. [Седова 1981: 154—155, рис. 61: 3—7].

9. К нагрудным украшениям относится пластинчатый бронзовый цепедержатель с длинной цепочкой из двойных кольчатых звеньев, происходящий из курганного комплекса с ярко выраженной прибалтийско-финской культурной подосновой (Бег. 17; табл. XL, 1). Он был положен на дощатую подкладку рядом с захоронением девочки. Цепедержатель имеет полукруглую форму с округлыми угловыми выступами. Сохранились остатки углубленного декора со следами серебряного покрытия.

Этот тип украшений наиболее характерен для древностей эстов и ливов XI—XII вв., но встречается и у других племен Прибалтики [Selirand 1974: 149—150, tahv. XXX, 2; Zariņa 1988: 39, att. 26 и др. работы]. Единичные образцы таких нагрудных блях известны в курганах Ижорского плато (Сяглицы 7) [Спицын 1896: 88, табл. XI, 22], Северо-Восточного Причудья (Засторонье 175) [Спицын 1903: 87] и серийно представлены в курганном могильнике у дер. Залахтовье на восточном побережье Чудского озера, оставленном прибалтийско-финским по происхождению коллективом [Хвощинская 1976: 18—20, рис. 1: 23, 24, 25].

10. Нераспространенностью нагрудных и поясных подвесок объясняется единичность находок цепочек. Бронзовые цепочки из двойных кольчатых звеньев представлены в инвентаре женского трупосождения (Бег. 50) и четырех трупоположений на горизонте, принадлежащих женщинам и девочкам (Бег. 17, п. 2; 37; 42, п. 2; Лаш. I-40, п. 4; табл. XLI, 6). Кроме того, в одном случае у колена умершего мужчины оказалась бронзовая цепочка из восьмеркообразных пластинчатых звеньев с прикипевшими к концу остатками железа (Бег. 27, п. 2; табл. XLI, 5).

11. Предметы христианского культа представлены лишь находкой нагрудного бронзового крестика с выемчатой желтой эмалью, сопровождавшего детское захоронение в основании курганной насыпи (Бег. 1; табл. XLII, 1). Изготовление таких крестиков было налажено на Киевщине в XI в., расцвет их производства приходится на XII в., в XIII в. они выходят из употребления. Рассматриваемый экземпляр относится к типу круглоконечных крестиков, представленных в древнерусских материалах пятью экземплярами (Киевская, Калужская, Владимирская обл.) [Мальм 1968: 113—117].

Следует добавить, что еще один предмет христианского культа был найден при раскопках того же могильника в 1873 г. Это небольшая круглая иконка со сценой Успения Богоматери.⁵ Аналогии таких образков известны в основном на территории

⁵ Национальный музей Финляндии (Хельсинки), колл. 1420: 7.

Владими́ро-Суздальского княжества, само же их появление связывается с деятельностью ремесленных мастерских при Успенском соборе во Владимире, освоивших во второй половине XII в. серийный выпуск «памятных» иконок [Седова 1974: 191—194; 1978: 119—123].⁶

В курганах с захоронениями в ямах, курганах-жальниках и жальничных могилах нагрудные и поясные украшения одежды почти не представлены. Исключения единичны. Так, в одном из женских погребений, совершенных в кургане-жальнике (Лаш. I-11), зафиксирована обшивка из трех свинцово-оловянистых лапчатых подвесок, располагавшихся в ряд у сгиба левой руки с ее внутренней стороны (табл. XLI, 12). Подвески данной формы с решетчатым орнаментом на лицевой стороне отмечены в нескольких погребальных комплексах Ижорского плато, вскрытых Л. К. Ивановским (Греблово 30 — 6 экз., Рутилицы 32 — 6 экз.; Смедово 38 — 3 экз.; Ронковицы 69 — 1 экз.) и в одном из курганов Северо-Восточного Причудья (Крапивна 21). Единичные экземпляры представлены в слоях середины — конца XIII в. Новгорода и, по мнению М. В. Седовой, носят финно-угорский характер [Седова 1981: 33, 36, рис. 10: 9, 10]. Последнее заключение подтверждается открытием серии лапчатых подвесок из свинцово-оловянистого сплава в чудских могильниках, исследованных Ижорской экспедицией в этнографическом ареале воды.

Еще в одном кургане-жальнике (Лаш. I-30) под нижней челюстью женского захоронения встречена фигурная свинцово-оловянистая пластинка длиной 3 см с четырьмя расположенными в ряд круглыми отверстиями (табл. XLI, 11). Полностью аналогичные или близкие, но лишенные фигурных выступов, изделия изредка встречались в раскопках Л. К. Ивановского и В. Н. Глазова на Ижорском плато и в Причудье. По имеющимся сведениям, они, как и в нашем случае, располагались обычно у ворота. А. А. Спицын датировал такие находки XIII—XIV вв. [Спицын 1903: 28].

Использование пластинок с отверстиями у древневодского населения документировано неоднократной фиксацией этих хрупких и плохо сохраняющихся элементов одежды в могильниках «чудских» погостов. Об их связи с финно-угорскими традициями свидетельствует широкое распространение таких нагрудных украшений в памятниках Юго-Восточной Прибалтики XIII—XVI вв. и, что особенно показательное, открытие на эстонском городище Лыхавере каменных формочек для их отливки [Моора 1963: 355—365, рис. 2: 4, 3: 4; Аун, Тийрмаа 1987: 385, 389, рис. 3: 2].

Большой интерес представляют *металлические аппликации* женской одежды, связанные с финно-угорскими культурными традициями. К ним относятся расшивка ткани бронзовыми спиральками (Бег. 17, п. 1; 24; табл. XL, 12) и ее орнаментация оловянными полусферическими бляшками (Бег. 42, п. 1). К этому же кругу древностей принадлежат украшения из нескольких рядов *рифленых пронизок*, изготов-

⁶ По данным А. Е. Мусина, из 7416 погребений XI—XV вв., исследованных в пределах Водской и Шелонской пятин Новгородской земли, предметы христианского культа представлены лишь в 41 случае. При этом находки круглых иконок с изображением Успения Богоматери в двух сельских курганах сопоставляются с активизацией в конце XII в. политической деятельности владими́ро-суздальских князей в отношении Новгорода и расцениваются как свидетельство складывающегося единства древнерусской христианской культуры [Мусин 1990: 74—75].

ленных из оловянистого сплава, фиксируемых обычно между ногами и под позвоночником умерших. Они встречены как в комплексах с захоронениями на горизонте (Бег. 3; 42, п. 1; 49; Тег. I-23; Тег. II-3), так и с погребениями в подкурганных могильных ямах (Бег. 43; Тег. I-4; 8; 37). Более подробно указанные специфические детали одежды будут рассмотрены ниже, в разделе, посвященном реконструкции женского убора Водской земли.

В одном мужском и четырех женских погребениях, совершенных в основании курганных насыпей, встречены остатки *ножен* с бронзовыми накладками и оковками. Три находки с металлической боковой пластиной или наконечником относятся к группе футляров с «умеренной оковкой», по определению А. А. Спицына. Одна из них (Бег. 9; табл. XLIII, 1) была снабжена боковой пластиной с геометрической орнаментацией в виде чеканных линий и насечек. На другом экземпляре (Тег. I-33; табл. XLIII, 3) верхняя часть боковой оковки была соединена с пластинчатым кольцевидным перехватом, декорированным сходным геометрическим узором. Из кургана 54 у дер. Бегуницы происходит бронзовый наконечник с пунктирным чеканным орнаментом и узором в виде «волчьего зуба» (табл. XLIII, 4). Ножны с умеренной оковкой известны в разных районах Северо-Западной Руси. Не менее 24 таких футляров обнаружено в могильниках Ижорского плато, 3 находки происходят из курганов Северо-Восточного Причудья. При этом детали ножен с орнаментом в виде «волчьего зуба» встречены только в захоронениях XI—начала XIII в. [об этом см.: Рябинин 1989б: 25—33].

Ко второй группе относятся составные ножны, имеющие боковую пластину, наконечник и перехваты по тулову футляра. Обе находки из рассматриваемой коллекции сопровождали погребения, совершенные в подкурганных могильных ямах. Одна из них обнаружена в разрушенной перекопом насыпи и представлена фрагментом оковок (Тег. I-33), вторая сохранилась полностью (Тег. I-22, п. 1; табл. XLIII, 2). Ножны этой группы отнесены А. А. Спицыным к разряду финских древностей [Спицын 1903: 36]. В XII—XIV вв. они получили наибольшее распространение в Саво-Карелии (24 экз.) и Водской земле (30). При этом оформление футляров из могильников Ижорской возвышенности характеризуется локальными особенностями. Их появление может расцениваться в контексте сложения славяно-финской «областной» культуры [Рябинин 1989б: 32—33].

Элементы поясной гарнитуры зафиксированы при пяти мужских ингумациях, совершенных в основании курганный насыпи. Наибольший интерес представляет прекрасно сохранившийся кожаный пояс из кургана 2 второй группы у дер. Лашковицы (табл. XLIV). Он был положен у ноги умершего на доске, покрытой лосиной шкурой, и встречен совместно с фрагментами двух ножей, кресалом (?) и кремнем. Богатое инвентарное захоронение сопровождалось нагрудной фибулой, бубенчиком и топором. Кожаный ремень украшен с наружной стороны фигурными бронзовыми бляшками двух типов и снабжен разделительными кольцами с тремя отверстиями, через два из которых пропущены литые разделители в виде стилизованных звериных головок; наряду с простыми по исполнению пряжкой и поясным кольцом представлена пряжка с литым фигурным и орнаментированным завершением, концы ремня также снабжены литыми орнаментированными накладками.

Типологически сходные элементы поясной гарнитуры — трехчастные разделители и наконечники — отмечены в нескольких курганах из раскопок Л. К. Ивановского, причем в двух случаях наблюдалось их сочетание с близкими по

орнаментальным мотивам бляшками или пряжкой с тождественным оформлением ее удлинённой лопасти (Терпилицы 29; Тяглино 13) [Спицын 1896: 27, табл. XIV, 23, 28; XV, 12; XVI, 3]. Ещё А. А. Спицын при характеристике некоторых из таких находок — в первую очередь, разделителей-тройников со звериными головками — указал на широкий круг их аналогий в древностях Юго-Восточной Прибалтики, предположительно связывая происхождение самой гарнитуры с Готландом [Спицын 1896: 27]. Последующее изучение сходных по характеру находок подтвердило это заключение. Как готландско-балтийский тип расценивал аналогичные ременные разделители и наконечники Н. Клеве [Cleve 1929: 259—260]. Детали и целые наборы таких поясов обнаружены на Готланде, в материковой Швеции (включая шведскую Лапландию), Западной Финляндии, Эстонии и Латвии [см., напр.: Nerman 1929: abb. 126, 135; Kivikoski 1939: 48; 1951: 22, 41, abb. 834, 860, 1123, 1125; Serning 1960: 46—49, pl. 31: 16—20, 32; Stenberger 1962: abb. 39, 41, 42; Selirand 1974: 300, 304, tahv. XX, 1, 2; XXI, 8; Tõnisson 1974: tahv. XII, 1, 2; XXIV, 1, 2].

По определению Э. Кивикоски, рассматриваемая гарнитура из Финляндии относится к XI—середине XII в. [Kivikoski 1939: 187 ff.]. Исходя из новгородских аналогий бронзовых элементов пояса — лировидной пряжки (городские слои первой четверти XI—70–90-е гг. XII в.) и украшенной насечками пряжки с овальной рамкой и прямоугольным щитком (вторая четверть XII—начало XIV в.) [Седова 1981: 144, рис. 56: 1, 2, 8], последний можно датировать второй четвертью—концом XII в.

Поясной набор из кургана 17 у дер. Бегуницы включал две бронзовые лировидные пряжки, одна из которых была соединена с длинной пластинчатой обоймицей, пару бронзовых колец и остатки кожаного ремня с декором из бронзовых полусферических бляшек (табл. XL, 7—11). Ремни с аналогичными накладками известны в древностях эстов [Selirand 1974: 302—303, tahv. XVIII, 2], подобные же бляшки зафиксированы на остатках пояса из кургана 24 у дер. Унатицы на западной окраине Ижорского плато, по культурным особенностям связываемого с предками води [Спицын 1896: 99, табл. XVI, 25, 26]. В последнее время пояса с полусферическими накладками выявлены в средневековых «чудских» могильниках, расположенных в зоне этнографического расселения води.

Прибалтийское происхождение имеют и остатки поясного набора из мужского погребения с восточной ориентировкой, сопровождавшегося боевой секирой с серебряной инкрустацией и походным оружием в виде железной иглы с подвижным кольцом (Бегуницы 8, табл. XLIII, 7). Металлические детали состоят из бронзового кольца, соединенного с двумя крупными рифлеными обоймицами — окончаниями кожаного ремня, покрытого плотно прилегающими друг к другу прямоугольными бронзовыми бляшками. Подобного типа накладки исключительно характерны для поясной гарнитуры Юго-Восточной Прибалтики. Тождественные по форме и деталям исполнения обоймицы представлены и на ремнях новгородской «чуди» — предков води.

В остальных погребальных комплексах обнаружены лишь отдельные элементы поясного набора. У пояса умершего, погребенного в кургане 9 у дер. Бегуницы и обращенного головой к востоку, располагалось поясное кольцо, к которому, очевидно, крепились ножны с бронзовой оковкой и колчан с набором стрел. Ещё при одном разрушенном костяке с аналогичной направленностью найдена плохо сохранившаяся железная пряжка с овальной рамкой и прямоугольным щитком (Бег. 31).

ГЛАВА 5

ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ И РАЗНОВИДНОСТЕЙ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Благодаря дробной типологической разработке вещевых находок из слов древнего Новгорода и их синхронизации с инвентарем сельских памятников Северо-Запада наметились реальные предпосылки для определения абсолютных временных границ существования разновидностей погребальных сооружений Водской земли [об этом см.: Лесман 1984: 118—153; 1988; 1989: 82—87; 1990а: 29—38; 1990б: 99—101]. Раздел посвящен суммарной оценке этих данных (рис. 10—12), основанных на разработках Ю. М. Лесмана, которому автор выражает свою глубокую признательность.

Древнейшими погребальными комплексами являются курганы с захоронениями по обряду кремации на стороне, совершенными в основании насыпи. Это курган 8 у дер. Беседа (до 1116 г.) и курган 50 у дер. Бегуницы (до 1134 г.). Столь ранние объекты с неопределимой нижней датой являются, скорее, исключениями из основного пласта вскрытых в последние десятилетия погребений Водской земли. Это согласуется с наблюдениями о времени распространения могильников на Ижорской возвышенности (учтено 116 курганных групп), из которых к подпериоду Ia (до 1116 г.) отнесены лишь девять кладбищ, локализуемых на западе плато с выходом в его центральную часть [Лесман 1984: 65—69, рис. 3].

Хронологические определения четырех могильников, вскрытых широкой или относительно широкой площадью, позволяют заключить следующее. Наиболее ранним погребальным памятником, несомненно, является группа у дер. Бегуницы, выделяющаяся и качественным преобладанием захоронений в основании курганных насыпей (рис. 10). Наряду с уже указанным трупосожжением в кургане 50, временем до 1134 г. здесь датируется захоронение по обряду ингумации в насыпи 3. Определимая верхняя дата еще трех ингумаций (1; 17, погр. 2; 42, погр. 2) не выходит за пределы 1160—1170-х гг. Серия захоронений может быть датирована второй половиной XII в. (9; 13; 16; 23; 24; 27). К позднейшим погребениям в основании насыпи с узкой датой их совершения относится одно из коллективных захоронений в кургане 42 (около 1238 г.), а также несколько ингумаций, датируемых в хронологическом диапазоне 1224—1281 гг. (35; 39, погр. 2; 56). Для определения времени перехода к захоронениям в подкурганных ямах ре-

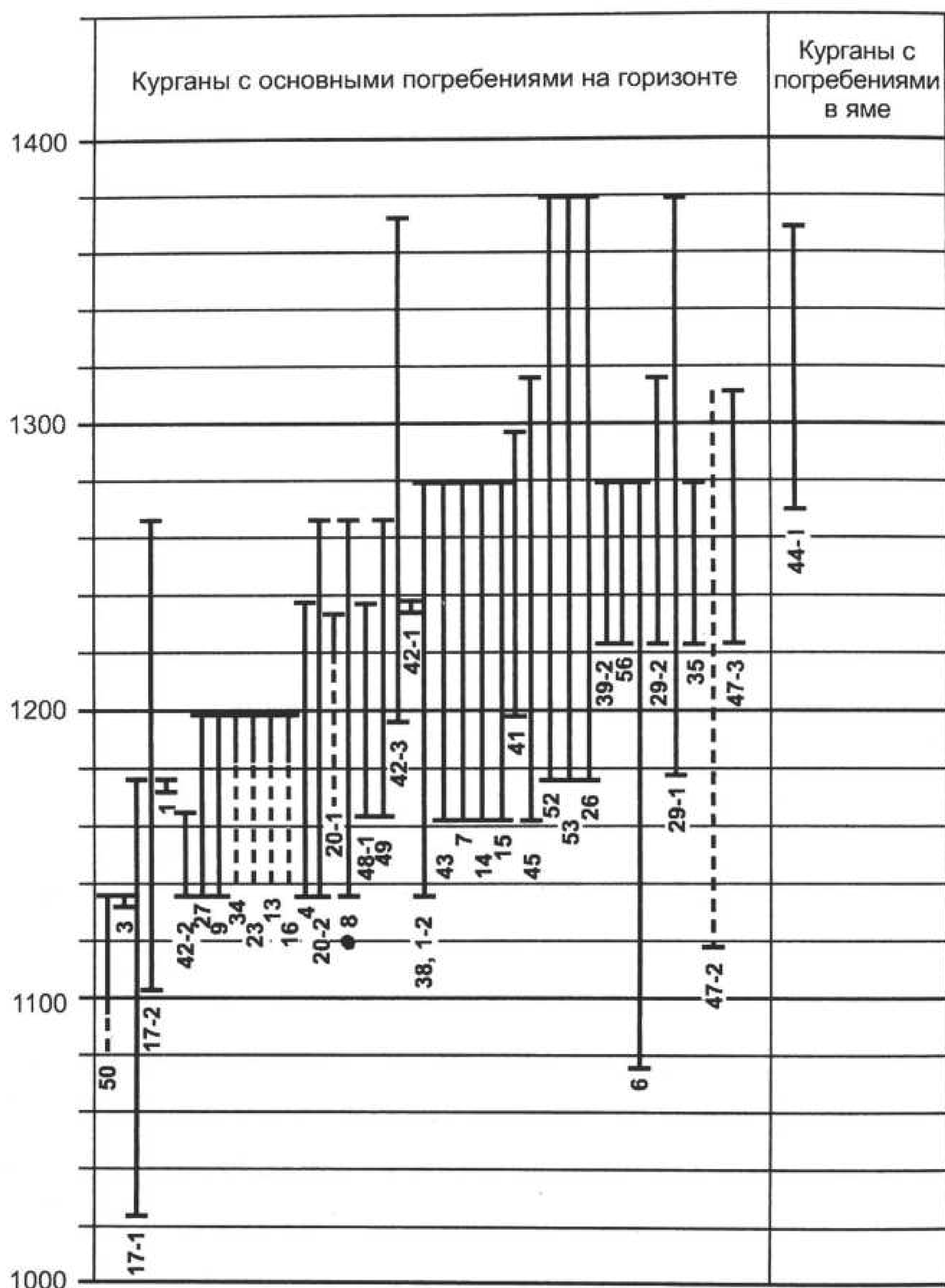

Рис. 10. Могильник у дер. Бегуницы.
Датировка погребальных комплексов по данным новгородской хронологии.

шающее значение имеет единственный пример такого рода, отмеченный в кургане 44 (после 1268 г.). В целом хронологическое развитие Бегуницкого могильника может быть определено следующим образом. Древнейшее ядро памятника составляют единичные насыпи, сооруженные в начале—первой трети XII в. (или конце XI в.). Разрастание кладбища приходится на вторую половину XII—вторую треть XIII в., а прекращение времени его функционирования совпадает с появ-

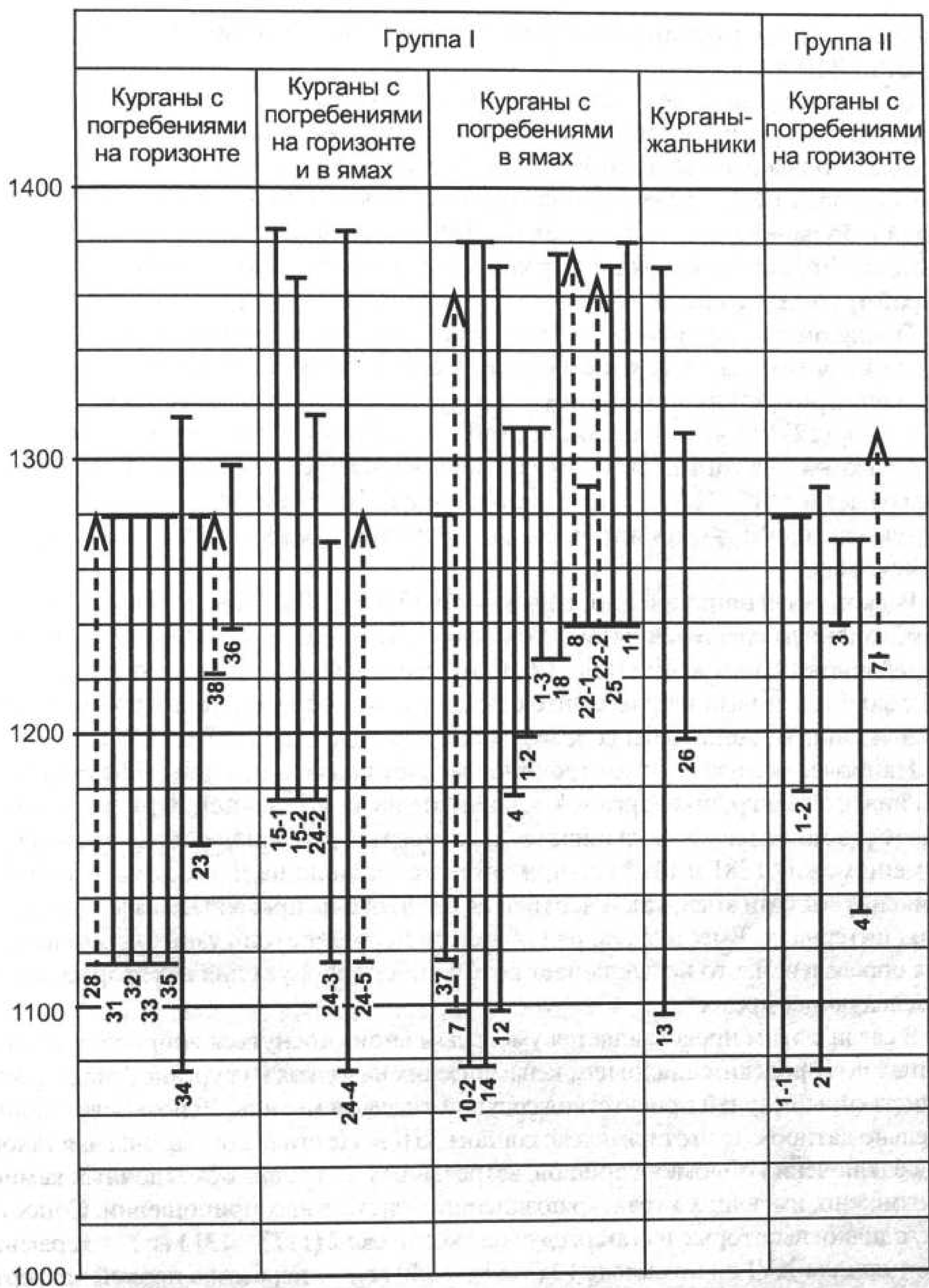

Рис. 11. Группы I и II у дер. Тegliцы.

Датировка погребальных комплексов по данным новгородской хронологии.

лением явно нетипичных для этого памятника единичных захоронений в подкурганной могильной яме третьей четверти XIII в.

Очевидно, более поздним по времени является сложение двух синхронных и расположенных по соседству групп I и II у дер. Тegliцы (рис. 11). Курганы с труположениями на горизонте небольшой по численности группы II относятся к периоду 1170—1270-х гг. при вероятной его корректи-

ровке по узкодатированным комплексам в пределах лишь второй—третьей четверти XIII в.

Широкие временные определения приходится принять и для основной части курганов с ингумациями на горизонте, исследованных в группе I (XII—XIII вв.). Учитывая, однако, наличие комплексов, появляющихся только во второй четверти XIII в. (после 1224 и 1238 гг.) и намечающуюся верхнюю границу бытования вещей в большинстве захоронений (до 1281 г.), распространение данной разновидности погребений можно определить в пределах второй половины XII—второй-третьей четверти XIII в.

Последнее заключение находит дополнительное обоснование при обращении к более поздней группе насыпей, содержащих захоронения в ямах. Время совершения таких ингумаций оказывается ограниченным периодом после 1238 г. и до 1281 г., что позволяет принять наиболее вероятную дату перехода от погребений на горизонте к погребениям в подкурганных могилах в пределах третьей четверти XIII в. Этому не противоречит и хронология незначительной группы насыпей с «комбинированными» ингумациями на горизонте и в крайне мелких ямах.

Раскопанная широкой площадью группа I у дер. Лашковицы примечательна преобладанием среди вскрытых комплексов наиболее поздних разновидностей погребальных сооружений (рис. 12). Составляющая ее раннее ядро серия курганов с захоронениями на горизонте относится, в основном, ко второй половине XII в. и лишь насыпь 38 была возведена в период между 1238 и 1268 гг.

Наиболее четкую и узкую хронологию дает компактная и насыщенная богатым инвентарем группа курганов-жальников на юго-западной окраине рассматриваемого могильника. Большинство их относится к ограниченному промежутку времени между 1281 и 1313 гг., причем показательно наличие комплексов как с фиксируемой нижней, так и верхней датой этого не превышающего трети столетия интервала. Вместе с тем ряд объектов не имеет столь узких хронологических определений, что не исключает возможности сооружения некоторых из них в последующее время.

В связи с этим представляется уместным вновь коснуться вопроса о датированных по городским аналогиям керамических находках из курганов-жальников. Единственный случай присутствия сосудов в засыпи могилы 29 позволяет дополнительно датировать этот комплекс концом XIII в. Не столь достоверны для такого рода заключений обломки горшков, встреченных на уровне обкладочных камней и, возможно, имеющих характер позднейших ритуальных приношений. Сопоставим, однако, некоторые из таких случаев: комплекс 2 (1177—1313 гг.) — керамика XIV—начала XVI в.; комплекс 12 (1281—1340 гг.) — керамика первой четверти XIII—рубежа XIV—XV вв.; комплекс 14 (1281—1340 гг.) — керамика второй четверти XIII—конца XIV в.; комплекс 19 (после 1096 г. с неопределимой верхней датой) — керамика середины XIV—начала XVI в.

О занимающей промежуточное топографическое положение между рассмотренными разновидностями погребальных сооружений этого могильника, бедной по инвентарю и, вследствие этого, плохо датируемой серии захоронений в подкурганных ямах можно лишь заключить, что появление последних имело место после 1238 г. С учетом датировки позднего кургана 38 с ингумацией в основании насыпи (1238—1261 гг.) и появлением около 1280-х гг. первых курганов-жальников

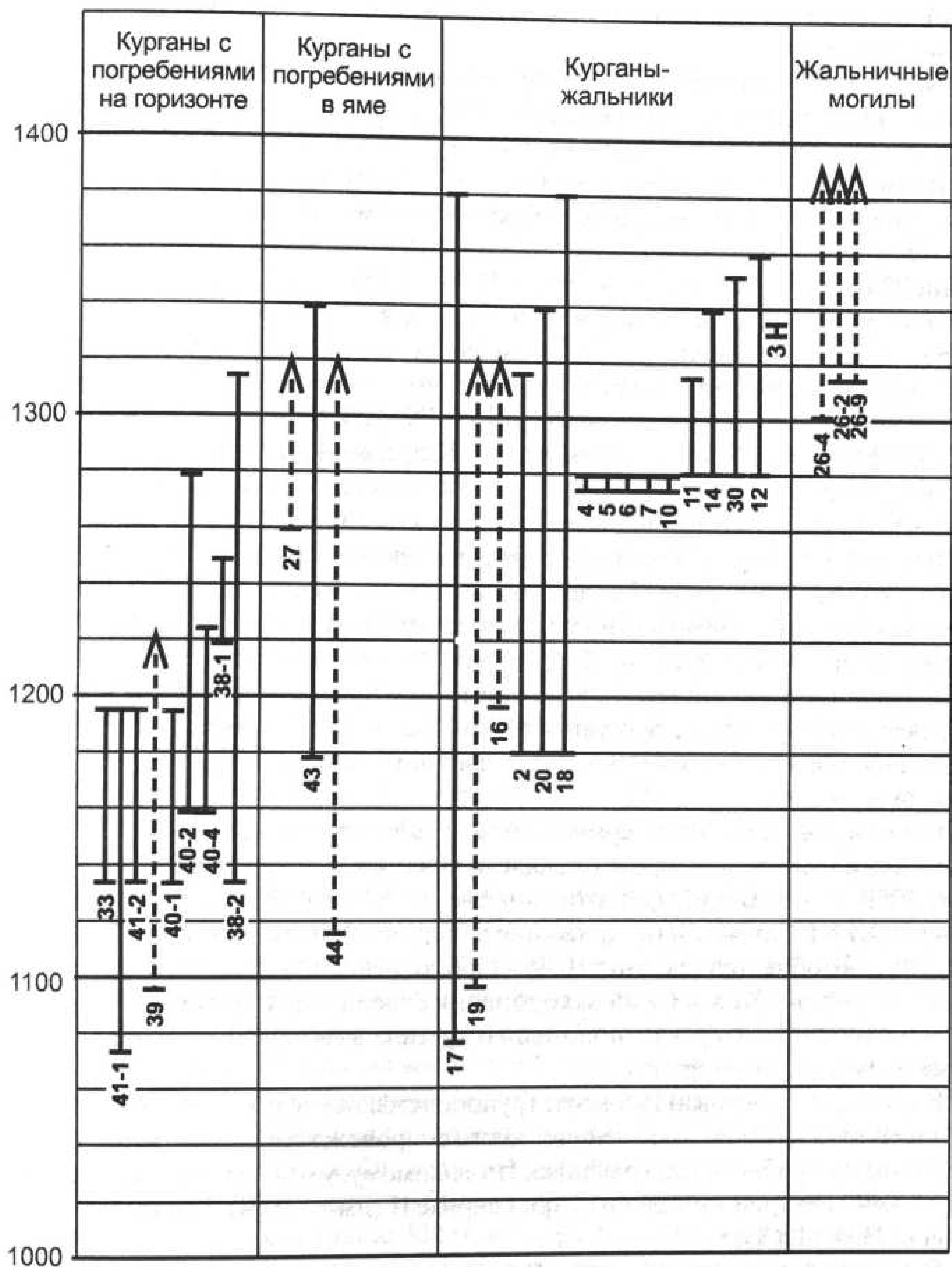

Рис. 12. Группа I у дер. Лашковицы.
Датировка погребальных комплексов по данным новгородской хронологии.

период распространения подкурганных захоронений представляется возможным ограничить серединой—третьей четвертью XIII в.

Что касается позднейшего пласта жальничных могил, то из-за единичности встреченных в них предметов удастся установить лишь нижнюю границу их вероятного распространения. Она приходится на время после 1313 г., то есть

закономерно вписывается в общую эволюцию погребального обряда от курганов к курганам-жальникам и, через последние, к грунтовым погребениям жальничного типа.

Эпоха распространения основной массы курганно-жальничных могильников на Ижорском плато совпадает со временем прекращения в конце XI—начале XII в. активного притока монетного серебра в русские земли (об этом см. Потин 1968: 73—92). Этим объясняется крайняя редкость находок монет в погребальных памятниках Водской земли. При массовых раскопках Л. К. Ивановского они отмечены в 20 захоронениях, входящих в состав 15 курганных групп [Спицын 1896: 35; Потин 1967: 106—184; Равдина 1988]. Из определимых экземпляров преобладают денарии, чеканенные в Германии, Англии и Фризии во второй—третьей четверти XI в.; древнейшая датированная монета, обнаруженная в курганном могильнике у дер. Кобрино на востоке Ижорского плато, выбита в Саксонии (чекан Оттона и Адельгейды, 990—995 гг.). В шести случаях отмечены находки дирхемов. Единственная монета с определимой датой — обломок саманидского дирхема 950—985 гг. — встречена вместе с варварским подражанием германского денария (могильник Русковицы, кург. 5).

В наших раскопках нумизматические находки отмечены в трех погребениях.¹ Особенно интересен курган 17, содержащий два погребения на горизонте. Мужское захоронение с западной ориентировкой совершено в сидячем положении; в области разрушенной груди, в ногах и у бедра умершего найдены четыре монеты. Погребение девочки в вытянутом положении имело противоположную, восточную направленность; у бедра и на груди встречены две монеты. Оба захоронения сопровождалось богатым инвентарем, указывающим на их прибалтийско-финскую принадлежность.

Все монеты чеканены в Германии и использовались в качестве «оболов мертвых». Среди них денарии, происходящие из монетных мастерских Баварии (Регенсбург: 1053—1056; Вюрцбург: вторая четверть XI в.; Аугсбург: вторая—третья четверть XI в.), Саксонии (подражание денариям Оттона и Адельгейды: XI в.), прирейнских областей (Майнц: 1039—1056; Шпейер или подражание Шпейеру: первая половина XI в.). Сами захоронения совершены в период между 1116 и 1177 гг. с вероятным, судя по положению кургана в составе могильника, их отношением к началу этого периода.

В насыпи 8 исследовано мужское трупоположение с восточной ориентировкой, совершенное в сидячем положении и также сопровождавшееся богатым инвентарем с вещами прибалтийского облика. По-видимому, у головы располагался «обол мертвых» — денарий, чеканенный при Генрихе II (1014—1024). Дата самого погребения — 1134—1268 гг.

Еще одно захоронение (курган 1) принадлежит девочке, умершей в возрасте 6—8 лет и погребенной головой к востоку. В составе шейного ожерелья находился

¹ Определения всех монет любезно выполнены В. М. Потиным, которому пользуюсь случаем выразить свою глубокую признательность. К перечню новых находок следует добавить английский денарий без ушка (Этельред II, тип «Первый малый крест»: 978—979 гг.), происходящий из кладочислательских раскопок курганного могильника у дер. Беседа и приобретенный Ижорской экспедицией в 1971 г. (АИА, Р-1, д. 1971/4532).

денарий с отверстием, чеканенный в Саксонии (Гильберштадт) при епископе Буркхарде (1036—1059 гг.) Само погребение относится ко второй половине XII в.

Находки «оболов мертвых» свидетельствуют о значительном — превышающем 50—100 лет — хронологическом разрыве между временем чеканки монет и их попаданием в погребения XII в. Тенденция к существенному запаздыванию притока западного серебра начиная с 1130-х гг. прослеживается и по материалам Новгорода; в частности, средний срок от момента чеканки до утери денариев, устанавливаемый для яруса 1134—1161 гг., составляет 62 года [Потин 1982: 130—132]. При интерпретации наших материалов можно было бы допустить, что само присутствие монет в единичных комплексах Бегуницкого могильника с прибалтийско-финской культурной подосновой вообще не имеет отношения к местному, хотя и слабо выраженному, денежному обмену: западноевропейские денарии могли быть занесены на Ижорское плато новопоселенцами из исходных районов. Но здесь следует обратить внимание на одно весьма существенное обстоятельство.

Анализируя обращение западного серебра в Древней Руси X—XIII вв., В. М. Потин писал: «Интересно отметить определенную связь между кладами и курганными находками. Клад нередко является центром, около которого располагаются такие находки. В тех местах, где монетные клады богаче, больше единичных находок монет в курганах (если таковые имеются). Например, в бассейне р. Паши обнаружены не только крупные клады, но и многочисленные курганные находки денариев. Такой же характер имеет топография находок на южном берегу Финского залива» [Потин 1968: 29].

На территории Ижорского плато известны лишь три денежно-вещевых клада начала II тыс. н. э. Один из них, найденный у мызы Боровской между селениями Ропша и Дятлицы (близ последнего располагались две курганные группы), обнаруживает топографическую приуроченность к северо-восточной окраине глинта; дата зарытия клада по В. М. Потину — около 1030 г. Еще один клад найден в приходе Спанка (Шпаньково) на восточной оконечности плато в междуречье Ижоры и Суйды. По времени зарытия (не ранее 1130 г.) он в целом соответствует периоду распространения здесь курганов, ближайшая группа которых была раскопана Л. К. Ивановским близ дер. Шпаньково. Именно на востоке плато наблюдается и преимущественная локализация курганных захоронений с монетными находками.

Единственный денежно-вещевой клад на северо-западе Ижорской возвышенности обнаружен в 1852 г. близ селения Буяницы. В его состав входили известные лишь по описанию «ожерелье, браслеты, цепочки, крест и некоторые другие вещи» из серебра, а также около 300 монет, среди которых представлены саманидские дирхемы, германские и англосаксонские денарии и одна определяемая датская монета [Корзухина 1954: 101; Потин 1968: 132]. Дата зарытия клада по В. М. Потину — после 1035 г. Этот комплекс обнаруживает топографическую приуроченность к курганно-жальничному могильнику, зафиксированному в 1973 г. Ижорской экспедицией у дер. Буяницы и включавшему около 140 насыпей [АИА, Р-1, д. 1973/5228, 5228а]. Памятник расположен в ближайшем соседстве от Бегуницкой курганной группы и отстоит от нее на расстоянии, не превышающем 5 км.

Последний факт показателен вследствие того, что Бегуницкий могильник является единственным исследованным памятником на северо-западном участ-

ке плато, где представлена столь значительная для рассматриваемого региона серия нумизматических находок. Вполне вероятна синхронность появления здесь соседних популяций, обладавших определенными денежными ресурсами. В этом случае дата зарытия буяницкого клада по самой поздней монете может не отражать реальных темпов поступления западного серебра, вряд ли имевшего место ранее конца XI—начала XII в. Применительно к нашей теме важно отметить, что монетные находки из Бегуниц в контексте с нумизматическим комплексом из Буяниц свидетельствуют об их связи с уже установившимся местным денежным обращением. На это же косвенно указывает наличие в древнейшем погребении по обряду трупосожжения в кургане 50, датируемом по новгородской хронологии до 1134 г., весовой гирьки (табл. XLI, 1а) — третий зафиксированный случай присутствия элементов торгового инвентаря в могильниках Водской земли.

ГЛАВА 6

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ УБОР. ФОРМИРОВАНИЕ И СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ, СВЯЗЬ С ХАРАКТЕРОМ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Несмотря на относительное обилие находок в исследованном пласте погребальных древностей, далеко не все вскрытые комплексы дают представление о характере инвентаря и его составных элементах. Выясняется, что почти четверть захоронений полностью лишена вещевого материала. Интерес представляет распределение таких безынвентарных погребений по разновидностям объектов и половозрастной принадлежности умерших (табл. 11). Важно отметить, что среди определимых захоронений взрослых женщин и девочек-подростков все комплексы на протяжении прослеженного периода развития обряда сопровождались вещами. Применительно же к общей численности захоронений наблюдается отчетливая тенденция к увеличению погребений, лишенных инвентаря, от ранней к позднейшей эпохе, каковые в курганах с захоронениями на горизонте состав-

Таблица 11

Безынвентарные погребения. Распределение по разновидностям погребальных сооружений и половозрастной принадлежности умерших

Разновидность погребальных сооружений	Общее количество погребений	Безынвентарные погребения				
		Всего	Всего			
			Ж	М	Д	Н
Курганы с погребениями на горизонте	103	6	—	2	3	1
Курганы с погребениями в яме	37	6	—	4	—	2
Курганы-жальники	52	24	—	14	6	4
Жальничные могилы	24	17	—	8	8	1
Итого	216	53	—	28	17	8

Примечание: Ж — женские; М — мужские; Д — детские погребения; Н — пол умерших не определен (единичные захоронения в насыпи не учитываются).

ляют лишь 5,8%, в подкурганных ямах — 16,2%, в курганах-жальниках — 46,1%, достигая полного преобладания (70,8%) в жальничных могилах. При обращении к данному сюжету следует, несомненно, учитывать не только прослеживаемую хронологическую эволюцию постепенного оскуднения вещевых находок, но и резкие изменения, происшедшие в инвентарном комплексе с появлением подкурганных могильных ям (фактическое исчезновение в погребениях бытового инвентаря, орудий труда и керамики).

Для реконструкции этнокультурных особенностей населения Водской земли определяющее значение имеют элементы женского убора. Анализ последних свидетельствует о том, что погребальный костюм рассматриваемого региона характеризуется в целом ограниченным набором украшений и их немногочисленностью. Это особенно ярко иллюстрируется количественным составом бус в комплексах, где лишь 37,7% ожерелий образуют представительные серии, превышающие 10 экз. В противоположность этому 34,4% захоронений сопровождалась одной—тремя бусинами, которые вообще вряд ли можно интерпретировать в качестве шейных монист (табл. 12).

Таблица 12

Количественный состав бус в погребальных комплексах

Разновидность погребальных сооружений	Количество бус в комплексах						
	1	2—3	4—5	6—10	11—20	21—30	свыше 30
Курганы с погребениями на горизонте	7	3	6	5	6	2	4
Курганы с погребениями в яме	4	4	—	1	1	1	2
Курганы-жальники	1	1	3	2	4	3	—
Жальничные могилы	—	1	—	—	—	—	—
Итого	12	9	9	8	11	6	6

Набор элементов женского убора варьирует в захоронениях от одной до шести категорий изделий (табл. 13; 14).¹ Наиболее распространенными украшениями являлись бусы, представленные во всех разновидностях погребальных сооружений и встреченные в 72,3% инвентарных комплексов. Половина погребенных сопровождалась фибулами и браслетами. Височные украшения отмечены в 38,5% погребений с вещевыми находками, перстни — в 28,9% таких захоронений. Остальные металлические элементы одежды не составляют достаточно крупных серий.

Инвентарь почти четверти вскрытых захоронений ограничивался одной категорией украшений. Такие бедные вещевые комплексы наиболее характерны для

¹ Из этого перечня исключены находки ножей, присутствие которых в инвентаре захоронений ограничено периодом совершения курганных ингумаций на горизонте.

Элементы женского убора. Распределение по комплексам и разновидностям погребальных сооружений

Разновидность погребальных сооружений	Количество инвентарных комплексов	Элементы убора											
		венчики	височные украшения	бусы	фибулы	браслеты	перстни	нагрудные и поясные подвески	бубенчики	наборы пронизок	ножы	прочие категории	
Курганы с погребениями на горизонте	42	3	14	32	20	21	14	3	4	5	2	2	
Курганы с погребениями в ямах	16	1	1	13	6	7	5	2	1	3	2	1	
Курганы-жальники	16	—	12	14	12	10	3	—	—	—	—	1	
Жальничные могилы	7	—	5	1	3	4	2	—	—	—	—	—	

Таблица 14

Элементы женского убора и их соотношение в погребениях по обряду ингумации
(количество категорий украшений в комплексах)

Разновидность погребальных сооружений	Количество инвентарных комплексов	Количество бус в комплексах						
		1	2	3	4	5	6	
Курганы с погребениями на горизонте	42	9	8	16	3	4	2	
Курганы с погребениями в яме	16	5	6	2	1	1	1	
Курганы-жальники	16	2	2	3	7	2	—	
Жальничные могилы	9	4	4	1	—	—	—	
Итого	83	20	20	22	11	7	3	

жальничных могил (44,5%), образуя также значительную долю среди захоронений в подкурганных могильных ямах (31,2%). В курганных ингумациях на горизонте их «удельный вес» составляет 21,4%, резко уменьшаясь — до 12% — в эпоху распространения курганов-жальников.

Что представляли собой такие единичные, не образующие набора украшений, элементы убора? Курганные захоронения на горизонте: в шести комплексах — бусы (причем в трех случаях по 1 экз.), в трех — фибулы. Курганные захоронения в ямах: в четырех комплексах — бусы (в трех случаях всего по 1—2 экз.), в одном — фибула. Курганы-жальники: в одном комплексе — 1 бусина, в одном — проволоочное височное колечко. Жальничные могилы: в двух комплексах — серьги, в одном — браслет, в одном — фибула.

Около четверти инвентарных женских захоронений сопровождалась двумя категориями украшений. По составу находок они распределяются следующим образом. Курганные захоронения на горизонте: в четырех случаях — фибулы и браслеты, в двух — бусы и браслеты, в двух — бусы и височные украшения. Курганы с захоронениями в яме: в пяти комплексах — бусы в сочетании с одной из следующих категорий материала — височными украшениями, браслетами, подвесками, ножнами, набором трубчатых пронизок; в одном комплексе представлены фибула и набор трубчатых пронизок. Курганы-жальники: в обоих комплексах — бусы и фибулы. Жальничные могилы: бусы и перстень; серьга и перстень; серьга и фибула; браслет и перстень. Характер находок этой группы (особенно при учете корреляции большинства изделий с бусами) по своей информативной значимости сближает ее с вышерассмотренной группой погребений, включающих лишь одну категорию украшений. В общей сложности обе группы составляют почти половину (48,2%) всех женских захоронений с инвентарем.

В большей степени о составе женского убора можно судить при обращении к погребениям, сопровождающимся тремя и более категориями находок. Для ингумаций в основании курганных насыпей наиболее характерны трехсоставные комплексы (38,1%), но достаточно представительную серию образуют и более разнообразные по набору элементов погребения (21,4%). В курганах с захоронениями в яме доля таких инвентарных комплексов снижается до 31,2%. Наиболее устойчивая картина наблюдается на материалах курганов-жальников, где убор почти половины женских погребений включал четыре категории изделий, а захоронения с тремя-пятью категориями составляют 75%. В бедных по составу инвентаря жальничных могилах лишь одно женское погребение сопровождалось тремя категориями украшений.

Анализ материала свидетельствует о традиционности использования основных элементов женского убора при единстве их функционального назначения. Вместе с тем наблюдаются и определенные различия в соотношении последних как на разных хронологических стадиях, так и среди захоронений, относящихся к конкретной разновидности погребальных сооружений. Наибольшим разнообразием отличается убор захоронений, совершенных в основании курганных насыпей. В суммарном виде он может быть охарактеризован следующим образом: использование височных колец (главным образом ромбоштитковых, в единичных случаях — перстнеобразных колечек и бусинных серег); употребление одной нагрудной фибулы для скрепления ворота рубашки или для каких-то других целей; наличие различных по количественному составу шейных ожерелий, изредка дополняемых метал-

лическими подвесками; использование для украшения рук браслетов и перстней. Несмотря на отсутствие заметных различий, все же обращает на себя внимание относительно слабая сопряженность в едином одежном комплексе височных украшений и фибул: такая корреляция отмечена только в трех погребениях.

При переходе к захоронениям в подкурганных могильных ямах наблюдается одна интересная особенность, присущая только этой группе древностей — почти полное исчезновение из женского убора височных украшений. Исключением является единственное встреченное в Бегуницком могильнике трупоположение в яме (курган 44, погр. 1), сопровождавшееся обломком проволочного перстнеобразного колечка. По остальным же показателям (ношение шейных ожерелий, употребление подковообразных и кольцевидных фибул для застегивания верхней части одежды, использование браслетов и фибул) погребальный костюм таких ингумаций, несмотря на его относительную бедность, в целом соответствует убору женских захоронений на горизонте.

В наиболее выработанном и серийном виде набор украшений представлен в курганах-жальниках. У висков (как правило, с обеих сторон) располагались многобусинные кольца, крепившиеся, судя по некоторым данным, с помощью кожаного или шерстяного шнура к мягкому головному убору. Тогда же появляются и редкие серьги в виде вопросительного знака. Среди шейных ожерелий преобладают достаточно крупные наборы бус с устойчивым сочетанием их типов: зонные и шаровидные глухого стекла с линейно-волнистой инкрустацией; кашинные; 14-гранные хрустальные. Ворот застегивался одной кольцевидной или подковообразной фибулой, в одном случае (Лаш. I-30) для этого могла использоваться фигурная пластинка с отверстиями из оловянистого сплава. Почти постоянным атрибутом убора являлись браслеты, которые носили, в основном, на кистях обеих рук. Вместе с тем перстни встречаются относительно редко (3 погребения). Следует, однако, оговорить, что столь выработанный и устойчивый женский убор в полном виде представлен лишь в компактной группе курганно-жальничных погребений Лашковицы I.

Что касается пласта жальничных древностей, то для него присущи лишь отдельные элементы убора, не составляющие, за единственным исключением, комплекса украшений. Это височные украшения — серьги в виде вопросительного знака и проволочные перстнеобразные колечки, сложновитые и крученые дровые браслеты, подковообразные и кольцевидные фибулы, перстни. Лишь в одном случае отмечены находки темных пастовых бус грубой выделки с кососрезанными краями. Отсутствие целостного убора в жальничных погребениях при бедности составных элементов отражает процесс глубинных изменений в сфере духовных представлений и ритуальной практике населения, археологически улавливаемых с конца первой—начала второй четверти XIV в.

Подавляющая часть рассматриваемых захоронений принадлежит женщинам в возрасте от 18—20 и более лет. Заметных возрастных градаций в количественном составе украшений в этой возрастной группе не наблюдается. Так, погребение женщины 50—55 лет сопровождалось пятью категориями изделий (Лаш. I-4), а умершая в пожилом возрасте 60—65 лет — тремя разновидностями находок (Лаш. I-12).

Особую возрастную группу образуют инвентарные захоронения девочек (6—8 лет) и девочек-подростков (до 12—14 лет). Восемь таких ингумаций было совершено в курганах на горизонте (7 погребений) и в яме (1). Их отличительной

особенностью является не только заметное обилие украшений, но и почти обязательное присутствие в уборе столь редких для Водской земли нагрудных и поясных подвесок, а также цепочек: крестик и монета-подвеска (Бег. 1); лунницы (Бег. 11, п. 1); цепедержатель и трапециевидная подвеска (Бег. 17, п. 2); лунницы, решетчатые подвески, цепочка (Бег. 37); лунница и цепочка (Бег. 42, п. 2); железное кольцо с привесками из бронзовых спиралей (Лаш. I-38, п. 2); цепочка с вертикальным бронзовым игольником (Лаш. I-40, п. 4); решетчатые подвески (Тег. I-24, п. 5). В двух случаях захоронения девочек-подростков сопровождались серебряными налобными венчиками — принадлежностью особого, девичьего убора.

Таким образом, для курганной эпохи XII—середины XIII в. намечается достаточно ярко выраженный убор умерших в самом юном возрасте. В этом отношении интерес представляют выводы Б. А. Рыбакова о возрастной и семейной дифференциации погребений черниговского курганного некрополя [Рыбаков 1949: 19–20]. Автор выделяет три группы уборов, соответствующих возрасту девочек-подростков (с 9–10 лет до замужества), девушек-невест (или «молодух» до рождения первого ребенка) и замужних женщин. Основная часть рассматриваемых в данной работе захоронений принадлежит девочкам, достигшим, по понятиям того времени, возраста невесты. Подтверждением такого заключения может служить, в частности, послание митрополита Фотия (XV в.) к новгородцам с запрещением венчать «девочок менши двунадцати лет» [об этом см.: Романов 1966: 188]. В эпоху распространения курганов-жальников и жальников (вторая половина XIII — XIV в.) специфические особенности девичьего убора уже не прослеживаются. Не выделяются такие захоронения и по богатству и разнообразию украшений.²

Суммарная характеристика основных элементов убора и их функционального назначения свидетельствует о древнерусской по ведущим показателям (в расширительном понимании этого термина) основе женской одежды Водской земли. В литературе высказано мнение о том, что «парадный женский убор из подавляющего большинства могильников Ижорского плато не отличается от такового же из грунтовых могильников Приильменья» [Конецкий, Носов, Хвощинская 1984: 166]. Следует, однако, оговорить, что такое сходство не является полным. Последнее заключение относится не только к присутствию в инвентарных комплексах Ижорского плато заметно выраженных элементов субстратного (финно-угорского) происхождения, но и может быть перенесено на различия в распространении некоторых массовых категорий украшений. Особо обращает на себя внимание почти полное отсутствие в погребениях центральных районов Новгородской земли (Деревяницкий, Нередицкий, Федовский грунтовые могильники)³ такого характерного для населения Водской земли элемента металлического убора как нагрудные застежки-фибулы. Например, в наиболее крупном и хорошо документированном Деревяницком могильнике XI–XII вв. (расположенном в 6 км от Новгорода), выявленный

² По наблюдениям Н. А. Макарова, на древнерусских могильниках XI–XIII вв. восточного Прионежья богатые наборы украшений чаще всего встречаются в погребениях женщин зрелого возраста – невест и «молодух», а бедные, «некомплектные», наборы – в погребениях девочек и пожилых женщин. Вместе с тем отмечается отсутствие жесткой, однозначной зависимости между количеством украшений и возрастом, являвшимся лишь одним из факторов, которые определяли состав убора [Макаров 1990: 90].

³ Отсутствие застежек-фибул в женских погребениях отмечено также в ранних жальниках и сравнительно редких курганах Приильменья XI–XII вв. [Конецкий В. Я. 1984а: 5–11].

на материалах которого традиционный женский убор рассматривается как своего рода эталон славянского парадного костюма, найдена лишь одна фибула, причем и эта застежка не была использована по своему прямому назначению. По мнению исследовавшего данный памятник В. Я. Конецкого, отсутствие здесь нагрудных застежек следует расценивать в качестве важного этнического индикатора славянской принадлежности населения окрестностей Новгорода, так как «в отличие от украшений фибулы конструктивно связаны с одеждой и отражают ее определенный покрой» [Концевский 1984б: 54]. Высказана и иная точка зрения, согласно которой употребление одной фибулы для скрепления ворота рубашки или для каких-то других целей не нарушало сложившегося облика восточнославянского женского костюма, а лишь придавало ему большую нарядность [см. напр.: Макаров 1990: 86–87].

На территории Восточной Европы подковообразные и кольцевидные застежки чаще всего встречаются в районах восточного побережья Балтийского моря, на северо-западе Новгородской земли, в Приладожье, в бассейне Верхней Волги, то есть в областях, в прошлом тесно связанных в этническом отношении с финно-угорскими и прибалтийскими племенами [Мальм 1967: 150]. В средневековую эпоху эта категория украшений была включена в металлический убор древнерусского населения северных территорий, о чем убедительно свидетельствуют, в частности, многочисленные находки одежных фибул в слоях X–XV вв. Великого Новгорода. Вместе с тем можно заключить, что сельское население окраинных территорий Новгородской земли, в отличие от ее раннего славянского центра, изначально находилось под значительно более сильным влиянием прибалтийско-финских и общебалтийских традиций, усвоение которых оказало заметное воздействие на формирование региональных этнографических особенностей женского парадного костюма.

* * *

В процессе новых раскопок получены интересные данные о субстратном компоненте в культуре обитателей Водской земли и присутствии в составе последних носителей неславянских традиций. Особенно ярко такие черты прослеживаются в своеобразном по обрядовым традициям Бегуницком могильнике, отмечены они и в других могильниках копорской округи. В некоторых случаях наблюдается особое использование характерных для Водской земли украшений, не поддающееся однозначной этнокультурной трактовке, но свидетельствующее об инвариантности самого убора. Примером этого может служить отмеченное в курганном погребении в яме (Тег. I-10, п. 2) и двух курганах-жальниках (Лаш. I-20; 30) положение фибул не на груди, а у черепа костяка, что свидетельствует о их вероятном применении для скрепления несохранившегося мягкого головного убора. Примечательно, что в одном из них нагрудная застежка была заменена фигурной пластинкой прибалтийско-финского типа, изготовленной из оловянистого сплава.

Наиболее выраженный финно-угорский характер имеет инвентарь захоронения девочки, умершей в возрасте 7–8 лет, из кургана 17 у дер. Бегуницы (табл. XL, 1–4, 6, 7, 12). Умершая была обращена головой на запад, однако расположенное рядом с ней захоронение мужчины имело противоположную, восточную направленность. В состав женского комплекса входили многоспиральные браслеты и спиральные перстни. Рядом с захоронением встречен фигурный цепедержатель эстско-

ливского типа с длинной кольчатой цепочкой и завернутый в бересту крупный фрагмент саржевой — переплетение 2/2 — ткани размерами 0,34×0,34 м, украшенной по краю бронзовыми спиральками. К одному из углов кромки была прикреплена веерообразная кисть из тонких бронзовых спиралек. Аналогичные орнаментальные фигуры являлись излюбленным мотивом металлического декора одежды средневековых ливов, особенно наплечных покрывал — виллайне [Zaigā 1988: 32, 33, 42, 56—58, att. 21, 22, 29:5, 38:1,3, 39:1,4 lpp.]. По определению, любезно предоставленному ведущим специалистом в области изучения прибалтийско-финского костюма А. Э. Зариня (Институт истории АН Латвии), рассматриваемая находка вполне соответствует ливским виллайне.

Остатки ткани, орнаментированной мелкими бронзовыми спиральками, обнаружены также у бедра разрушенного перекопом женского погребения с восточной ориентировкой в кургане 34 у дер. Бегуницы. Известно, что использование металлических элементов для декора одежды исключительно характерно для материальной культуры средневековых балтских и финских племен [об этом см.: Хвощинская 1993: 157—165]. Проявление этой традиции отмечено и в некоторых погребениях на северо-западе Новгородской земли. Так, в кургане 3 у с. Павлов Погост (Северо-Восточное Причудье) обрывки шерстяной материи со спиральками встречены на лодыжках ступней умершей; в жальничном захоронении 13 у дер. Малые Поля того же региона «вдоль бедренных костей обеих ног собрано значительное количество коротких спиралек, шедших рядами и нанизанных на шнурок; спиральки, по видимому, шли в 3 ряда, перемежаясь с оловянными колечками, и были нашиты на шерстяную ткань» [Спицын 1903: 73, 91, 92]. Богато украшенные спиральками фрагменты шерстяной ткани, сопоставляемые с наплечными покрывалами — ливско-латгальскими виллайне и литовскими скепета, — типичны для прибалтийско-финских курганных захоронений Залахтовского могильника на восточном побережье Чудского озера [Хвощинская 1976: 19—20]. На Ижорском плато окаймление из спиралек подола платья отмечено Л. К. Ивановским при вскрытии кургана 47 у дер. Озера [Спицын 1896: 70]. Остатки тканей с тем же металлическим декором зафиксированы в курганно-жальничных могильниках с выраженным финским компонентом на западной окраине возвышенности, в пределах или на пограничье со средневековыми погостами «в Чюди» (Мануйлово, Унатицы) [Спицын 1896: 98, 108, табл. XVI, 15, 16]. Наконец, широкое использование спиралек для окаймления передников, набедренников и украшения верхней части одежды являлось отличительной особенностью женского костюма «чуди» XIII–XVI вв. — предков современной води (раскопанные Ижорской экспедицией средневековые кладбища у селений Валговицы, Великино, Вердия).

Несомненный интерес представляет металлический убор женского погребения 1, исследованного в коллективной усыпальнице под насыпью 42 у дер. Бегуницы. Все встреченные здесь трупоположения имели восточную направленность, в ногах умершей была положена преднамеренно согнутая вдвое коса-горбуша. Последняя ритуальная черта (порча орудий труда и бытового инвентаря) обнаруживает прямые параллели с погребальными традициями средневековой «чуди» [Рябинин 1990а: 15–31; 1992б: 143–151, Ryabinin 1987: 87–104].

У плеч умершей с наружной стороны зафиксировано скопление сотен миниатюрных круглых и сдвоенных выпуклых бляшек с ушками на оборотной стороне, изготовленных из оловянистого сплава. Сходные оловянистые бляшки с VII в.

получили заметное распространение в пеньковском и колочинско-тушемлинском культурных ареалах, а позднее — в культуре псковских длинных курганов и некоторых смежных территорий (городища рыгесского типа) [об этом см.: Горюнова 1987: 85–93]. В средневековую эпоху они являлись характерной принадлежностью убора населения Эстонии, применяясь для обшивки ворота, груди, рукавов и нижней части женской одежды [Моора 1963: 355–365]. В том же или несколько модифицированном виде мелкие бляшки из оловянисто-свинцового сплава использовались в декоре народного костюма Юго-Восточной Прибалтики вплоть до XIX в. [Эстонская... 1960: 18, 25, 115, табл. XLII]. Полностью аналогичные украшения входили в состав нагрудной одежды «чудских» предков води XIII–XVI вв. и этнографически засвидетельствованы у водского населения XVIII в. Можно предположить, что в бегуницком погребении миниатюрными бляшками была обшита специфическая деталь одежды, известная у води — рукавник-ихад. По сведениям Ф. Туманского, побывавшего у води в конце XVIII в., ихад у «молодок» на плечах и у кисти руки украшался бисером и «каменьями» (здесь следует указать, что, по археологическим наблюдениям, в XVI–XVII вв. у води происходила постепенная замена оловянистых нашивных украшений стеклянным гарусом) [Õrik 1970: 18; Шлыгина 1986: 211–212].

Рассматриваемый одежный комплекс выделяется еще двумя особенностями металлического убора, отмеченными в ряде других исследованных погребений. Одна из них — это наличие, кроме нагрудной фибулы, крупной застежки, располагавшейся у правого бедра умершей. Набор из двух подковообразных фибул с их аналогичным размещением на теле встречен в женском погребении 2 того же кургана. Еще одно трупоположение девочки-подростка (Лаш. I-40, п. 4) сопровождалось малой нагрудной фибулой и крупной подковообразной застежкой, встреченной у правого бедра. Показательно, что погребальный костюм этого захоронения выделялся не только обилием металлических и стеклянных украшений, но и присутствием в нем элементов нерусского происхождения (прибалтийско-финский вертикальный игольник, а также, возможно, найденная вне комплекса литая колоковидная подвеска финского облика).⁴

Вторая, еще более примечательная особенность убора ряда погребений — это использование наборов трубчатых рифленых пронизок для оформления составных украшений (рис. 13). В рассматриваемом погребении 1 кургана 42 у дер. Бегуницы скопление таких пронизок отмечено на тазовых костях и между бедренными костями; верхняя часть украшения располагалась под позвоночным столбом, образуя строго определенную систему из трех трубочек в одном ряду. Очевидно, наборы пронизок нанизывались на пропущенные сквозь трубочки шерстяные шнурки или нити.

Наличие оловянных трубочек между бедренными костями зафиксировано еще в трех погребениях, совершенных в основании насыпи (Бег. 49; Тег. I-23; Тег. II-3) и в трех — в подкурганых могильных ямах (Лаш. I-43; Тег. I-4; 8). Большинство

---

⁴ Кроме того, в одном из курганов с захоронением в яме (Тег. I-15) и кургане-жальнике (Лаш. I-16) зафиксированы подковообразные фибулы, располагавшиеся в нижней части груди, у пояса. Однако в этих случаях они не сочетались с нагрудными застежками, а по своему положению на теле умерших существенно отличаются от описанных одежных комплексов. Находки фибул на поясе и тазовых костях обнаруживают достаточно редкие аналогии в погребальных древностях Северо-Западной и Северо-Восточной Руси [Мальм 1967: 150–151].

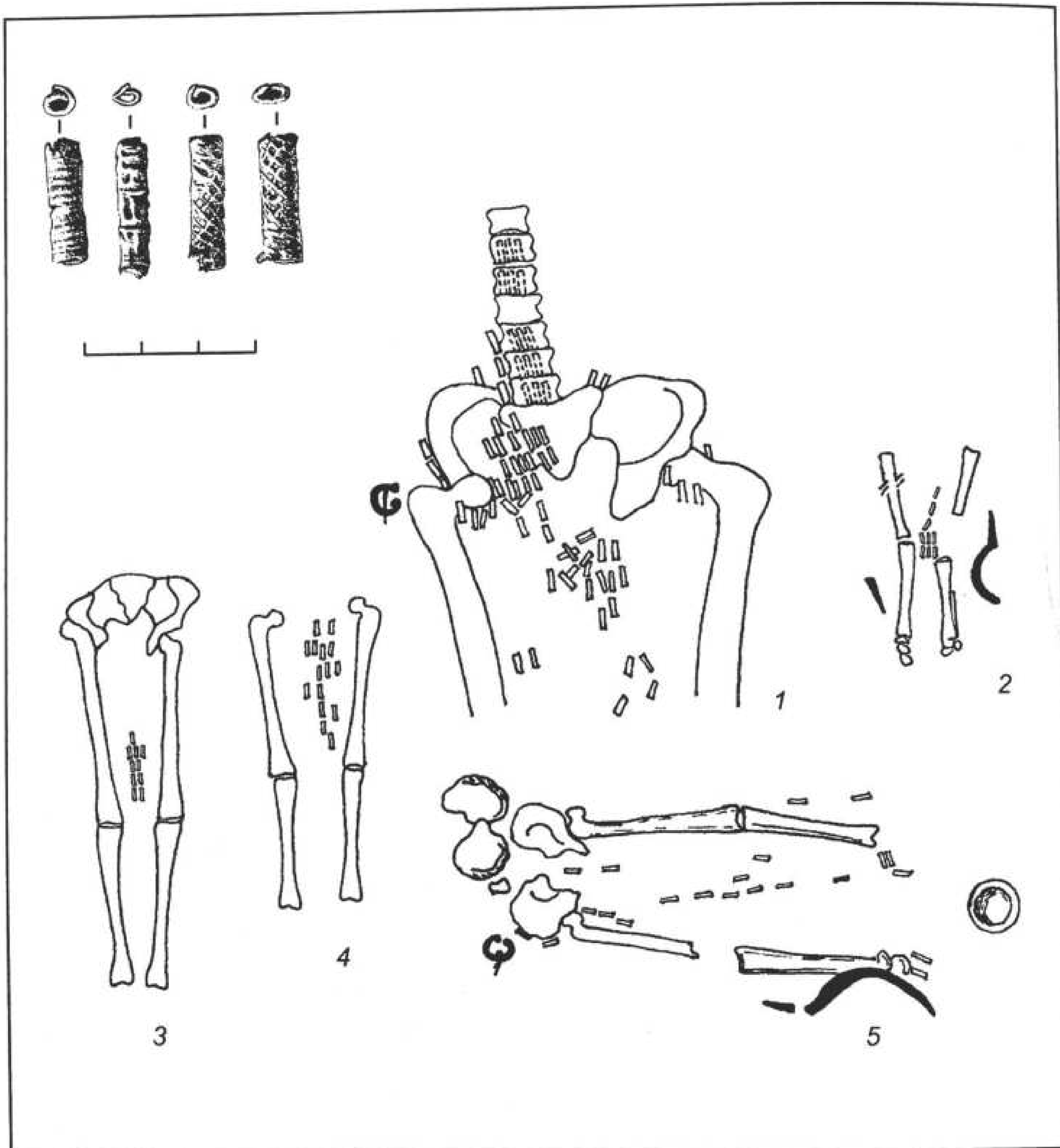

Рис. 13. Металлические пронизки и их использование в женском погребальном костюме Водской земли

(1 – Бер. 42, п. 1; 2 – Бер. 49; 3 – Тер. I-4, 4 – Тер. I-8; 5 – Тер. II-3).

комплексов с такими находками датируется в широких пределах третьей четверти XII—третьей четверти XIII в. при фиксируемых в отдельных случаях более узких временных рамках (1238—1268 гг.).

При обращении к материалам раскопок Л. К. Ивановского можно заключить, что такие плохо сохраняющиеся изделия из хрупкого сплава встречались и в других могильниках Ижорского плато (Пиллово 14; Таровицы 88, Котино 5; Лисино 26; Ново-Сиверская 87; Рябболово 10; Яскелево 10), причем нередко они составляли наборы из десяти и более оловянных трубочек.⁵ Аналогичные пронизки отмечены

⁵ ГИМ, инв. 35322, хр. 31/586, 33/476, 121/516.

и в Северо-Восточном Причудье: в жальничной могиле 26 у дер. Большие Поля зафиксировано их положение у правого колена погребенной [Спицын 1903: 68]. Особый интерес представляет наличие типологически сходной формы украшений в «чудских» могильниках этнографического ареала води. В качестве примера можно привести достаточно позднее (XVI в.) погребение 7 у дер. Валговицы. Зафиксированные здесь вертикальные ряды крупных спиралей, разделенные оловянными колечками, находились на тазовых костях и между ног умершей. Судя по взаиморасположению отдельных деталей, через спирали были пропущены нити или шнуры, которые внизу были стянуты серебряными обоймицами в кисти. Подобные поясные подвески (*jalav karks*) имеют несомненное финно-угорское происхождение, и известны, в частности, в свадебном наряде мордвы [об этом см.: Рябинин, Хвощинская 1990: 45].

Отмечая наличие субстратных особенностей в уборе погребений Водской земли, следует особо подчеркнуть, что за единичным случаем они нигде не образуют целостного и обособленного в культурном отношении одежного комплекса. Так, даже явно нерусский в своей основе убор погребения 42 у дер. Бегуницы был дополнен набором ромбошитковых височных колец. Хотя серия захоронений со спинными подвесками отличается в целом крайней бедностью вещевых находок (фибулы, бусы, браслет), но в одном случае (Тег. I-23) здесь также было зарегистрировано присутствие ромбошитковых височных украшений.

Существует ли взаимосвязь между субстратными элементами погребального костюма и ритуальными особенностями обряда, проявляющимися, прежде всего, в ориентировке умерших? На материалах Бегуницкого могильника устанавливается, что все специфические детали женского убора обнаруживают принадлежность к захоронениям, обращенным головой к востоку (исключение составляет описанное выше погребение девочки в кургане 17, совершенное, однако, совместно с захоронением мужчины, имеющим восточную направленность). Восточная ориентировка присуща также мужским ингумациям, сопровождающимся прибалтийско-финскими поясными наборами. Все это свидетельствует о далеко не случайном проявлении субстратных черт в одежном комплексе и об этнической неоднородности населения, оставившего бегуницкие курганы.

ГЛАВА 7

РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ ВОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Главной целью данной публикации являлось полное введение в научный оборот материалов погребальных памятников, исследованных Ижорской экспедицией за последние десятилетия. Этим определялась сама структура работы, основу которой составляет каталог курганно-жальничных захоронений. Обобщение и анализ неоднородного по информативной значимости массива «петербургских курганов» (свыше 6000 раскопанных комплексов, данные о которых преимущественно ограничены происходящими из них вещевыми находками) должны стать предметом самостоятельного исследования. Это, однако, не исключает возможности интерпретации новых материалов в контексте накопленной базы источников. Некоторым из таких сюжетов посвящена выполненная как серия отдельных очерков заключительная глава работы.

Освоение территории Водской земли и формирование региональной сельской культуры. Местный субстрат в населении края курганной эпохи

На основе изучения письменных источников XIII—XVI вв. с привлечением геоморфологических и иных данных намечены границы летописной Водской земли, «ядро» которой составляла плодородная для своего времени Ижорская возвышенность (рис. 1). Концентрация на ней многочисленных могильников при почти полном отсутствии курганно-жальничных групп к северу и западу от плато со всей очевидностью свидетельствуют об аграрной направленности экономики оставившего их населения. Это же подтверждается массовостью и густотой расположения погребальных памятников, а также наличием крупных некрополей, связанных с большими коллективами, обитавшими чаще всего на одном поселении.

При решении вопроса о начальном этапе продвижения носителей курганной культуры на Ижорское плато нередко используются данные о достаточно редко встречающихся здесь насыпях с трупосожжениями. Могильники, содержащие курганы с остатками кремации, равномерно распространены на всей возвышенности

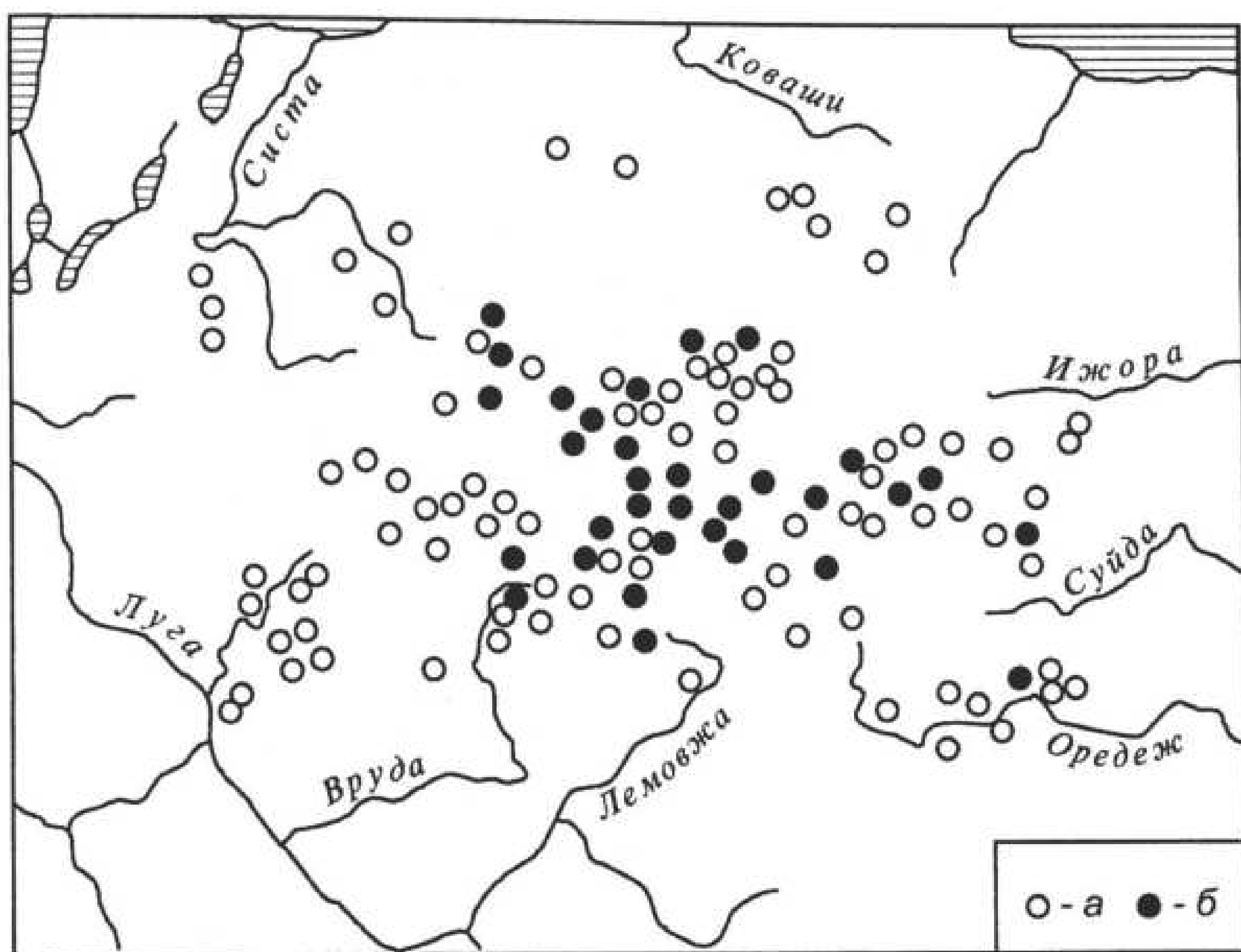

Рис. 14. Курганы с трупосожжениями Водской земли
(а — исследованные курганные могильники; б — могильники с трупосожжениями).

и не известны лишь в ее северной, наиболее поздно освоенной части (рис. 14). Судя по имеющимся данным, полная кремация совершалась на стороне. В некоторых случаях отмечена частичная кремация трупоположений — головы или верхней части погребенного.

Информация о захоронениях по этому обряду крайне противоречива и требует самой тщательной и детальной проверки. Так, обращение к полевым отчетам Н. К. Рериха [АИИМК, ф. 1, д. 1894/74; 1896/56; 1897/54; 1898/117] показывает, что к курганам с сожжениями причислялись погребальные сооружения с зольно-углистыми послойками на горизонте или в насыпи, не содержащие костных останков. Характер таких объектов остается неясным.

Учитывая всю условность выделения комплексов с кремацией из старых раскопок, можно, тем не менее, утверждать, что в своей совокупности они представляют слабо поддающуюся культурно-хронологическому изучению группу. Основная часть погребений вообще лишена вещевых находок или сопровождается неопределенными обломками железных и бронзовых изделий. В отдельных случаях отмечены фрагменты керамики, ножи, поясные кольца. Набор вещей из единичных комплексов позволяет датировать их XII—XIII вв. [Рябинин 1997б: 139, 145].

Исключением в этом отношении является курган 10 второй группы у дер. Озертицы с предполагаемым трупосожжением (центральная часть плато). По богатому составу инвентаря, включающего находки, аналогичные древностям Юго-Восточного Приладожья и Юго-Восточной Прибалтики, он был отнесен А. А. Спицыным ко времени не позднее X в. [Спицын 1896: 5]. При возможных корректировках в сторону «омоложения» этой даты (XI в.) данный комплекс хронологически все же может быть сопоставлен с могильником близ станции Вырица в верхнем течении Оредежа у восточной окраины Ижорского плато. Ранние

захоронения этого памятника совершены по обряду трупосожжения и сопровождались украшениями приладожского круга древностей X—первой половины XI в.¹ Вероятное оседание на пограничье плато малой популяции приладожской «чуди» вряд ли оказало существенное влияние на дальнейшие судьбы «курганного» населения региона. Значение археологического объекта заключается в его одновременности или хронологической близости с появлением ранних курганов на Ижорской возвышенности (указанный выше комплекс Озертицы 10) и в Восточном Причудье (могильник Залахтовье), что может свидетельствовать о начале общих радикальных изменений в истории северо-западных земель Великого Новгорода.

К древнейшим датированным насыпям, генетически связанным с последующим развитием культуры Водской земли, относятся исследованные нашей экспедицией курганы с остатками трупосожжений в основании насыпи: Беседа 8 (до 1116 г.) и Бегуницы 50 (до 1134 г.). Они соотносятся с подпериодом Ia по хронологической шкале Ю. М. Лесмана, определяемой для весьма малочисленной группы древнейших захоронений в пределах 1096—1116 (или 1076—1116) гг. [Лесман 1988: 21—22]. Следует отметить, что оба могильника расположены в западной части плато, где по материалам предшествующих раскопок выделяется зона его начального освоения [Лесман 1982: 69].

В XII—XIII вв. происходит ареальное оформление всего массива «петербургских» курганов. При исследовании могильников широкой площадью удалось проследить последовательное развитие обряда от курганов с захоронениями на горизонте (до середины XIII в.) к курганам с трупоположениями в ямах (третья четверть XIII в.) и к курганам-жальникам (последняя четверть XIII—начало XIV в.). Позднейшая разновидность объектов в этой эволюционной цепочке — жальничные могилы — сохранялась у местного населения, по крайней мере в некоторых местностях, до XVI в. включительно. Это обусловлено длительным освоением Ижорского плато выходцами из разных областей, принесшими с собой региональные особенности обряда; предполагаемым переходом групп местного финно-угорского населения к курганному способу захоронения; длительным переживанием в некоторых «глухих» уголках региона архаических форм обряда. Примером последнего может служить могильник у дер. Глумицы на юго-восточной окраине плато, где Н. К. Рерихом был раскопан курган с сидячим погребением на горизонте, сопровождавшимся новгородской деньгой не ранее 1420 г. [АИИМК, ф. 1, д. 1898/117; о дате чеканки монеты см.: Лесман 1982: 70]. Однако такие исключения не меняют общего представления о преемственной смене характера обряда и погребальных сооружений в указанных выше хронологических рамках.

Особенности сооружения насыпей и вещевой материал комплексов свидетельствуют о преимущественном продвижении носителей курганной культуры из ареала новгородского расселения. Вопрос об исходных районах колонизации на разных этапах остается достаточно сложным. Ю. М. Лесман выделяет два основных направления такого освоения, один из которых, документированный ранними насыпями периода I (до 1177 г.) на западе и отчасти в центре плато, связан с ареалом «гдовских курганов» (Северо-Восточное Причудье, бассейны рек Плюссы и Долгой); другой, относящийся к периоду II (1177—1268 гг.), — с продвижением

¹ Гос. Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, колл. 703/1-16.

переселенцев из Верхнего Полужья [Лесман 1982: 72—73]. Эти предположения основаны на картографическом анализе могильников и, как признает сам автор, имеют гипотетический характер.

Последнее особенно применимо к реконструкции миграционного потока из Северо-Восточного Причудья, где во второй половине XI—XII в. фиксируется оформление курганного региона, выделяющегося рядом культурных и погребальных особенностей: широкое использование в женском уборе браслетообразных височных колец с завитком на одном конце; бытование дровяных гривен с «рыльцами», широких ленточных, дровяных и узкомассивных браслетов, некоторых типов перстней; единичность сидячих погребений и нераспространенность захоронений с орудиями труда [Хвощинская 1976: 18—24; 1978: 8—13; 1985: 168—169]. Даже при учете определенной асинхронности региональных черт «классического» периода с эпохой продвижения выходцев из Причудья на Ижорское плато было бы вполне правомерно ожидать их проявления, хотя бы и в остаточном виде, и в курганных материалах Водской земли. Их явных следов здесь, однако, выделить не удастся.

Особое место среди изученных нашей экспедицией памятников Ижорского плато занимает курганное кладбище у дер. Бегуницы. Его своеобразие заключается не только в ярком проявлении прибалтийско-финских традиций, но и в длительном сохранении этнокультурной самобытности обитавшей здесь иноязычной популяции. В предшествующих публикациях мне уже неоднократно приходилось обращаться к этому средневековому некрополю [Рябинин 1981в: 228—234; 1983а: 482—493; 1987: 9—10; 1988а: 120—121; 1990а: 24—25; 1993: 118]. Углубленный анализ материала подтверждает высказанные ранее положения, требующие, вместе с тем, некоторой хронологической корректировки. Реконструируемая этнокультурная ситуация в районе Бегуниц вырисовывается следующим образом. В конце XI—начале XII в. здесь появляются курганные насыпи, под которыми погребены умершие с необычной для славян восточной ориентировкой и с инвентарем, характеризующимся наличием элементов прибалтийско-финского и общеприбалтийского происхождения. Ранние ингумации преимущественно связаны с предшествующими трупосожжениями, о чем свидетельствует их топографическая приуроченность к насыпи с трупосожжением (курган 50). В середине—третьей четверти XII в. начинают сооружаться насыпи с захоронениями, имеющими западную направленность и сопровождающимися вещами исключительно древнерусских типов. Они образуют компактную и территориально обособленную группу в восточной части курганного некрополя. На протяжении второй половины XII—первой половины XIII в. наблюдается процесс культурной интеграции обитателей двухобщинного поселения, выражающийся в повсеместном распространении новгородских форм изделий и резком уменьшении (а в тенденции — полном исчезновении) субстратных «чуждых» элементов. Но финно-угорские насельники этого участка продолжали сохранять некоторые старые традиции, проявляющиеся в характере погребальной обрядности. Позднейшие захоронения с восточной ориентировкой совершались еще в первой половине XIII в., в период завершения функционирования самого кладбища: курган 18 (дата комплекса по новгородским аналогиям около 1238 г.); курган 35 (после 1224 г.); курган 37 (1224—1238 гг.); курган 55 (после 1224 г.). На фоне активной нивелировки культурных различий элементы культурного порядка, отраженные в ритуальной практике, выступают как значительно более стойкое,

консервативное явление. Этот факт следует постоянно учитывать при этнокультурных разработках, базирующихся на материалах массовых раскопок Л. К. Ивановского и в подавляющей своей степени источниковедчески ограниченных лишь данными об инвентаре захоронений.

Вопрос о происхождении рассматриваемой иноязычной популяции остается достаточно сложным. По своим культурным особенностям она значительно отличается от средневекового населения в этнографической зоне води (могильники Валговицы, Великино, Вардия), в женском уборе которой полностью отсутствуют фибулы, браслеты, шейные ожерелья при традиционном использовании нагрудных булавок. Определенные черты сходства рассматриваемый памятник обнаруживает с курганной группой XII—XIII вв. у дер. Мануйлово, расположенной на юго-западном скате плато в пределах Опольского погоста в «чуди» [Спицын 1896: 49—51, 108; Глазов 1905: 139—142; АИИМК, ф. 1, д. 1903/49]. В ее погребениях неоднократно встречались спиральные браслеты, бронзовые ножны «эстонского» типа, ременные разделители прибалтийского происхождения, остатки ткани с декором из бронзовых спиралек. Однако однотипная западная направленность умерших, отсутствие в инвентаре височных украшений, бус и керамики наряду с использованием одежных булавок сближает Мануйловский могильник скорее с кладбищами предков современной води при наличии некоторых различий между ними. В еще большей степени данное заключение применимо к средневековому некрополю у дер. Войносолово, исследованному Л. К. Ивановским на пограничье летописной Водской земли с Толдожским погостом «в чуди» [Спицын 1896: 51—52, 100].

Определенные параллели культура Бегуницкого могильника обнаруживает с неоднократно упоминавшимся курганным могильником у дер. Залахтове на восточном побережье Чудского озера — предполагаемом памятнике прибалтийско-финского коллектива, продвинувшегося в зону древнерусского расселения с племенной территории эстов [Хвошинская 1978: 18—19]. Некоторые сходные черты проявляются при обращении к ранним курганным захоронениям Принаровья и Северо-Восточной Эстонии, связываемых с локальным подразделением води [Лиги 1992: 151—158]. В целом не вызывает сомнения родство неславянской части обитателей средневековых Бегуниц с населением Юго-Восточной Прибалтики. Очевидно также, что появлению ранних захоронений этой группы на Ижорском плато предшествовал период ее непосредственных контактов с носителями курганной культуры.

Односторонний характер источниковедческой базы, созданной в последней четверти XIX—начале XX в., определяет сложность решения вопроса о местном, не связанном с миграциями из других регионов финском компоненте в составе населения Водской земли. Дискуссионность проблемы вызвана также отсутствием на Ижорской возвышенности достоверных памятников дорусской эпохи, которые могли бы быть сопоставлены с реконструируемым северо-восточным подразделением води [о последнем см.: Моора Х. А., Моора А. Х. 1965: 63—85]. Не исключено, что крайне бедная водными источниками центральная часть силурийского плато до продвижения сюда древнерусских поселенцев вообще осталась слабо освоенной. Исходя из геоморфологических условий района обитания средневековой «чуди» (северо-западной води, по Х. А. Моора и А. Х. Моора) и преимущественно экстенсивного характера ранней экономики, вероятная зона расселения аборигенных коллективов в пределах будущей Водской земли могла включать некоторые

участки вдоль побережья Финского залива и бассейны рек, берущих начало со скатов возвышенности. Косвенным указанием на их раннее проживание в приречных долинах являются данные гидронимики. По определению А. И. Попова, прибалтийско-финское происхождение имеют названия реки Луги (предположительно водский гидроним), а также наименования ее северных притоков (Лемовжа, Суйда), в верховьях которых происходило сложение курганной культуры Ижорского плато [Попов 1981: 86—88]. В эпоху древнерусской земледельческой колонизации перешедшие к курганному обряду группы северо-восточной води могли активно включиться в общий процесс аграрного освоения центра возвышенности. Но для окончательного выяснения данного вопроса необходимы целенаправленные археологические исследования, учитывающие вероятную специфику дорусских памятников этого региона.

Наиболее заметные субстратные особенности, серийно представленные в разных частях курганного ареала и, очевидно, восходящие к местному дорусскому населению, уже рассматривались выше, при характеристике погребального обряда и специфических элементов женского убора. Этому же сюжету посвящен специальный раздел монографии автора «Финно-угорские пламена в составе Древней Руси» [1997а]. Несомненно, что дальнейшая углубленная проработка уже накопленного материала и последующее накопление фонда источников позволят конкретизировать представления о происхождении и «удельном весе» местного компонента в составе населения Водской земли курганной эпохи. В рамках данного очерка полагаю целесообразным коротко остановиться лишь на некоторых дискуссионных аспектах этой проблемы, имеющих определенное отношение к результатам наших раскопок.

Одной из особенностей ритуала, привлекаемых для неславянской диагностики части комплексов, является обычай погребения умерших в сидячем или полусидячем положении. По мнению В. В. Седова, захоронения в столь своеобразной позе, получившие преимущественное распространение на Ижорском плато, восходят к традициям древней води или даже более крупному массиву родственных финских племен Северо-Запада [Седов 1984: 155—161; 1987а: 38—40]. Это заключение базируется на корреляции обрядности и украшений, выделяемых В. В. Седовым в качестве этнических индикаторов славянского и финского населения региона. Правда, исследователем отмечается, что из-за отсутствия покурганного описания обряда в дневниковых записях Л. К. Ивановского такую сопряженность признаков приходится изучать лишь на уровне могильников.

Итоги проведенного В. В. Седовым анализа сводятся к следующему. Могильники, в которых найдены славянские вещи (прежде всего, ромбоштитковые кольца) и нет водских украшений, всегда содержат только погребения на спине в вытянутом положении. Для могильников, состоящих в подавляющей части из курганов с сидячими захоронениями, характерны, наоборот, многобусинные кольца и иные изделия финно-угорского облика. В могильниках, содержащих насыпи с различным положением умерших, встречены разнохарактерные элементы женского убора при преобладании этнически значимых украшений той или иной группы в соответствии с позой погребенных. Наконец, выявляются могильники, в которых найдены водские височные кольца, но не зафиксированы сидячие захоронения. Последнее объясняется сравнительно поздним временем функционирования кладбищ, относящихся, по-видимому, к тому периоду, когда указанный ритуал становится архаическим пережитком.

При характеристике погребального обряда мне уже приходилось отмечать как методическую уязвимость сведений Л. К. Ивановского и некоторых других исследователей конца XIX—начала XX в. о погребальном обряде, так и сомнительность самих свидетельств такого рода, основанных на суммарных данных. В наших раскопках зафиксировано 37 достоверных и 5 предполагаемых сидячих погребений, что составляет значительную выборку (25%) от ингумаций с удовлетворительной сохранностью костных останков.

Итоги их корреляции с категориями инвентаря при учете разновидностей погребальных сооружений и половозрастной принадлежности умерших позволяют заключить следующее. Прежде всего обращает на себя внимание почти полное отсутствие височных украшений, лишь в одном случае представленный обломком перстнеобразного проволочного колечка. Это вряд ли может считаться случайным, особенно при учете достаточно большой серии женских захоронений и принадлежности 60% таких инвентарных комплексов к курганам с ингумациями на горизонте (в последней группе сидячих погребений височных украшений вообще не встречено). Не известны здесь также шейные, нагрудные и поясные подвески при присутствии бус, фибул, браслетов и перстней обычных древнерусских типов. Показательно также, что финские поясные подвески из рифленых свинцово-оловянистых трубочек, несмотря на относительную немногочисленность инвентарных сидячих погребений, отмечены здесь в двух из пяти комплексов с определенным положением умерших. На материалах Бегуницкого могильника в восьми случаях устанавливается корреляция сидячей позы погребенных с восточной ориентировкой (20,5% от общего числа захоронений с определенной направленностью) и в четырех — с западной ориентировкой (21%).²

«Судя по новейшим исследованиям, — отмечает Ю. М. Лесман, — когда раскопки могильника производились широкой площадью, сидячие погребения концентрировались на периферии курганной группы и содержали более поздний инвентарь, чем погребения центральной части, где находились покойники в вытянутом положении» [Лесман 1981: 55]. При этом приводится ссылка на исследование могильника у дер. Даймище в 1975 г., когда было вскрыто девять насыпей с сохранившимися ингумациями [Лебедев, Кольчатов, Розов 1976: 28]. Это основанное на ограниченных данных заключение должно быть существенно откорректировано.

Во всяком случае, по материалам раскопок Ижорской экспедиции фиксируется обратная картина — уменьшение числа сидячих захоронений в эволюционном ряде развития обряда от курганных ингумаций на горизонте (24) к подкурганным ямам (15) и курганам-жальникам (3) при их полном исчезновении в жальничных могилах. Обращение к микротопографии могильников, раскопанных широкой площадью (Бегуницы, Лашковицы, группа I; Тegliцы, группа I), показывает, что локальности в распределении обеих разновидностей погребального обряда не наблюдается даже среди курганных насыпей.

---

² Показательна взаимосвязь такой обрядности с положениями на восток, отмеченная в ряде курганных комплексов других могильников Ижорского плато (Калитино, Пежовицы, Войсковицы). В Причудье сидячие погребения единичны, однако и здесь захоронение с восточной ориентировкой, исследованное в кургане 6 у дер. Калихновщина, было совершено в полусидячем положении [Спицын 1903: 97].

По наблюдениям Ю. М. Лесмана, сидячие погребения на Ижорском плато достоверно появляются лишь в последней четверти XII—середина XIII в. и предположительно связываются с миграцией населения из восточных районов Новгородской земли [Лесман 1981: 52—58]. К тому же периоду принадлежит основная часть таких захоронений из наших раскопок. Позднейшие единичные погребения в курганах-жальниках (Лаш. I-34; Тег. I-2; Гор. I), хотя и не имеют четких хронологических привязок, но по их принадлежности к указанной разновидности сооружений и месту в системе датированных объектов могут быть отнесены к последней трети XIII—началу XIV в.

Наиболее ярко рассматриваемый ритуал представлен в группе II Теглицы, где по этому способу совершены почти все захоронения. Есть основания полагать, что данный памятник принадлежит малой популяции, обитавшей по соседству с крупным поселением, к которому относится группа I. В последней доля сидячих захоронений среди ненарушенных ингумаций оказывается также весьма значительной (29%). В Лашковицкой группе I они составляют 17,5% труположений. Для Бегуницкого могильника определение их реального соотношения с захоронениями в обычной позе не представляется возможным из-за разрушенности почти половины погребений.

По данным наших раскопок, в сидячем положении совершались как захоронения мужчин (21), так и женщин, включая в это число девочек, достигших возраста невест (19). Детей, как правило, хоронили в вытянутом положении. Показательна неравномерность распределения сидячих погребений по их половой принадлежности в разных памятниках. На могильниках Бегуницы и Лашковицы (группа I) наблюдается несомненное преобладание мужских ингумаций над женскими: соответственно 8 и 4; 8 и 3. В группе I у дер. Теглицы выявляется обратная картина: из 11 погребений такого рода 9 являлись женскими и 2 не содержали археологических индикаторов их пола, хотя, предположительно, они могут быть отнесены к мужчинам. В Теглицкой группе II паритетно представлены захоронения мужчин, женщин и, в одном случае, ребенка.

В этом отношении небезынтересны парные и коллективные ингумации, совершенные в различных позах. В Бегуницком могильнике они отмечены в четырех случаях. Курган 11: мужчина и женщина похоронены в сидячем положении, девочка-«невеста» — в вытянутом; курган 17: мужчина в сидячем положении, девочка в вытянутом; курган 29: мужчина в сидячем положении, женщина в вытянутом; курган 39: мужчина в сидячем положении, женщина в вытянутом. Группа I у дер. Лашковицы: в кургане 41 погребены мужчина в сидячем положении, женщина в вытянутом. Группа I у дер. Теглицы: в кургане 15 погребены женщина в сидячем положении, мужчина в вытянутом; в кургане 22 — мужчина в сидячем положении, женщина в вытянутом. Налицо разнообразие способов помещения умерших в могильные насыпи, устанавливаемое даже на уровне первичных семейных ячеек — малых семей.

Применительно к памятникам копорской округи можно заключить следующее. Сидячие захоронения получают здесь распространение лишь на определенном этапе развития курганной культуры (в основном со второй половины XII в.). Неоднозначность проявления этого обряда в разных могильниках, а также прослеживаемая его корреляция с половой принадлежностью умерших на ряде памятников свидетельствуют о взаимосвязи специфического похоронного обычая

с притоком в формирующуюся среду населения Ижорского плато носителей новых погребальных традиций. Отсутствие в женских захоронениях типичных для региона украшений — ромбошитковых и многобусинных колец — предполагает включение в процесс культурогенеза популяций, не обладавших такого рода этнографическими признаками. Это же подтверждается бедностью и разрозненным составом отдельных категорий инвентаря женских ингумаций. Вместе с тем обращает на себя внимание взаимосвязь таких погребений со своеобразными чертами обрядности и субстратными элементами металлического убора (восточная направленность умерших; поясные трубчатые подвески). Отмеченные факты представляются достаточно показательными, хотя географически они соотносятся лишь с небольшим участком курганного ареала на северо-западе Ижорского плато. Следует, однако, оговорить, что окончательное решение вопроса о происхождении самого обряда при современном состоянии источниковедческой базы вряд ли возможно.

При изучении проблемы этнического состава населения Водской земли интерес представляют еще два археологически документированных факта. Из 5500 исследованных Л. К. Ивановским комплексов орудия труда — топоры, серпы, косы-горбуши — зафиксированы в 337 случаях (6,1%) [Рябинин 1974б: 23—26]. В копорской округе доля таких погребений с учетом только рабочих и универсальных форм топоров, а также серпов и кос, достигает 16,8%. При этом именно для рассматриваемого микрорегиона фиксируется полное исчезновение обычая хоронить умерших с хозяйственным инвентарем после появления подкурганных могильных ям. Таким образом, «удельный вес» данной традиции для ингумаций, совершенных в основании насыпей на горизонте, увеличивается до 34%.

Обращение к суммарной серии «чудских» погребений, изученных в пределах водского прихода Каттила (Котлы), показывает, что орудия труда в грунтовых могилах или на уровне поверхностных каменных обкладок представлены в 21,7% комплексов. При этом следует учитывать, что топоры, за единичным исключением, здесь отсутствуют, так как их плотная структура препятствовала ритуальной традиции «умерщвления» инвентаря — ломке или сгибанию железных орудий. Вышесказанное позволяет предполагать прямую или опосредованную связь данной обрядовой особенности прежде всего с финно-угорским наследием в курганной культуре Водской земли. Еще одна своеобразная черта погребальных памятников копорской округи заключается в нередком наличии под насыпью не одиночных, а парных и коллективных захоронений (23% исследованных курганов). Учитывая крайнюю редкость последних на основной части Ижорской возвышенности, их концентрация на пограничье с зоной расселения средневековой «чуди» также вряд ли может считаться случайной.

Во второй половине XII—XIII в. прослеживается тенденция к интеграции разнородных элементов и сложению «областной» культуры Водской земли — древнерусской по основным признакам, но обладающей определенными региональными особенностями. Хронологически этот процесс соответствует резко усилившемуся влиянию на сельские районы со стороны Новгорода Великого, ознаменованному переходом во второй четверти XII в. городских ремесленников к массовому выпуску стандартной продукции, предназначенной для сбыта на широкий внешний рынок [Колчин, Янин 1982: 122—125]. Заметный отпечаток на формирование культуры наложили традиционные связи с Прибалтикой, определившие, в частности, чрезвычайно широкое распространение нагрудных застежек-

фибул, некоторых разновидностей браслетов, перстней и т. д. В указанное время прослеживается также значительный культурный импульс из ареала ижорско-карельского расселения. При этом такое влияние не ограничивалось проникновением в среду обитателей Водской земли отдельных категорий вещей древнекарельских типов, но и сопровождалось творческой переработкой привносимых элементов, приспособлением их к местным вкусам [об этом см.: Рябинин 1989б: 25—33; 1990в: 37—38]. Специфика региональной культуры нашла отражение в особой популярности некоторых разновидностей украшений (например металлических бус), почти не представленных в столице Северо-Западной Руси. Следует отметить и широкое распространение в окраинных районах Новгородской земли многобусинных височных колец, модифицированные образцы которых выявлены в погребальных комплексах северо-западной «чуди» XIV—XVI вв. и зафиксированы в этнографическом уборе води сравнительно недавнего прошлого. Последнее, однако, не исключает бытования таких украшений у различных по происхождению групп населения Ижорского плато.

В публикациях мною неоднократно высказывалось положение о том, что формирование «областной» культуры являлось закономерным итогом экономических и социально-политических процессов, приведших к образованию Водской земли как таковой, когда, по заключению историков, «здесь уже имеется этнически смешанное население, объединенное хозяйственными связями и политической властью на более или менее определенной территории» [Гадзяцкий 1940: 103]. Косвенным свидетельством этому могут служить скудные известия средневековых исторических источников.

Первое летописное сообщение о «Води», коррелирующееся с археологическими данными,³ связано с набегом на последнюю в 1149 г. еми («с ратью не в тысящи») и разгромом вторгшегося врага пришедшими на помощь «вожанам» новгородцами [НПЛ 1950: 28]. Именно после этого события на северной окраине возвышенности возникает система северной обороны, закреплявшая Водскую землю за Новгородом (об этом см. ниже).

Судя по известию, подвергшееся нападению население было достаточно многочисленным и обладало значительным экономическим потенциалом. Иначе вряд ли можно объяснить поход на него весьма крупного по тем временам отряда еми — акции, скорее всего, грабительской, хотя и вписывающейся в общую картину борьбы Новгорода со Швецией за порубежные территории. Многочисленное земледельческое население XII—XIII вв. археологически документировано только одной категорией памятников, а именно курганными кладбищами, уже занимавшими в этот период все Ижорское плато. Усматривать в нем монолитный финский массив, обладающий признаками этносоциальной общности, резко дифференцирующими последнюю от соседей-русских, явно не приходится. В этом случае возникает предположение о преимущественно территориальном значении имени «Водь», очевидно восходящему к древнему этнониму, но применявшемуся в указанный период для этнически смешанного (но не племенного) населения Водской земли.

---

³ Наиболее раннее и крайне отрывочное упоминание летописи о «вожанах», участвовавших в набеге князя Всеслава Полоцкого на Новгород в 1069 г. [НПЛ 1950: 17], не может быть интерпретировано ни с географической (отсутствие указаний на район проживания), ни с археологической (отсутствие достоверных синхронных древностей) точек зрения. «Вожане» XI в. остаются пока исторической загадкой.

Конкретизировать данное наблюдение позволяет следующее по времени сообщение летописи, помещенное под 1215 г. [НПЛ 1050: 54]. Осенью этого года «поби мразь обилье по волости», вызвавший страшный голод во всей Новгородской земле; «...А Вожане помроша, а останъке разидеша», — добавляет летописец. Не вызывает сомнения, что упоминание в этом конкретном контексте одних только вожан подразумевает особое значение последних для обеспечения зерновыми культурами метрополии и ее владений. Таковыми опять-таки могли быть только земледельческие обитатели Ижорской возвышенности — носители курганной культуры.

О проживании на северо-западе новгородских владений различающихся в этническом отношении групп населения свидетельствуют летописные известия о событиях начала 1240-х гг. Это и рассказ о цели прихода крестоносцев («Тои же зимы придоша Нѣмци на Водь с Чюдью, и повоеваше, и дань на них възложиша, а город учиниша в Копорьи погосте») и акция Александра Невского после взятия Копорья («Вожан и Чюдцю перѣветники извеша»). С летописной «чудцой» несомненно связаны бескурганные могильники с самобытной финской культурой, исследованные нами к западу от Копорья, но, вполне возможно, имевшие более широкое распространение вдоль прибрежной полосы Финского залива. Соответственно памятниками вожан могут являться лишь курганные кладбища Ижорского плато с качественно иными и ориентированными на Новгород культурными особенностями.

В этом отношении интерес представляют материалы раскопок самого Копорья. В нижних отложениях памятника, датируемых XIII—XIV вв., найден ряд изделий финского происхождения [Кирпичников, Овсянников 1979: 106, 107, рис. 2: 1—3]. Среди них выделяются бронзовые одежные булавки, отсутствующие в курганах Водской земли, но, как справедливо было отмечено А. Н. Кирпичниковым и О. В. Овсянниковым, характерные для эстонской «чуди». При последующем исследовании могильников новгородской «чуди» установлена типичность их использования в женском одежном комплексе этого населения. Одна из копорских находок — булавка с двуспиральной головкой — принадлежит к форме украшений, использовавшихся у средневековых эстонцев для скрепления головной повязки замужних женщин, а у предков северо-западной води применявшихся в качестве держателя нагрудных цепей.

В тех же нижних отложениях памятника представлены вещи обычного новгородского облика, в том числе бронзовые украшения, хорошо известные по курганным материалам Водской земли. Представляется убедительным высказанное положение о «русско-чудском культурном симбиозе», существовавшем в Копорье в XIII и XIV вв. [Кирпичников, Овсянников 1979: 108] и сложившемся при активном участии «вожан» (возможно, также выходцев из самого Новгорода) и обитавшей за пределами курганного региона местной «чудць».

Конечный итог встречи различных по происхождению групп населения Ижорского плато сомнений не вызывает. К эпохе составления писцовых книг рубежа XV—XVI вв. основная часть возвышенности уже была занята достаточно однородным населением, говорившим на русском языке. В пользу этого свидетельствует топонимика селений и ономастика их обитателей. Особенно наглядно она проявляется на ярко выраженном «чудском» фоне хореографии — названиях населенных пунктов, а также в именах жителей, заселявших районы к западу от

плато и побережье Финского залива вплоть до междуречья Мги и Назиы в Южном Приладожье. Именно здесь складывались условия для формирования малых этнических единиц современной Ленинградской области — водской и ижорской народностей и для длительного сохранения ныне не существующих, прибалтийско-финских по языковым данным, загадочных групп «лопи» [о последней см: Кирпичников 1984б: 137—144]. Вместе с тем неоднородность изначального состава обитателей Водской земли хорошо документируется антропологическими материалами из раскопок средневековых могильников.

Новые данные об антропологическом составе населения северо-западной окраины Ижорского плато

В результате изучения взаимовстречаемости находок в захоронениях и их картографии В. В. Седовым выделены две этнически определяющие группы украшений, соответственно связываемые со славянами и водью (чудью). На их основе могильники северо-запада Новгородской земли были дифференцированы на три группы: славянские, водские и смешанные славяно-водские [Седов 1953: 190—229]. Анализ краниологического материала, преимущественно происходящего из раскопок Л. К. Ивановского, привел автора к выводу о том, что археологическая дифференциация курганных древностей коррелируется с различными антропологическими типами, свойственными средневековому населению Северо-Западного региона [Седов 1952: 72—85]. Для захоронений Ижорского плато, отнесенных к славянам, равно как и могильников Приильменя и верхнего течения Луги, характерен европеоидный узколицый мезодолихокранный тип с сильно выступающим носом. Судя по территории его распространения, он связан со славянами новгородскими, а по основным показателям близок типам славянских племен Поднепровья и Белоруссии. Курганные черепа, определяемые как водские, представлены иными антропологическими типами. Основной из них — также европеоидный, но, в отличие от славянского, широколицый и обнаруживающий в своем строении небольшую монголоидную примесь (несколько уплощенное лицо, средневыступающий нос). По определению В. В. Седова, он генетически восходит к европеоидным широколицым черепам неолита Приладожья и Прионежья. Несмотря на территориальную разбросанность, погребения этого типа обнаруживают наибольшую приуроченность к северной части возвышенности. Еще одна морфологическая форма чудских черепов характеризуется общей грацильностью, мезокрацией, уплощенным лицом и слабо выступающим носом, соответствуя по основным признакам урало-лапоноидной краниологической группе. Наконец, черепа из могильников, определяемых археологически как славяно-водские, занимают промежуточное положение между славянским и водским антропологическими типами.

Заклучения В. В. Седова получили широкое признание и развитие в целом ряде конкретных антропологических разработок [см. напр.: Марк 1956: 234—235; Алексеев 1969: 175—199; Алексеева 1973: 24 и след.; 1990: 133—138; Денисова 1977: 93—137]. Особенно активно обсуждался вопрос о наличии сходных черт между чудскими и славянскими группами Ижорского плато и средневековым населением некоторых районов Прибалтики. Так, по определению К. Ю. Марк, палеоантропологические материалы из курганов XI—XIV вв. северо-восточной Эстонии занимают промежуточное положение между сериями славянских и чудских

могильников, опубликованных В. В. Седовым. На этом основании был сделан вывод о возможных генетических связях средневекового населения данного региона с обитателями более восточных районов [Марк 1956].

При изучении краниологического материала первой половины II тыс. н. э. с территории Латвии особое внимание уделялось интерпретации широколицего мезокранного типа, распространенного в средней части Видземе, а также, вероятно, в северной и средней части Латгале, и обнаруживающего близкое сходство с чудскими черепами Ижорской возвышенности. Это может свидетельствовать о наличии в ареале от левобережья Даугавы на юге до северо-восточной Эстонии на севере и до р. Ижоры на востоке единой в антропологическом отношении средневековой общности, в прошлом представленной родственными прибалтийско-финскими племенами [Денисова 1977: 94—95]. Как отмечает Р. Я. Денисова, «предположение об общности происхождения води и прибалтийских финнов восточной Латвии имеет серьезные основания» [1979: 13—14].

С 1980-х гг. для изучения этой проблемы стали активно привлекаться материалы из раскопок Ижорской экспедиции. Итоги исследования черепов из могильников Бегуницы и Лашковицы I, проведенного В. И. Хартановичем и К. Ю. Чистовым (Институт этнологии и антропологии РАН), уже получили освещение в публикациях [Хартанович, Чистов 1984: 74—105; Хартанович 1985: 31—32]. Параллельный анализ тех же серий был осуществлен Р. Я. Денисовой и Р. У. Гравере (Институт истории Латвии). Интересные данные были получены при изучении краниологических материалов с территории «чудских» погостов: могильники в дер. Валговицы (Р. Я. Денисова, Р. У. Гравере) и у дер. Великино (С. Л. Санкина). Одонтологический аспект исследования отражен в работах Р. У. Гравере [1987; 1990: 174—222].

По определению В. И. Хартановича и Ю. К. Чистова, мужская краниологическая серия из Лашковиц характеризуется высокой, мезокранной по указателю черепной коробкой с широким, довольно высоким и профилированным в горизонтальном плане лицом. Угол выступания носовых костей вполне европеоидный, так же как и дакриальный указатель. Величина симотического указателя свидетельствует о некоторой уплощенности носовых костей.

Серия из Бегуниц по ряду признаков отличается от лашковицкой. Массивная черепная коробка здесь уже и длиннее, выше, ширина лба значительно меньше. Лицо более узкое, менее профилированное, с отчетливой тенденцией к общему и альвеолярному прогнатизму. Орбиты низкие. Угол выступания носа и симотический указатель меньше, а дакриальный указатель больше, чем в серии из Лашковиц.

Как отмечают авторы, новые антропологические материалы отличаются от ранее выделенных типов Ижорского плато своеобразным сочетанием признаков, не имеющим аналогий в последних. Вследствие этого, для их расодиагностики использован факторный анализ, позволяющий наметить место рассматриваемых серий в системе синхронных материалов северо-запада Новгородской земли и Восточной Прибалтики. По положению суммарных серий в пространстве центроидных факторов и пространстве I и II главных компонент установлено, что черепа из Бегуниц обнаруживают определенное сходство с черепами из Латвии; лашковицкая серия также сходна с латвийскими, но в то же время занимает промежуточное место между ними и черепами из могильников с чудским инвентарем (рис. 15). Основным выводом исследования заключается в следующем:

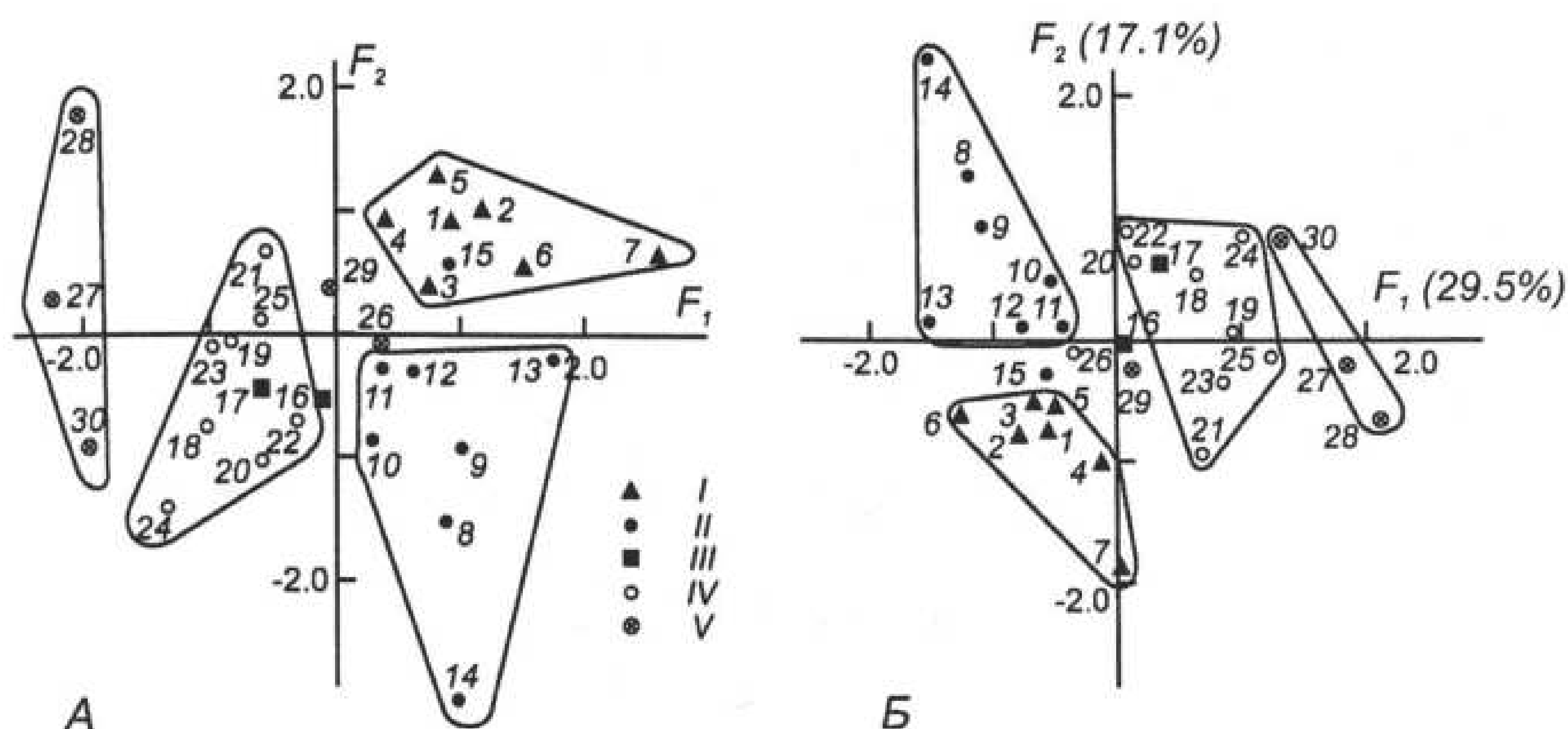

Рис.15. Положение серий черепов с территории Восточной Прибалтики в пространстве центроидных факторов (А) и в пространстве I—II главных компонент (Б).

I — из могильников со славянским инвентарем; II — из могильников с чудским инвентарем; III — из курганов у деревень Лашковицы и Бегуницы (суммарно); IV — с территории Латвии; V — с территории Эстонии.

Северо-запад Новгородской земли: № 1—14 — курганные могильники: краниологические данные по В. В. Седову (1—6, 8—14) и К. Ю. Марк (7); 15 — грунтовый Гатчинский могильник (по Е. В. Жирову и В. П. Алексееву); 16 — Лашковицы; 17 — Бегуницы.

Латвия: 18 — Яуниела; 19 — Икшиле; 20 — Упланты; 21 — Ушури, Аннес-Бундзены; 22 — Вайдас; 23 — Яунце-балга; 24 — Мартыньсала XV в. (по Р. Я. Денисовой).

Эстония: 26 — Йыуга; 27 — Пярсамаа; 28 — сборная серия из грунтовых могильников XI—XIII вв.; 29 — Отепя; 30 — Каберла (по К. Ю. Марк).

«Антропологический тип части средневекового населения (подразумеваются группы, оставившие могильники Бегуницы и Лашковицы, — *Е. Р.*) был близок к антропологическому типу синхронного населения отдельных районов Латвии. На территории Ижорского плато в рассматриваемое время проживали также группы населения, характеризующиеся и иным сочетанием признаков, представленные краниологическими материалами из курганов со славянским и чудским инвентарем» [Хартанович, Чистов 1984: 103].

Авторами предпринят также опыт дифференцированного анализа серий, выделенных в соответствии с их хронологией и культурными особенностями погребальных комплексов (рис. 16). По их заключению, различия между такими группами весьма значительны: «Если черепа из Бегуниц-II (погребения в основании насыпи с западной ориентировкой и древнерусскими элементами культуры, — *Е. Р.*) лишь несколько отклоняются от серий с территории Латвии в сторону черепов из курганов со славянским инвентарем, то в группах курганов Лашковиц наблюдается отчетливое разделение серий на близкие черепам с территории Латвии (Лашковицы II, IV, V) и к краниологическим материалам из могильников Ижорского плато со славянским инвентарем» [Хартанович, Чистов 1984: 102—103]. При этом, однако, обоснованно оговаривается, что такая картина может являться лишь следствием малочисленности выборок в группах (2—9 черепов).

По предварительному заключению Р. Я. Денисовой,⁴ в Бегуницком могильнике представлены два антропологических типа XII—первой половины XIII в. Один из

⁴ Выражаю Р. Я. Денисовой и Р. У. Гравере глубокую признательность за обработку антропологической коллекции из раскопок Ижорской экспедиции и любезно предоставленную информацию об основных результатах исследования.

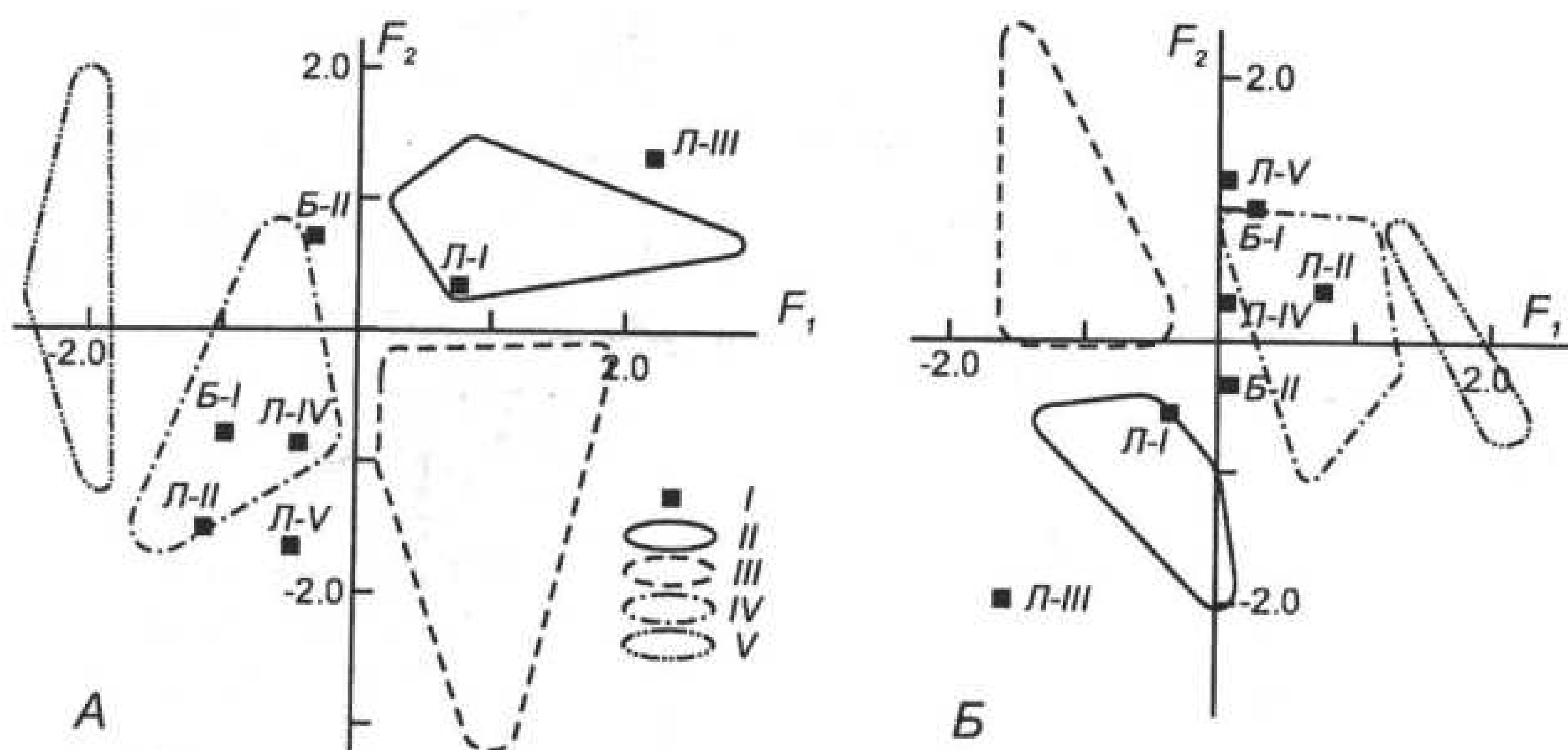

Рис. 16. Положение серий черепов из курганов близ деревень Лашковицы и Бегуницы, сгруппированных в соответствии с различиями в датировке и погребальном инвентаре, в пространстве центроидных факторов (А) и в пространстве I и II главных компонент (Б) по: [Хартанович, Чистов 1984: Рис.5, 6].

I — из курганно-жальничных захоронений близ деревень Лашковицы и Бегуницы (Л-I — женские погребения в курганах-жальниках с многобусинными кольцами; Л-II — мужские безынвентарные погребения в сооружениях того же типа; Л-III — захоронения в основании насыпей; Л-IV — то же, в подкурганных могильных ямах; Л-V — то же, в жальничных могилах; Б-I — курганные погребения с восточной ориентировкой и прибалтийскими элементами инвентаря; Б-II — курганные погребения с западной ориентировкой и древнерусским составом вещей); краниологические серии из курганных могильников Новгородской земли со славянским (II) и чудским (III) инвентарем (по В. В. Седову); IV — с территории Латвии; V — с территории Эстонии.

них — сравнительно массивный долихокранный узколиций — присущ мужским погребениям, совершенным в вытянутом положении. Другой — мезокранный широколицый — свойствен всем женским захоронениям с восточной ориентировкой (судить об антропологическом типе женских ингумаций с противоположной направленностью не приходится из-за фрагментарности единичных черепов), а также зафиксирован в мужских погребениях, совершенных в сидячем положении (все четыре образца из комплексов такого рода). При этом для женских захоронений характерны черепа с широким, высоким лицом и выраженной мезокрацией, мужские сидячие погребения выделяются большей массивностью черепной коробки. Наблюдаемые различия в антропологическом составе мужчин и женщин, погребенных на одном кладбище, объясняются, по-видимому, брачными связями между носителями двух разных краниологических типов.

В Лашковицком могильнике, который в известной степени является хронологическим продолжением Бегуницкой курганной группы (серия черепов из погребальных сооружений второй половины XII—XIV вв.), представлен только мезокранный широколицый тип. Однако женские черепа отличаются от мужских меньшим продольным диаметром и, соответственно, сильнее выраженной мезокрацией. Вероятно, это не случайное явление, так как сопоставляемые серии мужских и женских черепов достаточно многочисленны (соответственно 23 и 16).

Несомненный интерес представляет следующий факт: краниологическая серия из курганно-жальничных комплексов последней четверти XIII—начала XIV в. с водским (по В. В. Седову) инвентарем обнаруживает наибольшую близость

именно к антропологическому типу води по определению того же исследователя. Здесь следует добавить, что ареал ингумаций указанного типа, примыкающий с юго-запада к насыпям с ингумациями в подкурганных ямах, характеризуется подавляющим преобладанием женских трупоположений — своего рода «женская зона» в составе могильника указанного периода.

По факторному анализу погребений из Лашковицкого могильника и объединенной бегуницко-лашковицкой краниологической серии выделяются три антропологических типа: 1) умеренно широколицый и умеренно массивный мезокранный; 2) очень массивный, широколицый и высоколицый мезокранный; 3) сравнительно долихокранный узколицый.

Первый тип, скорее всего, может быть сопоставим с чудскими черепами из могильников Ижорского плато, выделенными В. В. Седовым. Вопрос об остальных морфологических вариантах представляется достаточно сложным. Очень массивная и очень широколицая форма сопоставима только с антропологическим типом балтов. Узколищные долихокраниальные черепа мужских погребений Бегуницкого могильника, по мнению Р. Я. Денисовой, также вряд ли имеют отношение к славянам. Хотя они и узколищные, их нельзя считать грацильной формой, представленной у словен новгородских и вятичей.

Приведенные данные имеют пока характер предварительного заключения. Надеюсь, что полная и развернутая оценка нового антропологического материала явится предметом специальных публикаций.

По одонтологическим данным, суммарно определенным для Бегуницкого и Лашковицкого могильников, здесь представлен полный комплекс или классический вариант северного грацильного типа, характерный для финнов Финляндии, северо-восточных эстонцев, ливов и латышей с древней ливской территории. При этом отчетливая выраженность в нем признаков восточного происхождения объединяет рассматриваемое курганное население с даугавскими ливами, в формировании которых принял определенное участие местный субстрат с присущим для него североевропейским реликтовым одонтологическим типом. В отличие от указанной формы, одонтологический комплекс словен новгородских XI—XIV вв. характеризуется менее редуцированной европеоидной основой и отсутствием признаков восточного происхождения, что позволяет рассматривать его или как особый вариант северного грацильного типа, или как самостоятельный грацильный тип.

По заключению Р. У. Гравере, классический вариант северного грацильного типа, представленный лишь в финских или смешанных славяно-финских средневековых популяциях (в данном случае имеется в виду, прежде всего, бегуницко-лашковицкая серия), можно с полным основанием соотносить с финским этносом или с весьма значительным проявлением финского субстрата [Гравере 1987: 188—197, 222—224; 1990: 176—182].

В самой краткой форме остановлюсь на антропологической характеристике средневековых обитателей «чудских» погостов, очевидно не составлявших однородной по расодиагностическим показателям группы. Серия черепов из могильника у дер. Валговицы XIII—XVI вв. представлена, по данным Р. Я. Денисовой, крайне грацильным, выражено мезокранным и очень узколищным антропологическим типом, не имеющим аналогий в славянских и чудских (водских) памятниках Северо-Запада (узколицый тип из Бегуниц является несомненно более массивным и не столь узколищным). Краниологическая серия из синхронного могильника у

дер. Великино характеризуется узкой долихо-мезокранной средневысокой черепной коробкой, очень низким плоским лицом, маленькими низкими орбитами, слабо выступающим носом [Санкина 1995: 7]. Обращает на себя внимание сходство признаков последней группы с особенностями урало-лапоноидного антропологического типа.

Краниологические данные могут быть дополнены материалами этнической одонтологии. «Можно с полной уверенностью утверждать, — констатирует Р. У. Гравере, — что не для всех прибалтийско-финских племен был характерен комплекс признаков классического варианта северного грацильного одонтологического типа. В этом отношении показателен одонтологический материал средневековой води XIV—XVI вв., у которого представлен иной комплекс зубных признаков — северо-европейский реликтовый тип. Он характерен как для собственно води (могильник Валговицы), так и для славян с древней территории води (могильник Хрепле с Водской пятины)» и связывается, по мнению автора, с проявлением реликтовых черт древнего неолитического населения региона [Гравере 1990: 182; также см. Гравере 1987: 187—222].

Приведенный обзор далеко не однозначных антропологических данных по нашим памятникам ряда исследователей не претендует на уровень широких обобщений. Его целью являлось краткое изложение сложности проблематики, относящейся к расодиагностике обитателей северо-западной окраины Ижорской возвышенности и, соответственно, того же участка Водской земли. Здесь можно выделить следующие основные позиции по этому сюжету: 1) значительная часть населения по своим краниологическим характеристикам обнаруживает сходство со средневековыми обитателями юго-восточной Прибалтики, в основной своей части документированными памятниками с неоднородным (балто — западноприбалтийско-финским) компонентом; 2) некоторые антропологические группы могут быть связаны с сериями, сопоставляемыми с чудскими и смешанными славяно-чудскими антропологическими типами Ижорского плато; 3) расхождения антропологических и одонтологических данных о носителях курганно-жальничной культуры Водской земли и обитателях «чудских» погостов к западу от этой территории в целом представляются достаточно значительными; 4) вопрос о соотношении материалов антропологии и археологии применительно к этническим процессам на рассматриваемом участке остается сложным, хотя нельзя исключать определенную корреляцию этих разноплановых источников. Но последнее должно явиться задачей дальнейших коллективных исследований представителей разных областей научного знания.

К истории формирования поселенческой структуры и системы хозяйства Водской земли

(опыт сопоставления археологических и письменных источников)

Тема социально-экономического и демографического развития Северо-Запада традиционно рассматривается в контексте письменных источников начала московской эпохи [см. напр.: Гневушев 1915; Данилова 1955; Бернадский 1961; Аграрная история... 1971; Дегтярев 1980]. Для нашей работы особый интерес представляет вопрос о предпосылках создания поселенческой структуры указанного времени в предшествующий период. В качестве примера выбраны два пограничных погос-

та рубежа XV—XVI вв. (Копорский уезд Водской пятины), в пределах которых производилось сплошное обследование археологических памятников отрядами Ижорской экспедиции. Один из них — Богородицкий Врудский — традиционно рассматривается как своего рода эталон сельских административных подразделений Новгородской земли. С примыкающим к нему с севера Ильинским Замошским, или Замостским погостом связаны основные раскопки древнерусских могильников той же экспедиции (рис. 17).

К 1500 г. Врудский погост характеризовался ярко выраженным развитием земледелия и скотоводства. «По природным условиям это место представляет собой равнину с хорошо выраженными слабоподзолистыми почвами. Болот здесь мало, ибо подпочвенные силурийские известняки легко пропускают избыточную влагу. Леса чередуются с большими „опольями“» [Бернадский 1961: 89]. Присоединяясь к этому определению почвенно-ландшафтных условий, следует все же указать, что относительно небольшие размеры региона вряд ли предполагали наличие в нем значительных лесных массивов или «ополий». Максимальные размеры погоста, реконструируемые по писцовым книгам, не превышали 22×18 км, его площадь составляла 330 кв. км.

По «старому письму» рубежа XV—XVI вв. здесь отмечены 24 селения с 379 дворами.⁵ Исходя из среднего количества жителей одного двора, исчисляемого для Водской пятины в 6 человек [Аграрная история... 1971: 321—333], демографическая освоенность погоста определяется в пределах 2200—2300 жителей. Основная часть населения проживала в селах (2) и сельцах (15), где было сосредоточено 88% дворов. Некоторые из таких поселений выделялись особенно крупными размерами. Например, в селе Воиславле был 21 двор, в селе Вруда — 35 дворов, а в сельцах Сegliцы, Домашковицы, Муравицы, Смердовицы, Робичичи более 20 дворов в каждом. Значительно менее распространенные деревни также являлись малодворными (в среднем 6 дворов на одно поселение).

Истоки стабильной поселенческой системы этого погоста несомненно восходят к предшествующей эпохе. В его пределах зафиксировано 40 могильников и два пункта с одиночными насыпями. Большинство погребальных памятников обнаруживает территориальное тяготение к селениям рубежа XV—XVI вв. Судить о размерах многих уничтоженных могильников, сведения о которых ограничены перечнем погребальных комплексов из раскопок Л. К. Ивановского, ныне не представляется возможным. Следует, однако, отметить наблюдаемую приуроченность наиболее крупных памятников к исторически засвидетельствованным большим поселениям. Так, у погостского центра Вруда, где в 1500 г. насчитывалось 35 дворов, зафиксирована курганная группа из 95 насыпей. Из нескольких могильников в округе средневекового сельца Робичичи (23 двора) выделяется группа Рабитицы-1, включающая 120 насыпей и поздние жальничные могилы на периферии кладбища. Близ сельца Княжа Гора эпохи переписных книг (20 дворов) выявлена группа Княжево-1, состоящая из 134 курганов и жальничных погребений [Лапшин 1990].

⁵ Описание большей части селений погоста приведено в писцовых книгах 1500 г. [Новгородские писцовые книги 1868]; часть селений, вошедшая в состав дворцовых земель, известна по описи 1504—1505 гг. [Гневушев 1908]. В последней сохранилось меньше данных о «старом письме», чем «письмо» 1500 г. Поэтому, вслед за В. Н. Бернадским, здесь использованы преимущественно материалы ранних переписных книг.

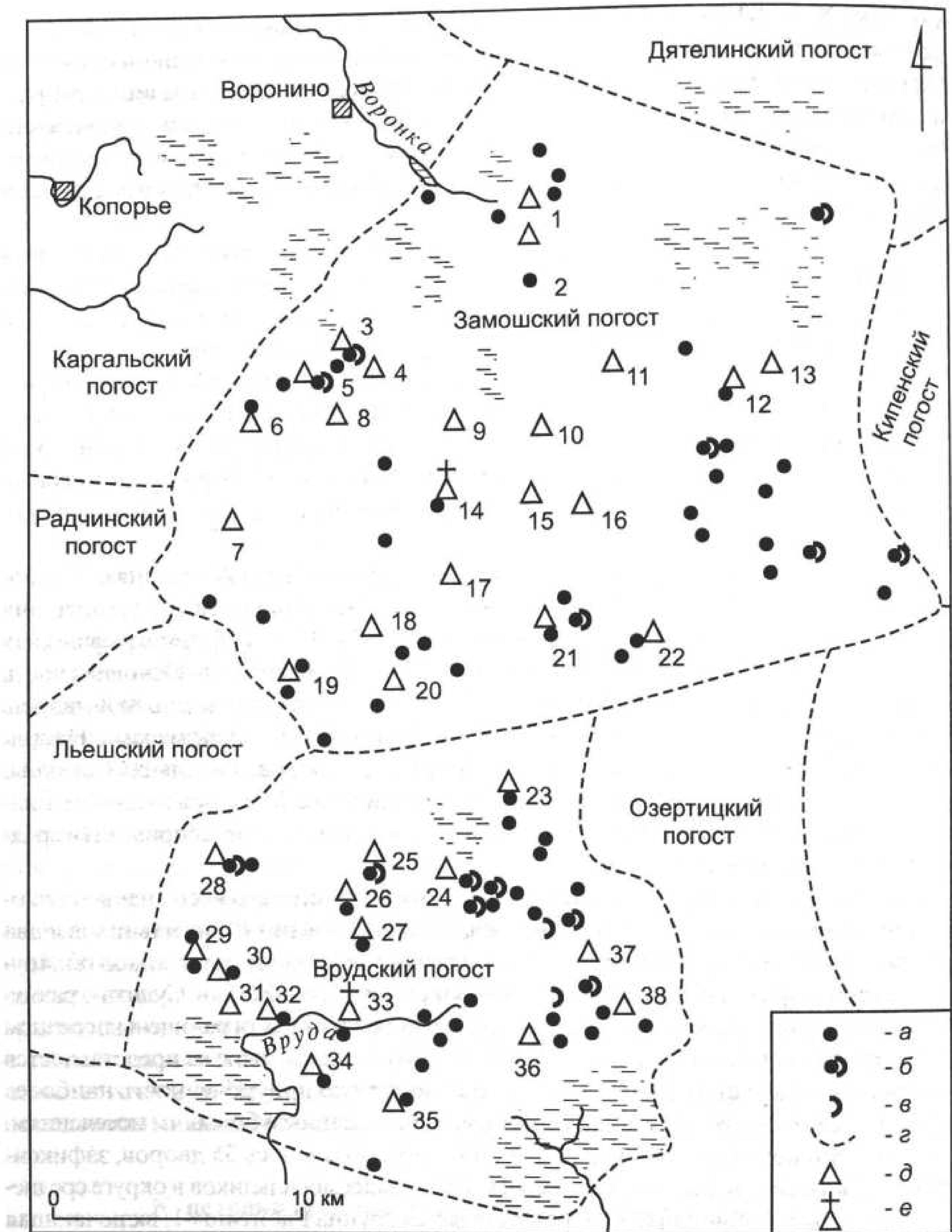

Рис. 17. Формирование поселенческой структуры Замошского и Врудского погостов Водской пятины по данным археологии и материалам писцовых книг.

Условные обозначения: а — курганные могильники; б — жальничные могильники; в — курганно-жальничные могильники; г — границы позднесредневековых погостов; д — селения эпохи переписных книг (1 — Медуша; 2 — Горка; 3 — Техлицы; 4 — Зябичичи; 5 — Лошковичи; 6 — Рыкулицы; 7 — Коростовичи; 8 — Местаново; 9 — Свинковичи; 10 — Голубовичи; 11 — Шлолково; 12 — Сельцо; 13 — Онтоша Горка; 14 — Богуничи; 15 — Лазковичи; 16 — Тешковичи; 17 — Брызговичи; 18 — Верницы; 19 — Смедово; 20 — Поддубье; 21 — Олехово; 22 — Клопицы; 23 — Терпиличи; 24 — Горка; 25 — Плешевичи; 26 — Конюховичи; 27 — Тресковичи; 28 — Княжа Гора; 29 — Проложки; 30 — Подлобицы; 31 — Овинцово; 32 — Смердовичи; 33 — Вруда; 34 — Горица; 35 — Летошицы; 36 — Домашковичи; 37 — Рогатино; 38 — Робичичи; 39 — Сеглицы (села: 3—5, 8, 14, 15, 20, 22, 33; сельцы: 2, 6, 7, 17, 19, 21, 23, 25—32, 35, 36, 38, 39; деревни: 1, 9—13, 16, 18, 24, 34, 37)).

Особый интерес представляет выделяющийся по своим размерам могильник у дер. Плещевицы. Здесь Ижорской экспедицией зафиксированы 674 насыпи курганного и курганно-жальничного типов с окружением из жальничных могил. Признавая условность основанных на этих данных демографических выкладок, следует все же отметить следующее. По заключению Ю. М. Лесмана, инвентарь из вскрытых Л. К. Ивановским комплексов позволяет отнести время функционирования могильника ко второму и третьему хронологическим периодам (1134—1313 гг.) [Лесман 1982: 65—74, рис. 4,5]. Установленные хронологические рамки для массива насыпей (без учета неопределимого количества жальничных могил) представляются вполне реальными. При этом верхняя граница согласуется с определяемым по нашим материалам временем перехода от погребений в курганах-жальниках к жальничным могилам. Таким образом, захоронения под насыпями совершались здесь со второй трети XII до начала XIV в.

Средний показатель смерти для обитателей Водской земли, умерших в молодом и зрелом возрасте, определяется по материалам новых раскопок, в пределах 36,5 лет, с учетом немногочисленных детских ингумаций — 32,5 лет (рис. 18). По суммарным оценкам антропологических серий из курганно-жальничных могильников Ижорского плато и центра Новгородской земли, этот показатель составляет 30—34,9 лет [Алексеева, Бужилова 1996: 69—70]. Сопоставление количественных, хронологических и возрастных параметров позволяет определить среднюю численность взрослого населения, хоронившего умерших на рассматриваемом могильнике, в пределах 120—130 человек.⁶

Вероятнее всего, такая крупная популяция не может быть причислена к обитателям одного раннего селения. Вместе с тем подобная взаимосвязь вполне допустима для расположенной в 0,5 км от Плещевицкого могильника небольшой синхронной группы у дер. Коноховицы. Следует отметить, что эти «сельца» на рубеже XV—XVI вв. характеризовались достаточно скромными размерами: в средневековых Коноховичах насчитывалось 9, а в Плещевицах — всего 7 дворов.

Вышесказанное позволяет интерпретировать крупный могильник в качестве совместного кладбища нескольких селений, входивших в территориальную сельскую общину. Занятый ею район реконструируется к северу от истоков р. Вруды. Здесь на участке размерами около 10×5 км погребальные памятники отсутствуют, хотя по почвенно-ландшафтным условиям эта зона ничем не отличается от сопредельных участков.

При обращении к территориальному расположению могильников можно высказать еще одно замечание. Выясняется, что группы, содержащие жальничные могилы, локализуются исключительно в северной и восточной частях погоста. Могильник в самом погостском центре и все могильники, расположенные от него в радиусе 7—10 км, содержали только курганы без позднейшей формы погребальных сооружений. Это предполагает прекращение использования здесь старых кладбищ в середине—третьей четверти XIII в.

⁶ При демографических подсчетах использован опыт аналогичных подсчетов, представленный в археологических исследованиях [см. напр.: Макаров 1990: 111, 115, 135]. Подсчет производился путем умножения общего количества погребений на среднюю продолжительность жизни и его деления на время функционирования могильника.

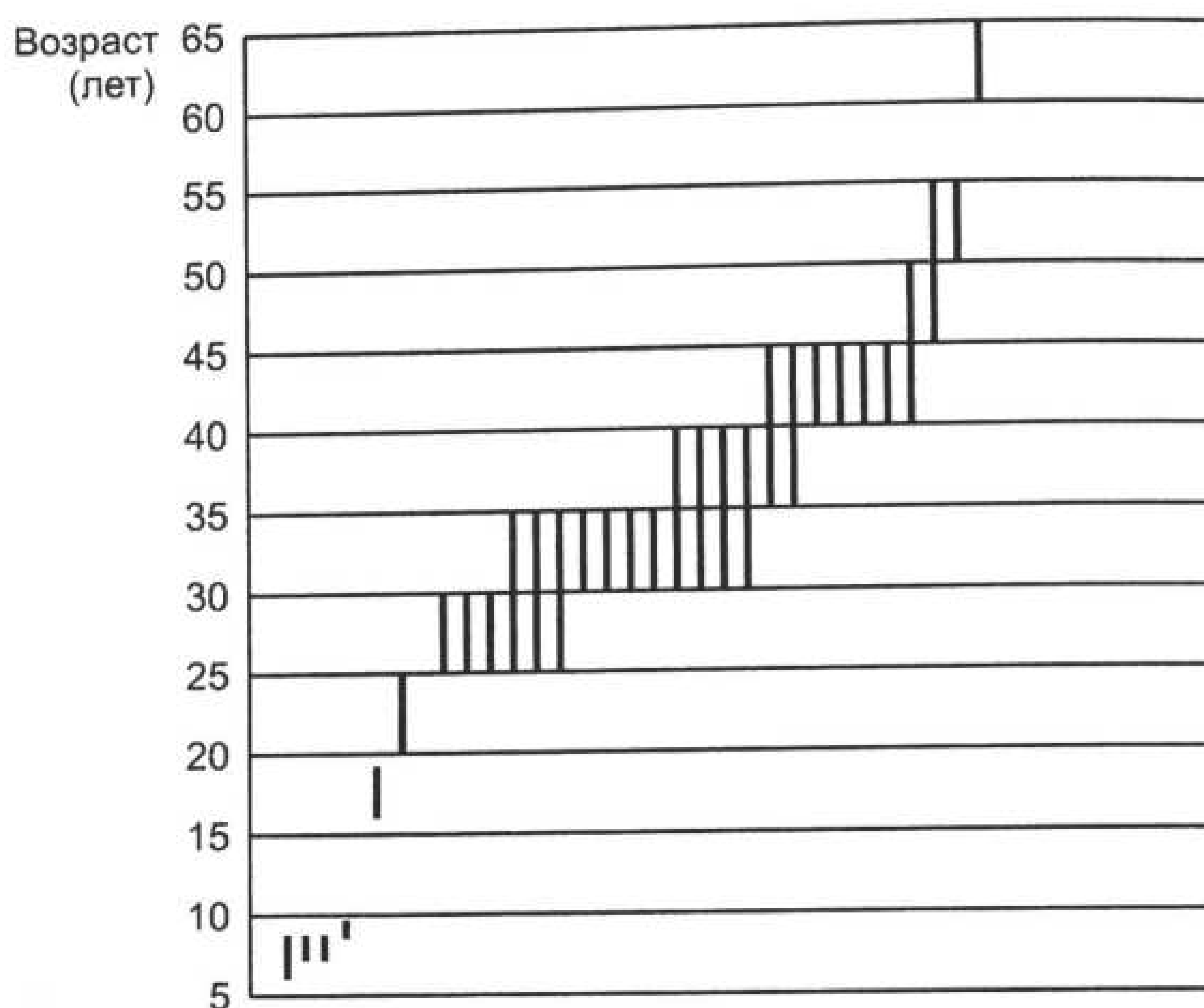

Рис.18. Распределение показателей среднего возраста смерти на территории Водской земли (по материалам раскопок Ижорской экспедиции).

С севера к Врудскому погосту примыкал Замошский погост «в Богуничах». Формирование его поселенческой структуры рассматривается в границах, определяемых по данным писцовых книг 1500 г. и в наибольшей степени отражающих следы административного деления новгородской эпохи. Это обстоятельство представляется тем более существенным, что в начале XVI в. здесь фиксируются вотчинные владения, которые были или дополнительно включены в традиционную погостскую систему (волость Ковоши Замошского погоста, поселения которой простирались до «моря», то есть на участки старого Каргальского погоста) или же располагались на смежных территориях обоих погостов без их административной привязки (волости Новая Буря и Местаново) [об этом см.: Гневушев 1908: 39—61; Данилова 1955: 331—335, 338—341]. Для нашей темы непосредственное значение имеет описание 1504—1505 гг. Местановской вотчины новгородского боярина Богдана Есипова, часть поселений которой входила в Замошский погост, но не была упомянута в писцовых книгах. Среди последних названы села Лошковицы и Техлицы, рядом с которыми расположены могильники, исследованные Ижорской экспедицией.

Максимальные размеры рассматриваемого погоста составляли около 25×35 км, его площадь — 650 кв. км. В погосте по «новому письму» насчитывалось 33 селения [Гневушев 1908: 142; Бернадский 1961: 92], а с учетом данных «старого письма» и описи Местановской волости их количество превышает 40 населенных пунктов [ср.: Новгородские писцовые книги 1868: 569—603]. Свыше половины средневековых селений имеют четкую географическую локализацию. В отличие от Врудского погоста здесь наблюдается численное преобладание деревень. По «старому письму» отмечены 4 села и 10 сельцов, к которым следует добавить не менее четырех сел Местановской волости.

Могильники зафиксированы в 37 пунктах. Не менее семи групп (Бегуницы, Гомонтово, Горки Первые, Волгово, Ранковицы-1, Рутилицы-1, Кожерицы) содержали свыше 100 насыпей. Примечательно, что за исключением погостского центра «в Богуничах», остальные погребальные памятники таких значительных размеров не имеют привязки к селениям эпохи писцовых книг. Можно указать и на то, что почти все крупные курганные кладбища расположены в южной части региона на стыке с более плотно освоенным Врудским погостом. В противоположность этому, несмотря на территориальную разбросанность небольших по размерам могильников (до 20 насыпей), наблюдается их преимущественная локализация на севере и востоке региона.

Археологические данные свидетельствуют о неравномерной освоенности территории погоста в XII—XIV вв. Почти полное отсутствие погребальных памятников в его северо-восточной части объясняется заболоченностью почвы. Однако этот фактор не мог влиять на характер расселения в центре погоста, где в радиусе 5—10 м от «Богунич» могильники также отсутствуют. И здесь следует обратить внимание на географическое соотношение памятников XII—XIV вв. с локализованными селениями рубежа XV—XVI вв. Распространение последних на участках, освоенность которых в предшествующую эпоху не документирована археологическими данными, очевидно, связано с процессом внутренней крестьянской колонизации, развернувшейся не ранее второй половины—конца XIV в.

Следует отметить, что сложение новых поселений в послекурганную эпоху фиксируется и в микрорегионах с ранними погребальными памятниками. Примером может служить небольшая часть Местановской волости, где в радиусе около 4 км по описи 1504—1505 гг. насчитывалось не менее четырех крупных селений: села Зябичицы (26 дворов), Техлицы (22), Лошковицы (18), Местаново (15). Сюда же следует отнести вписывающееся по топографическим данным сельцо Рыкулицы, упомянутое в писцовых книгах 1500 г. На этом ограниченном участке уже в XII—XIII вв. сложилась густая сеть могильников с соответствующими им поселениями: Тegliцы, группы I и II; Лашковицы, группы I и II; Рукулицы. Однако возможности его демографического освоения к этому времени оказались, судя по появлению новых позднесредневековых селений, еще далеко не исчерпанными. Не вызывает сомнения изначальная сельскохозяйственная направленность экономики Водской земли, определившая стабильность и густоту поселений курганной эпохи. Об аграрной и скотоводческой деятельности свидетельствуют многочисленные находки производственных орудий в погребениях. Богатейший материал писцовых книг позволяет ретроспективно судить о составе сельскохозяйственных культур рассматриваемой эпохи. Можно заключить, что основным возделываемым злаком здесь являлась рожь. Применительно к лесной зоне Северо-Западной Руси XI—XV вв. установлено, что второе и четвертое место после ржи занимали пшеница и ячмень. Третье место среди культур принадлежало овсу. Высеивались также лен, горох, хмель, конопля, кормовые бобы. Как отмечает Н. А. Кирьянова, преобладание с XI в. в проанализированном ею материале зерен озимой ржи над яровой пшеницей «связано, скорее всего, с появлением полей длительного пользования, на которых для восстановления плодородия применялась паровая система земледелия» [Кирьянова 1992: 56].

Значение лошади как основной тягловой силы в аграрной деятельности сомнений не вызывает. На примере земледельческого Врудского погоста устанавливается,

что среди статей «мелкого оброка» постоянно упоминаются «полти мяса» (говядина), бараны и «лопатки бараньи», «куря», свиные окорока, а также продукты домашнего производства — масло, сыр, пиво, овчина.

Л. К. Ивановский отмечал, что при его курганных раскопках постоянно попадались кости жженных и чаще всего остеологически определимых животных. Достаточно критически воспринявший это положение А. А. Спицын пришел к выводу о том, что находки целых костей животных и птиц зафиксированы примерно в 25 насыпях, что соответствует лишь одной сотой части вскрытых ранних насыпей [Спицын 1896: 10].

Видовой состав последних по материалам Ивановского восстанавливается следующим образом: лошадь (4 случая), корова (4), баран (1), собака (2). Из птиц чаще всего упоминается петух (6 комплексов).

Кости животных неоднократно встречались и при раскопках Ижорской экспедиции. Правда, такие находки происходят или из верхнего слоя насыпей, или с уровня каменных обкладок курганов. В основном они представлены измельченными остатками, не позволяющими судить о видовом составе животных. Среди определимого материала выявлены кости лошади (6 случаев), овцы (1), свиньи (1). Хронологические рамки находок остатков лошади соответствуют почти всему периоду функционирования исследованных могильников (XII—начало XIV в.), единичные образцы остальных особей происходят из насыпей с захоронениями в подкурганных ямах (примерно третья четверть XIII в.).

Не следует исключать того обстоятельства, что тризновые остатки вследствие их ритуального значения могут не отражать реальный видовой состав стада одомашненных животных. К сожалению, данные об остеологическом материале единственного исследованного поселения этого времени — городища у дер. Кайболово — из-за специфики культурного слоя отсутствуют. Тем не менее состав рассматриваемых находок из погребальных комплексов позволяет установить поголовье животных древнерусского времени, в целом согласующееся с данными конца XV—начала XVI в.

Представляется вполне правомерным заключение о том, что новопоселенцы Ижорского плато изначально принесли с собой навыки вполне сложившейся аграрно-скотоводческой деятельности, которая сохранялась без существенных изменений по крайней мере до московской эпохи. Тогда же были заложены и основы традиционной поселенческой структуры Водской пятины, исторически засвидетельствованной данными переписных книг.

К древнерусскому времени восходят региональные различия в развитии сельской металлургии. Выплавка железа и первичная обработка черного металла преимущественно производились на рудоносных участках в прибрежной полосе Финского залива и в озерно-болотистом районе к северо-западу от плато. Специализация средневековых обитателей этой зоны по добыче болотной руды отразилась в старых гидронимах (например, впадающая в Финский залив речка «Врудица» — Рудица) и в наименованиях населенных пунктов. В частности, показательна группа деревень на р. Систе, фигурирующая в переписных книгах рубежа XV—XVI вв. под общим наименованием Копаницы. Среди статей их натурального оброка упоминается кричное железо, а в одной из Копаниц отмечены дворы кузнецов, поставлявших продукцию из черного металла [Новгородские писцовые книги 1868: 500—501].

По данным писцовых книг, в северо-западной части Водской пятины насчитывалось свыше 200 домниц, 67 из которых располагались в Каргальском погосте, 62 — в Толдожском и остальные — в прибрежных Дятелинском, Дудоровском погостах, а также в охватывающей верховья рудоносных речек северной окраине Замошского погоста [Бернадский 1961: 100—106]. По тем же свидетельствам, в Толдожском погосте работало 42 кузнеца, в Каргальском — 14 кузнецов. В некоторых селениях домники совмещали выплавку криц с кузнечным делом, однако в основном сырье поступало в крупные специализированные производственные центры (например, села Войносела и Пилола Толдожского погоста), где из него изготавливались различные изделия. Об уровне развития железообработки в этих районах можно судить хотя бы по тому, что во всех городах Новгородской земли, кроме самого Новгорода, кузнецы насчитывались не десятками, а единицами. Продукция сельских мастеров включала хозяйственный и бытовой инвентарь (косы, серпы, топоры, «рукоятные» сковороды и др.) и даже сошники и лемеха для пашенных орудий. Эта продукция выходила на широкий внешний рынок и удовлетворяла спрос многочисленного населения более восточных и южных русских областей.

Ранние истоки местного металлургического производства документированы археологическими данными курганной эпохи. В 1948 г. на Прогонном поле у бывшей дер. Стародворье в округе Копорья Б. А. Колчиным исследован железоделательный центр с многочисленными находками шлаков, обломками глиняных сопел и кружалой керамики XII—XIII вв.; там же были вскрыты остатки сыродутного горна [АИА. Р-1, д. 1948/455; Колчин 1953: 28; 1985: 246, 275. Табл. 91: 2]. Серия поселений с выраженными следами металлообработки XII—XIII вв. и более позднего времени обследована или впервые выявлена Ижорской экспедицией на северной окраине плато (Стародворье, Ласуны) и в истоках р. Сумы (Войносолово, Ранолово) [АИА. Р-1, д. 1977/6630; 1979/7668]. Свидетельства того же производства отмечены при проведении нами раскопок Кайболовского городища XII—XIII вв. на р. Суме. Наконец, ритуальные приношения в виде обломков сопел и железных шлаков неоднократно встречены на могилах средневековых «чудских» мастеров, изученных в центрах черной металлургии Толдожского погоста, у селений Валговицы и Великино.

Массовое поступление в Водскую землю продукции городских ювелиров отнюдь не исключало существование здесь собственно бронзолитейного производства. Об этом свидетельствуют как данные раскопок Кайболовского городища, где были обнаружены фрагменты тиглей и литейные отходы, так и сам ассортимент украшений из «петербургских» курганов. Следы деятельности местных ювелиров устанавливаются при обращении к декору части массовых форм изделий — височных украшений, браслетов, перстней, фибул, ножен и металлических бус. Есть основания полагать, что при последующем скрупулезном изучении характера орнамента таких предметов удастся воссоздать локальные центры ювелирного производства, связанного с деятельностью отдельных мастеров Водской земли.

Новые данные о городищах Водской земли (к истории военно-политического укрепления края за Новгородом)

Особый тип археологических памятников рассматриваемого региона представляют единичные укрепленные пункты, из которых лишь Копорская каменная

крепость являлась до последнего времени объектом планомерного изучения [Овсянников 1976; Кирпичников, Овсянников 1979: 103—118; Кирпичников 1984: 150—179]. Для темы нашего исследования определенный интерес представляют данные об остальных памятниках такого рода, вошедших в сферу работ Ижорской экспедиции.

Наименее информативным и не поддающимся однозначной культурно-хронологической диагностике объектом является городище между деревнями Сосницы и Черная в верховьях р. Лемовжи на южном скате Ижорского плато. Памятник, известный у местного населения под названием «Городок», впервые был осмотрен Н. К. Рерихом [АИИМК, ф. 1, д. 1896/56], в 1977 г. обследован Ижорской экспедицией [Рябинин 1984: 45—46]. Городище занимает возвышенность, с запада примыкающую к левому крутому берегу Лемовжи (высота над уровнем реки 8—10 м), а с северо-востока ограниченную глубоким (до 8—10 м) оврагом, по дну которого протекает ручей. С напольной стороны прослеживаются остатки вала и рва (рис. 19, I).

Многолетняя распахка привела к деформации и частичному уничтожению земляных укреплений. Вал, имевший в плане дугообразную форму, сохранился на протяжении 60 м, ров — 100 м. Высота вала со стороны площадки городища составляет в настоящее время 0,3—0,5 м, ширина его основания 5—6 м; ширина рва 6 м, его глубина 0,8—1 м. Укрепления сооружены из супесчаного грунта без использования камня. Протяженность городища, имеющего в плане треугольную форму, составляет 140 м, его ширина в привальной части около 115 м, исчисляемая площадь памятника 0,65 га.

Слабо выраженный культурный слой представлен серой гумусированной супесью с включениями угольков без находок. По планировке укреплений памятник относится к простейшему варианту городищ мысового типа, сооружавшихся в разные хронологические периоды. Его принадлежность к древнерусскому времени косвенно подтверждается лишь географическим положением объекта на пограничье курганного ареала Водской земли.

Городище у дер. Воронино расположено на северной окраине Ижорского плато, в верхнем течении р. Воронка, впадающей в Финский залив. В 1927 г. оно было осмотрено Б. А. Коишевским и Г. Ф. Дебецом, оставившими первое описание этого памятника [АИИМК, ф. 2, д. 1927/108], в 1977 г. обследовано Ижорской экспедицией [Рябинин 1984: 45—47].

Высокий и крутой левый берег Воронки на данном участке состоит из ряда возвышенностей, разделенных глубокими оврагами и известных у местного населения под названием «городков». Один из таких «городков» и был превращен в земляную крепость (рис. 19, II). Городище занимает прибрежный участок в излучине реки, ограниченный с запада оврагом. Берег, крутой и обрывистый, достигает при ширине склона 2—3 м высоты 10—15 м. Глубина оврага, также имеющего крутые склоны, составляет 15 м. С южной стороны площадка городища защищена дугообразным в плане валом шириной 7,5—10 м и высотой до 1,8 м. Его продолжение прослеживается и вдоль края оврага, причем эта часть укреплений характеризуется значительно меньшими размерами, не превышая по высоте 0,8 м. Протяженность вала составляет около 150 м. В его южной части сохранился проезд шириной 6 м. С напольной стороны перед валом заметны следы заплывшего рва. Наибольшие размеры городища 110×10 м, его площадь 0,88 га.

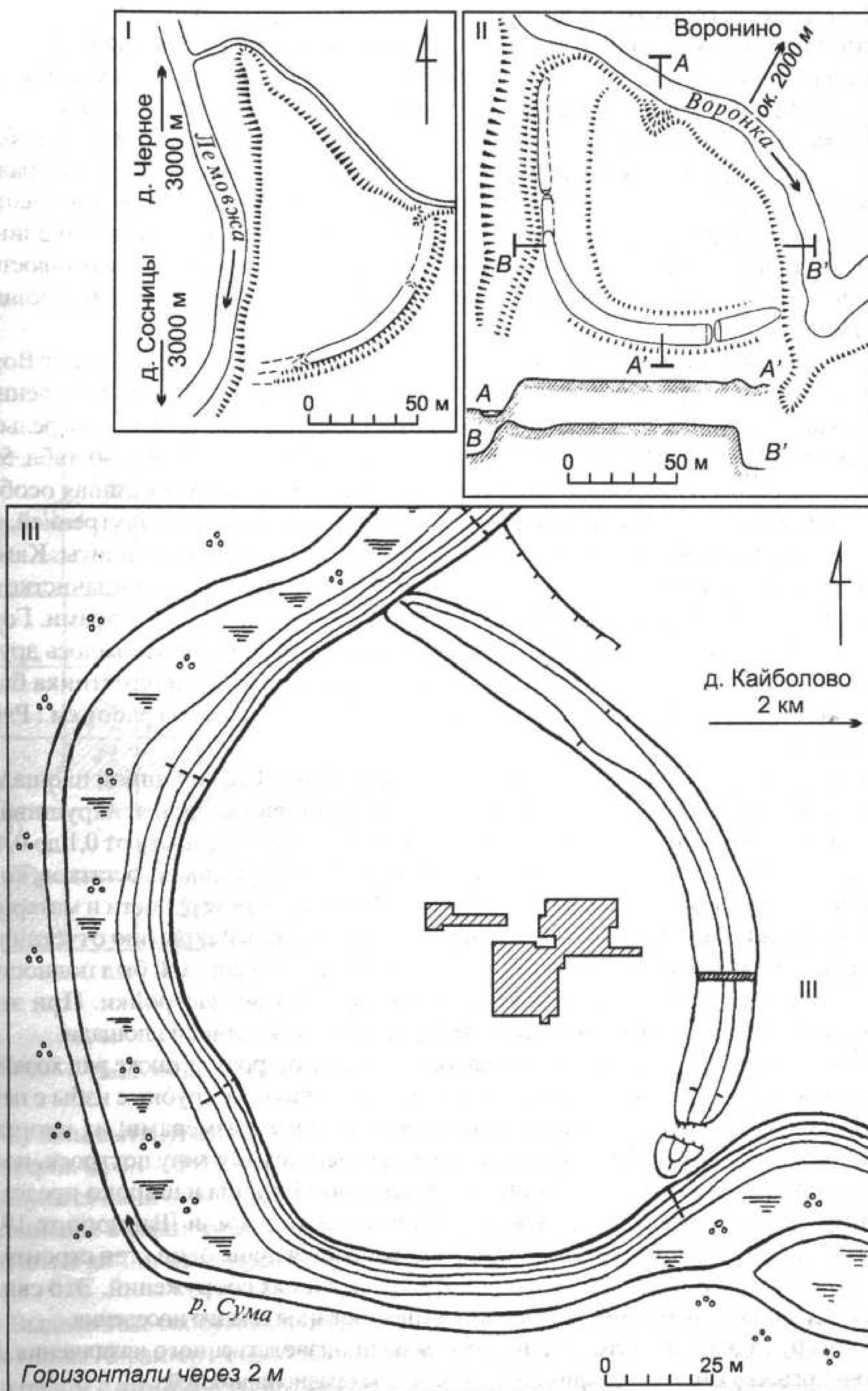

Рис.19. Городища Водской земли (съемки планов автора).

I — «Городок» на р. Лемовже; II — городище у дер. Воронино на р. Воронке; III — городище у дер. Кайболово на р. Суме с локализацией раскопанных участков.

Поверхность сооруженного из суглинка вала покрыта сплошной вымосткой из крупных обломков плитнякового камня. Плиты уложены наклонно по наружному и внутреннему скатам вала от его вершины до основания, частично налегая одна на другую и образуя внешний каменный панцирь оборонительных сооружений.

Известное в археологической литературе городище у дер. Кайболово (или близ пос. Городище) расположено на мысу, образованном петлей р. Сума на ее правом берегу (рис. 19, III). Со стороны реки оно ограничено крутыми склонами высотой около 10 м, с напольной стороны защищено дугообразным в плане валом длиной 180 м и высотой 2—3 м. Перед валом заметны следы заплывшего рва, в юго-восточной части имеется въезд. Размеры площадки городища около 150×120 м, площадь памятника 1,4 га.

По плановой структуре Кайболовское городище близко напоминает Воронинское, являясь наряду с ним классическим примером мысовых укрепленных поселений, оборонительные сооружения которых полностью подчинены рельефу местности [об этом см.: Раппопорт 1961: 36—37, рис. 22; Куза 1985: 39—40, табл. 5: 7]. О сходстве обоих памятников свидетельствует и единая конструктивная особенность земляных укреплений — покрытие поверхности вала как с внутренней, так и с напольной стороны сплошной вымосткой из крупных обломков плиты. Каменная облицовка от верха до подошвы вала полностью прослежена при зачистке его южной части и на других участках, поврежденных перекопами и шурфами. Городище выявлено в 1956 г. П. А. Раппопортом и неоднократно обследовалось другими археологами. В 1980, 1983 и 1991 гг. стационарные раскопки памятника были проведены Ижорской экспедицией [о результатах первых сезонов работ см.: Рябинин 1984: 46—53; 1994: 209—224].

В восточной половине площадки по ее центральной оси сплошной площадью вскрыто 460 кв. м. Памятник подвергался многолетней распашке, нарушившей культурный слой. Серый гумусированный суглинок имеет мощность от 0,1 до 0,4 м, значительно увеличиваясь в районах расположения конструктивных остатков, которые удается проследить лишь на уровне предматериковой поверхности и материке. Зондаж западной и северной частей городища не привел к открытию отчетливых следов заселения. Не исключая того, что в некоторых случаях слой был полностью уничтожен, все же наиболее вероятна мозаичная система застройки. При этом наиболее плотно освоенный участок вошел в границы раскопанной площади.

На последней выявлены остатки четырех жилых построек, а также ряд хозяйственных и жилых сооружений (рис. 20). Жилища — наземные срубные избы с печами-каменками в углу — характеризуются небольшими размерами; их площадь составляет 12—15 кв. м. Они принадлежат к древнерусскому типу построек, получившему распространение в лесной зоне Восточной Европы и широко представленному на средневековых поселениях Новгородской земли [Раппопорт 1975: 121—131, 150—154]. Преимущественно устанавливается лишь один этап строительства, только в одном случае выделены два яруса жилых сооружений. Это свидетельствует в пользу непродолжительности существования самого поселения.

К северу от жилищ располагались объекты производственного назначения. Их остатки представлены углублениями двух основных разновидностей:

1) Ямы круглой формы диаметром 2—2,5 м и глубиной до 0,5 м. Они заполнены гумусом интенсивно-черной окраски, насыщенным углями и золой, развалами обожженного колотого камня и частицами прокаленной глины.

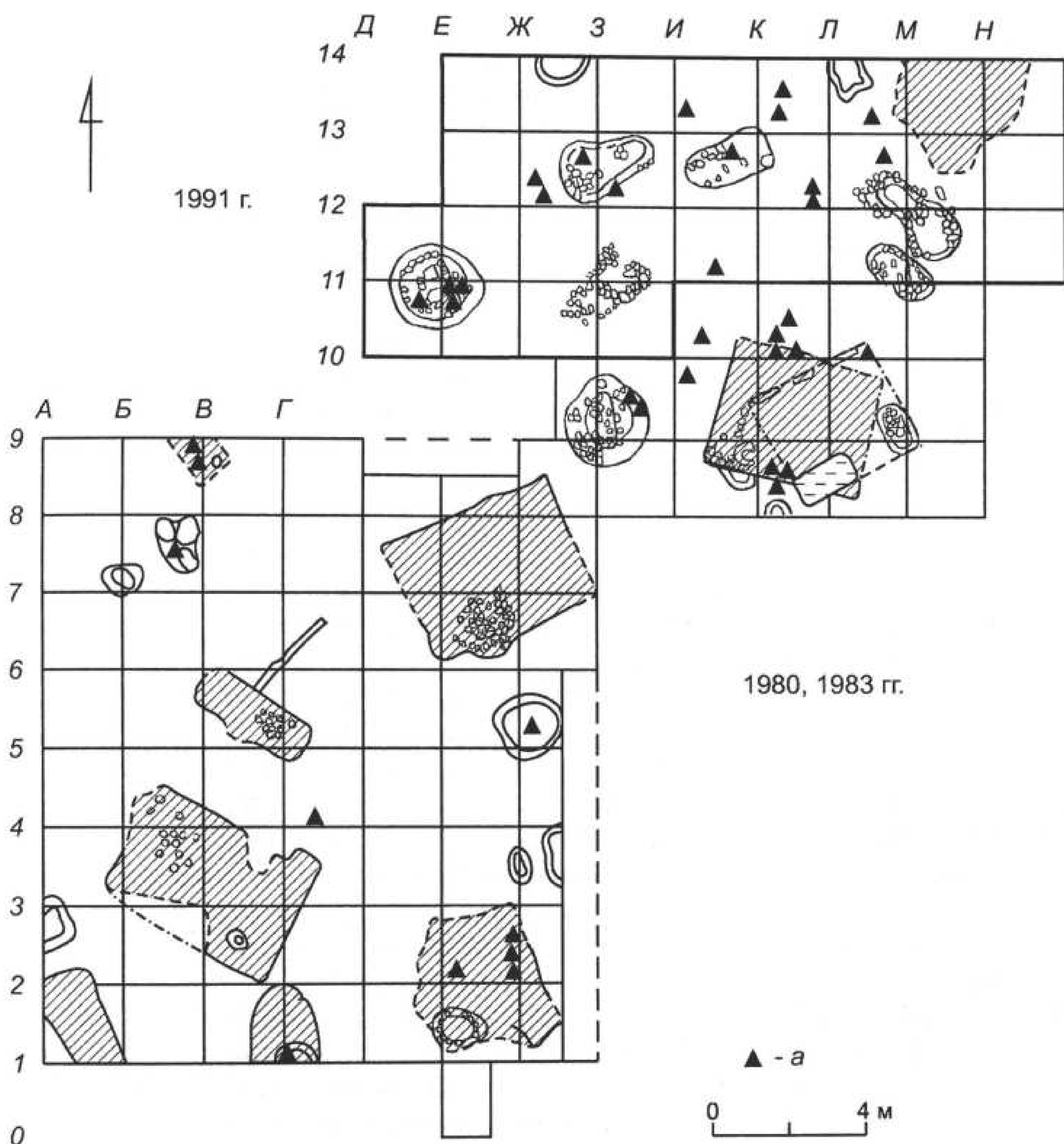

Рис. 20. Кайболовское городище.
План основного раскопа (а — отходы кузнечного и ювелирного производства).

2) Ямы вытянутых очертаний овальной или близкой к ним формы, углубленные в материк на 0,1—0,3 м. Наиболее крупные из них протяженностью до 2,5 м, характеризуются наличием округлого расширения и отходящей от последнего канавки. Заполнение в таких ямах аналогично описанному выше, однако обломки печины и колотые камни здесь преимущественно сконцентрированы в округлой «рабочей» части.

Выделенные сооружения представляют собой остатки горновых устройств разных типов. Характер их использования засвидетельствован находками в заполнении ям и рядом с ними многочисленных железных шлаков. Здесь же встречены крицы, несколько зубил, серия отходов кузнечного производства (железные пластинки, стержни, обрезки проволоки), незаконченные поковки гвоздей и ножей, а также свыше десятка крупных точильных камней.

Еще один ремесленный объект открыт в юго-восточной части вскрытой площади. Это небольшая наземная постройка размерами около 3×3 м с очажным устройством в углу. От последнего сохранилась яма неправильной овальной формы (размеры 1,2×0,9 м, глубина 0,3 м), насыщенная углем и золой; ее дно и стенки прокалены до кирпичного обжига на глубину до 0,1 м. По периметру ямы прослежена система ямок от кольев, врезанных в стенки и имеющих наклон к центру. Очевидно, это каркасная система глинобитного очага. Внутри объекта обнаружена серия железных шлаков.

Наряду со следами железообработки прослежены остатки ювелирного производства (стекловидные шлаки; обломки тиглей; четырехгранный бронзовый слиток со следами среза; оплавленные кусочки свинца, олова и бронзы). Их находки отмечены как среди горновых устройств в северной части раскопа, так и между жилыми постройками при наблюдаемом тяготении к наземным сооружениям нежилого характера.

Основную часть коллекции находок составляет гончарная керамика, измельченная многолетней распахкой. Посуда имеет трехслойный обжиг, глиняное тесто содержит значительную примесь мелкой дресвы. Типы горшков находят аналогии как в рассмотренном выше материале курганных раскопок, так и в городских центрах Северо-Западной Руси. По определению В. И. Кильдюшевского, наиболее ранние из них (рис. 21: 5—7) датируются XI—серединой XIII в., остальные принадлежат к формам, бытовавшим в середине XII—первой половине XIV в. (рис. 21: 3, 8) и в начале XII—первой половине XIV в. (рис. 21: 1, 4). Орнаментация кайболовских сосудов по мотивам и способу нанесения наиболее близка узорам на массовой керамике из нижних слоев центра Водской земли — крепости Копорье.

Индивидуальные находки насчитывают свыше 100 предметов. Среди них серийно представлены бусы (13 экз.), обнаруживающие аналогии в инвентаре курганов с погребениями на горизонте: сердоликовые бипирамидальные и призматические (типа рис. 8: 47, 48); классические крученые синего прозрачного стекла (типа рис. 8: 9); цилиндрическая синего прозрачного стекла (типа рис. 8: 11); синестеклянная ребристая (типа рис. 8: 12); зонная пастовая черного глухого стекла (типа рис. 8: 12); зонная пастовая с углубленной желтой инкрустацией (типа рис. 8: 17). Интересно присутствие в коллекции металлических украшений, которые встречаются преимущественно только в погребениях Водской земли — бронзовых бочонковидных бус с напаянными рельефными «глазками» (рис. 22: 10) и двух половинок серебряных литых изделий с рельефным узором (рис. 22: 11).

С курганным инвентарем захоронений на горизонте корреспондируются и остальные элементы металлического убора. Среди них наиболее представительную группу образуют витые трехпроволочные обрубленноконечные браслеты (рис. 22: 5—7). Встречены также такие хорошо известные по курганным находкам региона украшения, как серебряный пластинчатый венчик, фрагменты бронзовых ромбоштитковых колец новгородского типа (рис. 22: 1), бронзовые подковообразные фибулы и их детали (рис. 22: 2—4). Обнаружено пять бронзовых перстней различных типов, в том числе пластинчатый поперечноштитковый (рис. 22: 8); пластинчатый широкосрединный несомкнутый; с овальным щитком (рис. 22: 9); витой из двух проволок несомкнутый; литой с плетеной серединой и заходящими концами. Интересна литая серебряная накладка, являющаяся, очевидно, частью поясной гарнитуры (рис. 22: 12).

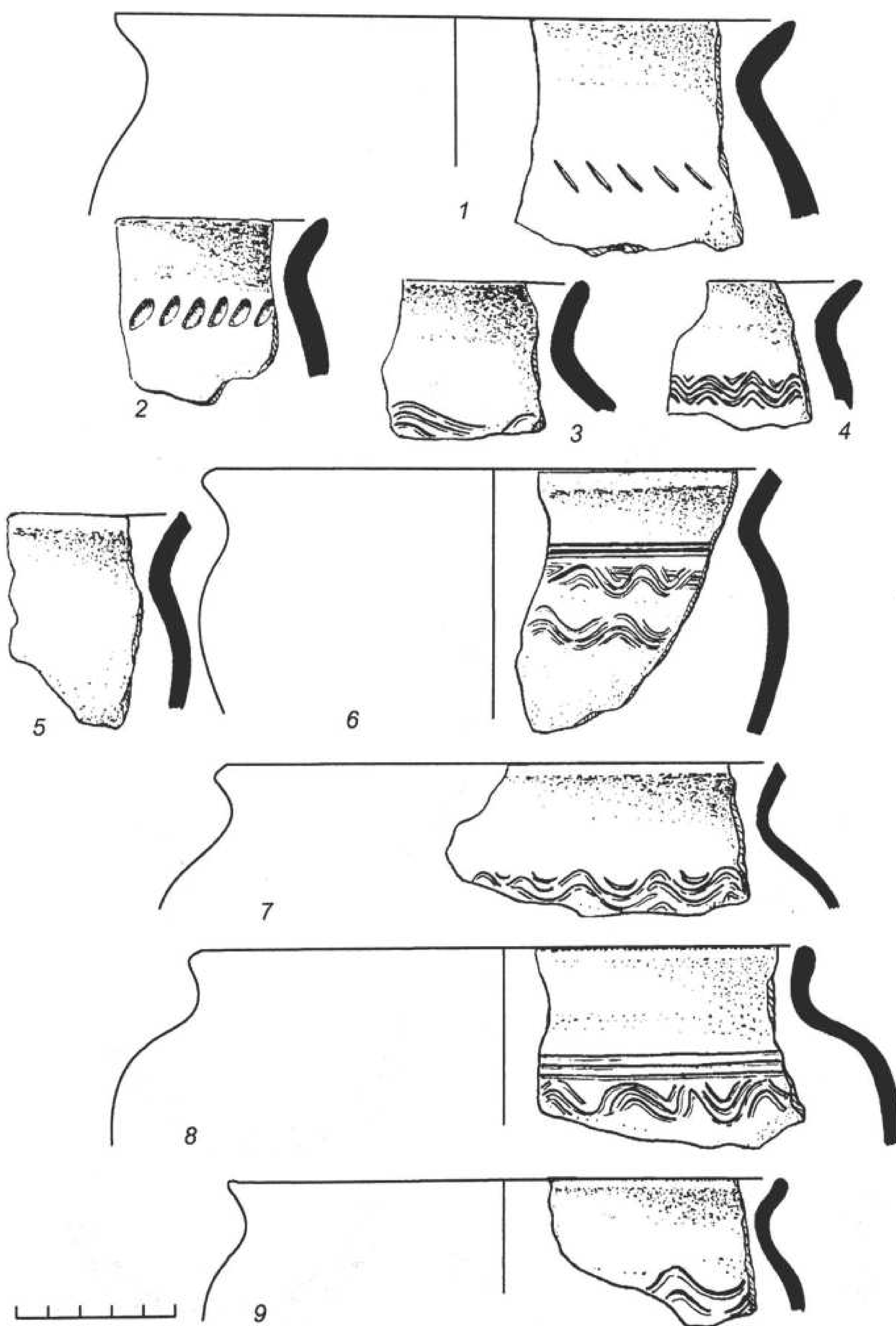

Рис. 21. Кайболовское городище. Гончарная керамика (1—9).

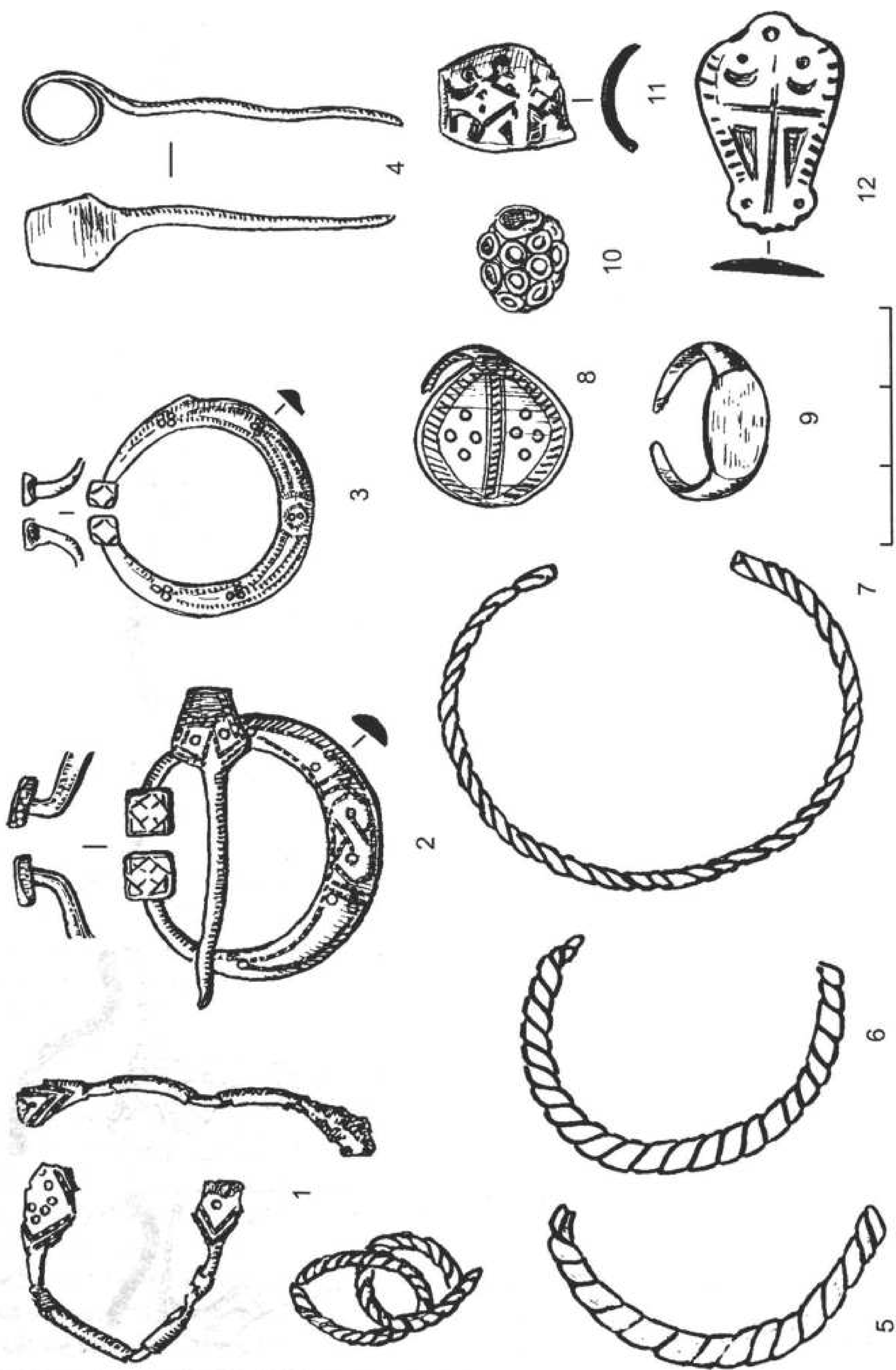

Рис. 22. Кайболовское городище. Изделия из цветных металлов (1—12).

Военная функция поселения нашла отражение в открытии на исследованном участке значительной серии стрел. Преобладают известные по курганным материалам плоские ромбовидные наконечники стрел новгородского типа (рис. 23: 1, 2), одним экземпляром представлен бронебойный узкий наконечник квадратного сечения с перехватом у черенка, использовавшийся для пробивания шлемов и доспехов (рис. 23: 3). Его аналогии известны в древностях X—XIV вв. В Новгороде наконечники данного типа обнаружены в слоях второй половины XII и первой четверти XIII в. [Медведев 1966: 83, табл. 30: 86].

Наиболее массовой категорией железных изделий являются ножи группы 2 (рис. 23: 6—8). Кресала представлены двумя типами — удлинено-овальным (рис. 23: 4), датируемым по новгородским аналогиям второй четвертью XII—серединой XIV в., и с калачевидным широким языком (рис. 23: 5), форма которого известна в слоях Новгорода 1076—1369 гг. Среди производственных орудий следует отметить зубила (рис. 23: 13, 14) и перовидное сверло (рис. 23: 7), применявшееся для изготовления круглых отверстий в дереве [ср.: Колчин 1985: 257, 283, табл. 99: 12, 13]. О сельскохозяйственной деятельности населения свидетельствует находка косы-горбуши.

Из зоны жилой застройки происходят семь шиферных пряслиц (рис. 23: 12). В Новгороде эти южнорусские изделия появляются вместе с первыми поселенцами, а с XI в. наблюдается быстрый рост их привоза. Максимальное поступление шиферных пряслиц приходится на середину XII в., к концу XIII в. они уже практически выходят из употребления [Колчин 1982: 174]. Подобные находки изредка встречаются и в курганах Водской земли [Спицын 1896: 32].

Анализ датирующих категорий древностей позволяет отнести появление жизни на поселении к середине—третьей четверти XII в., а ее прекращение — к середине XIII в. Недолговременность существования городища находит подтверждение в планиграфическом и стратиграфическом соотношении выявленных сооружений.

В материальной культуре памятника представлены только вещи славяно-русских типов, имеющие аналогии в Новгороде. Кайболовская керамика однотипна с гончарной посудой городских центров Северо-Западной Руси. Жилища принадлежат к древнерусскому типу построек, господствовавшему в Новгородской земле. Все это не оставляет сомнения в том, что возникновение и последующее функционирование земляной крепости на р. Суме связано с деятельностью новгородцев, а не обитавших здесь или в сопредельных районах финно-угорских племен.

При историко-культурной оценке рассматриваемого памятника и определение причин его появления на северной окраине Ижорского плато в середине — третьей четверти XII в. следует учитывать два важных фактора. Первый из них связан с общей динамикой освоения региона древнерусским населением. По наблюдениям Ю. М. Лесмана, массовое распространение курганных могильников на всей территории плато, включая его северную половину, фиксируется в конце периода I (до 1177 г.) [Лесман 1982: 65—74; 1988]. Именно на финальной стадии указанного периода (вторая—третья четверть XII в.) происходит окончательное формирование границ региона, не претерпевших в последующее время существенных изменений.

Второй фактор определялся изменением внешнеполитической ситуации на северо-западном порубежье. Об этом свидетельствует летописное известие о вторжении крупного отряда еми «на Водь» в 1149 г. Важно отметить, что это первый

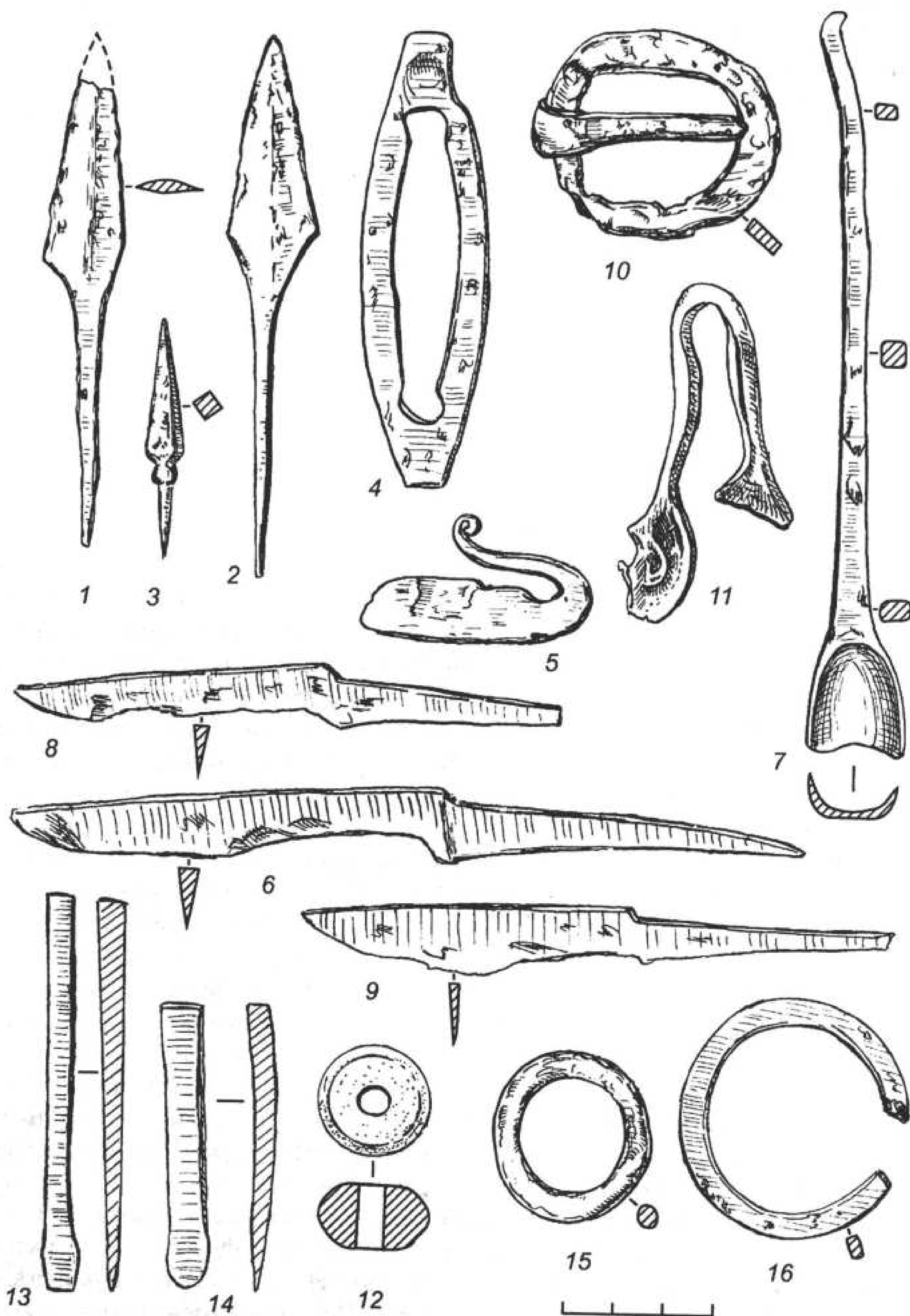

Рис. 23. Кайболовское городище. Изделия из железа (1—11, 13—16) и камня (12).

зафиксированный письменными источниками набег внешнего врага на Водскую землю и первая акция новгородцев по его защите, явно имевшая не только военное, но и политическое значение, окончательно закрепляющая регион за Новгородом.

Хотя в сообщении 1149 г. отсутствуют указания на пути вторжения еми, об этом косвенно можно судить по известиям более позднего времени. Зимой 1256 г. Александр Невский предпринял северный поход, двинувшись из Новгорода в Копорье, а оттуда через Финский залив в Финляндию, где дошел до Ботнического залива, на обратном пути повоевав землю еми [НПЛ 1950: 308—309]. Этот поход, совершенный в чрезвычайно трудных условиях зимы, был осуществлен, по-видимому, на лыжах [Рыбаков 1969: 364—365]. Известно, однако, что еми совершала свои набеги на судах.⁷ Вглубь, в населенную часть Водской земли, она могла проникнуть по впадающим в Финский залив рекам Систе с ее притоком Сумой, Копорке и Воронке. После разгрома противника новгородцы должны были принять меры по созданию стабильной обороны новоприобретенной территории на севере близ побережья. Полагаю, что одним из звеньев этой системы и явилось сооружение во второй половине XII в. земляной крепости на водной артерии Систа — Сума, причем выбор местоположения самого острожка диктовался как топографическими условиями (край глинта, переходящий к северу в прибрежную низину), так и сложившейся к тому времени системой стабильного расселения, документированной ареалом курганных могильников.

При характеристике городища у дер. Воронино в среднем течении р. Воронки отмечалось его несомненное типологическое сходство с Кайболовским городищем, причем своеобразный характер облицовки вала обломками плиты, равно как и находка в слое древнерусской керамики XII—XIII вв., свидетельствуют об одновременности их сооружения. Данных о наличии земляных укреплений XII—первой половины XIII в. на р. Копорке не имеется, однако существование здесь упомянутого с 1240-х гг. древнейшего русского погоста Водской земли «в Копорьи», превращенного в конце XIII в. в Копорскую каменную крепость, позволяет предполагать, что и этот пункт входил в систему ранней северной обороны. Традиционная роль Копорья как приморского форпоста и центра охраны южного берега Финского залива отражена в письменных источниках XVI—XVII вв. [Кирпичников, Овсянников 1979: 103].

Археологические материалы рисуют Кайболовское городище как место обитания постоянного населения, в хозяйственной деятельности которого существенная роль принадлежала железоделательному производству и ювелирному делу. Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие отчетливых следов застройки на значительной части памятника. Если это не является результатом полного уничтожения культурного слоя распашкой, то вполне правомерно предположение об одновременном назначении городища в качестве убежища для окрестных сельских жителей в случае военной опасности.

Прекращение жизни на поселении может быть поставлено во взаимосвязь с летописным сообщением о вторжении крестоносцев в Водскую землю в 1240—1241 гг. и неудачной попытке их закрепления в Копорье. В своем движении к последнему

---

⁷ Например, сообщение летописи под 1228 г.: «Того же лета придоша Еми воевать въ Ладозьское озеро в лодкахъ» [НПЛ 1950: 65].

ливонские рыцари не могли миновать небольшой земляной крепости на р. Суме, которая была взята и разорена врагом. По-видимому, в это время завершается и военная история Кайболовского городища — раннего новгородского укрепления, воздвигнутого на северо-западном порубежье Древней Руси.

Историко-археологические данные о процессе христианизации Водской земли

Вопрос о начальном проникновении и последующем распространении христианских традиций в среде сельского населения Северо-Западной Руси принадлежит к дискуссионным темам исторической науки. С достаточной осторожностью об изменениях в сфере духовных представлений приходится судить при обращении к немногочисленным находкам предметов христианского культа — нательным крестикам и образкам, основная часть которых происходит из курганных захоронений второй четверти XII—первой половины XIII в. [Мусин 1990: 73—76]. При этом в Новгородской земле их представленность в комплексах в целом не превышает 1,2% от общей численности исследованных погребений, значительно уступая по встречаемости христианской культовой пластике в могильниках других областей Северной Руси [ср.: Беленькая 1976: 88—98; Рябинин 1986: 122—125; Макаров 1991: 11—21]. А. Е. Мусин объясняет последний факт огромной территорией новгородской епархии при незначительном количестве городских и ремесленных центров [Мусин 1997: 24].

Процесс распространения христианства в севернорусских землях рассматривался на материалах сельских погребальных памятников В. В. Седовым [Седов 1992: 3—11]. Автором выделено несколько хронологических этапов в динамике этого сложного явления. Предполагается, что до середины XII в. воздействие христианства на сельское население северной Руси оставалось еще малозаметным. Последнее, по мнению В. В. Седова, документировано безраздельным господством курганного обряда погребения со всеми его языческими атрибутами (положение трупоположений на материке в основании насыпей с вытянутыми вдоль тела руками; проявление в эпоху распространения ингумаций следов языческого культа огня; помещение рядом с захоронениями глиняных сосудов и обилие самого разнообразного вещевого инвентаря). При этом непосредственное воздействие христианской религии на смену обряда кремации обрядом ингумации отрицается.

Ситуация начинает меняться с середины XII в., когда, наряду с выделением самостоятельных земель, появляются новые епископии и активизируется строительство храмов. Влияние христианства на сельское население нашло отражение в изменении курганной обрядности. Оно проявляется в широком распространении захоронений в подкурганных могильных ямах, уменьшении размеров насыпей и постепенном увеличении глубины самих ям. С этого времени прослеживается тенденция к погребению умерших с руками, сложенными на груди или животе, хотя часть ямных ингумаций продолжала сохранять старое — вытянутое — положение рук. В курганах данного типа пережитки культа огня фиксируются крайне редко. Заметно уменьшается число вещевого инвентаря, представленного преимущественно украшениями или металлическими принадлежностями костюма. Обычай помещать при умерших керамику полностью исчезает.

Дальнейшее усиление воздействия христианских традиций на население Северной Руси приходится, по наблюдениям В. В. Седова, на первую треть XIII в. В это время погребения, в основном, совершаются в подкурганных ямах. Возрастает количество умерших со сложенными на груди и животе руками. Увеличивается доля безынвентарных трупоположений. Появляются захоронения в гробах, скрепленных железными гвоздями. К середине XIII в. относится затухание, а ко второй половине этого столетия — повсеместное исчезновение курганной (и по своим истокам языческой) погребальной обрядности.

Исключением в данном отношении является Новгородская земля, непосредственно не затронутая монголо-татарским нашествием. Здесь в XIII—XIV вв. продолжает сохраняться жальничный обряд, преемственно связанный с курганным способом захоронения, а на окраине новгородских владений, на Ижорском плато, в XIII—XIV вв. и отчасти в XV в. фиксируется сосуществование, наряду с жальничным, и курганного способа погребения [Седов 1992: 10—11].

Мнение о более продолжительном процессе христианизации населения Ижорского плато разделяет в своем диссертационном исследовании А. Е. Мусин [Мусин 1997: 16]. Начало распространения здесь новых религиозных традиций он связывает с земледельческой колонизацией региона в XII в. Однако определенная экстерриториальность Водской земли и политическая, по мнению автора, автономия финно-угорских племен на порубежье новгородских владений приводит к тому, что становление здесь погостской системы с соответствующими церковными приходами происходит не ранее 1215—1240 гг.

В какой степени приведенные выше заключения соотносятся с данными, полученными в ходе работ нашей экспедиции на Ижорской возвышенности и сопредельных районах? Нами не выявлено дополнительных свидетельств о заметной христианизации обитателей региона в XII—первой половине XIII в. Значительно более отчетливо на данном этапе в обряде и элементах материальной культуры прослеживаются традиции языческого или «нейтрального» характера. Качественные изменения приходятся на середину—третью четверть XIII в. с наиболее вероятным интервалом (по данным новгородской хронологии) между 1238—1281 гг. [об этом см.: Рябинин 1989в: 20—31]. В этом убеждают материалы раскопок могильников копорской округи. В указанное время прекращается функционирование Бегуницкой курганной группы, за единичным исключением содержащей только захоронения в основании насыпей. Последующая эволюция обряда, определяемая переходом к курганам-жальникам и жальничным могилам, здесь не прослеживается. Находка на пахотном поле в 100 м к югу от скопления курганов разрозненных обломков человеческих костей совместно со сложновитым (2×3) петлеконечным браслетом позволяет предполагать функционирование не позднее XIV в. на том же участке нового могильника — обычного христианского кладбища с грунтовыми ингумациями без выраженных внешних признаков.

Остальные памятники, расположенные в 7—10 км от Бегуниц, использовались и в последующее время, однако обрядовые изменения в них также относятся к середине—третьей четверти XIII в. Умерших перестают хоронить на поверхности погребальной площадки, а начинают помещать в могильные ямы, вырытые в центре основания кургана. Некоторые из таких могил выкапывались на глубину не более 5—10 см, то есть имели еще сугубо символический характер. Но данный факт приобретает особое значение в связи с тем, что появление даже «символических»

подкурганных ям прямым образом коррелируется с полным исчезновением обычая помещать с умершими орудия труда, оружие, бытовой инвентарь и посуду, не прослеживаемого и в последующие периоды. Не выявляются и некоторые иные погребальные традиции, восходящие к более ранней эпохе. Фиксируется только однотипная западная ориентировка трупоположений. Все это свидетельствует о существенном ослаблении языческих черт ритуала.

Не менее разительные изменения наблюдаются примерно в тот же период и у «чудских» предков северо-западной воды, ознаменованные распространением в местной среде грунтовых ингумаций, большинство которых совершено в могилах жальничного типа. Судя по некоторым данным, ранее здесь практиковался обряд сожжения с помещением кремированных останков на поверхности земли или в мелких ямах без внешних признаков. Ранние могилы с трупоположениями имели глубину до 0,2 — 0,4 м, помещенные в них захоронения лишь слегка присыпались тонким слоем грунта. Столь резкая ломка традиционного обряда не может объясняться только внутренними причинами. Более вероятна ее связь с каким-то сильным внешним воздействием, имевшим первоначально, в целом, одноактный порядок. Одновременность этих явлений в землях древнерусского (славяно-финского) и финно-угорского обитания также не может считаться случайной.

Понять причины происшедших изменений помогают данные исторических источников. По более поздним сведениям, восходящим к концу XV в., исследованные кладбища копорской округи принадлежали деревням, селам, сельцам одного административного подразделения Новгородской земли — Ильинского Замошского погоста «в Богуничах». Известно, что в центральных селениях располагались церкви и христианские кладбища прихода. А именно Бегуницы, рядом с которыми неожиданно перестали насыпать курганы, и являлись таким центром. Это позволяет установить время появления здесь первой христианской — Ильинской — церкви (не позднее третьей четверти XIII в.) и определить, таким образом, начало непосредственного внедрения новой религии в сельскую среду, наиболее ощутимой в местах пребывания духовенства и ослабленной в остальных пунктах формирующегося погоста.

В какой степени это наблюдение может быть распространено на другие участки Водской земли? В разделе «К истории формирования поселенческой структуры и системы хозяйства Водской земли» привлекались данные о сопредельном с Замошским Богородицком Врудском погосте. Установлено, что здесь могильник в самом погостском центре и все могильники, расположенные в его ближайшей округе, содержали только курганы без позднейших форм погребальных сооружений. Памятники последних типов обнаруживают тяготение к окраинным частям исторического погоста XV в. Последнее позволяет предполагать, что и в других микрорегионах Водской земли примерно в то же время происходили сходные изменения, обусловленные активным внедрением в сельскую среду христианских традиций.

Распространение православия диктовалось осложнившейся военно-политической ситуацией на северо-западе Новгородской земли. Когда в начале 1240-х гг. немецкие крестоносцы попытались укрепиться в старом новгородском погосте «в Копорьи», то отбивший этот пункт у ливонцев князь Александр Ярославич после его взятия «Вожан и Чюдцю перевѣтники извеша» [НПЛ 1950: 78]. Очевидно, определенная часть населения Водской земли и сопредельной «чудской» террито-

рии в период усилившихся военных столкновений занимала довольно неустойчивую позицию по отношению к Новгороду. С таким положением русские власти не могли более мириться.

Интересы княжеской политики нуждались в соответствующем идеологическом обеспечении. Религиозной оболочкой ожесточенной борьбы Руси за порубежные северо-западные территории являлось противостояние православия римско-католической («латинской») церкви. Известно, что в 1227 г., когда Швеция усилила военный натиск на новгородскую Карелию, князь Ярослав Всеволодович — отец Александра Невского — «посла крести множество корелян, мало не все люди» [Лаврентьевская первая летопись 1962: 449]. Ту же акцию преследовал князь Александр и его преемники, приступив к активному насаждению христианства в форме православия среди разноэтничного населения северо-западного порубежья новгородских владений.

В связи с устанавливаемым временем археологического проявления этого процесса интерес представляют письменные известия о событиях 1250-х гг. В конце 1254 г. два немецких феодала из датской Эстонии — Дитрих фон Кивель (летописный «Дидман») и Отто фон Люнебург — отправили послание к римскому папе с известием, что язычники, живущие вблизи их земель, будто бы изъявили желание принять католичество. По мнению И. П. Шаскольского, поскольку земли «Дидмана» были в основном расположены в северо-восточной Эстонии (в области Вирония) и поскольку население Эстонии в то время считалось уже полностью христианизированным, под живущими рядом язычниками явно подразумевалось прежде всего население Водской и Ижорской земель. Это прямо подтверждается последующей перепиской папского престола с рижским архиепископом Альбертом: буллой папы Александра IV от 19 мая 1255 г. о принятии мер по обращению упомянутых язычников в христианство, ответным посланием архиепископа Альберта с конкретным указанием на проживание последних в Вотландии, Ингрии и Корелии и предписанием папы о назначении особого епископа для Вотландии, Ингрии и Корелии [Шаскольский 1978: 208—209].

Предпринятая в 1256 г. попытка «Дидмана» совместно с войсками шведов укрепиться на восточном берегу р. Нарвы и построить здесь опорную крепость не была осуществлена из-за угрозы нападения новгородцев [НПЛ 1950: 81].

Зимой 1256 г. Александр Невский предпринял далекий поход в землю союзников шведов еми, двинувшись по замерзшему Финскому заливу через Копорье. Для данной темы важно отметить, что при новгородской рати находился глава русской церкви митрополит Кирилл, дошедший до Копорья и вернувшийся затем в Новгород. Здесь опять-таки уместно сослаться на комментарий И. П. Шаскольского: «Митрополит сопровождал великокняжеское войско, пока предполагалось, что военные действия ограничатся обороной от захватчиков коренных русских земель; в далекой и опасной военной операции за пределами коренных русских земель, в заморской стороне, митрополит участвовать не мог» [Шаскольский 1978: 216]. Есть основания полагать, что первое исторически засвидетельствованное пребывание церковного иерарха и сопровождавшего его духовенства в Водской земле (включая округу Копорья) отразилось в активизации миссионерской деятельности и создании церквей в центрах сельских погостов. В этом отношении рассмотренные выше изменения в погребальной обрядности середины—третьей четверти XIII в. населения региона вполне согласуются со сложившейся именно к этому периоду военно-полити-

ческой ситуацией на порубежье новгородских владений и потребностями ее идеологического обеспечения.

Каменные кресты «новгородского» типа в исследованных нами погребальных сооружениях зафиксированы дважды. Курган-жальник 1 у дер. Плещевицы относится, по-видимому, к концу XIII в. (основания для датировки: четырнадцатигранные хрустальные бусы второй половины XIII—XIV вв., бронзовый крученный браслет XII—второй половины XIII в.). Система жальничных могил 4 у дер. Беседа с обломком креста над изголовьем женского захоронения датируется по его инвентарю (серьга в виде вопросительного знака) временем после 1313 г.

В этом отношении несомненный интерес представляют результаты последующих исследований могильника у дер. Плещевицы, произведенных В. А. Кольчатовым в конце 1970—начале 1980-х гг. В северной части средневекового кладбища было вскрыто восемь погребальных сооружений. Трупоположения в грунтовых ямах под небольшими насыпями высотой 0,2—0,4 м с каменными обкладками по основанию обоснованно причислены автором раскопок к захоронениям «курганно-жальничного» типа. Трижды в данной разновидности сооружений встречены каменные кресты с рельефным изображением, установленные в западной части могил, в изголовье погребений. По определению В. А. Кольчатова, эти комплексы относятся к XIII—XIV вв. [Кольчатов 1981: 147].

Еще более выразительной представляется серия каменных крестов, выявленных при исследовании жальничных захоронений на окраине Плещевицкого могильника и датировемых автором раскопок XIV—XV вв. В 1978 г. они были отмечены в двух из семи раскопанных жальников [Кольчатов, Розов 1979: 15—16]. В следующих сезонах эта же зона вскрывалась сплошной площадью. На участке размерами 7×10 м было изучено около 20 каменных оградок различной формы — овальной, прямоугольной и почти квадратной, примыкающих к массиву более ранних курганов-жальников. В заполнении обкладок и между ними встречено более 10 каменных крестов, среди которых представлены и позднейшие их разновидности с выбитыми надписями [Кольчатов 1980: 10—11].

Устанавливаемое время появления каменных крестов на средневековых кладбищах Водской земли (конец XIII—XIV в.) в целом согласуется с общей датировкой новгородско-псковских намогильных крестов, относящихся преимущественно к XIV—XVI вв. [Седов 1982: 182]. Следует оговорить, однако, что относительно ранние случаи их находок в датированных комплексах выявлены на памятниках, тяготеющих к северным притокам р. Луги — Вруде и Городенке — и, возможно, документируют дополнительные миграции населения из районов, в наибольшей степени воспринявших христианские традиции.

При характеристике погребального обряда уже отмечалось отсутствие жесткой корреляции между положением рук умерших и разновременными разновидностями погребальных сооружений XII—XIV/XV вв. Нелинейность изменения ритуала под воздействием новой религии отразилась, в частности, и в сохранении, наряду с доминирующей западной ориентировкой умерших, положений с восточной и меридиональной направленностью. Даже в отмеченной выше и насыщенной находками намогильных крестов серии жальничных комплексов, исследованных В. А. Кольчатовым на периферии Плещевицкого могильника, все детские, некоторые женские и одно мужское захоронения были обращены головами к югу. Следует вспомнить и раскопанное Н. К. Рерихом у дер. Глумицы мужское погребение XV в.

с явно нехристианской обрядностью (сидячее положение), совершенное в основании курганной насыпи (опять-таки отголосок древнего обряда) и сопровождавшееся новгородской деньгой 1420—1422 гг.

В этом отношении особый интерес представляют посылные грамоты новгородских архиепископов Макария (1534 г.) и Феодосия (1548 г.) об искоренении остатков язычества, направленные «в Воцкую пятину, в Чюдь, в Толдожской погост, и в Ъжеру, в Каргалской погост, и в Ижерской погост, и в Дудоровской погост, и в Замошской погост, и в Егорьевской погост, и в Ополецкой погост, и в Кипенской погост, и в Спаской погост в Зарецкой, и во все Чюцкие уезды и Ижерские, и в Вошки, да и во все Копорецкие, и Ямские и Иваногороцкие, и в Корелские, и в Ореховские уезды» [Дополнения к Актам историческим 1846: 27—30; Кеппен 1851: 41—42]. Хотя обличения «поганских» обычаев в большей степени относились к чуди, ижоре и кореле, но в грамотах отмечено их широкое распространение «во многих Руских местех», в том числе и в Ильинском Замошском погосте «в Богуничах». Указывалось, в частности, что многие христиане «заблудили» от православной веры, не посещают церквей, «а молятца деи по скверным своим молбищам древесом и камению», призывая «на те свои скверныя молбища злодеивых отступник арбуев (от финского *arapaa* — «жрец», «предсказатель». — *Е. Р.*) Чюдцких, и мертвых деи своих они кладут в лесех по курганом и по коломищом (от финского *kalmo*, *kalmisto* — «могила», «могильник». — *Е. Р.*), с теми же арбуи, а к церквам деи на погосты тех своих умерших оне не возят сохранять» [Дополнения к Актам историческим, 1846: 57—60]. Разумеется, трудно установить, в какой степени суммарная характеристика языческих традиций применима ко всему разноразличному населению огромной территории «от Норовы реки до Невы реки и от Невы реки до Сестрии реки, до рубежа свеиских Немец, и по всей Корельской земли ... до Лопи до дикие» [Там же: 33—34], но длительное переживание многих элементов нехристианского происхождения в пределах рассматриваемой территории не вызывает сомнений. Существенное значение при этом имело пограничное, а зачастую и чересполосное, проживание обитателей «Руских мест» Водской пятины с финно-угорскими группировками, развитая языческая мифология, культовая и обрядовая практика которых частично и в трансформированном виде вошла в сферу духовных представлений древнерусского населения региона.

Не останавливаясь специально на данной теме, можно высказать предположение, что именно с деятельностью посланных из Новгорода в середине XVI в. миссионеров («с детьми боярскими») следует связывать прекращение функционирования многих поздних «коломищ» — курганно-жальничных, жальничных и грунтовых могильников, располагавшихся вне погостских церковных центров.

* * *

Водская земля Великого Новгорода с начала II тыс. н. э. являлась зоной сложных межэтнических контактов продвигавшихся на Ижорскую возвышенность и сопредельные районы разнородных групп «курганного» населения и переходивших к новому обряду погребения местных финских коллективов. В результате метисации и культурного синтеза, упрочения региональных социально-экономических связей в условиях ориентации края на Новгород здесь создавались предпосылки к формированию «областной» общности, древнерусской по своим основным

признакам, но обладавшей рядом культурных особенностей. В политическом отношении Водская земля являлась важным пограничным образованием на северо-западной окраине Руси, неоднократно превращавшимся в арену военных столкновений Новгорода с немецкими, датскими, шведскими феодалами и их союзниками.

Именно в обеспеченную археологическими источниками средневековую эпоху закладывались основы современного населения края с его неоднородным этническим составом. Эти основы не были разрушены даже за столетний период пребывания региона в образованной по условиям Столбовского договора 1617 г. шведской провинции Ингерманландии. Последнее, разумеется, не исключает значительных изменений в этнической демографии бывшей Водской земли XVII в., определяемой как оттоком части православных жителей в пределы Московского государства, так и переселением в Ингрию компактных групп зурямейсет и савакот — предков современных ингерманландских финнов Ленинградской области. При этом, однако, следует оговорить, что миграция финских «ингерманландцев» в относительно слабой степени была направлена на основную часть Ижорской возвышенности, изучению средневекового прошлого которой посвящена настоящая работа. Именно здесь имеются возможности для воссоздания основной линии развития русскоязычной части населения северо-западной части Ленинградской области — от археологически фиксируемых памятников XI—XV вв. к известным по переписным книгам селениям XV—XVII вв. и далее вплоть до этнографической эпохи. Но это тема специального исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ

І. Могильник у дер. Бегуницы

Памятник расположен в 100 м к северу от дер. Бегуницы и шоссе С.-Петербург — Таллинн и в 60 м к югу от дер. Старые Бегуницы. Занимает ровный участок, несколько понижающийся в сторону шоссе, частично порос смешанным лесом и кустарником. Состоит из 130 насыпей, многие из которых повреждены или уничтожены шурфами, хозяйственными постройками, окопами и траншеями военного времени (табл. ІА; ІІ).

Этот памятник не отмечен в полевых отчетах Л. К. Ивановского, производившего сплошное вскрытие курганных групп на Ижорской возвышенности. Однако А. А. Спицын поместил в издании материалов его раскопок изображение зооморфной подвески из Богунич [1896, с. 120, табл. XIII, 5], опубликованной перед этим в известном атласе И. Р. Аспелина [Aspelin 1878: 239, fig. 1189]. В Национальном музее Финляндии сохранилась коллекция находок из курганов у селения Богуници (по паспортным данным четко отождествляемого с Бегуницами), раскопанных в 1873 г.¹

Могильник зафиксирован отрядом Ижорской экспедиции в 1973 г. Тогда же была исследована одна курганная насыпь (№ 55). В 1974 г. раскопан еще один курган (№ 54). Своеобразные особенности погребального обряда, отмеченные при первых рекогносцировочных исследованиях средневекового кладбища, определили желательность его последующего широкого изучения.

В 1977—1979 гг. и 1987 г. Ижорской экспедицией в разных местах могильника вскрыто 53 кургана (№ 1—53), в результате которых было раскопано подавляющее большинство погребальных сооружений, не имеющих следов значительных разрушений.²

¹ Национальный музей Финляндии (Хельсинки), колл. 1420: 1—11; 1421; 1422.

² Данные об исследованиях могильника приведены в полевых отчетах [АИА, Р-1, д. 1973/5228, 5228а; 1974/5346, 5346а; 1977/6630, 6630а; 1978/7285, 7285а; 1979/7668, 7668а], заметках информационного характера [Рябинин, Рябинина 1974: 30; Рябинин 1976б: 38—39; 1978: 32—33; 1979: 33—34] и ряде сводных работ [Рябинин 1981в: 28—34; 1983а: 482—493; 1983в: 32—39; 1987а: 9—10; 1988а: 116—121; 1990а: 24—25; 1990б: 197—198; 1993: 118].

Курган 1 (диаметр с севера на юг 6 м, с запада на восток 5 м, высота 0,6 м).³ Сооружен из однородного мешаного суглинка. По основанию — кольцевая обкладка из внешнего ряда крупных валунов и внутреннего ряда более мелких камней, разомкнутая в северо-западном секторе. В центре курганной площадки на погребенной почве со следами прокала и углисто-зольными включениями расчищен костяк девочки 6—8 лет (антропологическое определение),⁴ лежавшей вытянуто на спине и обращенной головой к востоку (азимут 85°).

У левого виска найдены фрагменты двух бронзовых проволочных колец малого и среднего диаметра с несомкнутыми концами, под черепом — обломки еще двух сходных по размерам колец с завитком на одном конце (табл. XXVIII, 12). Справа под челюстью встречен бронзовый крестик со следами желтой выемчатой эмали (табл. XLII, 1), на груди — серебряный германский денарий (Гильберштадт, Бурхардт I — 1036—1059 гг.) с отверстием для привешивания (табл. XLI, 13). На кисти правой руки находился узкомассивный бронзовый браслет (табл. XXXV, 2), на левой — узкопластинчатый бронзовый браслет с загнутыми в трубочку концами (табл. XXXVI, 4).

Курган 2 (диаметр 6,2 м, высота 0,8 м). Сооружен из однородного мешаного суглинка. Обкладка отсутствует. Под дерном в поле насыпи — обломки костей животного. На уровне погребенной почвы с включениями угольков, в центре курганной площадки, обнаружены сложенные в грудку кости взрослого мужского (антропологическое определение) захоронения; череп установлен в центре скопления и обращен шейным отверстием вверх. Следов перекопа не выявлено.

Курган 3 (диаметр с севера на юг 6 м, с запада на восток 6,7 м, высота 0,7 м). Сооружен из однородного мешаного суглинка, в южной части насыпи имеется шурф недавнего происхождения. Обкладка отсутствует. В центре курганной площадки на погребенной почве — костяк женщины в возрасте 30—40 лет (антропологическое определение), обращенной головой к востоку (азимут 70°). Верхняя часть скелета и тазовые кости перемешаны.

В районе разрушенной грудной клетки найдены изделия из бронзы: ромбо-щитковое височное кольцо (табл. XXVII, 9), узкомассивный перстень сегментного сечения (табл. XXXIX, 1), бронзовые спиральки (табл. XLI, 15), а также украшения из оловянистого сплава: широкосрединный пластинчатый перстень с рельефным орнаментом (табл. XXXIX, 5) и фрагменты трубчатых рифленых пронизок. У правой руки встречен обломок ножа группы 2,⁵ на груди — коса-горбуша (табл. XXV, 3), сдвинутая с первоначального положения у тазовых костей.

³ Здесь и далее высотные отметки насыпей приводятся от уровня древнего горизонта по центру погребального сооружения.

⁴ Вследствие того, что определение половозрастной принадлежности умерших проводилось параллельно сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН (канд. ист. наук В. И. Хартанович) и Института истории Латв. АН (доктор ист. наук Р. Я. Денисова, канд. ист. наук Р. У. Гравере) при фактическом совпадении их выводов, я счел возможным объединить представленную информацию под общим термином «антропологическое определение», «антропологические данные». Выражаю глубокую признательность указанным исследователям за ценную помощь в подготовке публикации.

⁵ Дифференциация ножей на группы 1 (ранняя) и 2 (более поздняя) рассмотрена в разделе, посвященном характеристике этой категории вещевого материала.

Курган 4 (диаметр с севера на юг 5,5 м, с запада на восток 6 м, высота 0,65 м). Сооружен из однородного мешаного суглинка. Обкладка отсутствует. В северной поле под дерном найден фрагмент днища гончарного сосуда. В центре площадки на погребенной почве — костяк женщины 30—40 лет (антропологическое определение), лежавшей вытянуто на спине, головой к востоку (азимут 90°). Скелет частично разрушен корнями деревьев.

У левого виска встречены два бронзовых ромбоштитковых кольца (табл. XXVII, 8), у левой ключицы — 9 стеклянных бус: зонные синего и желтого прозрачного стекла; круглая глазчатая; рыбовидная; зонные полихромные глухого стекла (типа рис. 8: 6, 14, 17, 24, 30). У локтя левой руки обнаружен нож группы 2 (табл. XXIV, 12), в 0,4 м к югу от погребения — развал сосуда (табл. XXVI, 2) и обломок широкой железной пластинки — по-видимому, части серпа или косы-горбуши.

Курган 5 (диаметр с севера на юг 6,7 м, с запада на восток 7,1 м, высота 1 м). Насыпь сооружена из неоднородного мешаного суглинка. По основанию имеется кольцевая обкладка из внешнего ряда крупных валунов и внутреннего ряда более мелких камней. С глубины 0,7 м от вершины отмечены включения углей. В основании кургана зафиксировано прокаленное пятно с золой и крупными включениями углей, имеющее округлую форму (размеры 3,2×3,4 м) и локализованное в центральной и северной частях курганной площадки. Его верхний уровень характеризуется белой окраской (прокаленный суглинок, смешанный с золой), нижний — кирпичным обжигом и твердой структурой. Мощность прокаленного грунта достигает 0,1 м в восточной части, постепенно выклиниваясь к краям кострища. На участке максимального прокала встречены остатки черепа, к северо-западу от него зафиксирован истлевший фрагмент бедренной кости. Судя по этим данным, захоронение имело восточную или юго-восточную ориентировку.

Рядом с черепом найдены два бронзовых ромбоштитковых кольца (табл. XXVII, 10), проволочный перстень из светлого металла с овальным пластинчатым щитком (табл. XXXIX, 9) и 8 бусин: 1 синестеклянная ягодовидная прозрачная; 1 цилиндрическая полихромная глухого стекла; 2 хрустальных и 4 сердоликовых бипирамидальных (типа рис. 8: 13, 21, 41, 47). К северо-западу — в ногах погребения — встречены железные удила, кольца которых украшены насечкой с бронзовой инкрустацией (табл. XLII, 7).

? **Курган 6** (диаметр 4 м, высота 0,5 м). Северо-восточная пола срезана дорогой, центр разрушен кладоискательским шурфом. Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка. Обкладка отсутствует. В центре курганной площадки на погребенной почве — костяк женщины 40—50 лет (антропологическое определение), обращенной головой на восток с отклонением к югу (азимут 116°). Верхняя часть скелета и тазовые кости разрушены, ноги вытянуты. Погребение, возможно, было совершено в сидячем положении.

Около черепа найдены обломки проволочной бронзовой серьги с нанизанной плетеной бусиной (табл. XXVII, 15) и бронзовая литая бусинка-пронизка. У правого бедра обнаружены цилиндрическая полихромная бусина глухого коричневого стекла с желтыми разводами (типа рис. 8: 27) и золотостеклянная бочонковидная бусина (типа рис. 8: 3). В ногах установлен устьем вверх гончарный горшок (табл. XXVI, 10).

Курган 7 (диаметр с севера на юг 5 м, с запада на восток 6,8 м, высота 0,6 м). Обкладка отсутствует. Курган сооружен из неоднородного мешаного суглинка, по различиям в окраске которого выделяется основная насыпь и присыпка к ней с южной стороны. В центре основной насыпи на горизонте — плохо сохранившийся костяк взрослой женщины (*погребение 1*), обращенной головой к востоку (азимут 82°); руки согнуты и сложены на поясе. Погребение располагалось на линзе прокаленного суглинка с золой и углями, имеющей округлую форму и размеры $2,2 \times 2,4$ м; мощность кострища в центре около 0,06 м, к окраинам она уменьшается до 0,01—0,02 м.

У левого плеча найдена подковообразная фибула из оловянистого сплава (табл. XXX, 10), у черепа — фрагмент кольцевидной бусины желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 8), у частично потревоженных бедренных костей — нож группы 1 (табл. XXIV, 10). В ногах устьем вверх установлен гончарный горшок (табл. XXVI, 9).

Захоронение 2 под присыпкой к первоначальному кургану принадлежит ребенку. Костяк располагался на погребенной почве, вытянут на спине и обращен головой к северо-востоку (азимут 45°). К северу от него на границе основной насыпи и присыпки располагались два камня, установленные на материковой поверхности.

? ✓
✓ **Курган 8** (диаметр с севера на юг 7,4 м, с запада на восток 8,3 м, высота 1,08 м). По основанию окружен кольцевой обкладкой, разомкнутой в северной части и сложенной из одного-двух рядов камней с крупными валунами с наружной стороны. Насыпь сооружена из последовательно сменяющих друг друга слоев темно-коричневого и более светлого — желтого — суглинка (табл. XIII). С глубины 0,6 м от вершины фиксируется появление в насыпном грунте отдельных угольков и включений золы, локализованных в радиусе 1,5—2 м от центра кургана. На глубине 0,8 м эти включения приобретают более четкие контуры, образуя кольцо шириной 0,2—0,4 м вокруг центральной площадки размерами $2,8 \times 3,5$ м. Кольцо при дальнейшем исследовании оказалось заполнением канавки (темно-серый грунт, насыщенный углем и золой), прослеженной на глубину 0,5 м и прорезающей материк на 0,1 м. Площадка внутри «огненного кольца» в верхней части перекрыта светлым суглинком, в нижней — чистым желтым песком, ровным слоем насыпанным на погребенную почву и имеющим толщину около 0,15 м. С внешней стороны канавки встречен только суглинок.

Канавка окружала погребение на горизонте — костяк взрослого мужчины (антропологическое определение) с восточной ориентировкой (азимут 90°). Череп и правая сторона грудной клетки разрушены и смещены к северу; ноги вытянуты, левая рука сложена в нижней части груди. Умерший погребен в приподнятом, полусидячем положении.

У голени правой ноги был положен боевой топор с углубленным узором в виде «волчьего зуба» по лезвию и серебряной инкрустацией (табл. XXIII, 9). В ногах устьем вверх установлен гончарный горшок. У левого бедра найдены железная игла с подвижным кольцом (табл. XXIV, 8) и нож группы 1. На кисти левой руки был надет бронзовый плетеный браслет с овальными щитками (табл. XXXV, 4). На поясе располагался бронзовый разделитель, состоящий из кольца и двух пластинчатых наконечников кожаного ремня с частично сохранившимися прямоугольными бронзовыми накладками (табл. XLIII, 7). Не менее 50 аналогичных

бляшек зафиксировано среди потревоженных костей захоронения. Там же найден серебряный германский денарий, чеканеный при Генрихе II (1002—1024 гг.). У голени левой ноги встречен бронзовый шаровидный бубенчик с линейной прорезью (табл. XLI, 10).

Курган 9 (диаметр с севера на юг 6 м, с запада на восток 5,4 м, высота 0,5 м). Обкладка отсутствует. Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка. Ее центральная часть разрушена кладоискательским шурфом, затронувшим и само погребение.

На уровне погребенной почвы — костяк взрослого мужчины (антропологическое определение), обращенного головой к востоку (азимут 85°). Череп и часть грудной клетки разрушены, левая рука сложена на поясе, ноги вытянуты. У таза слева — бронзовое поясное кольцо (табл. XLIII, 5), у левого бедра — остатки кожаных ножен с боковой бронзовой оковкой, в которых сохранился нож группы 2 с деревянной рукояткой (табл. XLIII, 1). Ниже ножен, в 0,1 м от бедра, расчищены 5 наконечников стрел (табл. XXIV, 1—5), обращенных острием к голове погребенного и, возможно, находившихся в колчане.

Курган 10 (диаметр с севера на юг 5,2 м, с запада на восток 4,5 м, высота 0,5 м). Обкладка отсутствует. Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка.

В центре площадки на погребенной почве — костяк мужчины 30—40 лет (антропологическое определение), лежавшего вытянуто на спине, головой к западу (азимут 273°). Сохранившаяся в анатомическом порядке правая рука сложена на поясе. У правой ступни топор (табл. XXI, 4), у левого бедра — обломки ножа. У щиколотки правой ноги найден трехпроволочный обрубленноконечный браслет (типа табл. XXXV, 5), над правой голенью в насыпи, выше на 0,07 м — бронзовый пластинчатый перстень (табл. XXXIX, 10).

Курган 11 (диаметр с севера на юг 5,5 м, с запада на восток 6 м, высота 0,9 м). Обкладка отсутствует. Насыпь неоднородна по структуре: ее южная часть сооружена из светло-желтого, северная — из темно-коричневого суглинка со значительной примесью мергеля. На уровне горизонта расчищены три погребения. В северном секторе кургана встречен костяк девочки-подростка (*погребение 1*). Захоронение совершено в вытянутом положении на спине, головой на восток с отклонением к югу (азимут 110°); левая рука сложена на поясе, правая согнута к лобку.

У висков зафиксированы бронзовые ромбоштитковые височные кольца (не менее 6 экз.), три из которых представлены полностью сохранившимися изделиями (табл. XXVII, 12—14). Под нижней челюстью найдены две однотипные лунницы, изготовленные из оловянистого сплава (типа табл. XLI, 2), в верхней части груди — три темно-коричневые бусины глухого стекла (1 зонная, 2 биконические — типа рис. 8: 30, 33). На левой руке был надет трехпроволочный витой браслет с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5), у правого бедра обнаружен нож группы 1. Справа от костяка в 0,2—0,4 м отмечены остатки кострища неправильной подчетырехугольной формы, расположенного параллельно погребению (размеры $1,5 \times 1$ м, мощность 0,01—0,02 м). На кострище у правой ступни находился установленный устьем вверх гончарный горшок (табл. XXVI, 11).

В 0,7—0,8 м к югу от погребения 1 на зольно-углистых остатках кострища неправильных очертаний (размеры 2,4×1,9 м, мощность 0,01—0,02 м) выявлены захоронения 2 и 3. Положение погребенных — мужчины 40—45 лет и женщины 30—35 лет (антропологическое определение) — достаточно своеобразно. Они помещены почти вплотную, причем сохранившиеся в анатомическом порядке нижние конечности расположены параллельно, смыкаясь коленями, верхняя же часть скелетов и тазовые кости перемешаны и образуют единое скопление; лица умерших повернуты навстречу друг другу. Ориентировка — восточная с отклонением к югу (азимут 110°). По-видимому, погребения совершены в приподнятом, полусидячем положении. В груде костей найдена бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXII, 4). У правой ступни мужчины встречен топор.

Судя по стратиграфии насыпи и наличию двух обособленных кострищ, курган сооружен в два этапа: на первом была возведена насыпь диаметром около 3 м над захоронениями 2 и 3; на втором она была расширена до окончательных размеров в результате присыпки к северной поле первоначального земляного сооружения для совершения погребения 1.

Курган 12 (диаметр с севера на юг 3 м, с запада на восток 3 м, высота 0,35 м). Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка. На уровне погребенной почвы расчищена нерегулярная система камней обкладки. Следов захоронения не обнаружено.

Курган 13 (диаметр 2,3—2,4 м, высота 0,2 м). Слабо выраженная на поверхности насыпь, смыкающаяся с предыдущим курганом. Обкладка отсутствует. На уровне погребенной почвы — плохо сохранившийся костяк ребенка, обращенного головой к востоку. На груди найдена железная подковообразная фибула (табл. XXXII, 7), у левой ноги был положен нож группы 1 (табл. XXIV, 15).

Курган 14 (диаметр 2,2—2,4 м, высота 0,4 м). Насыпь сооружена из мешаного суглинка. Западная пола кургана обнесена сплошным полукольцом из одного—двух рядов камней, в восточном секторе зафиксированы лишь отдельные валуны. Следов захоронения не обнаружено. На уровне погребенной почвы в центре площадки — скопление вещевых находок: обломки пластинчатого серебряного венчика; 2 бронзовых ромбоштитковых кольца (табл. XXVII, 5, 6); бронзовый пластинчатый браслет шириной 2 см со стертым геометрическим орнаментом; бронзовый плетеный браслет с оборванными концами (табл. XXXV, 3); цилиндрическая бусина синего прозрачного стекла (типа рис. 8: 11); обломок косы-горбуши (табл. XXV, 6).

Курган 15 (диаметр с севера на юг 5 м, с запада на восток 4,4 м, высота 0,4 м). Обкладка отсутствует. Насыпь сооружена из мешаного суглинка. Под дерном в северной поле кургана найдены обрезки костей лошади. Следов захоронения не обнаружено. На уровне погребенной почвы в центре площадки зафиксированы два валуна, в разных местах ее южной части собраны вещевые находки: бронзовая подковообразная фибула (табл. XXX, 2); витой трехпроволочный браслет с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5); фрагмент косы-горбуши (табл. XXV, 7); нож группы 2 (табл. XXIV, 14).

Курган 16 (диаметр с севера на юг 5,2 м, высота 0,6 м). Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка, западная и восточная полы кургана срезаны дорогой. Обкладка отсутствует. Под дерном в северной поле найдены обломки гончарной керамики и мелкие обрезки костей животных.

На уровне погребенной почвы — плохо сохранившийся костяк девушки 16—18 лет (антропологическое определение), лежавшей вытянуто на спине, головой к востоку (азимут 90°); сохранившаяся в анатомическом порядке правая рука согнута к лобку. У левого бедра найден нож группы 1 (табл. XXIV, 11).

Курган 17 окружен по основанию кольцевой обкладкой из внешнего ряда крупных валунов и внутреннего ряда более мелких камней (диаметр 11 м, вместе с выступающими камнями обкладки — около 12 м, высота 1,4 м). Насыпь возведена из однородного мешаного суглинка.

На глубине 0,60—0,65 м от вершины зафиксированы остатки кострища в виде серого пятна с включениями угля и золы мощностью 0,02—0,03 м. Вытянутое в меридиональном направлении кострище овальной формы (4,2×5,2 м) занимало почти всю площадку насыпи на этом уровне. В его северо-восточной части выявлен развал частично сохранившегося гончарного сосуда с клеймом на днище (табл. XXVI, 1).

Прослойки сероватого цвета с незначительным содержанием мелких угольков встречались и ниже, на глубине 0,9—1,2 м от вершины. Однако последние представлены отдельными тонкими и невыразительными линзами, не образующими в плане сплошных и достаточно крупных пятен.

В основании курганной площадки прослежены остатки кострища мощностью около 0,01 м, занимающего всю ее поверхность в пределах каменной обкладки. На этом уровне выявлены два погребения с богатым инвентарем — мужское, расположенное по центральной оси запад — восток, и локализованное в 1,2 м к северу от него захоронение девочки в возрасте 6—8 лет.

Мужское погребение 1 имело западную ориентировку (азимут 270°). Нижние конечности и тазовые кости сохранились в анатомическом порядке, верхняя часть скелета разрушена; при этом кости грудной клетки и рук залегали на 0,10—0,15 м выше уровня погребения, череп же оказался сдвинутым по направлению к тазу. Умерший был погребен в сидячем положении.

В скоплении перемешанных костей обнаружены серебряный германский денарий: Майнц, Генрих III (1039—1056 гг.); еще три германских денария найдены в ногах, у левого бедра и в области груди умершего: Аугсбург, вторая или третья четверть XI в.; Вюрцбург, вторая четверть XI в.; подражание монетам Оттона и Адельгейды, первая четверть XI в. На поясе и среди скопления костей встречены элементы поясной гарнитуры, включавшие фрагмент кожаного ремня с бронзовыми полусферическими бляшками, 2 бронзовых кольца, 2 бронзовые лировидные пряжки (одна — с бронзовым наконечником ремня) (табл. XL, 7—11). Слева у бедра располагались нож с деревянной рукояткой, обвитой бронзовой проволокой и обернутой сверху кожей (табл. XL, 5), калачевидное кресало (табл. XL, 13) и кремь, а также фрагмент тонкой бронзовой пластинки.

Плохо сохранившееся детское погребение 2, совершенное в вытянутом положении, имело противоположную, западную, ориентировку (азимут 270°). Слева от черепа встречен завернутый в бересту крупный фрагмент шерстяной сар-

жевой с плетением 2/2 ткани размерами 0,34×0,34 м, украшенной бронзовыми спиральками (табл. XL, 12). В 0,2 м от головы и у висков умершей найдены 4 серебряных серьги (табл. XXVIII, 1—4). На шее — 6 бус от ожерелья: золотостеклянные бочонковидные (типа рис. 8: 3) и мелкие шаровидные хрустальные (типа рис. 8: 39). На кистях обеих рук были надеты крупные спиральные браслеты из узкой бронзовой пластинки треугольного сечения в 12 оборотов (табл. XL, 2, 3), под одним из них оказался еще один — узкопластинчатый прямоконечный с «городчатым» орнаментом — миниатюрный браслетик (табл. XXXV, 10; XL, 4).

Слева от таза на фигурной доске был положен бронзовый пластинчатый цепедержатель со свернутой в комок цепочкой из двойных кольчатых звеньев общей длиной 1,1 м (табл. XL, 1). Рядом с ним на доске — серебряный денарий: Регенсбург, Генрих VIII (1053—1056 гг.). Еще один серебряный денарий (Шпейер или подражание Шпейеру, первая половина XI в.) найден на груди умершей.

У кисти руки, у бедра и в ногах встречены 4 спиральных перстня из бронзовой проволоки в 2—7 оборотов; в ногах же обнаружен обломок тонкой бронзовой пластинки с циркульным орнаментом — возможный обломок трапециевидной подвески.

Курган 18 (диаметр 5,6 м, высота 0,7 м). Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка. Обкладка отсутствует.

На уровне погребенной почвы в центральной части площадки — захоронения мужчины 25—30 лет и женщины (антропологическое определение), расположенные параллельно друг другу на расстоянии 0,6 м. Погребения совершены в вытянутом положении, у лучше сохранившегося мужского костяка руки согнуты и сложены в нижней части груди. Ориентировка умерших западная с отклонением к северу (азимут 300°).

✓ Инвентарь мужского захоронения 1: на грудных позвонках — бронзовая кольцевидная фибула своеобразного облика с шиповидными выступами (табл. XXXIV, 1), у левого бедра — нож группы 2 (табл. XXIV, 16), в 0,4 м от голени левой ноги — наконечник копья (табл. XXIII, 2).

Инвентарь женского погребения 2: на груди — 3 бусины (1 сердоликовая бипирамидальная (типа рис. 8: 47) и 2 бронзовые бочонковидные с рельефными кружками (типа рис. 8: 49, 50), у правого бедра — нож группы 2 (табл. XXIV, 17), у голени левой ноги — серп (табл. XXV, 13).

Курган 19 (диаметр с севера на юг 4,7 м, с запада на восток 5 м, высота 0,5 м). Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка без следов перекопа. По основанию — сплошная кольцевая обкладка из одного—четырех рядов валунов.

На уровне погребенной почвы в центре площадки зафиксированы лежащие в беспорядке человеческие кости — фрагменты черепа, нижняя челюсть, кости рук. Здесь же найдены бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXIII, 8) и витой трехпроволочный браслет с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5).

Курган 20 (диаметр 10 м, высота 1,2 м). Насыпь, сооруженная из мешаного суглинка, имеет уплощенную вершину. По основанию окружена кольцевой обкладкой из двух-трех рядов камней, сплошной в южной части и разомкнутой в северной.

На глубине 0,65 м от вершины, в 1,2 м к юго-востоку от центра кургана обнаружена груда перемешанных человеческих костей. Разрозненные остатки женского захоронения (*погребение 1*) сконцентрированы на участке 1,2×0,5 м, вытянутом в широтном направлении (табл. IX Б). Сохранилась кисть руки с двумя надетыми на нее пластинчатыми тупоконечными браслетами (табл. XXXVIII, 2, 5). Из этого скопления происходят также бронзовая подковообразная фибула (табл. XXX, 9), коса-горбуша (табл. XXV, 1) и серия бронзовых и стеклянных бус.

Среди остатков труположения встречено значительное количество кальцинированных костей и углей; судя по крупным полуобгоревшим костям и, особенно, находке нижней челюсти, испытавшей на себе действие огня, они принадлежат детскому трупосожжению, совершенному на стороне (*погребение 2*).

Под скоплением костей выявлено ямообразное углубление, заполненное темным и более рыхлым грунтом. Оно имеет форму овала, вытянутого в меридиальном направлении (размеры 1,12×0,65 м, глубина от уровня верхнего захоронения 0,3 м). В заполнении ямы также встречались кальцинированные кости; здесь же найдены бусы, возможно относящиеся к инвентарю погребения 1. В общей сложности коллекция последних насчитывает 27 экз.: 22 бронзовые бочонкообразные с рельефными кружками (типа рис. 8: 49); 2 шаровидные пастовые синие с углубленной желто-красной инкрустацией (типа рис. 8: 18); 2 шаровидные пастовые коричневые (типа рис. 8: 33), 1 темно-серая пастовая с прямосрезанными краями (типа рис. 8: 34).

Уровень дна ямы (глубина от вершины 0,75—0,80 м) соответствует верху кольцевой канавки, аналогичной «огненному кольцу» кургана 8.

Канавка шириной 0,3—0,4 м и глубиной около 0,4 м прорезает насыпь до погребенной почвы, окружая центральную часть курганной площадки размерами 3,8×4,0 м. Контуры «огненного кольца» четко выделяются по структуре и окраске заполнения, имеющего серую окраску и насыщенного золой с мелкими угольками. На глубине около 1 м зафиксированы различия в структуре насыпи. Внутри кольцевой канавки древняя поверхность перекрыта ровным слоем чистого светло-желтого песка толщиной 0,15—0,20 м; с наружной стороны насыпь от основания до самого верха состоит из плотного темно-коричневого суглинка, который лишь на границе с канавкой содержит небольшие зольно-углистые включения.

«Огненное кольцо» окружало частично разрушенное мужское *погребение 3*, совершенное в основании кургана на погребенной почве (глубина 1,15—1,20 м). Костяк обращен головой к востоку, в ногах положен топор (табл. XXII, 3). ✓

Курган 21 (диаметр 5,6—5,8 м, высота 0,6 м). Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка. По основанию — кольцевая обкладка из внешнего ряда крупных валунов и внутреннего ряда более мелких камней. Под дерном в южной части кургана на глубине 0,25—0,40 м прослежена незначительная линза сероватого суглинка с включениями золы и углей мощностью 0,05—0,07 м. ✓

На уровне погребенной почвы в центре курганной площадки зафиксировано погребение женщины 35—45 лет (антропологическое определение), обращенной головой к востоку (азимут 90°). Нижние конечности и кости таза расположены в анатомическом порядке, грудная клетка и кости рук перемешаны, череп несколько сдвинут к тазу. Умершая погребена в сидячем (полусидячем) положении. У правого бедра находился нож группы 2 (табл. XXIV, 18), в области груди собраны 24 бу-

сины: 18 кольцевидных и зонных зеленого прозрачного стекла (типа рис. 8: 7, 8), 2 зонные коричневого глухого стекла с углубленной желтой инкрустацией (типа рис. 8: 17) и 2 аналогичные по форме и фактуре с последними бусины, возможно относящиеся к тому же типу.

? **Курган 22** (диаметр 5,7 м, высота 0,5 м). Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка. Центральная часть прорезана старым шурфом, стратиграфически прослеживаемом по более темному исполнению. Обкладка отсутствует.

На уровне древнего горизонта в центре курганной площадки — останки разрушенного погребения взрослой женщины с северо-западной ориентировкой (азимут 295°). В анатомическом порядке сохранились нижние конечности, верхняя часть костяка перемешана. В районе грудной клетки найдена бронзовая цилиндрическая бусина с рельефным орнаментом в виде спирали (типа рис. 8: 55).

Курган 23 (диаметр 6 м, высота 0,6 м). Насыпь, сооруженная из однородного мешаного суглинка, имеет уплощенную вершину, однако следов перекопа стратиграфически не было выявлено. Обкладка отсутствует. Под дерном в юго-западной поле кургана найден фрагмент гончарной керамики, из западного сектора происходит обрезок кости животного.

На уровне погребенной почвы в центре курганной площадки расчищены перемешанные кости мужского труположения, обращенного головой к востоку. Здесь же найден обломок ножа группы 1.

Курган 24 (диаметр с севера на юг 7,3 м, с запада на восток 7,7 м, высота 0,75 м). Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка. По центру стратиграфически прослежены остатки старого шурфа, прорезавшего курган до основания. Насыпь окружена кольцевой обкладкой из внешнего ряда крупных валунов и внутреннего ряда более мелких камней.

На уровне погребенной почвы в центре площадки — остатки разрушенного женского погребения. В анатомическом порядке сохранились лишь голень правой ноги и стопа левой, остальные кости перемешаны. Судя по положению ног, умершая была обращена головой к востоку. В районе таза с левой стороны встречены остатки истлевшей шерстяной ткани, украшенной бронзовыми спиральками (табл. XLII, 6).

Курган 25 (диаметр 8 м, высота 0,65 м). Насыпь, сооруженная из однородного мешаного суглинка, имеет уплощенную вершину. Обкладка отсутствует.

На глубине 0,2 м в северо-восточном секторе кургана непосредственно под дерном встречены остатки перемешанного человеческого скелета, сложенного в груды и представляющего собой выброс разрушенного шурфом погребения в основании насыпи. Хотя следы перекопа стратиграфически не прослежены, на это указывает уплощенная вершина насыпи и прорезка погребенной почвы по центру курганной площадки. Рядом со вторичным захоронением был установлен горшок (табл. XXVI, 19) позднего типа, появляющегося не ранее конца XVI—XVII в.

На глубине 0,3 м от вершины по центру встречен установленный вверх дном гончарный мисковидный сосуд (табл. XXVI, 3). На той же глубине в северо-западном секторе найден мелкий обломок кости животного.

В основании насыпи по центру выявлены остатки разрушенного перекопом погребения мужчины, верхняя часть которого была перезахоронена на вершине кургана. В анатомическом порядке сохранились берцовые кости и ступни умершего. Судя по их положению, последний был обращен головой к востоку с небольшим отклонением к северу. У голени правой ноги встречен наконечник копья, обращенный острием к ступне погребенного (табл. XXIII, 1).

Курган 26 (диаметр с севера на юг 8 м, с запада на восток 9,2 м, высота 1,1 м). Насыпь полусферической правильной формы сооружена из однородного мешаного суглинка. По основанию — регулярная кольцевая обкладка из внешнего ряда крупных валунов и внутреннего ряда более мелких камней. К северу от центра под дерном встречены кости животного. В центре насыпи на глубине 0,40—0,45 м зафиксированы четыре зольно-углистые линзы размерами 0,20—0,35×0,20—0,60 м и мощностью 0,02—0,04 м, расположенные на незначительном расстоянии друг от друга.

На погребенной почве по центру площадки выявлены остатки разрушенного женского погребения с западной ориентировкой. Захоронение уничтожено перекопом, не прослеживаемым стратиграфически, но документированным прорезкой погребенной почвы и выбросом костей, зафиксированном на глубине 0,9 м от вершины кургана. Вещевые находки представлены фрагментом бронзового пластинчатого браслета (табл. XXXVIII, 1) и восемью бусами: 1 битрапецидная зеленого прозрачного стекла (типа рис. 8: 4); 1 бронзовая бочонковидная с рельефными кружками (типа рис. 8: 49); 4 бронзовые цилиндрические с рельефным спиральевидным узором (типа рис. 8: 55); 1 бусинный бисер ярко-синего прозрачного стекла (типа рис. 8: 10).

Курган 27 (диаметр с севера на юг 9,5 м, с запада на восток 9 м, высота 1,25 м). Полусферическая насыпь из однородного мешаного суглинка сооружена на юго-восточном скате естественного всхолмления (табл. X A). В южной поле под дерном выявлена вымостка из мелких камней, покрывающая склон гряды (длина около 8 м, ширина 1,5—2,0 м), повторяющая изогнутыми очертаниями контуры основания кургана. На ее поверхности и рядом с камнями зафиксированы следы ритуальных кострищ.

На глубине 0,8—0,9 м от вершины в северо-западном секторе насыпи отмечены разрозненные человеческие кости, в том числе два черепа, принадлежащие разрушенным перекопом основным захоронениям. Последние были совершены на горизонте по центральной оси кургана и имели западную ориентировку (азимут 270°). Между нижними конечностями умерших прослежена полоска разложившейся древесины. У ступни погребения 1 был положен топор (табл. XXI, 3). У левого колена погребения 2 расчищены остатки коры, на которой встречены нож группы 2 и бронзовая восьмеркообразная цепочка с прикипевшим куском железа (табл. XLI, 5).

Курган 28 (диаметр с севера на юг 4 м, с запада на восток 4,5 м, высота 0,5 м). Насыпь полусферической формы сооружена из однородного мешаного суглинка. Обкладка отсутствует.

На погребенной почве по центру площадки — захоронение мужчины, имеющее юго-западную направленность (азимут 222°). В анатомическом порядке сохранились

нижние конечности и тазовые кости, верхняя часть скелета разрушена, череп отсутствует. Погребение совершено в сидячем положении и было прислонено к крупному валуну, обнаруженному под скоплением костей. Рядом с умершим встречена трубчатая кость лошади.

Курган 29 (диаметр с севера на юг 5 м, с запада на восток 6 м, высота 0,9 м). Насыпь полусферической формы сооружена из однородного мешаного суглинка. По основанию имеется регулярная кольцевая обкладка из двух-трех рядов камней.

В центре курганной площадки на погребенной почве выявлены три погребения. *Захоронение 1* (северное) — женщина в возрасте 25—35 лет (антропологическое определение), погребенная в вытянутом положении и обращенная головой к западу (азимут 260°); руки согнуты, кисть правой на поясе, кисть левой на лобке. Справа на груди встречена бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXII, 6), у левого бедра нож группы 2.

✓ *Захоронение 2* (в 0,5 м к югу) — костяк мужчины с западной ориентировкой (азимут 265°). В анатомическом порядке сохранились нижние конечности и тазовые кости, верхняя часть скелета разрушена, череп смещен к тазу. Погребение совершено в сидячем положении. У левого бедра встречен нож группы 2, несколько ниже — топор (табл. XXII, 7), среди разрушенных костей обнаружены две фигурные бляшки из оловянистого сплава (табл. XLI, 7).

В 0,3 м к югу отмечены остатки черепа истлевшего детского захоронения 3.

Курган 30 (диаметр 2 м, высота 0,55 м). Небольшая полусферическая насыпь из однородного мешаного суглинка, отмеченная по основанию отдельными крупными валунами. В центре под дерном найден венчик гончарного сосуда. Следов погребения не обнаружено.

✓ **Курган 31** (диаметр 7,6 м, высота 1,1 м). Насыпь полусферической формы сооружена из однородного мешаного суглинка. По основанию — кольцевая обкладка из одного ряда камней. На горизонте отмечено кострище, занимающее почти всю курганную площадку. Наиболее интенсивное зольно-углистое пятно размерами 2,8×3,8 м, вытянутое в широтном направлении, локализуется в центральной части. На нем — захоронение мужчины в возрасте 45—55 лет (антропологическое определение), обращенного головой к востоку (азимут 90°). В анатомическом порядке сохранились нижние конечности; верхняя часть скелета разрушена, череп перевернут и сдвинут к тазу. Погребение совершено в сидячем положении. Под черепом обнаружена железная поясная пряжка, у левого бедра встречены обломок ножа и кремь.

Курган 32 (диаметр с севера на юг 7 м, с запада на восток 7,5 м, высота 0,8 м). Насыпь, сооруженная из однородного мешаного суглинка, имеет уплощенную вершину с заплывшим углублением в центре. По основанию — регулярная кольцевая обкладка из нескольких рядов камней с крупными валунами по внешнему периметру.

Непосредственно под дерном встречены кости разрушенного перекопом погребения. От совершенного на горизонте захоронения сохранился только череп; судя по его положению, погребение имело восточную направленность. Оно совер-

шено на кострище, представленном пятном прокаленного суглинка с золой и углями (толщина до 0,04—0,05 м), размеры которого из-за перекопа не устанавливаются. Инвентарь отсутствует.

Курган 33 (диаметр с севера на юг 7,3 м, с запада на восток 6,4 м, высота 0,7 м). Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка. По основанию — кольцо из нескольких рядов камней с крупными валунами по внешнему периметру, разомкнутое в северо-западном секторе. Следов захоронения не выявлено.

Курган 34 (диаметр 6 м, высота 0,7 м). Насыпь с уплощенной вершиной неоднородна по структуре. Ее северная половина сооружена из мешаного суглинка, южная — из супеси с включениями мергеля. Обкладка отсутствует.

На уровне погребенной почвы по центру площадки — мужское захоронение с северо-восточной ориентировкой (азимут 30°). Кости грудной клетки и тазовые кости перемешаны, сохранившаяся в анатомическом порядке левая рука вытянута вдоль тела. У руки встречен обломок ножа, предположительно относящийся к группе 1.

В южной части площадки и под костяком — от таза до ступней — прослежено кострище в виде пятна прокаленного суглинка с включениями углей и золы. Не исключено, что такое расположение очищенного огнем участка связано с помещением умершего в приподнятом, полусидячем, положении.

Курган 35 (диаметр 6 м, высота 0,65 м). Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка. Обкладка отсутствует. На уровне горизонта по центру площадки — частично разрушенное погребение мужчины в возрасте 30—35 лет (антропологическое определение), обращенное головой к востоку (азимут 82°). Кости грудной клетки и правой руки сдвинуты с первоначального положения, ноги вытянуты, сохранившаяся в анатомическом порядке левая рука согнута к бедру. В районе разрушенной грудной клетки найден фрагмент поперечнощиткового бронзового перстня «петербургского» типа (табл. XXXIX, 18). У левого бедра встречен обломок бронзового трехпроволочного браслета с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5), первоначально, судя по окислам меди, располагавшийся на кисти левой руки. У правой ступни был положен железный наконечник стрелы (табл. XXIV, 6).

Курган 36 (диаметр 6 м, высота 0,55 м). Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка, обкладка основания отсутствует. Курган имеет уплощенную вершину, образовавшуюся в результате перекопа, прослеженного в стратиграфических бровках. Следов погребения не обнаружено.

Курган 37 (диаметр 4,2 м, высота 0,4 м). Насыпь сооружена из мешаного суглинка. Имеет уплощенную вершину, образовавшуюся в результате перекопа, прослеженного в стратиграфических бровках. Обкладка основания состоит из пяти крупных валунов, расположенных по осям северо-запад — юго-восток и юго-запад — северо-восток, и примыкающим к ним мелким камням в виде несплошного кольца.

В центре площадки на уровне погребенной почвы — частично уничтоженное перекопом и истлевшее детское погребение с восточной ориентировкой. Слева

от костяка встречен установленный вверх дном гончарный горшок (табл. XXVI, 8). В области шеи и груди найдены 42 бусины: 9 бронзовых бочонковидных с рельефными кружками (типа рис. 8: 49); 6 уплощенно-шаровидных желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 6); 16 мелких бус кольцевидной и зонной формы зеленого прозрачного стекла (типа рис. 8: 8); 1 четырехчастная зеленого прозрачного стекла (типа рис. 8: 9); 7 мелких бус кольцевидной и зонной формы желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 8); 1 зонная синего прозрачного стекла (типа рис. 8: 7); 2 зонных патинизированных зеленого стекла; 2 бочонковидных коричневого глухого стекла (типа рис. 8: 33); 2 шаровидные глазчатые гладкие — желтые «глазки» с печеночными ободками на темно-синем фоне (типа рис. 8: 15). Здесь же найден набор украшений из светлого сплава от ожерелья, включающий 4 лунницы (типа табл. XLI, 1) и 4 решетчатые подвески (табл. XLI, 3,4). Головной убор состоял из двух бронзовых проволочных колечек (табл. XXVIII, 13) и бронзового кольца с двумя щитковыми расширениями, снабженного гирляндой из трапециевидных подвесок (табл. XXVII, 7). Из скопления вещей происходят 4 бронзовых пластинчатых браслета (типа табл. XXXV, 8, 11) и 1 витой трехпроволочный браслет с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5), бронзовый поперечнощитковый перстень «петербургского» типа (табл. XXXIX, 19), цепочка из двойных кольчатых звеньев длиной 42 см (табл. XLI, 6). Погребение сопровождалось двумя обломками ножей предположительно относящихся к группе 2, один из которых обнаружен у левой ноги умершей.

Курган 38 (диаметр 5,5 м, высота 0,95 м). Насыпь полусферической формы сооружена из однородного мешаного суглинка. Обкладка основания отсутствует. На глубине 0,7 м в юго-западной части насыпи расчищено зольное пятно с включениями углей размерами 1,0×0,8 м, на котором найдены обломки гончарной керамики. Фрагменты еще одного горшка встречены на том же уровне в восточной поле кургана. На глубине 0,80—0,85 м найдены перемешанные кости погребения 3, разрушенного поздним перекопом.

В центре курганной площадки на уровне погребенной почвы — два погребения, расположенные на расстоянии 0,7 м друг от друга. Совершены в вытянутом положении, имеют западную направленность. *Погребение 1* (северное) — костяк мужчины; череп обращен лицевой частью вверх, сохранившаяся в анатомическом порядке правая рука согнута к поясу. У левого локтя обнаружено овальное кресало (табл. XXIV, 9), на запястье правой руки был надет бронзовый трехпроволочный браслет с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5), у правой ступни был положен топор (табл. XXI, 5).

Погребение 2 (южное) — костяк женщины; череп повернут влево, правая рука согнута к плечу, кисть левой сложена в нижней части груди. У висков встречены два бронзовых ромбощитковых кольца (типа табл. XXVII, 1—3), на кистях обеих рук — по витому трехпроволочному браслету с обрубленными концами (типа XXXV, 5) и с петлей на одном конце (типа XXXVI, 1). На пальце левой руки был надет бронзовый узкопластинчатый перстень (табл. XXXIX, 14), под нижней челюстью найдены четыре бусины: 3 шаровидные красные глухого стекла с углубленной инкрустацией из зеленых и желтых стеклянных вставок (типа рис. 8: 19) и 1 уплощенно-шаровидная желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 6). С правой стороны груди обнаружены нож группы 2 и неопределенный обломок железа. У правого бедра встречен серп

(табл. XXV, 14), у основания правой голени — бронзовый шаровидный бубенчик с линейной прорезью и тройным линейным пояском (типа табл. XLI, 10).

Курган 39 (диаметр с севера на юг 4,2 м, с запада на восток 3,6 м, высота 0,6 м). Насыпь полусферической формы, нижняя часть которой состоит из сероватого, верхняя — из темно-коричневого мешаного суглинка. Обкладка основания отсутствует. На глубине 0,2—0,3 м от вершины в восточном секторе встречено скопление из шести крупных валунов.

В центре площадки на уровне погребенной почвы выявлены два погребения с восточной ориентировкой (азимут 100°), расположенные параллельно и почти вплотную друг к другу. Погребение 1 (северное) — костяк мужчины; верхняя часть скелета перемешана, череп смещен к тазу. Погребение было совершено в сидячем положении. У основания правой голени встречен наконечник стрелы (табл. XXIV, 7), среди перемешанных костей близ черепа найден нож группы 2. ✓
стрела

Погребение 2 (южное) — костяк женщины, лежавшей в вытянутом положении на спине. Череп повернут влево; руки согнуты, кисть левой — на поясе, кисть правой — на груди. Справа на груди располагалась бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXI, 8), на фаланге пальца правой руки был надет бронзовый поперечно-щитковый перстень «петербургского» типа (типа табл. XXXIX, 19). На поясе найден бронзовый витой трехпроволочный браслет с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5), у колена левой ноги — нож группы 2.

Курган 40 (диаметр 6 м, высота 0,65 м). Насыпь полусферической формы, сооруженная из однородного мешаного суглинка. По основанию окружена кольцевой обкладкой из одного-двух рядов валунов, разомкнутой в юго-западном секторе. В центре площадки на уровне погребенной почвы выявлен разрушенный костяк мужчины (по антропологическим данным 30—35 лет), обращенный головой к западу (азимут 270°). Среди перемешанных костей найден наконечник копья (табл. XXIII, 4). ✓

Курган 41 (диаметр 4 м, высота 0,6 м). Южная часть насыпи сооружена из рыхлого мешаного суглинка, северная — из суглинка, насыщенного щебенкой. Обкладка состоит из трех крупных и нескольких мелких валунов, не образующих регулярной замкнутой системы. В центре площадки на уровне погребенной почвы выявлен костяк женщины (по антропологическим данным 30—35 лет), погребенной в вытянутом положении и обращенной головой к востоку (азимут 77°). У левого бедра встречен серп (табл. XXV, 12), рядом с черепом найдены три бусины: 2 зонные глухого зеленого стекла (типа рис. 8: 33) и 1 шаровидная глухого стекла с шероховатой поверхностью и полихромной — темно-красной, желтой, зеленой — расцветкой (типа рис. 8: 18).

Курган 42 (диаметр 9,5 м, высота 1,2 м). На вершине прослеживалась западина от заплывшего шурфа. Насыпь возведена на вершине естественного всхолмления с эскарпированными склонами. Ее нижняя часть состоит из чернозема с примесью суглинка и супеси мощностью до 0,3 м (древний дерновый покров холма), верхняя сооружена из однородного коричневатого суглинка. По основанию имеется регулярная кольцевая обкладка, покрывающая склоны холма до погребенной поч-

вы. В этом отношении наиболее выразительна южная половина обкладки, где отмечено до семи-восьми ярусов камней, уложенных наклонно по скату на высоту до 0,5 м.

Непосредственно под дерном в заполнении ямы перекопа выявлено беспорядочное скопление костей — выброс разрушенного шурфом центрального мужского погребения 4, совершенного в основании насыпи (по антропологическим данным возраст умершего составляет 30—35 лет). На уровне погребенной почвы (—0,85 м) расчищено два труположения, не затронутые перекопом и располагавшиеся, очевидно, по обе стороны уничтоженного перекопом мужского захоронения.

Погребение 1 — (северное) — костяк взрослой женщины, захороненной в вытянутом положении и обращенной головой к востоку (азимут 80°); череп повернут лицевой частью вверх, сохранившаяся в анатомическом порядке левая рука согнута к лобку. У висков встречены 2 бронзовых ромбошитковых кольца (табл. XXVII, 2, 3), под черепом и на грудных позвонках собрано 10 бус от ожерелья: 2 шаровидные гладкие глазчатые (синий фон, желтые «глазки», печеночные ободки — типа рис. 8: 15); 1 цилиндрическая мозаичная глухого стекла (типа рис. 8: 22); 2 сердоликовые бипирамидальные (типа рис. 8: 47); 1 хрустальная шаровидная (типа рис. 8: 40); 1 свернутая из тонкой бронзовой пластинки (типа рис. 8: 58); 1 серебряная литая с выпуклым спиральным узором (типа рис. 8: 63). На кисти правой руки и у головы умершей обнаружены два браслета — витые трехпроволочные с петлей на одном конце (типа табл. XXXVI, 1). У правого плеча встречен клинок ножа группы 2 (табл. XXIV, 13), на фалангах пальцев у нижних позвонков — 2 бронзовых пластинчатых перстня с заходящими концами (табл. XXXIX, 12, 13). У правого бедра располагалась бронзовая подковообразная фибула (табл. XXX, 4), у правой голени была положена преднамеренно согнутая коса-горбуша (табл. XXV, 5).

У плеч с наружной стороны расчищено скопление миниатюрных выпуклых бляшек из оловянистого сплава с ушками на оборотной стороне, служившими аппликацией рукавов женской одежды. У таза и между бедренными костями встречено большое количество трубчатых рифленых пронизок, изготовленных из того же сплава; пронизки располагались и под нижней частью позвоночного столба, образуя строго определенную систему из трех-пяти трубочек в одном ряду (рис. 13:1).

Погребение 2 (в 2 м к югу от захоронения 1) — частично истлевший костяк девочки (по антропологическим данным 8—9 лет), похороненной в вытянутом положении и обращенной головой к востоку (азимут 80°). У правого виска найдены 2 бронзовых ромбошитковых кольца, к одному из которых прикреплена гирлянда из трапециевидных подвесок; еще одно щитковоконечное кольцо встречено слева от черепа (табл. XXVII, 4, 11; XXVIII, 5). У шейных позвонков расчищено скопление бус от ожерелья: 4 шаровидных, бипирамидальных и восьмигранных из сердолика (типа рис. 8: 46—48); 11 зонных коричневого глухого стекла с углубленной желтой инкрустацией (типа табл. 8: 17); 1 того же типа, но двухчастная; 1 зонная полихромная — зеленая спираль на коричневом фоне — глухого стекла (типа табл. 8: 27); 1 зонная коричневая глухого стекла (типа рис. 8: 33); 4 шаровидные и уплощенно-круглые желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 4, 6, 7); 2 шаровидные из горного хрусталя (типа рис. 8: 40). У пояса найдены 2 бронзовых трехпроволочных браслета с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5) и два бронзовых перстня — пластинчатый с заходящими концами (типа табл. XXXIX, 11) и круглопроволочный с пере-

вителью (табл. XXXIX, 6). Их размещение указывает на положение несохранившихся кистей рук в области пояса. У средних позвонков располагалась бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXI, 1), еще одна фибула той же формы обнаружена у правого бедра (табл. XXXI, 11). Под костями грудной клетки найден нож группы 2 и фрагмент лунницы из оловянистого сплава (типа табл. XLI, 2). В головах умершей зафиксирована литая бронзовая пуговица (табл. XLII, 3), слева у пояса — фрагменты бронзовой цепочки из двойных кольчатых звеньев общей длиной 36,5 см. У левой голени с наружной стороны был установлен гончарный горшок и поверх его положена коса-горбуша (табл. XXV, 2).

В 2,5 м к юго-востоку от центра и в 0,8 м от каменной обкладки располагалось погребение 3, совершенное по обряду сожжения на стороне. Остатки кремации представляют собой плотный слой кальцинированных костей с незначительной примесью углей толщиной до 5 см, имеющий правильную подчетырехугольную форму и уплощенную поверхность. Его размеры 0,45×0,15 м, над спрессованными костями прослежены волокна коры, не испытавшей воздействия огня. Очевидно остатки кремации были перенесены на курганный площадку в специальном свертке. Среди жженных костей встречена железная поясная пряжка, также не имеющая следов пребывания в огне (табл. XLIII, 6).

Курган 43 (диаметр 7 м, высота 0,8 м). Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка. Южная часть кургана прорезана окопом военного времени, центр раскопан колодцем. Основание окружено кольцевой обкладкой из нескольких рядов валунов. В центре площадки на уровне погребенной почвы — плохо сохранившийся костяк мужчины (по антропологическим данным 40—45 лет). Положение умершего вытянутое, ориентировка западная (азимут 285°). У голени левой ноги были положены топор (табл. XXI, 6) и железное орудие с ножевидным жалом (табл. XXIII, 7), обращенное острием к ступне.

Курган 44 (диаметр с севера на юг 6 м, с запада на восток 7 м, высота 0,9 м). Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка, ее северная часть прорезана окопом. По основанию имеется кольцевая обкладка из двух-трех рядов валунов.

Основное погребение 1 совершено в могильной яме (2,7×1,0×0,2 м), ориентированной в широтном направлении. Костяк женщины, умершей в возрасте 40—45 лет (антропологические данные), имел западную ориентировку (азимут 270°). В анатомическом порядке сохранились нижние конечности, верхняя часть скелета перемещена, череп смещен к тазу. Погребение совершено в сидячем положении. Среди разрушенных костей найдено 10 бусин: 5 бронзовых с рельефным узором (типа рис. 8: 49, 55); 3 кашинные (типа рис. 8: 37); 1 кольцевидная синего прозрачного стекла (типа рис. 8: 8); 1 цилиндрическая полихромная желтого глухого стекла с поперечными черными поясками (типа рис. 8: 26). У левого бедра встречен фрагмент ножа.

У южной стенки ямы зафиксированы остатки кострища размерами 1,0×0,5 м и мощностью 1—2 см. К северу от женского погребения, на 0,15 м выше уровня горизонта зафиксировано погребение 2. Костяк ребенка, умершего в возрасте около 8 лет (антропологическое определение), имел вытянутое положение и северо-западную ориентировку (азимут 298°). Череп разрушен, левая рука сложена на груди, кисть правой руки, судя по сохранившейся лучевой кости, имела аналогичное положение. У левого бедра встречен обломок ножа.

Курган 45 (диаметр 6 м, высота 0,82 м). Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка. Южная половина кургана разрушена старым перекопом. Обкладка основания отсутствует.

В центре площадки на уровне погребенной почвы — частично разрушенное женское погребение с восточной ориентировкой (азимут 78°). В анатомическом порядке сохранились нижние конечности, разрозненные кости верхней части скелета фиксировались в заполнении грабительской ямы на разном уровне. В выбросе найдены бусы: 1 бронзовая с рельефными кружками (типа рис. 8: 49); 2 зонные синего и желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 7); 1 зонная серовато-желтая глухого стекла (типа рис. 8: 33). Оттуда же происходят бронзовый витой трехпроводный браслет с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5), 2 рифленные трубочки-пронизки из оловянистого сплава, обломок ножа группы 2, кремь. У левого бедра был положен серп (табл. XXV, 15).

Курган 46 (диаметр с севера на юг 4,5 м, с запада на восток 5,5 м, высота около 0,5 м). Центр насыпи, сооруженной из однородного мешаного суглинка, прорезан до основания старым заплывшим шурфом. Обкладка основания отсутствует. В перекопе на разных уровнях встречены кости полностью разрушенного женского погребения. Здесь же найдены 3 мелкие бронзовые спиральки и фрагмент изогнутого железного стержня.

Курган 47 (диаметр 8 м, высота 1 м). Насыпь из мешаного суглинка с уплощенной вершиной сооружена на скате гряды, имеющей понижение к западу (табл. X Б). Непосредственно под дерном выявлено покрытие из мелких камней, занимающее западную часть основания кургана на протяжении 8,5 м и повторяющее по своим очертаниям контуры его подошвы. Оно образует сплошную вымостку шириной до 2,5 м в юго-западном секторе и представлено разреженными скоплениями камней на прилегающих участках. К северу от основного каменного покрытия локализовано зольно-углистое пятно размерами $3,7 \times 2,0$ м. Среди камней и на кострище встречены кости животных и мелкие обломки гончарной керамики.

На глубине 0,55 м от вершины, в 1 м от центра выявлено позднее впускное погребение 1 — костяк ребенка, похороненного в вытянутом положении и обращенного головой к западу. Кисти рук сложены на лобке, под захоронением и вокруг него отмечено истлевшее дерево и железные гвозди от гроба. Под правым плечом обнаружена медная разрушенная монета, лежавшая в остатках кожаного кошелька. На груди находилась миниатюрная круглая костяная пуговица с двумя отверстиями.

В центре площадки на уровне погребенной почвы выявлены два основных захоронения, расположенные параллельно друг другу на расстоянии 0,5 м и имеющие западную ориентировку (азимут 290°). Погребение 2 (северное) — костяк мужчины, верхняя часть которого разрушена перекопом. У правого бедра найден нож группы 2. Погребение 3 — костяк женщины, похороненной в вытянутом положении. Череп склонен к правому плечу; руки согнуты, левая — на груди, правая — на поясе. Возле черепа и у правой лопатки собрана россыпь бус от ожерелья: 6 коричневых крученых глухого стекла (типа рис. 8: 35, 36); 1 синяя зонная прозрачного стекла (типа рис. 8: 7); 1 синяя кольцевидная прозрачного стекла (типа рис. 8: 8), 3 хрустальные четырнадцатигранные (типа рис. 8: 43); 1 свернутая из

тонкой серебряной пластинки (типа рис. 8: 58). Слева на груди располагалась бронзовая подковообразная фибула с головками в виде узких загнутых вверх пластинок и остатками железной иглы. Под ребрами найден фрагмент грубо исполненного проволочного височного кольца из бронзы (типа табл. XXVIII, 13). На пальце левой руки — бронзовый пластинчатый перстень с заходящими концами (табл. XXXIX, 17), на кистях рук — 2 витых петлеконечных браслета из свернутой втрое бронзовой проволоки (табл. XXXVI, 2).

Курган 48 (диаметр 10 м, высота 1 м). Сооружен из однородного мешаного суглинка, в центре имеется старый заплывший шурф. Обкладка основания отсутствует.

В юго-восточном секторе под дерном обнаружен выброс костей разрушенного перекопом мужского захоронения, совершенного в основании насыпи (*погребение 1*). Кости располагались у края ямы, содержащей впускное захоронение XIX—начала XX в. В юго-восточном секторе на глубине 0,2 м от вершины расчищено женское *погребение 2*, также частично разрушенное перекопом и обращенное головой к северо-востоку (азимут 55°). Под нижними конечностями и тазовыми костями — потревоженной частью захоронения — отмечены включения углей и золы. У шейных позвонков и справа на груди найдена россыпь бус от ожерелья: 6 зонных и уплощенно-шаровидных синего, желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 6, 7); 2 шаровидные гладкие глазчатые (синий фон, красные «глазки», белые ободки — типа рис. 8: 16); 1 рыбовидная желтого глухого стекла с коричневым зигзагообразным узором (типа рис. 8: 25); 10 бронзовых с рельефными кружками (типа рис. 8: 49). У правой руки встречен бронзовый поперечнощитковый перстень «петербургского» типа (табл. XXXIX, 20), на кистях рук — два бронзовых пластинчатых браслета (табл. XXXV, 9; XXXVI, 5).

В основании насыпи, на уровне уничтоженного впускной могильной ямой погребения 1, зафиксировано зольно-углистое пятно кострища овальной формы (размеры 3,0×3,5 м, мощность до 3 см), занимающее центральную часть курганной площадки.

Курган 49 (диаметр 7,0—7,5 м, высота 1,1 м). Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка, в ее центре прослеживался старый заплывший шурф. По основанию имеется сплошная кольцевая обкладка из наружных крупных валунов и мелких камней внутреннего ряда. В центре площадки на уровне горизонта выявлено женское захоронение с восточной ориентировкой (азимут 90°), верхняя часть которого разрушена перекопом. Среди перемешанных костей найдены 3 половинки литых серебряных бус (типа рис. 8: 62) и 1 шаровидная хрустальная бусина (типа рис. 8: 40). У левого бедра встречен обломок ножа (предположительно группы 2), у левого колена был положен серп. Между бедренными костями расчищена линия из полураспавшихся рифленых трубочек-пронизок, изготовленных из оловянистого сплава; еще несколько аналогичных трубочек отмечено у правого бедра (рис. 8:2). Из перекопа происходит также пластинчатая головка со скошенными углами от бронзовой подковообразной фибулы.

Курган 50 (диаметр 8 м, высота 0,9 м). Насыпь сооружена из мешаного суглинка, в центре прослеживалась западина от заплывшего шурфа. Основание окружено кольцевой обкладкой из одного ряда валунов, разомкнутой в северо- и юго-восточном секторах.

На горизонте зафиксировано прокаленное пятно округлой формы размерами 4,5×5,0 м, состоящее из тонких прослоек «известняковой» белой массы в чередовании с линзами золы и угля. В центре курганной площадки толщина прокала достигала 8 см, постепенно выклиниваясь к его окраине. Аналогичная «известняковая» масса толщиной до 10 см образовывала своего рода свод над кострищем в основании. Судить полностью о характере этого внутрикурганного элемента, однако, не представляется возможным из-за позднейшего разрушения центральной части погребального сооружения.

На уровне кострища в 0,8—1,0 м к востоку от центра площадки зафиксированы остатки трупосожжения, совершенного на стороне. Кальцинированные кости с углями и золой локализованы на участке 1,2×0,5 м, имея широтную направленность. Среди остатков кремации найдены не имеющие заметных следов пребывания в огне бронзовый узкомассивный браслет (табл. XXXV, 1), железная бочонковидная весовая гирька (табл. XLI, 14), фрагмент бронзовой цепочки из двойных кольчатых звеньев и обломок железной костыльковой цепочки. Наряду с ними встречены куски оплавленного цветного стекла (спекшиеся бусы) и обгоревший крупный бронзовый бубенчик грушевидной формы с линейной прорезью (табл. XLI, 8). В 0,3 м к западу от скопления кальцинированных костей обнаружен еще один бубенчик значительно меньших размеров, грушевидной формы с крестовидной прорезью (табл. XLI, 9), не испытавший на себе действие погребального костра и положенный на подстилку из коры.

Курган 51 (диаметр 7,5 м, высота 1 м). Сооружен из мешаного суглинка с включениями обломков мергеля. На вершине прослеживалась западина от окопа военного времени. В неразрушенной перекопом западной части насыпи непосредственно под дерном выявлено поверхностное покрытие из валунов и плитняка, не образующее выраженного конструктивного единства. Курган окружен сплошным кольцом из валунов и обломков мергеля, уложенных в несколько ярусов по скату подошвы на высоту до 0,4—0,5 м. С внутренней стороны обкладки в юго-западном секторе найдены мелкие обрезки трубчатых костей животных.

Погребение, совершенное на уровне древнего горизонта, почти целиком уничтожено перекопом. Сохранились лишь голени ног, выявленные в центре курганной площадки. Судя по их направлению, захоронение имело северо-восточную ориентировку (азимут 50°). Вещевой материал отсутствует.

✓ **Курган 52** (диаметр 7 м, высота 0,3 м). Насыпь из мешаного однородного суглинка возведена на останце, склоны которого были использованы для оформления нижней части земляного сооружения. Кольцевая обкладка из нескольких ярусов валунов уложена по склону останца от его основания, достигая высоты 0,3—0,4 м. Часть камней зафиксирована под дерном, где она образует несплошную вымостку над захоронением (табл. VII A; XI A).

В центре площадки на уровне погребенной почвы расчищено мужское (?) погребение с западной ориентировкой (азимут 254°). Череп повернут вправо, грудная клетка разрушена, перемешанные кости образуют скопление в районе тазовых костей и нижних конечностей. Погребение было совершено в сидячем положении. На груди встречена бронзовая миниатюрная подковообразная фибула (табл. XXXIII, 11), у голени левой ноги был положен нож группы 2.

Курган 53 (диаметр с севера на юг 7,5 м, с запада на восток 6,5 м, высота 0,9 м). Насыпь из однородного мешаного суглинка занимает вершину небольшого искусственного всхолмления. Окружена кольцевой обкладкой из нескольких рядов валунов, уложенных по склону останца и основанию кургана на высоту до 0,4 м. Имеет уплощенную вершину, обусловленную использованием насыпи для впускного погребения 2. Детское захоронение, совершенное в вытянутом положении, выявлено на глубине 0,6 м от вершины. Ориентировка западная (азимут 270°); череп повернут влево, руки согнуты к лобку. На шейных позвонках — бронзовая подковообразная фибула (табл. XXX, 6).

Погребение 1 почти полностью разрушено. В насыпи на разном уровне встречены разрозненные кости скелета, в том числе фрагменты черепа. В северо-восточном секторе на погребенной почве прослежены сохранившиеся в анатомическом порядке плюсны ног взрослого захоронения; их положение предполагает западную направленность умершего.

Курган 54 (диаметр с севера на юг 6 м, с запада на восток 5 м, высота 1 м). Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка, по основанию отмечена лишь отдельными мелкими камнями. В центре площадки на уровне погребенной почвы выявлено женское погребение в вытянутом положении, обращенное головой к северо-востоку (азимут 50°). В ногах положен серп.

Курган 55 (диаметр 6 м, высота 0,7 м). Насыпь сооружена из однородного мешаного суглинка. Обкладка отсутствует. В центре курганной площадки на уровне погребенной почвы — женское захоронение с северо-восточной ориентировкой (азимут 60°). В анатомическом порядке сохранились нижние конечности, верхняя часть костяка разрушена и сдвинута к тазу, череп перевернут. Отсутствие следов перекопа и наличие цепочки валунов рядом с умершей предполагает ее погребение в сидячем положении. В области грудной клетки найдена бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXIII, 9), у черепа — бронзовая бусина с рельефными кружками (типа рис. 8: 49), справа у пояса — бронзовая оковка кожаных ножен (табл. XLIII, 4). У ног был положен серп (табл. XXV, 10).

II. Могильник у дер. Лашковицы (группа I)

Памятник расположен в 0,1 км к северу от деревни, прилегая с востока к шоссейной дороге Копорье — Таллиннское шоссе. Занимает ровный участок, частично поросший смешанным лесом и кустарником. Состоит из 68 насыпей и расположенных на периферии кладбища жальничных могил. Часть погребальных сооружений уничтожена песчаным карьером, 4 кургана раскопаны кладоискателями (табл. III).

Могильник открыт Ижорской экспедицией в 1977 г. В 1977—1979 гг. на нем было исследовано 43 насыпи и 14 жальничных могил, содержащих 66 погребений по обряду трупоположения и 2 захоронения по обряду кремации.⁶

⁶ Данные об исследованиях могильника представлены в полевых отчетах (АИА, Р-1, д. 1977/6630, 6630а; 1978/7285, 7285а; 1979/7668, 7668а и ряде публикаций [Рябинин 1978: 32—33; 1983в: 32—39; Рябина 1979: 34].

Курган-жальник 1 (диаметр с севера на юг 3 м, с запада на восток 3,8 м, высота 0,4 м). Насыпь сооружена из мешаного суглинка, насыщенного мелким мергелем. По основанию установлены четыре крупных валуна, три из которых расположены по широтной центральной оси. Контуры могильной ямы не прослежены. На глубине 0,9 м от вершины (0,5 м от древней поверхности) — костяк мужчины, погребенного в вытянутом положении. Ориентировка западная с отклонением к югу (азимут 250°). Череп повернут вправо, руки сложены на груди. Инвентарь отсутствует.

Курган-жальник 2 (диаметр с севера на юг 2,3 м, с запада на восток 2,7 м, высота 0,7 м). С запада отмечен двумя большими валунами, с востока — одним крупным камнем. У основания обкладки с запада встречены фрагменты гончарного сосуда (табл. XXVI, 14). Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка с включениями супеси.

В могильной яме четырехугольной формы (2,1×0,9×0,35 м),⁷ расположенной по центральной широтной оси, выявлен костяк мужчины (по антропологическому определению 25—30 лет), погребенного в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 280°), череп повернут вправо; руки согнуты, кисть левой — к подбородку, кисть правой — на груди. С правой стороны груди располагалась бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXII, 3).

Курган-жальник 3 (диаметр с севера на юг 3,4 м, с запада на восток 3,8 м, высота 0,6 м). По основанию — кольцевая обкладка из одного ряда крупных валунов, разомкнутая в юго-западном секторе. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка. У обкладки с западной стороны собрано 15 мелких обломков гончарной керамики.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма (1,9×0,8×0,6 м), содержащая костяк взрослой женщины. Погребение с западной ориентировкой (азимут 285°) совершено в вытянутом положении. Череп обращен лицевой частью вверх; правая рука согнута к лобку, левая — сложена на поясе. У правого виска найдена бронзовая серьга в виде вопросительного знака с напускной бронзовой бусиной (табл. XXIX, 9), у левого виска — маленькое колечко из витой серебряной проволоки. У шейных позвонков собрана россыпь бус от ожерелья: 1 сердоликовая восьмигранная (типа рис. 8: 48); 1 хрустальная четырнадцатигранная (типа рис. 8: 43); 1 цилиндрическая кашинная (типа рис. 8: 38); 3 зонных желтых прозрачного стекла (типа рис. 8: 7). В верхней части груди слева — бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXIII, 1), на запястье правой руки — бронзовый пластинчатый браслет (табл. XXXVII, 6).

Курган-жальник 4 (диаметр с севера на юг 2,4 м, с запада на восток 2,9 м, высота 0,6 м). По основанию — кольцевая обкладка из крупных валунов. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка с включениями супеси.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма (2,0×0,8×0,5 м), содержащая костяк женщины (по антропологическому определению 50—55 лет),

⁷ Здесь и далее приводятся данные о длине, ширине и глубине могильных ям от уровня древней поверхности.

погребенной в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 270°); череп повернут вправо, руки сложены на поясе. У левой ключицы найдена бронзовая кольцевидная фибула (табл. XXXIV, 10). Под черепом обнаружено бронзовое многобусинное височное кольцо, второе аналогичное кольцо найдено у локтя правой руки (табл. XXIX, 3, 4). У шейных позвонков расчищена россыпь бус от шейного ожерелья: 1 зонная желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 6); 9 зонных черного глухого стекла с линейно-волнистой инкрустацией (типа рис. 8: 29); 1 зонная черная глухого стекла с разноцветными вставками (типа рис. 8: 19); 4 зонные полихромные глухого стекла; 9 хрустальных четырнадцатигранных (типа рис. 8: 43); 2 свернутые из тонкой бронзовой пластинки (типа рис. 8: 57). На кисти правой руки был надет витой петле-конечный браслет из свитой вчетверо (2×2) бронзовой проволоки (табл. XXXV, 6), на левой — пластинчатый браслет (табл. XXXVII, 8). На фаланге пальца левой руки встречен бронзовый поперечнощитковый перстень (табл. XXXIX, 25).

Курган-жальник 5 (диаметр с севера на юг 3 м, с запада на восток 2,8 м, высота 0,5 м). По основанию установлены четыре крупных валуна. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма ($1,9 \times 0,9 \times 0,5$ м), содержащая костяк женщины (по антропологическому определению 20—25 лет). Погребение с западной ориентировкой (азимут 260°) совершено в вытянутом положении. Череп обращен вправо, руки сложены на поясе. У висков располагались 2 бронзовых многобусинных кольца, одно из которых посредством кожаного шнура крепилось к перстнеобразному проволочному колечку с заходящими концами (табл. XXVIII, 6, 7). С правой стороны груди расчищена россыпь бус от ожерелья: 3 черные зонные с линейно-волнистой инкрустацией (типа рис. 8: 29); 6 зонных глухого коричневого и зеленого стекла (типа рис. 8: 33, 34); 2 цилиндрические кашинные с продольными каннелюрами (типа рис. 8: 38); 2 хрустальные четырнадцатигранные (типа рис. 8: 43). На шейных позвонках располагалась бронзовая кольцевидная фибула (табл. XXXIV, 5), на руках — два бронзовых пластинчатых браслета (табл. XXXVII, 5).

Курган-жальник 6 (диаметр 2,2 м, высота 0,4 м). С западной и восточной сторон установлены крупные валуны, отдельные камни отмечены у южной оконечности насыпи. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма ($1,8 \times 1,0 \times 0,4$ м). В ней плохо сохранившийся костяк молодой женщины (антропологическое определение). Погребение с западной ориентировкой (азимут 250°) совершено в вытянутом положении. Слева у черепа найдено многобусинное бронзовое кольцо (табл. XXIX, 7), у левой ключицы — бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXIII, 2), на правой руке — бронзовый пластинчатый браслет (табл. XXXVII, 2).

Курган-жальник 7 (диаметр с севера на юг 2,4 м, с запада на восток 2,6 м, высота 0,3 м). По основанию окружен кольцевой обкладкой из крупных валунов, разомкнутой в южной части. У западной стороны ограды найдены мелкие фрагменты гончарной керамики. В западном секторе на уровне основания обкладки зафиксировано скопление мелких камней, частично перекрывающее могильную яму. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма (1,9×0,9×0,5 м). В ней плохо сохранившийся костяк женщины в вытянутом положении с западной направленностью (азимут 250°). Слева у черепа найдены 2 бронзовых многобусинных кольца (табл. XXIX, 5, 8), на груди — бусы: 2 бронзовые бочонковидные (типа рис. 8: 56); 1 темная глухого стекла (типа рис. 8: 33); 1 зонная глухого стекла с кососрезанными краями (типа рис. 8: 34). В нижней части грудной клетки располагалась бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXIII, 12), на кисти правой руки встречен бронзовый пластинчатый браслет (табл. XXXVII, 1).

Курган-жальник 8 (диаметр 3 м, высота 0,5 м). Камни, залегающие выше древней дневной поверхности, не образуют замкнутой системы и локализованы в насыпи. Под дерном в центре найдены обломки стенок гончарного сосуда. Насыпь и заполнение ямы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма (1,6×0,7×0,35 м). В ней костяк девочки, погребенной в вытянутом положении. Ориентировка западная с отклонением к югу (азимут 245°). Череп повернут влево и склонен к груди, сохранившаяся в анатомическом порядке правая рука вытянута вдоль тела. У шейных позвонков обнаружена бусина темного глухого стекла с прямосрезанными краями (типа рис. 8: 34).

Курган-жальник 9 (диаметр с севера на юг 3,8 м, с запада на восток 4,4 м, высота 0,45 м). В центре — заплывший шурф глубиной 0,7 м. Обкладка состоит из пяти крупных валунов, расположенных у западной и восточной оконечностей насыпи. Последняя, как и заполнение могильной ямы, состоит из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная яма (1,8×0,8×0,4 м). В ней костяк мужчины (по антропологическому определению 30—40 лет), погребенного в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 267°). Череп повернут вправо; руки согнуты, кисть правой — к подбородку, кисть левой — на поясе. У черепа и вдоль правой ноги прослежена узкая полоска истлевшей древесины. Инвентарь отсутствует.

Курган-жальник 10 (диаметр с севера на юг 2,7 м, с запада на восток 2,9 м, высота 0,5 м). Обкладка состоит из крупного валуна с западной стороны и скопления мелких камней, перекрытых насыпью. Насыпь и заполнение ямы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма (1,9×0,8×0,35 м). В ней костяк женщины (по антропологическому определению 20—25 лет), погребенной в вытянутом положении. Ориентировка западная с отклонением к северу (азимут 290°). Череп повернут вправо; руки согнуты, кисть левой — к подбородку, кисть правой — в нижней части груди. У висков располагались 2 бронзовых многобусинных кольца (табл. XXVIII, 8; XXIX, 1), на руках — 2 бронзовых пластинчатых браслета (табл. XXXVII, 7 и типа табл. XXXVIII, 9), на груди — бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXIII, 4). У шейных позвонков, рядом с черепом и под черепом обнаружено не менее 13 частично распавшихся бус черного глухого стекла зонной формы и крученых (типа рис. 8: 33, 35).

Курган-жальник 11 (диаметр с севера на юг 3 м, с запада на восток 2,5 м, высота 0,5 м). Восточная часть насыпи срезана полевой дорогой. Обкладка обра-

зована тремя крупными валунами, расположенными в юго-западном секторе всхолмления. Здесь же под дерном найден венчик гончарного сосуда (табл. XXVI, 18). Насыпь сооружена из темно-желтой супеси, заполнение ямы состоит из суглинка, почти не отличающегося от материкового грунта.

По центральной широтной оси с небольшим смещением — четырехугольная яма (2,1×0,7×0,6 м). В ней костяк женщины (по антропологическому определению 40—45 лет), погребенной в вытянутом положении. Ориентировка западная с отклонением к югу (азимут 255°). Череп повернут вправо, руки сложены в нижней части груди. У висков располагались 2 бронзовых многобусинных кольца (табл. XXVIII, 9, 10), у шейных позвонков под нижней челюстью — бронзовая кольцевидная фибула (табл. XXXIV, 9), на кисти правой руки надет бронзовый пластинчатый (табл. XXXVII, 4), на кисти левой руки — витой трехпроволочный петлеконечный браслет (типа табл. XXXVI, 2). У сгиба левой руки с внутренней стороны расчищена линия из четырех лапчатых подвесок с решетчатым рельефным узором, изготовленных из свинцово-оловянистого сплава и, очевидно, украшавших рукав женской одежды (типа табл. XL1, 12).

Курган-жальник 12 (диаметр с севера на юг 3,7 м, с запада на восток 4 м, высота 0,7 м). По основанию обнесен сплошным кольцом из одного-двух рядов камней (табл. XIV А; XV А). В южной поле насыпи у основания обкладки найден фрагментированный гончарный горшок (табл. XXVI, 15). Насыпь и заполнение ямы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма (2,1×0,6×0,7 м). В ней костяк пожилой женщины (по антропологическому определению 60—65 лет), погребенной в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 268°). Череп обращен лицевой частью вверх; руки согнуты, кисть правой — в нижней части груди, кисть левой — к подбородку. С правой стороны черепа найден фрагмент бронзового многобусинного кольца, на шейных позвонках и у черепа собрана россыпь бус от ожерелья: 5 зонных желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 7); 2 мелкие зонные коричневого глухого стекла; 3 зонные глухого стекла с линейно-волнистой инкрустацией (черный фон и белые полосы, черный фон и красный декор — типа рис. 8: 29); 1 кашинная флаконовидная (типа рис. 8: 37); 7 хрустальных четырнадцатигранных (типа рис. 8: 43). У правой ключицы располагалась бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXIII, 5).

Курган-жальник 13 (диаметр с севера на юг 3,2 м, с запада на восток 2,8 м). По основанию имеется кольцевая обкладка из одного ряда камней, разомкнутая в юго-западной и северо-восточной части (табл. XIV Б; XV Б). С внутренней стороны крупного валуна в западном секторе под дерном обнаружена придонная часть гончарного сосуда. В южной и северной поле встречены мелкие обломки костей животных. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма (1,9×0,7×0,5 м). В ней костяк мужчины (антропологическое определение), погребенного в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 270°); череп повернут вправо, руки сложены на поясе. У правой ноги умершего прослежена узкая полоска истлевшей древесины.

Курган-жальник 14 (диаметр с севера на юг 4 м, с запада на восток 4,6 м, высота 0,65 м). По основанию окружен разомкнутой обкладкой из камней. Наиболее крупные валуны образуют цепочку в западном секторе. Здесь же с внутренней стороны камней под дерном найдена верхняя часть гончарного сосуда (табл. XXVI, 12). Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси с некоторым отклонением — четырехугольная могильная яма ($2,1 \times 0,7 \times 0,5$ м). В ней костяк женщины, погребенной в вытянутом положении. Ориентировка западная с отклонением к югу (азимут 250°). Череп повернут вправо; левая рука согнута к лобку, правая сложена в нижней части груди. У висков найдено по однотипному кольцу из серебряной проволоки; на одном нанизаны четыре серебряные полые бусины (табл. XXIX, 6), от второго сохранилась лишь проволочная основа. У черепа расчищена россыпь бус от ожерелья: 13 зонных черного глухого стекла с белым, красным и красно-синим декором (типа рис. 8: 29) и 10 хрустальных четырнадцатигранных (типа рис. 8: 43). На груди встречена бронзовая кольцевидная фибула (табл. XXXIV, 7), на кисти левой руки — бронзовый пластинчатый браслет (типа табл. XXXVIII, 9).

✓ **Курган 15** (диаметр с севера на юг 5 м, с запада на восток 4,2 м, высота 0,9 м). По основанию окружен кольцевой обкладкой, разомкнутой в восточном секторе. Камни установлены на насыпном грунте выше дневной поверхности. Самый крупный валун расположен в западной части обкладки. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — яма неправильных четырехугольных очертаний ($2,5 \times 0,9$ — $1,0 \times 0,45$ м). В ней костяк мужчины (антропологическое определение). Ориентировка западная (азимут 260°). Нижние конечности и тазовые кости расположены в анатомическом порядке, верхняя часть скелета разрушена, череп смещен к тазу. Погребение совершено в сидячем положении. Инвентарь отсутствует.

Курган-жальник 16 (диаметр с севера на юг 4 м, с запада на восток 3,6 м, высота 0,7 м). По основанию обнесен кольцевой обкладкой из одного ряда валунов, разомкнутой в южном секторе. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма ($2,1 \times 0,95 \times 0,5$ м). В ней костяк женщины, погребенной в вытянутом положении. Ориентировка западная с отклонением к югу (азимут 245°). Череп повернут вправо, руки согнуты к поясу, берцовые кости ног не сохранились. У черепа расчищена россыпь бус от ожерелья: 4 зонные коричневого, желтого и зеленого глухого стекла; 11 шаровидных и зонных глухого черного стекла с белой, желтой, желто-синей и зеленой линейно-волнистой инкрустацией (типа рис. 8: 29); 7 хрустальных четырнадцатигранных (типа рис. 8: 43); 3 свернутые из узкой бронзовой пластинки (типа рис. 8: 58). Справа в нижней части груди располагалась бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXIII, 6).

Курган-жальник 17 (диаметр 3,5 м, высота 0,65 м). По основанию окружен отдельными мелкими камнями, не образующими замкнутую систему. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная могила (1,8×0,7×0,25 м). В ней костяк девочки-подростка, погребенной в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 265°). Череп повернут влево, руки сложены на поясе. В верхней части груди у позвонков располагалась бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXIII, 3).

Курган-жальник 18 (диаметр с севера на юг 4 м, с запада на восток 3,7 м, высота 0,7 м). Обкладка по существу отсутствует. Насыпь и заполнение могильной ямы состоят из мешаного суглинка с включениями супеси. По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма (2,2×0,5×0,23 м). В ней костяк женщины, погребенной в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 260°). Череп обращен лицевой частью вверх, руки сложены на поясе. В изножье на дне могилы уложен валун. Справа у черепа найден фрагмент бронзового проволочного височного кольца или серьги. На груди расчищены четыре зонные бусины желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 6, 7). На кистях рук — по одному браслету (типа табл. XXXVIII, 7).

Курган-жальник 19 (диаметр 4 м, высота 0,7 м). По основанию обнесен несплошной кольцевой обкладкой из крупных валунов. В центре насыпи под дерном встречены обломки гончарного сосуда (табл. XXVI, 21) и зуб животного. Еще один фрагмент керамики найден на уровне древней дневной поверхности рядом с могильной ямой. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма (2,1×0,8×0,6 м). В ней костяк мужчины (антропологическое определение), погребенного в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 260°). Череп повернут влево, руки сложены в верхней части груди. Слева от головы на дне ямы зафиксирована линия из трех уложенных вплотную друг к другу обломков известняковой плиты. У нижней челюсти справа найдена зонная бусина желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 6).

Курган-жальник 20 (диаметр 4 м, высота 0,85 м). По основанию обнесен кольцевой обкладкой из одного-двух рядов валунов, разомкнутой в юго-восточном секторе. Насыпь и заполнение могильной ямы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма (2,2×0,6—0,8×0,4 м). В ней плохо сохранившийся костяк женщины, погребенной в вытянутом положении. Ориентировка западная с отклонением к югу (азимут 255°). У шейных позвонков расчищена россыпь бус от ожерелья: 3 зонные черного глухого стекла с желтой, зеленой и красной линейно-волнистой инкрустацией (типа рис. 8: 29); 4 хрустальные четырнадцатигранные (типа рис. 8: 43, 45); 2 бронзовые цилиндрические (типа рис. 8: 54, 57). Здесь же встречен обломок бронзовой кольцевидной фибулы (типа табл. XXXIV, 4).

Курган-жальник 21. Представляет слабо выраженное всхолмление неясных очертаний диаметром около 2 м и высотой 0,3 м. По основанию обнесен замкнутой кольцевой обкладкой из валунов. В западном секторе оградки с наружной стороны найден зуб животного, внутри каменного кольца под дерном — обломок гончарного сосуда. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка с примесью супеси.

По центральной широтной оси — могила неправильных четырехугольных очертаний (1,3×0,5×0,35 м). В ней плохо сохранившийся костяк ребенка, погребенного в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 275°). Без вещей.

Курган-жальник 22. Представляет незначительное всхолмление овальной формы, контуры которого определяются по выступающим на поверхности обкладочным камням. Его диаметр с севера на юг 2 м, с запада на восток 3 м, высота 0,5 м. В западной части установлен крупный валун, с востока всхолмление ограничено линией из нескольких камней. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма (2,0×0,6×0,5 м). В ней костяк мужчины (антропологическое определение), погребенного в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 270°). Череп повернут вправо и прижат к плечу; правая рука согнута к лобку, левая сложена в нижней части груди. Инвентарь отсутствует.

Курган 23 (диаметр 8 м, высота 1,15 м). По основанию обнесен замкнутой кольцевой оградкой из одного-двух рядов валунов. Насыпь сооружена в два приема. Ее верхняя часть, состоящая из мешаного суглинка, перекрывает внутреннюю насыпь из обломков мергеля с примесью суглинка диаметром 2,4 м и высотой 0,6 м, возведенную на погребенной почве.

Суглинок с мергелем заполняет могильную яму, расположенную по продольной оси запад — восток. Яма четырехугольной формы (2,5×0,8×0,4 м) имеет расширение у западного края в виде выступа общей длиной 1,0 м. К западу от могилы выявлено круглое углубление диаметром 0,6 м и глубиной 0,2 м, заполненное мешаным суглинком.

В могиле костяк мужчины (антропологическое определение), обращенного головой к западу (азимут 270°). Нижние конечности и тазовые кости расположены в анатомическом порядке, верхняя часть скелета разрушена и сдвинута к северной стенке ямы. Лежащий поверх скопления костей череп перевернут. Погребение совершено в сидячем положении (табл. XIX Б). Инвентарь отсутствует.

Курган 24 (диаметр 6 м, высота 1 м). По основанию имеет незамкнутую кольцевую обкладку из одного-двух рядов валунов. Насыпь и заполнение ямы состоят из мешаного суглинка. Внутри обкладки с глубины 0,7—0,8 м от вершины и до уровня погребенной почвы прослежена кольцевая канавка шириной 0,4—0,5 м, выделяющаяся по темному заполнению, насыщенному золой и мелкими угольками. Она окружает центральную часть площадки размерами 3,4×3,6 м.

По центральной широтной оси — могильная яма неправильной четырехугольной формы с Т-образным расширением восточного края. Ее длина 2,6 м, ширина в средней части 1,2 м, в районе выступа — 1,8 м. Прослеженная на глубину 0,15—0,20 м могила заполнена мешаным суглинком с включениями золы и угля. В ней костяк мужчины (антропологическое определение), обращенного головой к западу (азимут 270°). Нижние конечности, тазовые кости и нижние позвонки расположены в анатомическом порядке, верхняя часть скелета разрушена и смещена вправо; череп перевернут. Погребение совершено в сидячем положении. С наружной стороны ног прослежены узкие полоски истлевшей древесины. Без вещей.

Жальничная могила 25. Насыпь отсутствует, местоположение могилы определяется по выступающим обкладочным камням. Незамкнутая вытянутая оградка сложена из крупных валунов. На уровне их основания внутри обкладки встречены мелкие обломки гончарной керамики. Четырехугольная могильная яма ($2,0 \times 0,7 \times 0,5$ м), ориентированная с юго-запада на северо-восток, заполнена мешаным суглинком и мергелем. В ней костяк мужчины (антропологическое определение), погребенного в вытянутом положении. Ориентировка юго-западная (азимут 230°). Череп повернут вправо, руки сложены на поясе. Инвентарь отсутствует.

Жальничный комплекс 26. До раскопок выделялся по отдельным камням, отмечающим внешние контуры системы жальничных погребений. Исследован на площади 56 кв. м (табл. XVIII А-Б). Большинство могил четырехугольной или подчетырехугольной формы обозначено обкладками из валунов, не образующих, как правило, замкнутых оградок. Выявлены детские погребения, лишенные поверхностных признаков, в одном случае наблюдалось сочетание оградки с вымосткой из мелких камней. Могилы расположены в рядном порядке, заполнены рыхлым суглинком; их контуры определялись лишь по нижней части ям, врезанных в материковую породу из плотного суглинка. При определении глубин могил учитывались нивелировочные отметки основания обкладочных камней, трассирующие уровень древней дневной поверхности. Данные о половозрастной принадлежности умерших базируются на антропологических определениях.

Могила 1 ($2,0 \times 0,65 \times 1,1$ м). В ней костяк мужчины, погребенного в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 255°). Череп повернут вправо, руки сложены на поясе. Без вещей.

Могила 2 ($2,0 \times 0,65 \times 1,1$ м). В ней костяк женщины, погребенной в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 260°). Череп повернут вправо; правая рука сложена в нижней части груди, левая согнута к подбородку. У висков — по однотипной бронзовой серьге в виде вопросительного знака (табл. XXIX, 10), на правой руке — бронзовый узкопластинчатый перстень (табл. XXXIX, 27). Слева у тазовых костей зафиксированы мелкие и хрупкие кости истлевшего погребения младенца.

Могила 3 ($2,0 \times 0,75 \times 0,7$ м). В ней костяк мужчины, погребенного в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 265°). Череп обращен лицевой частью вверх, руки сложены в нижней части груди. Инвентарь отсутствует.

Могила 4 ($1,95 \times 0,65 \times 0,75$ м). В ней костяк женщины, погребенной в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 265°). Череп повернут вправо, руки сложены в нижней части груди. Справа у ног расчищен истлевший череп младенца. На кисти правой руки умершей — бронзовый витой (2×2) петлеконечный браслет (табл. XXXV, 7), на пальце левой руки — бронзовый ленточный перстень со съёмным щитком (табл. XXXIX, 28).

Могила 5 ($2,0 \times 0,7 \times 0,7$ м). В ней костяк мужчины, погребенного в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 260°). Череп повернут вправо; руки согнуты, кисть левой на поясе, кисть правой на груди. Без вещей.

Могила 6 ($1,75 \times 0,55 \times 0,90$ м). В ней костяк женщины, погребенной в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 260°). Череп повернут влево, кисти рук скрещены на лобке. На правой руке — бронзовый витой (2×2) петлеконечный браслет (типа табл. XXXV, 7).

Могила 7 (1,85×0,45×1,10 м). В ней костяк мужчины, погребенного в вытянутом положении головой на запад (азимут 255°). Череп повернут вправо, кисти рук согнуты к лобку. Инвентарь отсутствует.

Могила 8 (0,95×0,75×0,70 м). В ней два костяка детей, погребенных в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 257°). *Погребение 1* в северной части ямы расположено на 0,1 м выше второго захоронения; череп повернут вправо, руки вытянуты вдоль тела. У правой ноги с наружной стороны прослежена узкая полоска разложившейся древесины. *Погребение 2* обращено лицевой частью вверх; руки согнуты к верхней части груди. Без вещей.

Могила 9 (2,0×0,65 м) частично перекрыта вымосткой из плитняка и мелких камней, расположенной в 0,45 м от современной поверхности и трассирующей уровень, с которого была впущена яма глубиной 0,75 м. В ней костяк женщины, погребенной в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 263°). Череп склонен к правому плечу, руки сложены на груди. У правой ноги расчищены мелкие и хрупкие кости захоронения младенца. У правого виска умершей — бронзовая проволочная серьга в виде вопросительного знака (табл. XXIX, 11), на правой ключице — кольцевидная фибула из перевитой бронзовой проволоки (табл. XXXIV, 6).

Могила 10 (0,60×0,35×0,70 м). В ней плохо сохранившийся костяк ребенка с западной ориентировкой. Без вещей.

Погребения 11 и 12. Обнаружены на глубине 0,5 м от древней поверхности. Контуры могил не прослеживаются. Оба костяка принадлежат детям, погребенным в вытянутом положении. Ориентировка западная с отклонением к югу (азимут 246—249°). *Погребение 11* обращено лицом вверх; руки согнуты, кисть правой — в нижней части груди, кисть левой — в верхней части груди. *Погребение 12* расположено в 0,12 м к югу; голова прижата к левому плечу, руки согнуты к лобку. Инвентарь отсутствует.

У крупного валуна, установленного в изголовье могил 6 и 7, под дерном встречены обломки гончарного сосуда (табл. XXVI, 20).

✓ **Курган 27** со свежим шурфом на вершине (диаметр 6 м, первоначальная высота около 1 м). По основанию окружен несплошной кольцевой обкладкой из валунов, сооружен из мешаного суглинка. Выделяется его внутреннее ядро, ограниченное с севера и юга валообразными насыпями из суглинка, насыщенного плитняковой крошкой и, вследствие этого, приобретшего более светлую — сероватую — окраску; на их поверхности отмечены отдельные небольшие валуны (табл. XI Б). Валообразные насыпи, возведенные на погребенной почве, имеют длину 2,6—2,8 м, ширину 1,2 м и высоту 0,4—0,5 м. Между ними с уровня древнего горизонта впущена яма неправильной подчетырехугольной формы с расширением в западной части; ее длина 2,3 м, ширина 0,9 м (у западного края 1,4 м), глубина 0,45 м. Яма заполнена темным рыхлым грунтом, соответствующим по цвету и структуре погребенной почве. В ее западном расширении прослежена насыпная «подушка» из мешаного плотного суглинка размерами 1,4×0,6 м и высотой 0,25 м. У противоположного края имелось Т-образное расширение в виде канавки, углубленной относительно дна могилы на 0,04—0,05 м и заполненной золой и углями.

В могиле — женское захоронение, обращенное головой к западу (азимут 283°). Нижние конечности расположены в анатомическом порядке, ступни опущены в Т-образную канавку. Верхняя часть скелета разрушена и образует скопление костей в заполнении ямы на 0,15 м выше ее дна, череп несколько сдвинут в

область груди. Вдоль ног и у ступней прослежены узкие полосы разложившейся древесины. Погребение совершено в сидячем положении с опорой на земляную подсыпку у западной части могилы.

Сложную конфигурацию имеет и примыкающая к яме курганная площадка. С северо-востока, востока и юга она образует ступенчатое понижение глубиной до 0,3 м. На этом уровне с южной стороны выявлена канавка длиной 1,3 м, шириной (в среднем) 0,3 м и глубиной 0,07—0,10 м, заполненная золой и углями и расположенная перпендикулярно к могиле, достигая ее края. Еще одно небольшое канавообразное углубление с аналогичным заполнением примыкает к северо-восточной оконечности ямы.

Вещевые находки представлены двумя четырнадцатигранными хрустальными бусинами (типа рис. 8: 43, 45) и одной кашинной бусиной (типа рис. 8: 37), обнаруженными у черепа и в скоплении костей грудной клетки. У пояса умершей встречена мелкая бронзовая спиралька с остатками шерстяного шнура, слева от черепа найдена птичья косточка.

Курган 28 (диаметр 6,8 м, высота 1,1 м). По основанию окружен кольцом из одного-двух рядов валунов, разомкнутым в северной и южной части. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка. В центре площадки — четырехугольная могильная яма (2,2×0,7×0,3 м), ориентированная в широтном направлении. В ней костяк мужчины (антропологическое определение) с западной ориентировкой (азимут 270°). Нижние конечности и правая половина грудной клетки расположены в анатомическом порядке; левая часть скелета перемешана и смещена к западному краю могилы, череп вместе со скоплением ребер, позвонков и костей рук зафиксирован выше дна ямы на 0,20—0,25 м. В ногах выявлена канавка шириной 0,22 м, углубленная в дно могилы на 0,06 м. Ступни умершего были опущены в это углубление, колени несколько приподняты и согнуты (табл. XX А). Погребение совершено в приподнятом — полусидячем — положении. Инвентарь отсутствует.

Курган-жальник 29 (диаметр с севера на юг 4 м, с запада на восток 3,6 м, высота 0,6 м). По основанию имеется несомкнутое кольцо из одного ряда крупных валунов. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма (2,0×0,55×0,55 м). В ней костяк мужчины (антропологическое определение), погребенного в вытянутом положении. Ориентировка юго-западная (азимут 250°). Череп повернут влево, руки сложены на поясе. В заполнении ямы слева от черепа встречены обломки двух гончарных сосудов (табл. XXVI, 13, 16).

Курган-жальник 30 (диаметр 3 м, высота 0,5 м). С юго-западной и северной стороны установлены крупные валуны. Насыпь и заполнение могильной ямы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма (2,0×0,7×0,55 м). В ней костяк женщины, погребенной в вытянутом положении. Ориентировка юго-западная (азимут 240°); череп повернут вправо, руки согнуты к лобку. В изголовье — низкая стенка из установленных на ребро обломков плиты; один камень располагался в изножье. Под верхней частью скелета от черепа до таза прослежена подстилка из коры, покрывающая разложившейся органической массой. У

юго-западного края могилы на древней поверхности отмечено небольшое овальное кострище размерами 0,25×0,40 м.

У черепа слева найдено бронзовое многобусинное кольцо, с той же стороны у стенки могилы — бронзовая подковообразная фибула (табл. XXX, 7). В верхней части груди зафиксирована россыпь бус от ожерелья: 2 зонные глухого черного стекла с линейно-волнистой — белой и синей — инкрустацией (типа рис. 8: 29); 7 зонных и грубых цилиндрических с прямосрезанными краями желтого и патинизированного глухого стекла (типа рис. 8: 34); 2 изготовленные из тонкой бронзовой пластинки со спайкой в месте соединения (типа рис. 8: 57). У правой лопатки — перстнеобразное колечко, свернутое из узкой пластинки, у левой ключицы — фигурная пластинка из оловянистого сплава с четырьмя круглыми отверстиями (табл. XLI, 11). На кистях рук — по бронзовому пластинчатому браслету, еще один пластинчатый браслет обнаружен под тазовыми костями (табл. XXXVIII, 6, 8, 9).

Курган 31 (диаметр с севера на юг 7 м, с запада на восток 6 м, высота 0,7 м). Регулярная каменная обкладка отсутствует, отмечены лишь три отдельных валуна в южной, юго-западной и северо-западной поле насыпи.

Насыпь имеет сложную стратиграфию (табл. XII А). Ее верхняя часть сооружена из мешаного суглинка, южная и восточная поля — из светло-серой супеси; основание кургана состоит из темно-серой супеси мощностью до 0,2—0,5 м, аналогичной погребенной почве.

По центральной широтной оси — четырехугольная яма (2,1×0,6 м), углубленная в материк на 0,5—0,10 м. Судя по стратиграфическим данным, она была впущена с поверхности кургана. В могиле костяк мужчины (антропологическое определение), погребенного в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 270°); череп повернут вправо, руки сложены на поясе. Без вещей.

✓
?
Курган 32 (диаметр с севера на юг 7 м, с запада на восток 6 м, высота 0,6 м). Обкладка основания отсутствует, насыпь сооружена из мешаного суглинка, по окраске которого выделяется более светлое основное «ядро» кургана и темно-коричневая центральная часть, имеющая вид заполнения ямы (табл. XII Б). По стратиграфическим наблюдениям это могила, впущенная с вершины насыпи, но не прорезающая дневную поверхность. Здесь на уровне погребенной почвы выявлены два погребения. Погребение 1 — костяк женщины, обращенной головой к западу (азимут 272°); нижние конечности и правая часть таза находятся в анатомическом порядке, верхняя часть разрушена. Захоронение предположительно совершено в сидячем положении. Рядом с умершей с южной стороны зафиксированы раздавленный череп и кость голени детского погребения 2, также имеющего западную ориентировку. Инвентарь отсутствует.

✓
Курган 33 (диаметр с севера на юг 8 м, с запада на восток 7 м, высота 0,6 м). Обкладка основания отсутствует, насыпь состоит из мешаного суглинка. В центре прослежены контуры ямы, впущенной с вершины до основания и выделяющейся по насыщенности ее обломками плитняка и более светлой окраской заполнения. По стратиграфическим наблюдениям, а также по сохранению у кургана правильной полусферической формы без следов западины последнюю следует расценивать как могилу, аналогичную могильным ямам в курганах 31 и 32.

По центральной широтной оси на погребенной почве — костяк мужчины (антропологическое определение), обращенного головой к западу (азимут 275°). Нижние конечности расположены в анатомическом порядке, верхняя часть скелета разрушена, череп опрокинут и сдвинут в область таза. Погребение совершено в сидячем положении. Среди перемешанных костей найден бронзовый витой браслет из трех проволок с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5), у правой голени встречен топор (табл. XXII, 8), у правого бедра — нож группы 2.

Курган-жальник 34 (диаметр с севера на юг 3,6 м, с запада на восток 4,2 м, высота 0,5 м). По основанию с западной стороны окружен полукольцом из крупных валунов, два камня установлены с восточного края. Насыпь и заполнение ямы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма ($1,9 \times 0,6 \times 0,5$ м). В ней костяк мужчины (антропологическое определение), погребенного в вытянутом положении, ориентировка западная (азимут 270°). Нижние конечности находятся в анатомическом порядке, верхняя часть разрушена и перемешана, опрокинутый череп сдвинут к тазу. Погребение совершено в сидячем положении. Кости покрыты интенсивным темным налетом от распавшейся органической массы. Без вещей.

Курган-жальник 35 (диаметр с севера на юг 3 м, с запада на восток 4 м, высота 0,6 м). Полукольцо из крупных валунов отмечено с западной стороны насыпи. Насыпь и заполнение могильной ямы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная яма ($2,0 \times 0,6 \times 0,5$ м). В ней костяк мужчины (антропологическое определение), погребенного в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 270°); череп обращен лицевой частью вверх, руки сложены в нижней части груди. У головы отмечено скопление из пяти небольших валунов, сам костяк покрыт интенсивным черным налетом от распавшейся органической массы. Без вещей.

Курган-жальник 36 (диаметр 3 м, высота 0,7 м). По основанию — кольцевая обкладка из крупных валунов, разомкнутая в южной части. Насыпь и заполнение могильной ямы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная яма ($2,1 \times 0,7 \times 0,5$ м). В ней костяк мужчины (антропологическое определение), погребенного в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 263°). Череп повернут вправо, руки сложены на лобке. Все кости покрыты интенсивным черным налетом от распавшейся органической массы. Без вещей.

Курган-жальник 37 (диаметр с севера на юг 3 м, с запада на восток 4 м, высота 0,55 м). По основанию с запада и востока — незамкнутая кольцевая обкладка из валунов. В юго-западном секторе обноски под дерном найдены обломки гончарного сосуда. Насыпь и заполнение могильной ямы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная яма ($2,1 \times 0,7 \times 0,8 \times 0,5$ м). В ней костяк мужчины (антропологическое определение), погребенного в вытянутом положении. Ориентировка западная (азимут 267°); череп повернут влево, руки сложены на поясе. Все кости покрыты интенсивным черным налетом от распавшейся органической массы. Без вещей.

Курган 38 (диаметр 8 м, высота 0,85 м; табл. VIII; IX А). По основанию окружен регулярной кольцевой обкладкой из трех-пяти рядов валунов. Насыпь имеет неоднородную структуру. Ее основу составляет сероватая мешаная супесь, однако по стратиграфии бровок выделяются также линзы коричневатого насыпного суглинка и менее отчетливо — включения светло-желтой материковой или слегка гумусированной светлой супеси.

Погребение 1 располагалось к северо-западу от центра курганный площадки на слое погребенной почвы. Это женское захоронение в вытянутом положении, обращенное головой к северо-западу (азимут 332°); череп повернут влево, руки согнуты к подбородку. Рядом с костяком, под захоронением и непосредственно над ним, расчищены остатки трупосожжения, совершенного на стороне. Масса кальцинированных костей с включениями мелких угольков образует спрессованное скопление толщиной до 0,05 м, расположенное с правой стороны трупоположения от локтя руки до коленей. Под черепом костяка найдено бронзовое ромбоштитковое кольцо с трапециевидными подвесками (табл. XXVII, 1). У нижней челюсти и на груди расчищена россыпь бус от ожерелья: 5 хрустальных шаровидных (типа рис. 8: 40); 2 сердоликовые призматические (типа рис. 8: 48); 1 шаровидная темно-желтая глухого стекла с разноцветной инкрустацией (типа рис. 8: 19); 1 шаровидная желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 5). Под черепом обнаружен бронзовый поперечноштитковый перстень (типа табл. XXXIX, 19). У правой ключицы встречена бронзовая подковообразная фибула (табл. XXX, 3), ниже ее на 3 см — петля из бронзовой проволоки, к которой на двух бронзовых костыльковых цепочках были прикреплены две костяные ножевидные подвески (табл. XLI, 16). Украшение первоначально соединялось с нагрудной застежкой и располагалось на правой стороне груди. На кистях рук были надеты трехпроволочный браслет с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5) и бронзовый широкопластинчатый браслет (табл. XXXVIII, 3). У правого бедра находился нож, у ступни левой ноги — шаровидный бронзовый бубенчик с линейной прорезью (типа табл. XLI, 10).

Погребение 2 располагалось на горизонте по центральной оси кургана в 1,5 м к юго-западу от захоронения 1. Костяк девочки, обращенной головой к западу, имеет неудовлетворительную сохранность. Трупоположение также сопровождалось остатками кремации, совершенной на стороне. Интенсивный слой кальцинированных костей с углями располагался справа от костяка, достигая мощности 0,05 м. В значительном количестве жженные кости встречены и над самим захоронением. У правого плеча погребенной обнаружена бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXI, 7), на кисти правой руки был надет бронзовый трехпроволочный витой браслет с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5), справа у пояса свисали три крупные бронзовые спирали, прикрепленные к железному кольцу (табл. XLII, 4). В районе перемешанных нижних конечностей найдены нож группы 2 и железное орудие с ножевидным острием (табл. XXIII, 6).

Курган 39 (диаметр с севера на юг 7 м, с запада на восток 8 м, высота 0,8 м). По основанию окружен замкнутой регулярной обкладкой из нескольких рядов валунов. Верхняя часть насыпи состоит из мешаного суглинка, нижняя — из темно-серой супеси мощностью 0,25—0,40 м, по цвету и структуре аналогичной погребенной почве.

В центре площадки на уровне погребенной почвы — женское захоронение с западной ориентировкой (азимут 285°). Нижние конечности находятся в ана-

томическом порядке, верхняя часть разрушена и некоторые перемешанные кости встречены на 0,10—0,15 м выше уровня захоронения. Погребение совершенно в сидячем (полусидячем) положении. У черепа и в области грудной клетки найдено 5 зонных бус желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 6). Среди перемешанных костей обнаружен серп (табл. XXV, 11).

Курган 40 (диаметр с севера на юг 8 м, с запада на восток 7 м, высота 0,9 м). По основанию окружен кольцевой оградкой из нескольких рядов мелких камней, с наружной стороны северного сектора дополнительно обложенных крупными валунами. Верхняя часть насыпи состоит из мешаного суглинка, нижняя — из темно-серой супеси мощностью до 0,3—0,5 м, по цвету и структуре не отличающейся от погребенной почвы.

В основании расчищены четыре погребения, имеющие западную направленность с отклонением к северу (азимут 295—300°).

Погребение 1 располагалось в 1 м от северного сектора обкладки. Это женское захоронение в вытянутом положении, частично разрушенное корнями деревьев. Череп повернут вправо, сохранившаяся в анатомическом порядке правая рука согнута к бедру. У правой ключицы располагалась небольшая бронзовая подковообразная фибула (табл. XXX, 1), вторая типологически сходная фибула более крупных размеров (табл. XXX, 5) встречена справа у пояса. На правой руке — витой трехпроволочный браслет с петлей на одном конце (табл. XXXVI, 1). У левого бедра был положен топор (табл. XXII, 1).

Погребение 2 располагалось в центре курганной площадки. Это захоронение взрослой женщины (антропологическое определение), разрушенное корнями деревьев. Среди перемешанных костей грудной клетки найдены 2 бронзовые бочонковидные бусины с рельефными кружками (типа рис. 8: 49) и фрагмент бронзового ромбоциткового кольца (с орнаментом типа табл. XXVII, 1—5). У голени правой ноги была положена коса-горбуша (табл. XXV, 4).

В 1,2 м к юго-юго-западу от захоронения 2 выявлены два близкорасположенных детских погребения. *Погребение 3* — костяк мальчика (?) в вытянутом положении. У правой ноги находилось железное орудие с ножевидным острием (табл. XXIII, 5). *Погребение 4* принадлежит девочке, захороненной в вытянутом положении. Череп повернут вправо; левая рука сложена на поясе, правая вытянута вдоль тела. На черепе — серебряный пластинчатый венчик. В верхней части груди располагалось богатое ожерелье из 40 бус: 8 бронзовых бочонковидных с рельефными кружками (типа рис. 8: 49); 5 зонных глухого коричневого стекла с углубленной желтой и зеленой инкрустацией (типа рис. 8: 17); 2 шаровидные синего прозрачного стекла (типа рис. 8: 31); 24 мелких кольцевидных желтого, зеленого и фиолетового прозрачного стекла (типа рис. 8: 8). В состав ожерелья также входили 55 мелких бронзовых спиралек, 6 бронзовых пластинчатых разделителей и 3 раковины каури. Кроме того, несколько спиралек найдено у грудных позвонков и под ребрами. Последние, по-видимому, были нанизаны на шерстяной шнур, к которому крепился встреченный в нижней части груди бронзовый вертикальный игольник (табл. XLII, 5). На кисти правой руки — три бронзовых витых трехпроволочных браслета с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5) и узкопластинчатый браслет (табл. XXXVI, 3), на кисти левой — два витых браслета (типа табл. XXXV, 5). У щиколотки правой ноги найден шаровидный бубенчик с линейной прорезью (типа табл. XLI, 10).

Вне погребений у юго-восточного сектора обкладки обнаружена литая колоколовидная подвеска из светлого сплава (табл. XLII, 2).

✓ **Курган 41** (диаметр с севера на юг 8 м, с запада на восток 8,5 м, высота 1,05 м). По основанию окружен кольцевой обкладкой из одного-двух рядов валунов. Верхняя часть насыпи сооружена из мешаного суглинка, нижняя — из темно-серой супеси мощностью 0,4—0,6 м, по цвету и структуре не отличающейся от погребенной почвы.

В центре площадки на уровне горизонта выявлены два погребения. *Погребение 1* — женское (антропологическое определение). Совершено в вытянутом положении, обращено головой к северо-западу (азимут 300°). Череп повернут влево; правая рука сложена на поясе, кисть левой согнута к подбородку; ноги раздвинуты в коленях. На кисти левой руки встречен бронзовый витой трехпроволочный браслет с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5), на фаланге пальца правой руки — бронзовый пластинчатый перстень (табл. XXXIX, 15). С правой стороны груди располагалась бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXI, 2), у левого колена был положен наконечник стрелы.

✓ *Погребение 2*, расположенное в 0,8 м к югу от первого, принадлежит взрослому мужчине (антропологическое определение). Ориентировка западная (азимут 270°). Нижние конечности находятся в анатомическом порядке, верхняя часть скелета перемещена и смещена к тазовым костям. Умерший был погребен в сидячем положении. У правого бедра встречен нож группы 2, ниже — у колена — наконечник стрелы.

Курган-жальник 42 (диаметр с севера на юг 2,6 м, с запада на восток 3,2 м, высота 0,6 м). С запада и востока отмечен по основанию несколькими крупными валунами. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаной супеси.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма (2,1×0,8×0,5 м). От захоронения сохранились остатки истлевшего черепа в западной части могилы. На уровне горизонта близ юго-западного края ямы найдена часть гончарного сосуда (табл. XXVI, 17).

Курган 43 (диаметр 6 м, высота 0,6 м). Обкладка из камней отсутствует, лишь у юго-западной полы пасполагались два крупных валуна. Насыпь сооружена из однородной мешаной супеси.

✓ По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма (2,05×0,80×0,30 м). В ней костяк женщины, погребенной в вытянутом положении. Ориентировка западная с отклонением к северу (азимут 290°). Череп повернут вправо, руки сложены на поясе. Слева на груди — фрагмент бронзовой кольцевидной фибулы (табл. XXXIV, 3), на тазовых костях — скопление распавшихся трубчатых пронизок из оловянистого сплава (типа рис. 13).

✓ **Курган 44** (диаметр 6 м, высота 0,6 м). Регулярная каменная обкладка отсутствует, лишь под северной полкой зафиксированы три крупных валуна, установленных на погребенную почву. Насыпь и заполнение могилы состоят из однородной мешаной супеси.

По центральной широтной оси — четырехугольная могильная яма ($2,2 \times 0,8 \times 0,3$ м). В ней костяк женщины с западной ориентировкой (азимут 260°). Нижние конечности расположены в анатомическом порядке, верхняя часть скелета разрушена, череп опрокинут. Погребение совершено в приподнятом — сидячем — положении. У западного края могилы найдена бронзовая цилиндрическая бусина со спиральным рельефным узором (типа рис. 8: 55).

Курган 45 (диаметр 6 м, высота 0,85 м). Кольцевая обкладка из камней отсутствует, под насыпью отмечены лишь отдельные валуны. Насыпь и заполнение могилы состоят из однородной мешаной супеси.

По центральной широтной оси курганной площадки — четырехугольная могильная яма ($2,2 \times 0,4 \times 0,5$ м). В ней мужское (?) захоронение, имеющее западную направленность с отклонением к югу (азимут 250°). Нижние конечности сохранились в анатомическом порядке. Верхняя часть скелета разрушена, перемешанные кости образуют скопление на уровне 0,10—0,15 м от дна могилы, опрокинутый череп сдвинут к тазу. Погребение совершено в сидячем положении. Вещей нет.

III. Могильник у дер. Лашковицы (группа II)

Расположен в 0,1 км от западной окраины деревни и в 0,5 км к западу от группы I. Находится среди пахотного поля в небольшом «островке» смешанного леса и кустарника. Группа включает 9 полусферических насыпей, топографически образующих два обособленных скопления — западное (6 курганов) и восточное (3).

Памятник обнаружен Ижорской экспедицией в 1979 г. Тогда же были исследованы три насыпи в его восточной части.⁸

Курган 1 (диаметр 8 м, высота 1 м). По основанию окружен несплошной кольцевой обкладкой из валунов. Насыпь состоит из мешаного суглинка с включениями серых гумусированных линз. В ней на разных уровнях прослеживались золистые прослойки с включениями мелких угольков толщиной 0,02—0,05 м. В основании отмечены зольно-углистые пятна мощностью до 0,01 м, не образующие сплошного кострища и слабо выделяющиеся на сероватом фоне погребенной почвы.

В центре курганной площадки выявлено женское погребение с северо-западной ориентировкой (азимут 290°), совершенное в вытянутом положении. Череп обращен лицевой частью вверх; правая рука сложена в верхней части груди, кисть левой согнута к лобку. На руках надето по бронзовому витому трехпроводочному браслету с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5) и встречены два перстня — рубчатый замкнутый (табл. XXXIX, 7), пластинчатый широкосрединный с незамкнутыми концами и гладким щитком (типа табл. XXXIX, 12). На поясе посередине располагалась бронзовая подковообразная фибула (табл. XXX, 11), у левого бедра находился нож, у ступни правой ноги был положен топор (табл. XXI, 7).

Курган 2 (диаметр 8 м, высота 1,05 м). По основанию окружен кольцевой обкладкой из одного ряда валунов, разомкнутой в северо-западном секторе. Насыпь

⁸ Полевой отчет об исследованиях памятника см.: АИА, Р-1, д. 7668, 7668а.

сооружена из мешаного суглинка. Стратиграфически прослежены примерно на половине высоты кургана золистые линзы с включениями мелких угольков мощностью до 0,01 м, дугообразно изгибающиеся к его центру. На этом уровне в 2 м к востоку от центра обнаружен гончарный горшок, установленный поверх кострища (табл. XXVI, 7).

В основании прослежены слабо выраженные золистые пятна с включениями отдельных угольков, перемешанные с сероватой погребенной почвой. По центральной широтной оси площадки зафиксированы остатки плохо сохранившегося погребения, представленные фрагментами черепа и тленом костей ног. Судя по их положению, захоронение имело западную ориентировку. Предположительно в области грудной клетки располагалась бронзовая подковообразная фибула (табл. XXX, 8), у правой ноги был положен топор (табл. XXI, 1), а ниже — вероятно у ступни — находился бронзовый грушевидный бубенчик с линейной прорезью (типа табл. XLI, 10). Рядом с захоронением, у левой ноги, расчищен фрагмент доски, покрытой очищенной от меха лосиной шкурой. На ней располагался комплекс находок: кожаный пояс с бронзовой гарнитурой (табл. XLIV); обломки трех ножей группы 2, один из которых был преднамеренно согнут; костяная рукоятка с черешком ножа; кремь.

Курган 3 (диаметр 8 м, высота 1,25 м). Северная пола насыпи окружена полукольцом из валунов, отдельные камни встречены у основания южной части кургана. Насыпь состоит из мешаного суглинка. Стратиграфически прослежены примерно на половине высоты кургана золистые линзы с включениями мелких угольков мощностью до 0,02 м, дугообразно изгибающиеся к его центру. На этом уровне в 2 м к востоку от центра обнаружен гончарный горшок (табл. XXVI, 6), установленный устьем вниз поверх кострища.

Как и в кургане 2, такая стратиграфия указывает на наличие валообразных насыпок вокруг центра погребальной площадки, на которой разжигался ритуальный костер. Это подтверждается открытием внутри обкладки вымостки из мелких камней, располагавшейся в северо-западном секторе на 0,6—0,7 м выше погребенной почвы и являвшейся поверхностным покрытием кольцевой валообразной насыпки из грунта.

В основании насыпи зафиксированы слабо выраженные золистые линзы с включениями отдельных угольков, перемешанные с сероватой погребенной почвой и локализованные на разных участках погребальной площадки. Следов захоронения не выявлено. В 0,5 м к юго-востоку от центра на горизонте обнаружен топор (табл. XXI, 2). Кроме того, в верхней части насыпи непосредственно под дерном найдены обломок бронзового ромбоциткового кольца, бронзовый узкомассивный незамкнутый перстень (табл. XXXIX, 3) и бронзовый шаровидный бубенчик с линейной прорезью (типа табл. XLI, 10).

IV. Могильник у дер. Тegliцы (группа I)

Расположен на южной окраине деревни в непосредственной близости от жилых и хозяйственных построек (табл. IV). Восточная часть могильника незалесена, западная находится в небольшой роще из смешанного леса и кустарника. Зафик-

сировано 82 насыпи курганного и курганно-жальничного типа, часть которых подверглась кладоискательским раскопкам. С севера и юго-востока к ним примыкают многочисленные жальничные могилы, прослеживаемые по поверхностным обкладочным камням.

Памятник открыт Ижорской экспедицией в 1979 г. Тогда же и в следующем году было раскопано 38 погребальных сооружений с 49 сохранившимися захоронениями.⁹

Курган 1 (диаметр с севера на юг 4,5 м, с запада на восток 4 м, высота 0,85 м). По основанию окружен несплошной кольцевой обкладкой из одного ряда камней. У крупного валуна, установленного к западу по центральной оси насыпи, найдены фрагменты гончарной керамики. Обломки еще одного горшка встречены у южной оконечности обкладки. В северо-западной части под дерном обнаружена трубчатая кость лошади.

Верхняя часть насыпи состоит из коричневатого мешаного суглинка, нижняя — из темно-серого суглинка мощностью до 0,4 м, по цвету и структуре не отличающегося от погребенной почвы. Последним заполнены и могильные ямы, выявленные в основании кургана.

Погребение 1 — близ северного сектора оградки. Совершено в мелкой могильной яме, углубленной в материк на 0,06—0,08 м и почти не прослеживаемой в плане. Принадлежит ребенку, имеющему западную ориентировку. Инвентарь отсутствует.

Погребение 2 — в центре курганной площадки. Совершено в неглубокой могильной яме размерами 2,2×2,6 м, углубленной в материк на 0,11—0,16 м. Захоронение женщины в вытянутом положении обращено головой на северо-запад (азимут 290°); руки сложены на поясе. Под перевернутым и несколько смещенным черепом найден фрагмент бронзовой кольцевидной фибулы (табл. XXXIV, 4), располагавшейся первоначально у левой ключицы, где сохранились окислы бронзы.

Погребение 3 примыкает с юга к центральному захоронению. Девочка-подросток похоронена в четырехугольной могильной яме размерами 1,60×0,45 м, углубленной в материк на 0,2 м. Костяк в вытянутом положении имеет западную направленность (азимут 280°); правая рука сложена на груди, левая — на поясе. С левой стороны под рукой и тазовыми костями прослежены остатки истлевшего дерева. У черепа и на груди расчищена россыпь бус от ожерелья: 13 зонных черного глухого стекла с линейно-волнистой орнаментацией (типа рис. 8: 29); 8 зонных черного глухого стекла с белыми и желтыми выпуклыми «глазками» (типа рис. 8: 15); 1 кашинная цилиндрическая (типа рис. 8: 38). На шейных позвонках отмечены окислы от распавшегося оловянного украшения. На левой руке надет бронзовый пластинчатый браслет (табл. XXXVI, 6), на правой — бронзовый узкопластинчатый ленточный перстень с разомкнутыми концами (табл. XXXIX, 26). На грудных позвонках посередине располагалась бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXI, 10), у южного края могилы найден фрагмент бронзовой витой проволоки. Под кистью левой руки сохранился обрывок шерстяной тесьмы длиной 9 см и шириной 0,4 см.

⁹ Данные об исследованиях памятника содержатся в полевых отчетах (АИА, Р-1, д. 1979/7668, 7668а; 1980/7701, 7701а) и в заметке информационного характера [Рябинина 1981: 28—29].

Внутри черепа найден бронзовый шаровидный бубенчик с поперечным валиком и линейной прорезью.

Между могильными ямами погребений 2 и 3 в изголовье расчищена зольно-углистая линза диаметром около 0,4 м.

Курган-жальник 2 (диаметр с севера на юг 3,5 м, с запада на восток 4 м, высота 0,45 м). По основанию окружен кольцевой замкнутой обкладкой из двух рядов валунов. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная яма (2,3×0,8×0,5 м), содержащая погребение мужчины с западной ориентировкой (азимут 260°). Нижние конечности расположены в анатомическом порядке, руки сложены на поясе. Верхняя часть скелета разрушена, череп опрокинут. Умерший, по-видимому, погребен в приподнятом — сидячем — положении. Инвентарь отсутствует.

Курган-жальник 3 (диаметр с севера на юг 3,3 м, с запада на восток 4 м, высота 0,6 м). По основанию окружен кольцевой обкладкой из валунов, разомкнутой в юго-восточном секторе. В западной части обкладки с наружной стороны обнаружена нижняя челюсть лошади. Там же, у крупного валуна с внутренней стороны, собраны обломки гончарной керамики.

По центральной широтной оси — четырехугольная яма (2,05×0,8×0,5 м), содержащая костяк взрослого мужчины. Погребение с юго-западной ориентировкой (азимут 235°) совершено в вытянутом положении. Череп повернут влево; правая рука сложена на груди, левая — на поясе. Под ногами от колен до ступней прослежены остатки разложившейся древесины. Вещей нет.

Курган 4 (диаметр с севера на юг 5 м, с запада на восток 4 м, высота 0,7 м). Регулярная обкладка основания отсутствует. Под дерном обнаружены отдельные камни, расположенные на разном уровне и образующие редкую обноску кургана в его южной и северной части. Насыпь и заполнение могильной ямы состоят из однородного мешаного суглинка.

По центральной широтной оси площадки — четырехугольная яма (2,1×0,6×0,5 м). В ней погребение женщины с западной ориентировкой (азимут 266°), совершенное в вытянутом положении; руки сложены на поясе. У черепа найдены 2 бусины: хрустальная четырнадцатигранная (типа рис. 8: 43) и зонная черного глухого стекла с линейно-волнистой желтой орнаментацией (типа рис. 8: 29). У левой ключицы располагалась бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXIII, 7). На кистях рук семь бронзовых браслетов: 3 пластинчатых (табл. XXXVI, 7, 8; XXXVII, 3) и 4 тройных витых с петлями на концах (типа табл. XXXVI, 2). Еще один пластинчатый браслет (типа табл. XXXVII, 3) найден у западного края могилы. Между бедренными костями прослежена линия из трубчатых свинцово-оловянистых пронизок. Длина полоски, состоящей из нескольких рядов трубочек, 9,5 см, ширина 2,5 см (рис. 13: 3).

Курган 5 (диаметр с севера на юг 5 м, с запада на восток 5,5 м, высота 0,6 м). По основанию окружен кольцевой незамкнутой обкладкой из двух рядов валунов.

По центральной широтной оси площадки — четырехугольная яма (2,8×0,8×0,3 м). В ней погребение мужчины с западной ориентировкой (азимут 275°). Нижние

конечности, тазовые кости и грудная клетка находятся в анатомическом порядке, череп перевернут шейным отверстием вверх, нижняя челюсть и кисти рук сдвинуты с первоначального места. Под погребенным от черепа до пояса прослежена истлевшая древесина. Инвентарь отсутствует.

Курган-жальник 6 (диаметр 3,5 м, высота 0,5 м). Кольцевая обкладка основания отсутствует. Зафиксировано лишь несколько валунов в северной и западной поле насыпи, сооруженной из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная яма (2,5×0,7×0,5 м). В ней плохо сохранившееся женское погребение с западной ориентировкой (азимут 270°). Череп сдвинут к тазовым костям. Из могилы происходит четырнадцатигранная хрустальная бусина (типа рис. 8: 43).

Курган 7 (диаметр с севера на юг 5,6 м, с запада на восток 6,4 м, высота 0,6 м). По основанию окружен кольцевой обноской из нескольких рядов валунов. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

Погребение разрушено шурфом. Среди перемешанных костей найдены фрагменты бронзовой пластинчатой оковки, куски кожи от футляра ножа и мелкая зонная бусина.

Курган 8 (диаметр с севера на юг 6 м, с запада на восток 5 м, высота 0,8 м). По основанию отмечены лишь отдельные валуны. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси площадки — четырехугольная яма (2,5×0,7×0,3 м). В ней плохо сохранившееся погребение женщины с западной ориентировкой (азимут 270°). Вдоль левой ноги прослежены остатки истлевшего дерева.

У черепа и на груди расчищена россыпь бус от ожерелья: 1 сердоликовая бипирамидальная (типа рис. 8: 47); 1 зонная черного глухого стекла с линейно-волнистой орнаментацией (типа рис. 8: 29); 1 шаровидная голубого глухого стекла с желтыми «глазками» (типа рис. 8: 20); 1 кашинная флаконовидная (типа рис. 8: 37); 2 свернутые из тонких бронзовых пластинок (типа рис. 8: 58). Между бедренными костями от таза до колен прослежена полоса из свинцово-оловянистых рубчатых пронизок (рис. 13: 4).

Курган 9 (диаметр 6 м, высота 0,7 м). По основанию имеется кольцевая обкладка, разомкнутая в западной части. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси площадки — четырехугольная яма (2,2×0,7×0,35 м). В ней плохо сохранившееся захоронение с западной ориентировкой (азимут 270°). Верхняя часть скелета истлела, сохранившаяся в анатомическом порядке правая рука согнута к лобку, разрушенный череп перевернут и сдвинут в область таза. Возможно, погребение совершено в приподнятом положении. Инвентарь отсутствует.

Курган 10 (диаметр 7 м, высота 1,1 м). С северной стороны обнесен обкладкой из двух-трех рядов валунов. В западном секторе под дерном найдены обломки гончарной керамики, в восточной поле — обрезки трубчатых костей овцы. Насыпь и заполнение могил состоят из мешаного суглинка.

В центре курганной площадки выявлены две четырехугольные ямы, ориентированные в широтном направлении.

Погребение 1 в яме шириной 0,6 м, глубиной 0,2 м разрушено перекопом. В анатомическом порядке сохранились лишь нижние конечности. Ориентировка западная. Инвентарь отсутствует.

Погребение 2 в 0,2—0,3 м к югу от захоронения 1 совершено в яме размерами 2,25×0,6×0,3 м. Принадлежит женщине (антропологическое определение), погребенной в вытянутом положении головой на запад (азимут 267°). Череп повернут вправо, руки сложены на поясе. У левой ключицы — бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXI, 4).

✓ **Курган 11** (диаметр с севера на юг 5 м, с запада на восток 6 м, высота 0,8 м). По основанию окружен кольцевой обкладкой из трех-пяти рядов валунов, разомкнутой в северной части. Насыпь состоит из мешаного суглинка. Из-за произведенной в период сооружения кургана нивелировки поверхности, имеющей заметное понижение к юго-западу, погребенная почва не прослеживается. На материке выявлены контуры четырехугольной ямы размерами 2,0×0,7 м, ориентированной в широтном направлении. Вследствие различий в уровне поверхности яма со снивелированным дном углублена у восточного края на 0,2 м, у западного — всего на 0,02—0,04 м. Восточная оконечность могилы имеет Т-образное расширение в виде канавки длиной 1,3 м, врезанной в материк на 0,03—0,4 м ниже дна самой могильной ямы. В ней сохранились крупные куски сгоревшего дерева, дно и стенки расширения покрыты золистым налетом.

В могиле — погребение женщины с западной ориентировкой (азимут 278°). Нижние конечности находятся в анатомическом порядке, верхняя часть скелета истлела, череп смещен к тазовым костям. Погребение совершено в сидячем положении.

Под несохранившимися тазовыми костями зафиксированы следы разложившейся древесины. К западу от черепа выше на 0,1 м найдены обломок бронзового широкопластинчатого браслета (типа табл. XXXVIII, 4) со стертым орнаментом и бронзовая подковообразная фибула (типа табл. XXXIII, 10). На дне могилы сохранились фаланги пальцев, на одном из которых надет бронзовый поперечнощитковый перстень с орнаментом (типа табл. XXXIX, 23).

✓ **Курган 12** (диаметр с севера на юг 5 м, с запада на восток 6 м, высота 0,6 м). По основанию окружен несплошной кольцевой обкладкой из одного ряда валунов. Насыпь сооружена из мешаного суглинка. В стратиграфии бровок прослежен выброс материкового суглинка из могильной ямы, перекрывающий погребенную почву.

По центральной широтной оси площадки — четырехугольная яма (2,1×0,8×0,35 м). В ней плохо сохранившееся погребение женщины с западной ориентировкой (азимут 285°). Нижние конечности находятся в анатомическом порядке, верхняя часть скелета почти полностью истлела, череп сдвинут к тазовым костям. Погребение, возможно, совершено в сидячем положении.

Рядом с черепом найдены 2 бусины: зонная черная глухого стекла с линейно-волнистой орнаментацией (типа рис. 8: 29) и крупная зонная синего прозрачного стекла (типа рис. 8: 6).

Курган-жальник 13 (диаметр 4 м, высота 0,45 м). Насыпь состоит из мешаного суглинка. При ее вскрытии зафиксировано несколько валунов, окружающих могилу и уложенных как на погребенную почву, так и на насыпной грунт. Четырехугольная яма размерами 2,1×0,7×0,35 м расположена по центральной оси и имеет широтную направленность. В ней плохо сохранившееся погребение женщины с западной ориентировкой (азимут 270°). У черепа — крупная зонная бусина синего прозрачного стекла (типа рис. 8: 6).

Курган 14 (диаметр с севера на юг 5,5 м, с запада на восток 6 м, высота 0,6 м). По основанию окружен замкнутой кольцевой обкладкой из двух-трех рядов валунов. Насыпь и заполнение могильной ямы состоят из мешаного суглинка. В западной поле под дерном найдены обломки гончарной керамики.

По центральной широтной оси — четырехугольная яма (2,0×0,7×0,35 м). В ней погребение женщины с западной ориентировкой (азимут 285°). Череп распался, грудная клетка частично перемешана, руки сложены на поясе. На груди справа — бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXI, 5).

Курган 15 (диаметр с севера на юг 6 м, с запада на восток 7 м, высота 0,85 м). По основанию обнесен сплошным кольцом из одного-трех рядов валунов с крупными камнями с внешней стороны. Насыпь и заполнение могильных ям состоят из мешаного суглинка. Между валунов в западном секторе найдены обломки гончарной посуды.

В центре курганной площадки выявлены два захоронения.

Погребение 1 в яме размерами 2,5×0,75×0,3 м принадлежит мужчине, похороненному в вытянутом положении головой на запад (азимут 270°). Череп повернут вправо; правая рука сложена на поясе, левая согнута к лобку. У нижних грудных позвонков слева располагалась бронзовая подковообразная фибула (типа табл. XXXII, 6, но отличающаяся меньшими размерами головок, не выходящих за пределы дуги).

Погребение 2 в 0,3 м к югу от захоронения 1 совершено на уровне горизонта. Принадлежит женщине, обращенной головой к западу (азимут 270°). Нижние конечности расположены в анатомическом порядке, верхняя часть скелета перемешана, череп опрокинут. Погребение совершено в сидячем положении. Среди перемешанных костей найдено 6 бус: 5 зонных черного глухого стекла с линейно-волнистой орнаментацией (типа рис. 8: 29), 1 шаровидная синего прозрачного стекла (типа рис. 8: 5). Здесь же встречена бронзовая подковообразная фибула (типа табл. XXXII, 6, но отличающаяся меньшими размерами головок, не выходящих за пределы дуги). К западу от черепа обнаружен бронзовый пластинчатый браслет (табл. XXXVI, 9).

Курган-жальник 16 (диаметр 3 м, высота 0,25 м). По основанию окружен сплошным кольцом из двух-трех рядов мелких валунов. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка. Четырехугольная яма (1,3×0,5×0,55 м) имеет широтную направленность. В ней детское захоронение в вытянутом положении. Ориентировка западная. Без вещей.

Курган-жальник 17 (диаметр 3 м, высота 0,45 м). По основанию окружен незамкнутой обкладкой из одного ряда крупных валунов. У обкладочного камня с

юго-западной стороны найдены обломки гончарной керамики. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка. Яма четырехугольной формы (2×0,6×0,3 м) имеет широтную направленность. В ней мужское погребение, совершенное в вытянутом положении головой на запад (азимут 270°). Череп повернут вправо, левая рука сложена на поясе, правая вытянута вдоль тела. Без вещей.

Курган-жальник 19 (диаметр 3 м, высота 0,4 м). По основанию окружен замкнутой кольцевой обкладкой из одного ряда крупных валунов. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка, четырехугольная яма размерами 1,6×0,6×0,25 м имеет широтную направленность. В ней остатки истлевшего черепа детского погребения с западной ориентировкой. Без вещей.

К югу от погребальных комплексов 17 и 19 расчищена цепочка из камней, сложенных под прямым углом, но не образующих замкнутой системы (комплекс 18 А). Валунуны установлены на поверхности, насыпь над ними отсутствует. При снятии дерна на глубине 0,2 м найдены фрагменты гончарной керамики. Следов могильной ямы и самого погребения не обнаружено.

✓ **Курган 18** (диаметр с севера на юг 6,5 м, с запада на восток 7 м, высота 0,9 м). По основанию с юго-западной стороны обложен сплошным полукольцом из одного-трех рядов валунов. Верхняя часть насыпи состоит из мешаного суглинка, нижняя — из серого грунта толщиной 0,4 м, по цвету и структуре не отличающегося от погребенной почвы. У камня обкладки обнаружен фрагмент плечевой кости свиньи, в центре кургана под дерном найдены мелкие обломки гончарной керамики.

По центральной широтной оси площадки — могильная яма. Вследствие естественного понижения древней поверхности прослежена лишь западная часть могилы, впущенной в материк на 0,1 м. У ее западного края имеется Т-образное расширение длиной 1,55 м, врезанное в материк на 0,05 м ниже дна ямы. В могиле плохо сохранившееся погребение женщины с западной ориентировкой (азимут 285°). Распавшийся череп, расположенный в Т-образной канавке, повернут вправо. Нижние конечности сохранились в анатомическом порядке, верхняя часть костяка разрушена и образует скопление на 0,10—0,15 м выше дна ямы. Погребение, возможно, совершено в сидячем положении. Среди разрозненных костей найдены два бронзовых трехпроволочных витых браслета с петлями на концах (типа табл. XXXVI, 2) и бронзовая цилиндрическая бусина с рельефным пояском посередине (типа рис. 8: 51).

Курган 20 (диаметр 6 м, высота 0,85 м). По основанию окружен замкнутой кольцевой обкладкой из двух рядов камней с наружным обрамлением из крупных валунов. Насыпь и заполнение могильной ямы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси площадки — четырехугольная яма (2,1×0,7×0,4 м). В ней погребение женщины в вытянутом положении с западной ориентировкой (азимут 268°). Череп обращен лицевой частью вверх, руки сложены в нижней части груди. Под черепом найден фрагмент бронзового проволочного кольца с завязанными концами, у правой ключицы располагалась бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXII, 5).

Курган 21 (диаметр с севера на юг 5 м, с запада на восток 4,5 м, высота 0,7 м). По основанию окружен замкнутой кольцевой обкладкой из одного—трех рядов валунов. Насыпь и заполнение могильной ямы состоят из мешаного суглинка. В могиле четырехугольной формы (2,2×0,7×0,4 м) — мужское погребение с западной ориентировкой (азимут 270°). Череп повернут влево, руки сложены в нижней части груди. Инвентарь отсутствует.

Курган 22 (диаметр 6,5 м, высота 0,85 м). По основанию с северо-запада окружен полукольцом из двух-трех рядов валунов. В северной части обкладки найдены тазовые кости лошади и обломки гончарной керамики. Насыпь состоит из мешаного суглинка. На горизонте выявлены два захоронения в неглубоких могильных ямах, смыкающихся между собой и имеющих широтную направленность.

Погребение 1 (женское) — в яме размерами 1,0×0,7 м, углубленной в материк на 0,07 м. Совершено в вытянутом положении, обращено головой на запад (азимут 285°); руки сложены на поясе. У черепа расчищена россыпь бус от ожерелья: 1 сердоликовая призматическая (типа рис. 8: 48); 4 хрустальные шаровидные (типа рис. 8: 40); 3 хрустальных четырнадцатигранных плитчатой формы (типа рис. 8: 45); 2 хрустальные бипирамидальные (типа рис. 8: 41); 6 кашинных флаконовидных (типа рис. 8: 37); 16 мелких зонных глухого стекла (типа рис. 8: 7); 1 бронзовая цилиндрическая с рельефным пояском (типа рис. 8: 51); 6 бронзовых бочонковидных с рельефными кружками (типа рис. 8: 49). Слева у черепа найдена бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXIII, 10). На руках — 3 бронзовых витых трехпроволочных браслета с петлями на концах (типа табл. XXXVI, 2) и бронзовый поперечнощитковый перстень (табл. XXXIX, 21). Слева у пояса располагались кожаные ножны с бронзовой оковкой (табл. XLIII, 2).

Погребение 2 (мужское) — в яме размерами 2,4×0,8 м, углубленной в материк на 0,1 м. С западной и восточной оконечностей могилы имеются Т-образные расширения длиной 1,55 м, углубленные в материк на 0,05 м ниже дна ямы. Ориентировка захоронения западная (азимут 285°). Нижние конечности находятся в анатомическом порядке, ступни опущены в канавку. Верхняя часть скелета истлела. Погребение, возможно, совершено в сидячем положении. Без вещей.

Курган 23 (диаметр с севера на юг 7 м, с запада на восток 8 м, высота 0,7 м). Обкладка отсутствует. Насыпь сооружена из мешаного суглинка.

В основании курганной площадки на погребенной почве — разрушенное женское погребение, ориентированное головой к востоку (азимут 110°). В анатомическом порядке сохранилась лишь часть скелета, разрушенного перекопом. У черепа найдены бронзовые щитковоконечное кольцо с трапециевидной подвеской (типа табл. XXVII, 1), фрагмент серебряного пластинчатого венчика и зонная бусина желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 6). У левого бедра и между тазовыми костями расчищено скопление трубчатых рифленых пронизок из свинцово-оловянистого сплава. У левого бедра положен серп (табл. XXV, 8).

Курган 24 (диаметр с севера на юг 8 м, с запада на восток 7 м, высота 1 м). По основанию окружен кольцевой замкнутой обкладкой из двух-четырех рядов валунов. У крупного камня в западной части обноски с внутренней стороны встречены обломки гончарной керамики. Насыпь состоит из мешаного суглинка.

В 1,5 м к северу от центра кургана на серой гумусированной подсыпке мощностью 0,2—0,3 м — истлевший костяк ребенка (*погребение 1*). Ориентировка западная. Без вещей.

В 1 м к северу от центра на погребенной почве — погребение взрослой женщины (*погребение 2*). Захоронение совершено в вытянутом положении, головой на запад (азимут 270°). Череп повернут влево; правая рука сложена на поясе, левая на груди. У черепа найден фрагмент бронзового проволочного кольца или серьги с пластинчатым ушком на одном конце, у правой ключицы — бронзовая подковообразная фибула (типа XXXII, 6, но отличающаяся меньшими размерами головок, не выходящих за пределы дуги). Близ черепа встречены бронзовый пластинчатый браслет (табл. XXXVI, 10) и бронзовая цилиндрическая бусина с рельефным узором в виде завитка (типа рис. 8: 55).

По центральной оси кургана выявлены контуры двух слившихся могильных ям, имеющих широтную направленность. Их общая ширина составляет около 1 м, длина северной могилы 1,7 м, южной — 1,5 м, глубина от материка 0,16—0,18 м. В северной, более крупной могиле, зафиксировано *погребение 3* (девочка-подросток в возрасте 12—14 лет). Костяк в вытянутом положении ориентирован головой на запад (азимут 270°). Череп обращен лицевой частью вверх, руки сложены на лобке. Лоб погребенной охватывал пластинчатый серебряный венчик, на обеих руках встречено по одному узкопластинчатому бронзовому браслету со стертым орнаментом, на пальце левой руки — бронзовый поперечнощитковый перстень (табл. XXXIX, 2). У шеи расчищена россыпь из 62 целых бус от ожерелья: 3 бронзовые цилиндрические с рельефным узором в виде завитка (типа рис. 8: 55); 1 кашинная флаконовидная (типа рис. 8: 37); 58 зонных и винтообразных черного, синего и патинизированного глухого стекла (типа рис. 8: 8, 35); кроме того, встречены многочисленные обломки черных и синих винтообразных бус.

В южной могиле — истлевший костяк ребенка (*погребение 4*) в вытянутом положении с западной ориентировкой. У нижней челюсти найдена бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXI, 6).

В 1,5 м к югу от широтной центральной оси расчищены остатки еще одного детского костяка (*погребение 5*). Это захоронение ребенка, не превышающего по возрасту 5 лет (антропологическое определение). Погребение совершено в мелкой могильной яме, прорезавшей погребенную почву, но не углубленной в материк. Судя по фрагментарным частям скелета, захоронение имело западную ориентировку. Среди костей найдены 2 бронзовые косо-решетчатые подвески (типа табл. XLI, 3), фрагмент серебряной пластинки, а у сохранившей окислы бронзы ключицы — миниатюрная бронзовая кольцевидная фибула (табл. XXXIV, 2). Здесь же зафиксировано скопление разрушенных мелких зонных бус черного и зеленого глухого стекла.

✓ **Курган 25** (диаметр 6,5 м, высота 0,95 м). По основанию окружен замкнутой кольцевой обкладкой из одного-двух рядов валунов. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси курганной площадки — четырехугольная могильная яма ($2,5 \times 0,8$ — $0,9 \times 0,15$ м). Восточная оконечность ямы имеет Т-образное расширение шириной 1,5 м, углубленное ниже дна ямы на 0,04 м. В ней расчищено погребение взрослой женщины с западной ориентировкой (азимут 275°). Ниж-

ние конечности и тазовые кости находятся в анатомическом порядке, верхняя часть скелета истлела, опрокинутый череп смещен к области таза. Захоронение совершено в сидячем положении. У правого плеча найдены широкопластинчатый бронзовый браслет (табл. XXXVIII, 4) и бронзовый поперечнощитковый перстень (типа табл. XXXIX, 23). В западной части могилы встречены 2 бронзовые бусины с рельефным завитком (типа рис. 8: 55) и 1 бронзовая бусина с поперечным пояском посередине (типа рис. 8: 52).

Курган 26 (диаметр 3,5 м, высота 0,45 м). По основанию окружен кольцом из одного ряда валунов, разомкнутым в западной части. Насыпь состоит из мешаного суглинка.

Следов захоронения и могильной ямы не выявлено. На уровне погребенной почвы в 1 м к западу от центральной оси встречены развал гончарного сосуда и бронзовая пластинчатая кольцеобразная фибула (табл. XXXIV, 11).

Курган 27 (диаметр с севера на юг 6 м, с запада на восток 5,5 м, высота 1 м). В основании отмечены валуны, не образующие регулярной замкнутой обкладки. Насыпь и заполнение могильной ямы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси курганной площадки — четырехугольная яма (2,4×0,7×0,15 м). В ней костяк взрослого мужчины в вытянутом положении, обращенного головой к западу (азимут 280°). Верхняя часть скелета частично потревожена, череп склонен к правому плечу, руки сложены в нижней части груди. Вещей нет.

Курган 28 (диаметр с севера на юг 5 м, с запада на восток 5,5 м, высота 0,7 м). По основанию окружен сплошной кольцевой обкладкой из одного-двух рядов валунов. Насыпь состоит из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси, на уровне погребенной почвы с редкими включениями угольков, — костяк взрослой женщины с западной ориентировкой (азимут 275°). Нижние конечности и тазовые кости расположены в анатомическом порядке. Череп перевернут, рядом с ним встречены перемешанные остатки верхней части скелета. Погребение совершено в сидячем положении. В районе несохранившейся грудной клетки найдены 2 бронзовые бусины с рельефным пояском посередине (типа рис. 8: 52) и 1 бронзовая бусина с рельефным завитком (типа рис. 8: 55).

Курган 29 (диаметр 7 м, высота 1,15 м). По основанию окружен замкнутой кольцевой обкладкой из двух рядов валунов. Насыпь и заполнение могильной ямы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси курганной площадки — подчетыреугольная могильная яма (2,5×1,0×0,2 м). Ее западная часть образует Т-образное расширение протяженностью 1,4 м. В могиле — костяк взрослого мужчины с северо-западной ориентировкой (азимут 295°). Нижние конечности и тазовые кости сохранились в анатомическом порядке, верхняя часть скелета разрушена, перемешанные кости встречены в заполнении ямы на 0,1 м выше ее дна. Разрушенный череп смещен к правому плечу, расположенная в анатомическом порядке правая рука сложена на лобке. Погребение совершено в приподнятом (полусидячем) положении. Инвентарь отсутствует.

✓ **Курган 30** (диаметр 4 м, высота 0,9 м). По основанию окружен замкнутой кольцевой обкладкой из двух—трех рядов валунов. Насыпь сооружена из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси на уровне погребенной почвы — костяк взрослого мужчины с западной ориентировкой (азимут 270°). Нижние конечности находятся в анатомическом порядке, верхняя часть скелета истлела, череп перевернут и сдвинут в область таза. Погребение, по-видимому, совершено в сидячем положении. Вещей нет.

Курган 31 (диаметр 8 м, высота 0,83 м). Обкладка основания отсутствует. Насыпь сооружена из мешаного суглинка.

✓ На погребенной почве в центре курганной площадки — разрушенное захоронение взрослого мужчины с юго-восточной ориентировкой (азимут 115°). В анатомическом порядке сохранились нижние конечности, часть таза и левая плечевая кость. Остальные кости перемешаны и образуют скопление на 0,10—0,15 м выше уровня горизонта. Череп перевернут и лежит шейным отверстием вверх. Среди перемешанных костей найден бронзовый узкопластинчатый перстень (табл. XXXIX, 16). У левого бедра — нож, у голени правой ноги — наконечник копья, обращенный острием к стопе (табл. XXIII, 3). Следов перекопа в стратиграфии насыпи не выявлено, однако зафиксирована прорезка погребенной почвы на месте разрушенной части захоронения.

Курган 32 (диаметр с севера на юг 9,5 м, с запада на восток 8,5 м, высота 1,1 м) с заплывшей западиной на вершине. Сооружен из мешаного суглинка. По основанию — обкладка из одного-трех рядов валунов в виде замкнутой полуокружности в южной и северо-западной части насыпи и отдельных камней на остальных участках. В северо-восточном секторе под дерном найдены берцовая кость и метаподия лошади.

✓ На погребенной почве в центре курганной площадки — костяк взрослого мужчины с восточной ориентировкой (азимут 112°). Череп повернут влево, верхняя часть скелета разрушена перекопом, не прослеживаемым в стратиграфии бровок, но документированным западиной на вершине кургана и прорезкой погребенной почвы на месте несохранившейся части захоронения. У голени правой ноги встречен топор, обращенный лезвием к ноге (табл. XXII, 4), справа у пояса — узкомассивный бронзовый перстень (табл. XXXIX, 4).

✓ В северо-восточной поле расчищена круглая обкладка из валунов жальничной могилы диаметром около 2 м, частично перекрывающая насыпной грунт кургана. Могильной ямы и следов погребения не выявлено. Судя по размерам каменной конструкции, она была возведена на месте несохранившегося детского захоронения.

Курган 33 (диаметр 6,5 м, высота 1,1 м). Обкладка отсутствует. Сооружен из мешаного песка.

На уровне погребенной почвы в центре курганной площадки — женское погребение с северо-западной ориентировкой (азимут 292°). Костяк частично разрушен корнями деревьев, сохранившаяся в анатомическом порядке левая рука сложена в нижней части груди. Под костяком и рядом с ним прослежен древесный

тлен. У перевернутого черепа встречена россыпь фрагментированных стеклянных бус и 13 целых бусин: 1 шаровидная желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 5); 1 биконическая зеленого глухого стекла (типа рис. 8: 32); 2 пастовые зонные коричневые с углубленной желтой инкрустацией (типа рис. 8: 17); 9 мелких кольцевидных зеленого и желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 8). Здесь же найдено 5 бронзовых пластинчатых обоймиц от ожерелья. У левой ключицы обнаружена часть кожаных ножен с бронзовыми пластинчатыми оковками (табл. XLIII, 3), слева у грудных позвонков — серебряная подковообразная фибула (табл. XXXII, 1). На кисти левой руки надет бронзовый витой трехпроволочный браслет с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5), справа у таза встречены 3 бронзовых перстня, украшавшие несохранившиеся пальцы правой руки, — пластинчатый поперечнощитковый (табл. XXXIX, 23), ложновитой с перевитью (табл. XXXIX, 8), узкомассивный с заходящими концами (типа табл. XXXIX, 2). У нижней челюсти отмечены остатки распавшегося пластинчатого изделия из оловянистого сплава, у голени правой ноги положен серп.

Курган 34 (диаметр 4,5 м, высота 0,9 м). Обкладка отсутствует. Насыпь сооружена из мешаной супеси.

На уровне погребенной почвы в центре курганной площадки — истлевшее и частично разрушенное корнями деревьев погребение взрослой женщины. Ориентировка северо-западная (азимут 295°), сохранившаяся в анатомическом порядке правая рука сложена на груди. Под костяком зафиксированы следы разложившейся древесины. У смещенной к ногам лучевой кости правой руки — фрагмент бронзового трехпроволочного браслета с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5).

Курган 35 (диаметр с севера на юг 7,5 м, с запада на восток 6,5 м, высота 0,8 м). По основанию окружен сплошной кольцевой обкладкой из нескольких рядов валунов. Насыпь сооружена из мешаного суглинка.

На уровне погребенной почвы в центре курганной площадки — остатки женского захоронения с западной ориентировкой (азимут 280°). В анатомическом порядке сохранились нижние конечности, кости таза и нижняя часть позвоночника; верхняя часть костяка разрушена, череп смещен к тазу. Погребение совершено в сидячем положении. Среди разрушенных костей найдены бронзовый узкомассивный браслет (типа табл. XXXV, 2) и бронзовая бусина с рельефным спиральным завитком (типа рис. 8: 55).

Курган 36 (диаметр 7 м, высота 1,05 м). По основанию окружен замкнутой обкладкой из одного-двух рядов валунов, в западной части которой найдены фрагменты гончарной керамики. Насыпь сооружена из мешаного суглинка.

На уровне погребенной почвы в центре курганной площадки — женское захоронение с северо-западной ориентировкой (азимут 300°). В анатомическом порядке сохранились нижние конечности и тазовые кости. Верхняя часть скелета разрушена, череп смещен к тазу. Погребение совершено в сидячем положении. Среди перемешанных костей найдены бусы: 9 бронзовых (типа рис. 8: 52, 55, 56), 1 кашинная (типа рис. 8: 37) и 1 зонная поперечнорубчатая синего прозрачного стекла (типа рис. 8: 12).

✓ **Курган 37** (диаметр 6 м, высота 0,9 м). По основанию окружен кольцевой обкладкой из одного-трех рядов валунов, разомкнутой в южной части. Насыпь и могильная яма состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси курганной площадки — яма, имеющая общие размеры 2,60×0,95×0,50 м, но характеризующаяся сложными очертаниями. Восточный край могилы образует Т-образное расширение длиной 1,25 м, у северной стенки прослежено углубление шириной 0,17 м, врезанное в материк на 0,08 м ниже дна ямы. В ней — погребение взрослой женщины с западной ориентировкой (азимут 283°). В анатомическом порядке сохранились нижние конечности и часть таза. Кости грудной клетки перемешаны и образуют скопление на 0,10—0,15 м выше дна могилы, череп перевернут и смещен к тазовым костям. Погребение совершено в сидячем положении. В западной части ямы расчищена россыпь бус от ожерелья: 4 хрустальные четырнадцатигранные (типа рис. 8: 43); 9 зонных черного глухого стекла с белой, желтой и зеленой линейно-волнистой орнаментацией (типа рис. 8: 29); 1 того же типа двухчастная; 1 шаровидная черного глухого стекла с белыми выпуклыми глазками (типа рис. 8: 16); 1 шаровидная голубого глухого стекла (типа рис. 8: 5); 2 кольцевидные желтого глухого стекла (типа рис. 8: 8); 2 кашинные (типа рис. 8: 58); 9 бронзовых цилиндрических с рельефным узором в виде пояса посередине или зигзага (типа рис. 8: 51, 53, 54). В заполнении могилы найден бронзовый поперечнощитковый перстень (табл. XXXIX, 24).

✓ **Курган 38** (диаметр 2 м, высота 0,4 м). Обкладка отсутствует, насыпь сооружена из мешаного суглинка.

✓ На уровне погребенной почвы в центре курганной площадки — захоронение взрослого мужчины с западной ориентировкой (азимут 270°). В анатомическом порядке сохранились нижние конечности и часть тазовых костей, верхняя часть скелета перемешана. Погребение, возможно, совершено в сидячем положении. У правой голени встречен топор (табл. XXII, 6), рядом с ним — нож группы 2.

V. Могильник у дер. Тegliцы (группа II)

Расположен в 1 км к юго-западу от дер. Тegliцы и в 1,5 км к северо-востоку от дер. Лашковицы. Занимает небольшое всхолмление (высота около 1 м, максимальные размеры 65×85 м) среди пахотного поля. Группа состоит из 22 полусферических, почти незалесенных насыпей диаметром 4—9 м и высотой 0,5—1,1 м. Шесть курганов раскопаны шурфами или повреждены распашкой.

Памятник зафиксирован Ижорской экспедицией в 1979 г. В следующем сезоне было произведено исследование семи насыпей.¹⁰

✓ **Курган 1** (диаметр 8 м, высота 0,9 м). По основанию окружен кольцевой обкладкой из нескольких рядов валунов, разомкнутой в западной части. На погребенной почве в центре курганной площадки — женское захоронение 1 с западной

¹⁰ Данные об исследовании памятника содержатся в полевом отчете [АИА, Р-1, д. 1980/7701, 7701а], информационной заметке [Рябинин 1981б: 27—28] и статье, посвященной полной публикации раскопок [Рябинин 1992б: 27—44].

ориентировкой (азимут 270°). Нижние конечности и кости таза расположены в анатомическом порядке, верхняя часть скелета разрушена, череп перевернут. Погребение совершено в сидячем положении. Под потревоженными костями зафиксированы отдельные включения углей. На кисти правой руки был надет бронзовый трехпроволочный браслет с обрубленными концами (типа XXXV, 5), у левого бедра положен серп (табл. XXV, 9), в ногах справа установлен устьем вверх гончарный горшок (табл. XXVI, 5). Среди перемешанных костей грудной клетки найдены бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXII, 2) и нож группы 2.

Курган сооружен в два приема. По стратиграфии насыпи выделяется верхняя часть из темного мешаного суглинка и первоначальная насыпь из светлого суглинка, которая перекрывает центр площадки и ее южную часть на высоту 0,2 м, северную половину — на высоту до 0,5 м. Поверхность первоначального земляного сооружения покрыта вымосткой из валунов, смыкающейся с восточной половиной обкладки основания и вытянутой в широтном направлении (размеры $2 \times 1,5$ м).

В южной части кургана поверх насыпного ядра, на 0,2 м выше погребенной почвы, расчищен скелет девочки 5—8 лет (погребение 2) с западной ориентировкой (азимут 273°). Погребение совершено в вытянутом положении, сохранившаяся в анатомическом порядке левая рука согнута к поясу. Под нижней челюстью найдены 3 зонные бусины желтого прозрачного стекла (типа рис. 8: 6), у пояса — бронзовая подковообразная фибула (типа табл. XXX, 3).

Курган 2 (диаметр 6 м, высота 0,7 м). Сооружен из мешаного суглинка, имеющего темную окраску в нижней части и приобретающего более светлый цвет ближе к вершине. Обкладка основания отсутствует.

В центре курганной площадки на погребенной почве — мужское (?) погребение с западной ориентировкой (азимут 278°). Нижние конечности расположены в анатомическом порядке, кости таза и верхняя часть скелета разрушены, образуя скопление на уровне 0,10—0,15 м выше захоронения; череп опрокинут и смещен к тазу. Погребение совершено в сидячем положении. Среди разрозненных костей найден обломок бронзового витого трехпроволочного браслета с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5), у правого колена зафиксировано железное оружие с ножевидным острием (табл. XXIII, 8), обращенным к ступням захоронения.

Курган 3 (диаметр 7 м, высота 1 м). По основанию окружен кольцевой обкладкой из одного-двух рядов валунов, разомкнутой в северо-восточной части. Насыпь сооружена из мешаного суглинка.

В центре курганной площадки на погребенной почве — захоронение взрослой женщины с северо-западной ориентировкой (азимут 298°). Нижние конечности и тазовые кости расположены в анатомическом порядке, верхняя часть скелета разрушена и образует беспорядочное скопление на 0,05—0,20 м выше уровня погребения; распавшийся череп смещен к тазу. Погребение совершено в сидячем положении.

Среди перемешанных костей собрано 13 бусин: 2 сердоликовые бипирамидальные (типа рис. 8: 47); 1 четырнадцатигранная и 3 шаровидные из горного хрусталя (типа рис. 8: 40, 44); 5 зонных коричневого глухого стекла с углубленной желтой инкрустацией (типа рис. 8: 17); фрагмент кольцевидной бусины синего прозрачного

стекла (типа рис. 8: 8); цилиндрическая бусина черного глухого стекла с гладким белым зигзагообразным узором (типа рис. 8: 23); половинка литой серебряной бусины (?) с выпуклым «жемчужным» узором (рис. 8: 61). Справа у пояса найдена бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXI, 9), судя по медным окислам первоначально располагавшаяся у правой ключицы. Между ногами от таза до ступней расчищено более 30 рифленых трубчатых пронизок из свинцово-оловянистого сплава (рис. 13: 5). У правой голени находился плохо сохранившийся серп, в ногах был установлен вверх устьем гончарный горшок (табл. XXVI, 4).

✓ **Курган 4** (диаметр 7 м, высота 1 м). Обкладка основания отсутствует. Насыпь сооружена из мешаного суглинка.

В центре курганной площадки на погребенной почве — костяк взрослой женщины (*захоронение 1*) с северо-западной ориентировкой (азимут 290°). Нижние конечности и тазовые кости расположены в анатомическом порядке, верхняя часть скелета перемешана, череп перевернут и смещен к тазу. Погребение совершено в сидячем положении. Среди разрушенных костей обнаружены бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXI, 3) и фрагмент бронзового витого трехпроволочного браслета с обрубленными концами (типа табл. XXXV, 5). У колена правой ноги был положен топор (табл. XXII, 2), у левого бедра — нож группы 2. В ногах зафиксированы обломки гончарного сосуда.

В 1,3 м к югу на том же уровне расчищено истлевшее захоронение ребенка (*погребение 2*), совершенное, по-видимому, в вытянутом положении и обращенное головой к западу.

✓ **Курган 5** (диаметр с севера на юг 5,6 м, с запада на восток 6,5 м, высота 1,05 м). Полукольцо из камней протяженностью около 3 м прослежено только у северо-западной поперечной насыпи; еще один валун располагался по широтной оси у восточной оконечности кургана. Насыпь и заполнение могильной ямы состоят из мешаного суглинка.

✓ По центральной широтной оси курганной площадки — четырехугольная яма ($2,8 \times 1,4 \times 0,3$ м). В ней погребение мужчины с западной ориентировкой (азимут 270°). Нижние конечности и часть тазовых костей находятся в анатомическом порядке. Правая сторона грудной клетки разрушена; перемешанные кости вместе с перевернутым черепом локализованы в заполнении ямы на 0,10—0,15 м выше ее дна. Погребение совершено в сидячем положении. Инвентарь отсутствует.

✓ **Курган 6** (диаметр 6,5 м, высота 0,85 м). По основанию окружен кольцевой обкладкой из одного-двух рядов валунов, разомкнутой в северном и восточном секторах. Насыпь и заполнение могильной ямы состоят из мешаного суглинка. По центральной широтной оси курганной площадки — четырехугольная яма ($2,5 \times 0,8 \times 0,6$ м). В ней погребение мужчины с западной ориентировкой (азимут 260°). Нижние конечности и тазовые кости расположены в анатомическом порядке. Верхняя часть скелета перемешана и смещена к северо-западному краю могилы, причем кости грудной клетки и рук встречены в заполнении от дна до верха ямы. Череп опрокинут и смещен к тазу (табл. XX Б). Погребение совершено в сидячем положении. Инвентарь отсутствует.

✓ **Курган 7** (диаметр 4,5 м, высота 0,5 м). По основанию окружен разреженной кольцевой обкладкой из одного-двух рядов валунов, разомкнутой в северном и восточном секторе. Насыпь сооружена из мешаного суглинка.

В центре курганной площадки на погребенной почве — детский костяк с северо-западной ориентировкой (азимут 313°). Нижние конечности и тазовые кости находятся в анатомическом порядке; истлевшие кости грудной клетки и рук перемешаны, распавшийся череп смещен к тазу (табл. XIX А). Погребение совершено в сидячем положении. У левой ступни встречен топор (табл. XXII, 5), у пояса — нож группы 2.

VI. Могильник в пос. Беседа

Расположен на северной окраине поселка, образуя две курганно-жальничные группы по обоим берегам ручья — притока р. Городенки, впадающей в р. Лугу. Группа I на северном (левом) берегу ручья по данным начала 1970-х гг. состояла из 110 насыпей и примыкающих к ним жальничных могил, многие из которых имели следы раскопок и повреждений. Часть курганов уничтожена песчаным карьером. Группа II, занимающая южный берег ручья, включала 69 насыпей, также частично разрушенных старыми раскопками и шурфами недавнего происхождения (табл. V).

В 1881 и 1885 гг. раскопки памятника производил Л. К. Ивановский, вскрывший, судя по описи вещевых находок, не менее 200 погребальных комплексов в обеих группах [Спицын 1896: 95—96]. В 1911 г. А. Мессер исследовал здесь 4 жальничных (?) могилы, в одной из которых обнаружено трупосожжение, датируемое временем не ранее 70-х гг. XII в.¹¹ В 1927 г. на правом берегу ручья (группа II по нашей номенклатуре) Б. А. Коишевским и Л. С. Генераловой зафиксировано 62 кургана и 8 жальников; при этом отмечалось, что почти все курганы раскопаны [АИИМК, ф. 2, д. 1927/105].

В 1971 г. Ижорской экспедицией в группе I исследованы 3 погребальных комплекса (№ 1—3), в 1975 г. — еще 4 (№ 4—7), в 1979 г. — одна курганная насыпь (№ 8). Кроме того, в самом селении зафиксировано 7 каменных крестов «новгородского» типа, происходящих, по-видимому, из уничтоженных жальничных могил.¹²

Курган-жальник 1 (диаметр 4 м, высота 0,3 м). Насыпь сооружена из супеси с редкими включениями мелких угольков. Обкладочные камни выявлены только после снятия насыпного грунта, локализуясь внутри объекта на ограниченном участке около 2 м. При этом регулярное полукольцо из крупных валунов прослежено в западном секторе, в восточной части отмечены лишь отдельные камни.

В могильной яме подпрямоугольной формы (1,8×2,0×0,6 м) — два погребения, совершенные в вытянутом положении и имевшие северо-западную направленность (азимут 315°). Мужское погребение 1: правая рука согнута к подбородку, левая — сложена на поясе; инвентарь отсутствует. Женское погребение 2 в 0,5 м к югу: руки сложены на поясе. У черепа найдено перстнеобразное кольцо из свет-

¹¹ Институт истории АН Эстонии, коллекция и опись № 2578.

¹² Отчетная документация об исследованиях Ижорской экспедиции: АИА, Р-1, д. 1971/4532, 4532а; 1975/5346, 5346а; 1979/7698, 7698а.

лого сплава с петлей на одном конце. У правой ключицы — бронзовая подковообразная фибула (типа табл. XXXII, 8), на правой руке — бронзовый витой четверной (2×2) петлеконечный браслет (типа табл. XXXV, 6), на левой руке — бронзовый узкомассивный браслет с сужающимися концами (типа табл. XXXV, 2).

Курган 2 (диаметр 2 м, высота 0,3 м). Сооружен из мешаной супеси. Зафиксирован лишь один валун у северной полы насыпи. Следов могильной ямы и погребения не обнаружено. Предположительно курган содержал несохранившееся детское захоронение.

Погребальный комплекс 3 (диаметр с севера на юг 6 м, с запада на восток 5 м, высота 0,5 м). Насыпь сооружена из мешаной супеси с включениями мелких угольков. Обкладочные камни на поверхности не прослеживались. При снятии дерна установлено, что объект состоял из трех жальничных могил с оградками, перекрытых общей насыпью (табл. XVI).

Центральное положение занимала яма подчетыреугольных очертаний (1,4×1,9×0,4 м), обнесенная обкладкой из валунов. В ней встречены два погребения подростков, совершенные в вытянутом положении и имеющие северо-западную направленность (азимут 330°). *Погребение 1* — на дне ямы; кисти рук согнуты к подбородку. *Погребение 2* — выше дна могилы на 0,25 м; сохранившаяся в анатомическом порядке правая рука сложена на груди. В заполнении ямы найдены фрагменты трех гончарных сосудов.

Могила, расположенная к северо-западу от коллективной усыпальницы, околесована обкладкой овальной формы из крупных валунов. В четырехугольной яме (1,7×0,8×0,1 м) — мужское *погребение 3* с северо-западной ориентировкой (азимут 335°); сохранившаяся в анатомическом порядке кисть левой руки сложена на лобке. Могила, расположенная к юго-востоку от предыдущей, имеет ту же направленность. Обкладка овальной формы смыкается валунами над погребением 2, образуя, вместе с тем, общую перемышку с западной частью оградки коллективной могилы. Четырехугольная яма (1,8×0,8×0,3 м) содержала мужское *погребение 4* с северо-западной ориентировкой (азимут 335°); сохранившаяся в анатомическом порядке кисть левой руки сложена на лобке. Инвентарь отсутствует.

Жальничный комплекс 4 (№ 1 по отчету 1979 г.) исследован на площади 14 кв. м (табл. XVII A). Отмечен отдельными выступающими на поверхности валунами. После снятия дерна выявлена система из трех каменных оградок и боковая обноска четвертой.

Западная секция (могила 2) представлена замкнутой прямоугольной оградкой из одного-двух рядов камней, имеющей широтную направленность с некоторым смещением. С северо-западной стороны, в изголовье, установлен вертикально врытый крупный валун, рядом с которым внутри оградки обнаружен обломок каменного креста «новгородского» типа. Могильная яма не прослеживается. На глубине 0,7 м от поверхности, на 0,55 м ниже от основания камней — женское *захоронение 2* с северо-западной ориентировкой (азимут 305°), совершенное в вытянутом положении; череп обращен лицевой частью вверх, кисти рук сложены на лобке. У черепа встречен фрагмент бронзовой проволоки с двумя шаровидными расширениями.

С востока к обкладке могилы 2 примыкает оградка могилы 3, имеющая прямоугольную форму и широтную направленность. По продольным сторонам отмечена одним рядом камней, с торцов замкнута вертикально установленными крупными валунами. Могильная яма не прослеживается. На глубине 0,7 м от поверхности (на 0,55 м ниже основания камней) — женское захоронение 3 в вытянутом положении с западной ориентировкой (азимут 285°); череп обращен лицевой частью вверх, кисти рук сложены на лобке. В черепе обнаружена бронзовая проволочная серьга в виде вопросительного знака с нанизанной пастовой бусиной (табл. XXVIII, 11), на грудных позвонках — бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXII, 8), на правой руке — бронзовый витой (2×2) петлеконечный браслет (типа табл. XXXV, 6).

Обкладка могилы 1 примыкает с юга к оградкам 2 и 3. Сложена из одного ряда валунов, разомкнутых в южной части. На глубине 0,5 м от поверхности (0,3 м от основания камней) — труположение ребенка с северо-западной ориентировкой (захоронение 1). Без вещей.

Жальничная могила 5 (№ 2 по отчету 1979 г.). Отмечена обкладкой овальной формы размерами 2,4×1,76 м, сложенной из двух-трех рядов валунов. С северо-запада (в изголовье ?) установлен массивный камень. На глубине 0,6—0,7 м от поверхности — груда перемешанных человеческих костей. Череп отсутствует. По всей вероятности, погребение разрушено при кладоискательских раскопках.

Жальничный комплекс 6 (№ 3 по отчету 1979 г.) исследован на площади 13 кв. м. После снятия дерна выявлена система каменных конструкций из двух крупных оградок и небольших секций (табл. XVII Б).

Оградка могилы 2 в восточной части участка сложена из одного-двух рядов камней, имеет овальную форму и широтную направленность; у западного края установлен массивный валун. Контуры могильной ямы прослежены в слое супеси по более темному заполнению. В яме подчетыреугольной формы размерами 1,9×0,8 м и глубиной от основания камней 0,7 м — женское погребение 2, совершенное в вытянутом положении и имеющее западную направленность (азимут 260°). Череп повернут вправо, кисти рук сложены на лобке. У черепа справа найдена бронзовая проволочная серьга в виде вопросительного знака с напускной полый бронзовой бусиной (типа табл. XXIX, 9).

С запада и с севера к могиле 2 примыкают три незначительные по размерам (в среднем 0,6×0,8 м) обкладки подчетыреугольной формы. Следов захоронений в них не обнаружено; вероятна их связь с полностью истлевшими погребениями младенцев. Западным продолжением комплекса является могила 1, также окруженная оградкой овальной формы. В могиле подчетыреугольной формы размерами 1,4×0,6 м и глубиной от основания камней 0,4 м — захоронение 1, принадлежащее девочке-подростку. Погребение совершено в вытянутом положении, имеет западную направленность (азимут 270°). Череп повернут вправо, сохранившаяся в анатомическом порядке правая рука сложена на груди. Под нижней челюстью — бронзовая подковообразная фибула (типа табл. XXXII, 8).

Курган 7 (№ 4 по отчету 1979 г.). Диаметр 5,5 м, высота 0,7 м. Насыпь сооружена из мешаной супеси, следов перекопа не выявлено. По основанию окружена замкнутой кольцевой обкладкой из одного ряда плитнякового камня.

В центре курганной площадки на горизонте — скопление человеческих костей, локализованное на участке $0,8 \times 0,6$ м. Кости образуют компактную группу, поверх которой лежал перевернутый череп. При разборке встречены бронзовая подковообразная фибула (типа табл. XXX, 3 с аналогичным орнаментом), а также обломки железных предметов — по-видимому, серпа и ножа.

Курган 8 (№ 1 по отчету 1979 г.) с заплывшим шурфом на вершине. Диаметр 4,6 м, высота 0,5 м. Насыпь сооружена из мешаного суглинка, по основанию окружена разомкнутой обкладкой из валунов.

В основании курганной площадки на месте перекопа, прорезавшего центральную часть насыпи, найдено скопление бус: 63 экз. — голубой рубленый бисер прозрачного стекла (типа рис. 8: 1); 1 лимоновидная золоченая (типа рис. 8: 2); 1 шаровидная хрустальная (типа рис. 8: 39). Оттуда же происходят кусок спекшейся стекловидной массы с остатками расплавленных бусин и прикипевшим обломком железа, бронзовая спиралька. У камней в южной части обкладки встречен бронзовый грушевидный крестопорезной бубенчик (типа табл. XLI, 9).

Следов погребения не обнаружено. В основании площадки за пределами перекопа отмечены углистые линзы. Предположительно курган содержал остатки трупосожжения, совершенного на стороне.

VII. Могильник у дер. Плещевицы

Расположен в 0,2 км к юго-западу от дер. Плещевицы и в 0,5 км к северо-востоку от дер. Коноховицы, где также зафиксирован курганный могильник (табл. VI). С юга и юго-востока ограничен глубоким оврагом, покрыт смешанным лесом. В начале 1970-х гг. насчитывал не менее 670 насыпей, большинство которых имело следы старых шурфов и ямы недавнего происхождения.

Раннее ядро могильника образовано крупными насыпями диаметром 10—16 м и высотой 1—2 м, занимающими южную и центральную часть памятника. На его периферии в северной половине расположены небольшие по размерам насыпи курганно-жальничного типа, к которым примыкает жальничное поле с поверхностными каменными оградками круглой, овальной и четырехугольной формы.

В 1877 г. Л. К. Ивановский, зарегистрировавший в могильнике свыше 450 насыпей, исследовал здесь 63 погребальных комплекса [Спицын 1896: 92—93]. В 1927 г. Б. А. Коишевским и Л. С. Генераловой зафиксировано в группе не менее 400 насыпей, значительная часть которых раскопана колодцем [АИИМК, ф. 2, д. 1927/105]. В 1971 г. Ижорской экспедицией был снят план памятника и произведено вскрытие двух погребальных сооружений на северо-восточной окраине могильника [АИА, Р-1, д. 1971/4532, 4532а; Рябинин, Рябинина, Теребихин 1972: 24—25]. В 1978—1981 гг. раскопки были продолжены Северо-Западным отрядом ЛОИА АН СССР под руководством В. А. Кольчатова, в процессе которых было вскрыто 25 курганов, 28 жальничных и 18 грунтовых могил XII—XVI вв. [Кольчатов, Розов 1979: 15—16; Кольчатов 1980: 10—11; 1981: 11; 1983: 18].

Курган-жальник 1 (диаметр с севера на юг 4,6 м, с запада на восток 4 м, высота 0,5 м). Насыпь состоит из мешаной супеси, по основанию имеется коль-

цевая замкнутая обкладка из двух рядов валунов с включениями обломков плитнякового камня. Наиболее крупные валуны установлены в западной и восточной части обноски. На глубине 0,5—0,4 м от вершины зафиксирована сплошная вымостка из булыжного камня, заключенная внутри кольцевой оградки. На ней встречены скопления угля, золы, мелкие обломки гончарной керамики и кости животных.

Под вымосткой выявлена яма овальной формы, имеющая широтную направленность (2,5×2,0 м) и углубленная в материк на 0,3 м. С ее дна были впущены две расположенные параллельно могилы подчетыреугольной формы (1,9×0,6×0,15 м). На перемычке между ними у западного края установлен каменный крест «новгородского» типа.

Погребение 1 — женское. Совершено в вытянутом положении, ориентировано к западу (азимут 257°); череп обращен лицевой частью вверх, кисти рук сложены на лобке. У черепа зафиксирована россыпь речных раковин, у висков — по одному бронзовому проволочному перстнеобразному кольцу без завитка (типа табл. XXVIII, 12), в верхней части груди — 7 бусин: темные пастовые со срезанными краями (типа рис. 8: 34) и четырнадцатигранные хрустальные (типа рис. 8: 43). У правой ключицы располагалась бронзовая кольцевидная фибула (табл. XXXIV, 13), на левой руке был надет бронзовый узкопластинчатый браслет, на правой — бронзовый крученный браслет (табл. XXXVI, 11).

Погребение 2 — мужское. Расположено к северу от женского захоронения. Совершено в вытянутом положении, ориентировано к западу (азимут 261°); череп обращен лицевой частью вверх, руки сложены в нижней части груди. Инвентарь отсутствует.

Курган-жальник 2 (диаметр 2 м, высота 0,3 м). По основанию окружен обкладкой из одного-двух рядов крупных валунов. На глубине 0,2 м от вершины зафиксирована вымостка из валунов, сложенная на уровне древней дневной поверхности и перекрывающая четырехугольную могильную яму (1,7×0,4×0,55 м). В могиле — женское погребение в вытянутом положении с западной ориентировкой (азимут 265°). Череп повернут влево, правая рука согнута к верхней части груди, левая сложена на поясе. У шейных позвонков располагалась бронзовая подковообразная фибула (табл. XXXII, 10). У шеи встречены 3 бронзовые бусины (типа рис. 8: 56, 57), на левой руке был надет бронзовый пластинчатый широкосрединный перстень с незамкнутыми концами (орнамент отсутствует).

VIII. Могильник у дер. Горки Первые

Расположен в 0,5 км к северу от деревни в хвойном лесу. Насчитывает не менее 150 курганов и курганов-жальников. Крупные насыпи диаметром до 10—12 м и высотой 0,9—2,2 м образуют раннее ядро кладбища в его северо-западной части. К нему примыкают небольшие насыпи, сменяющиеся на юго-восточной окраине жальничными оградками. Часть курганов раскопана колодцем.

Памятник зафиксирован Ижорской экспедицией в 1974 г. Тогда же были предприняты рекогносцировочные раскопки двух погребальных комплексов в юго-восточной (поздней) части могильника [АИА, Р-1, д. 1974/5346, 5346а].

✓ **Курган-жальник 1** (№ 134 по полевому отчету). Диаметр 3,5 м, высота 0,5 м. По основанию имеется замкнутая кольцевая обкладка из трех рядов валунов. Насыпь и заполнение могилы состоят из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — четырехугольная яма (2,0×0,6×0,3 м), содержащая погребение женщины с западной ориентировкой (азимут 260°). Нижние конечности сохранились в анатомическом порядке, верхняя часть костяка разрушена, череп сдвинут к тазу. Погребение совершено в сидячем положении. В районе разрушенной грудной клетки зафиксирована россыпь речных раковин, у черепа найден фрагмент бронзового перстнеобразного проволочного колечка с несомкнутыми концами (типа табл. XXVIII, 12), у правого бедра — обломок ножа.

Курган-жальник 2 (№ 152 по полевому отчету), расположен рядом с погребальным сооружением 1. Представляет едва заметное всхолмление высотой 0,2 м и диаметром 2,5 м, окруженное замкнутой кольцевой обкладкой из крупных валунов. В могильной яме подчетыреугольной формы (1,9×0,5×0,2 м) — плохо сохранившееся детское погребение в вытянутом положении с западной ориентировкой (265°). Инвентарь отсутствует.

IX. Могильник у дер. Фьунатово

Расположен на западной окраине деревни. Включает 150 курганов и курганов-жальников диаметром 2,5—10 м, высотой 0,3—1,7 м и не поддающиеся точному учету жальничные могилы на окраине кладбища. Часть насыпей раскопана колодцем (табл. I Б).

Памятник зафиксирован Ижорской экспедицией в 1974 г. Тогда же было произведено вскрытие одного кургана и системы жальничных могил в южной периферийной части могильника. Еще два кургана-жальника на том же участке исследованы в 1977 г. [АИА, Р-1, д. 1974/5346, 5346а; 1977/6630, 6630а].

Курган 1 (№ 92 по отчету 1974 г.). Южная пола насыпи срезана полевой дорогой. Диаметр с запада на восток 4,5 м, высота 1 м. По основанию имеется сплошная кольцевая обкладка из одного ряда валунов. Насыпь сооружена из мешаного суглинка.

По центральной широтной оси — подчетыреугольная могильная яма (2,0×0,6×0,3 м). В ней погребение женщины в вытянутом положении. Ориентировка западная с отклонением к югу (азимут 245°); череп обращен лицевой частью вверх, правая рука сложена на груди, левая на поясе. У левой ключицы располагалась бронзовая подковообразная фибула (типа XXXII, 5), у правого колена встречен нож с остатками деревянной рукоятки.

Жальничный комплекс 2 (№ 123 по отчету 1974 г.). На поверхности отмечен отдельными валунами. При снятии дерна выявлена четырехугольная каменная оградка размерами 3,8×2,4 м, разделенная на три секции и ориентированная по продольной оси с северо-запада на юго-восток. С юго-востока к оградке примыкала вымостка из мелкого булыжника.

В трех расположенных по одной линии и параллельно друг другу могилах четырехугольной формы (1,8—2,0×0,6×0,6 м) встречены захоронения в вытянутом положении, имеющие юго-западную направленность (азимут 245°). *Погребение 1* (северное) — мужское; череп обращен лицевой частью вверх, правая рука вытянута вдоль тела, левая рука сложена на поясе. *Погребение 2* (центральное) — женское; череп повернут влево; левая рука сложена на поясе, правая согнута к лобку. Без вещей. *Погребение 3* (южное) — женское; череп обращен лицевой частью вверх, руки сложены на поясе. На правой руке — бронзовый витой четверной (2×2) браслет с петлями на концах (типа табл. XXXV, 6), на шее — темные пастовые бусы с кососрезанными краями (типа рис. 8: 34). Под каменной вымосткой на глубине 0,2 м совершено *погребение 4*, представленное костяком ребенка с юго-западной ориентировкой (азимут 245°). Инвентарь отсутствует.

Курган-жальник 3 (№ 109 по отчету 1977 г.). Диаметр с севера на юг 4 м, с запада на восток 3,2 м, высота 0,6 м. По основанию имеется кольцевая замкнутая обкладка из двух-трех рядов валунов. Насыпь сооружена из мешаного суглинка. На уровне горизонта выявлена тонкая зольно-углистая линза ритуального кострища, перекрывающая могильную яму. В яме подчетырехугольной формы (1,6×0,5×0,3 м) с заполнением из мешаного суглинка — погребение подростка в вытянутом положении с западной ориентировкой (азимут 270°); череп обращен вправо, руки сложены на поясе. Без вещей.

Курган-жальник 4 (№ 123 по отчету 1977 г.). Диаметр 2,4—2,7 м, высота 0,4 м. По основанию имеется кольцевая замкнутая обкладка из двух рядов валунов. Насыпь сооружена из мешаного суглинка. В подчетырехугольной могильной яме (1,8×0,7×0,5 м) — погребение мужчины в вытянутом положении с западной ориентировкой (азимут 255°); череп обращен вправо; правая рука сложена в нижней части груди, левая согнута к лобку. Инвентарь отсутствует.

А

Б

Табл. I. Внешний вид могильников.

А – курганная группа у дер. Бегуницы; Б – группа у дер. Фьонатово.

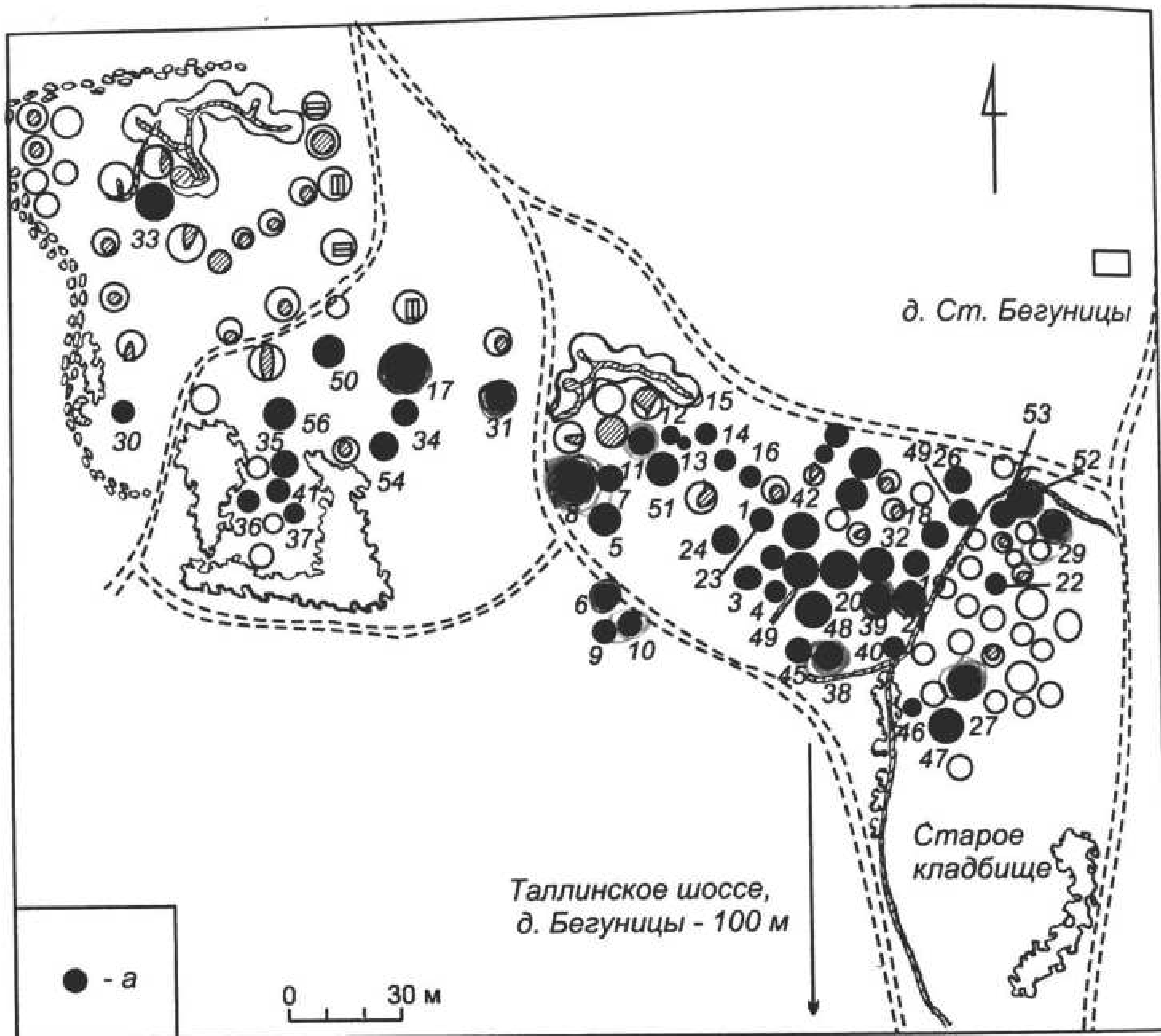

Табл. II. План могильника у дер. Бегуницы (а — исследованные курганы).

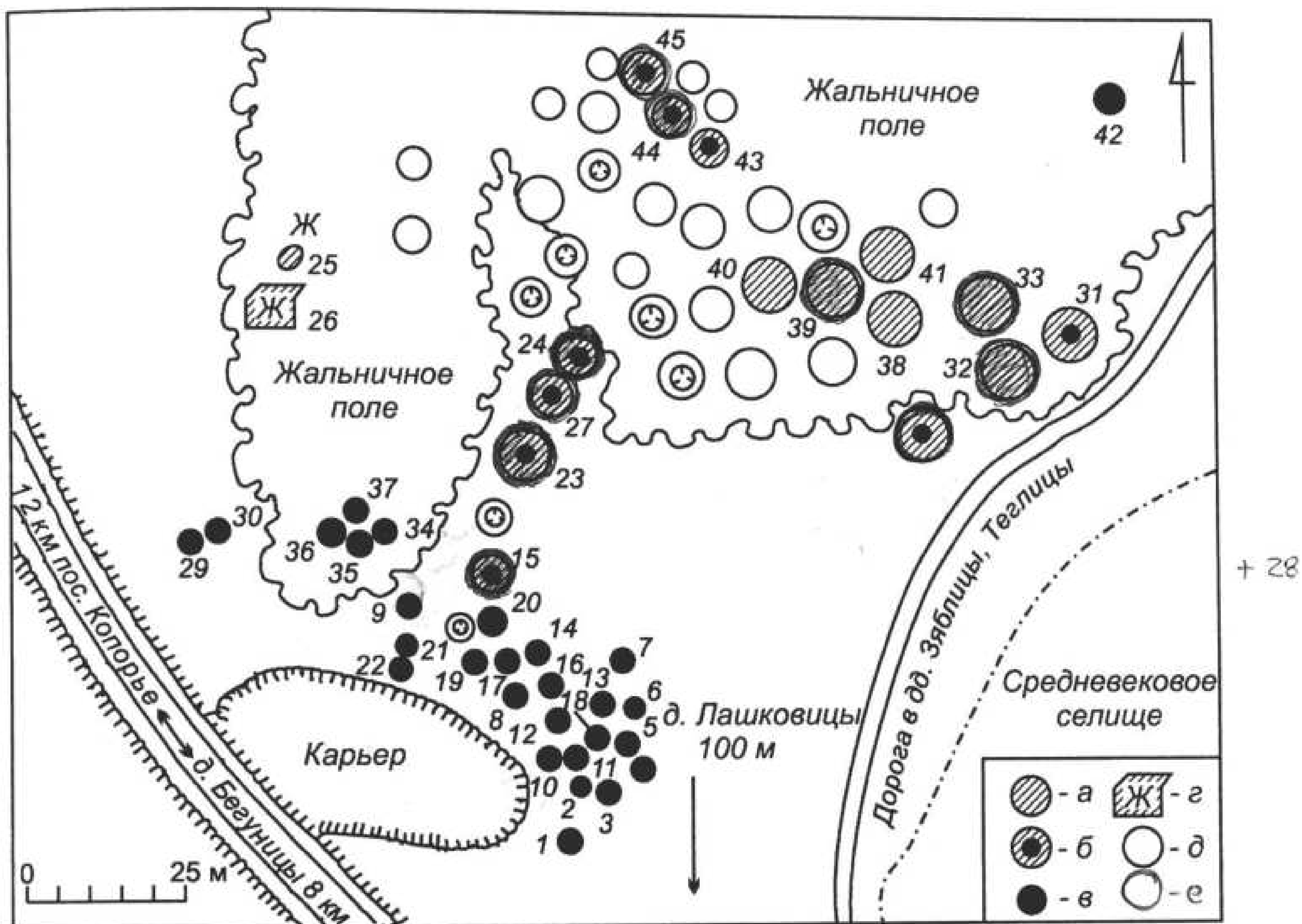

Табл. III. План группы I у дер. Лашковицы.

Исследованные комплексы (а – курганы с погребениями на горизонте; б – курганы с погребениями в ямах; в – курганы-жальники; г – жальничные могилы); д – неисследованные насыпи; е – с сцддд - чими погребениями ,

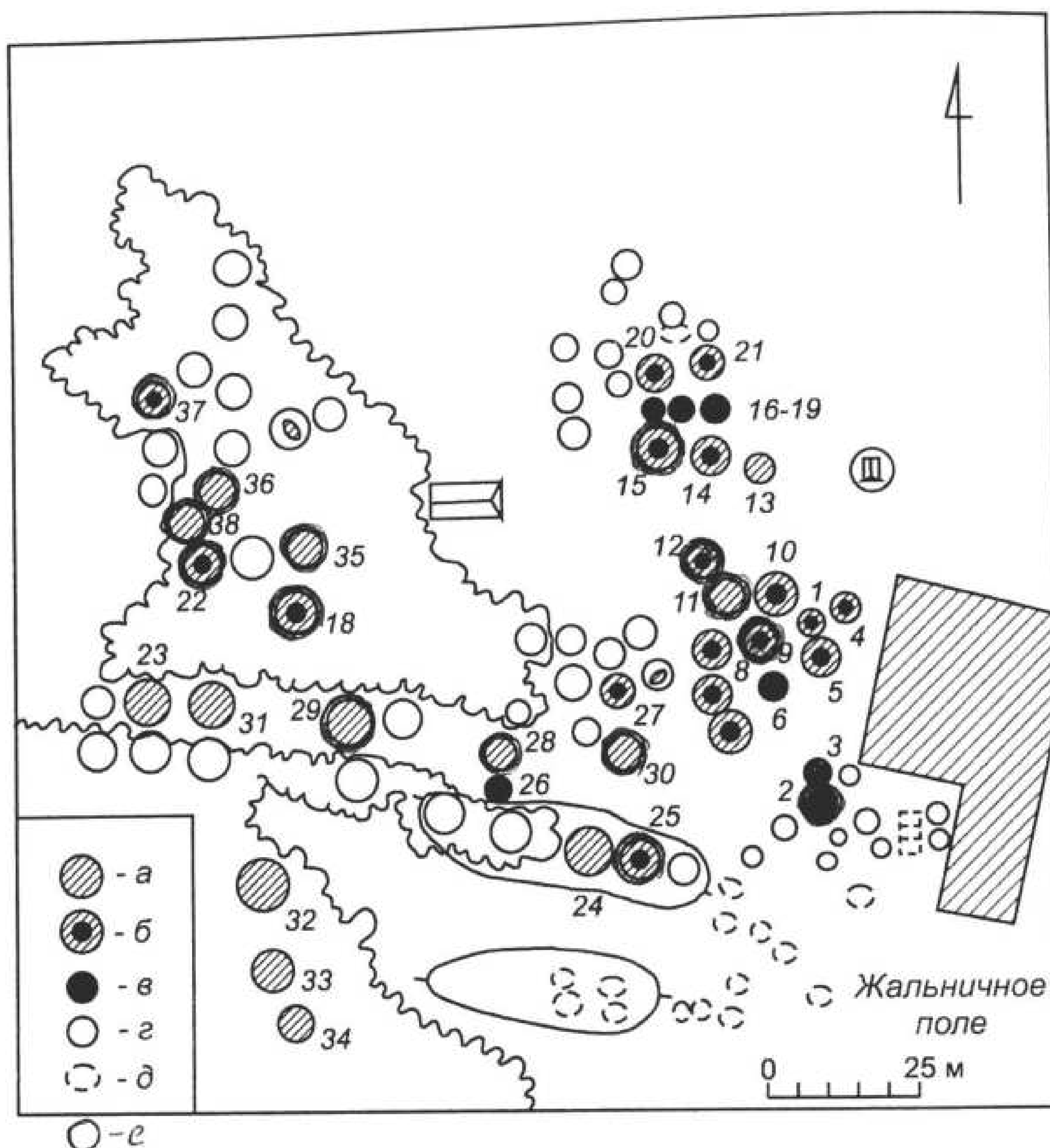

Табл. IV. План группы I у дер. Теглицы.

Исследованные комплексы (а – курганы с погребениями на горизонте; б – курганы с погребениями в ямах; в – курганы-жальники); г – неисследованные насыпи; д – неисследованные оградки жальничного типа. е – признаки захоронения

Табл. V. План могильника у дер. Беседа.

a – насыпи без каменных обкладок; *б* – насыпи с прослеживаемыми каменными обкладками; *в* – насыпи, разрушенные шурфами; *г* – исследованные курганы и жальничные могилы; *д* – песчаный карьер в пределах могильного поля.

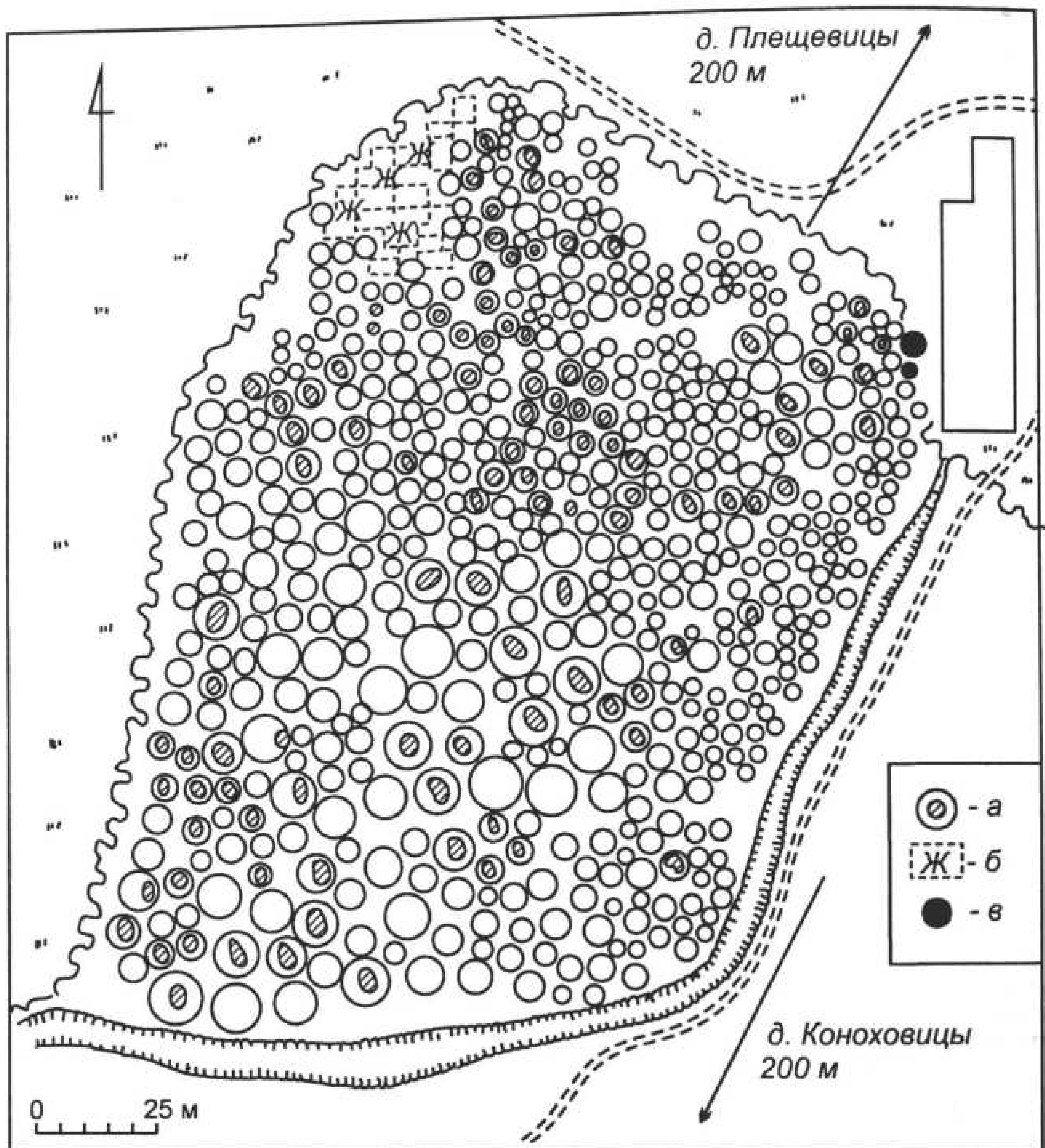
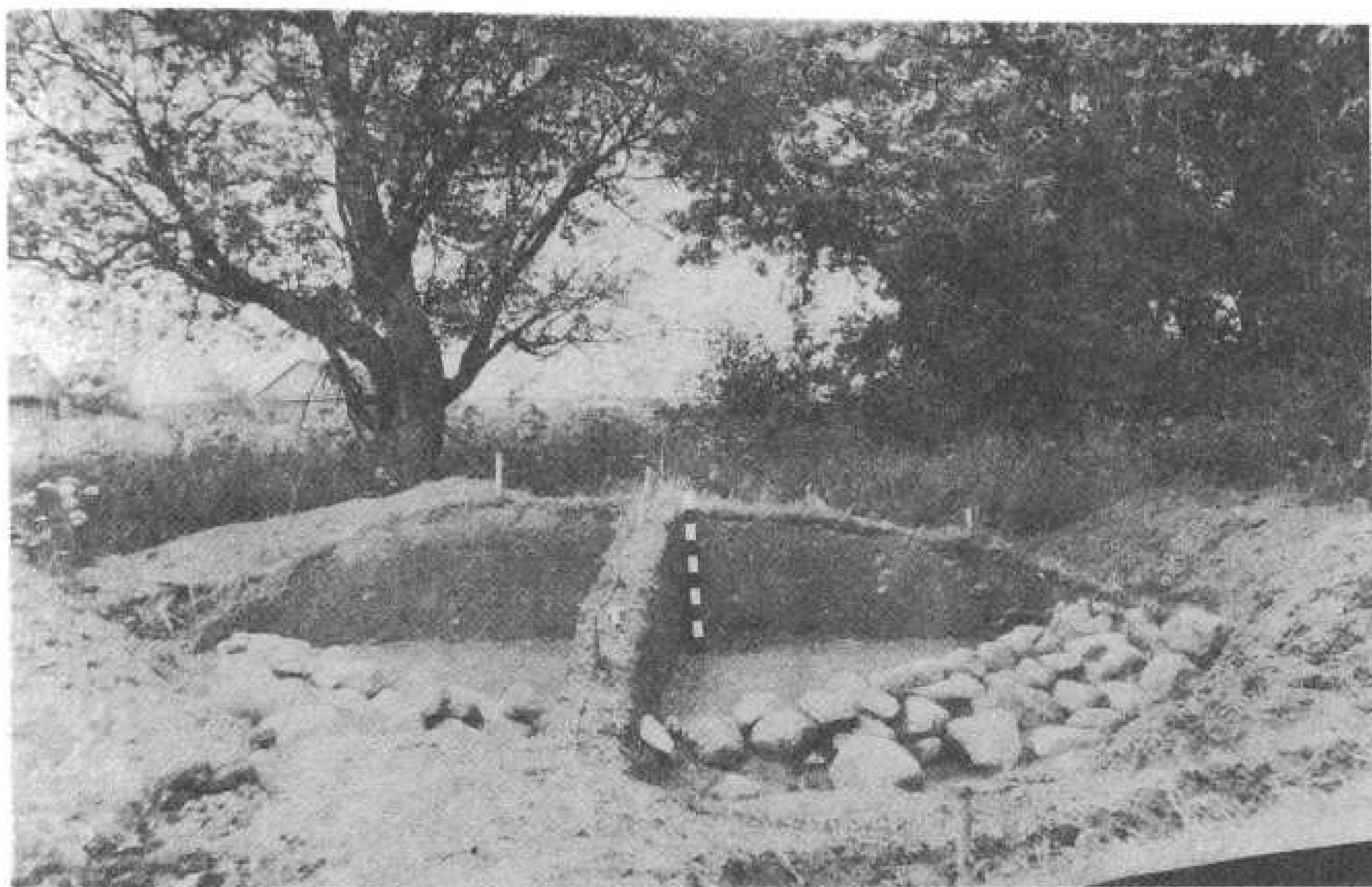

Табл. VI. План могильника у дер. Плещевицы.

а – насыпи со следами старых раскопок; б – жальничные могилы; в – комплексы, исследованные Ижорской экспедицией.

А

Б

Табл. VII. Курганы Бегуницкого могильника.

А – насыпь 52 в процессе раскопок; Б – насыпь 41, характер двухэтапного сооружения кургана.

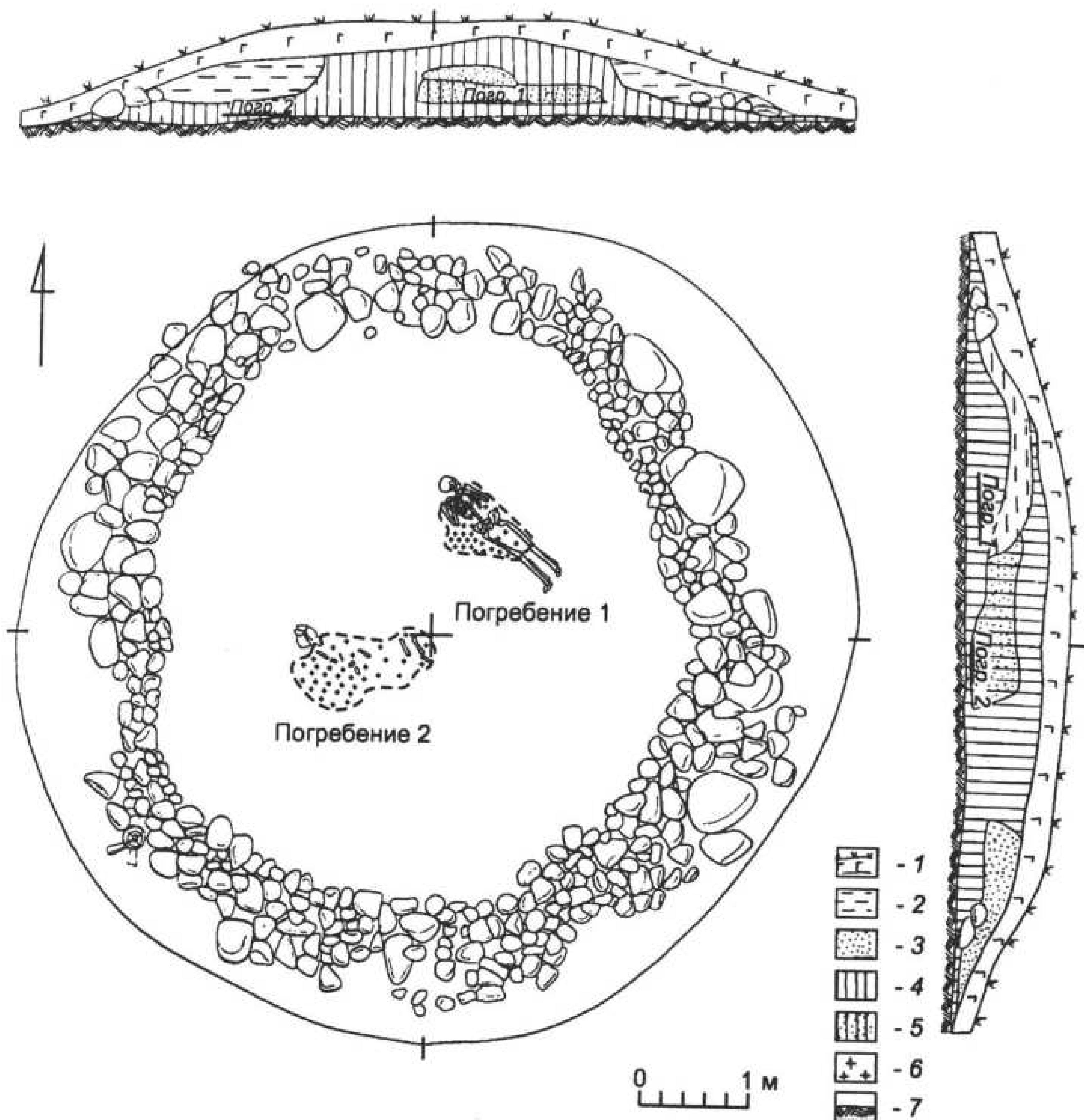
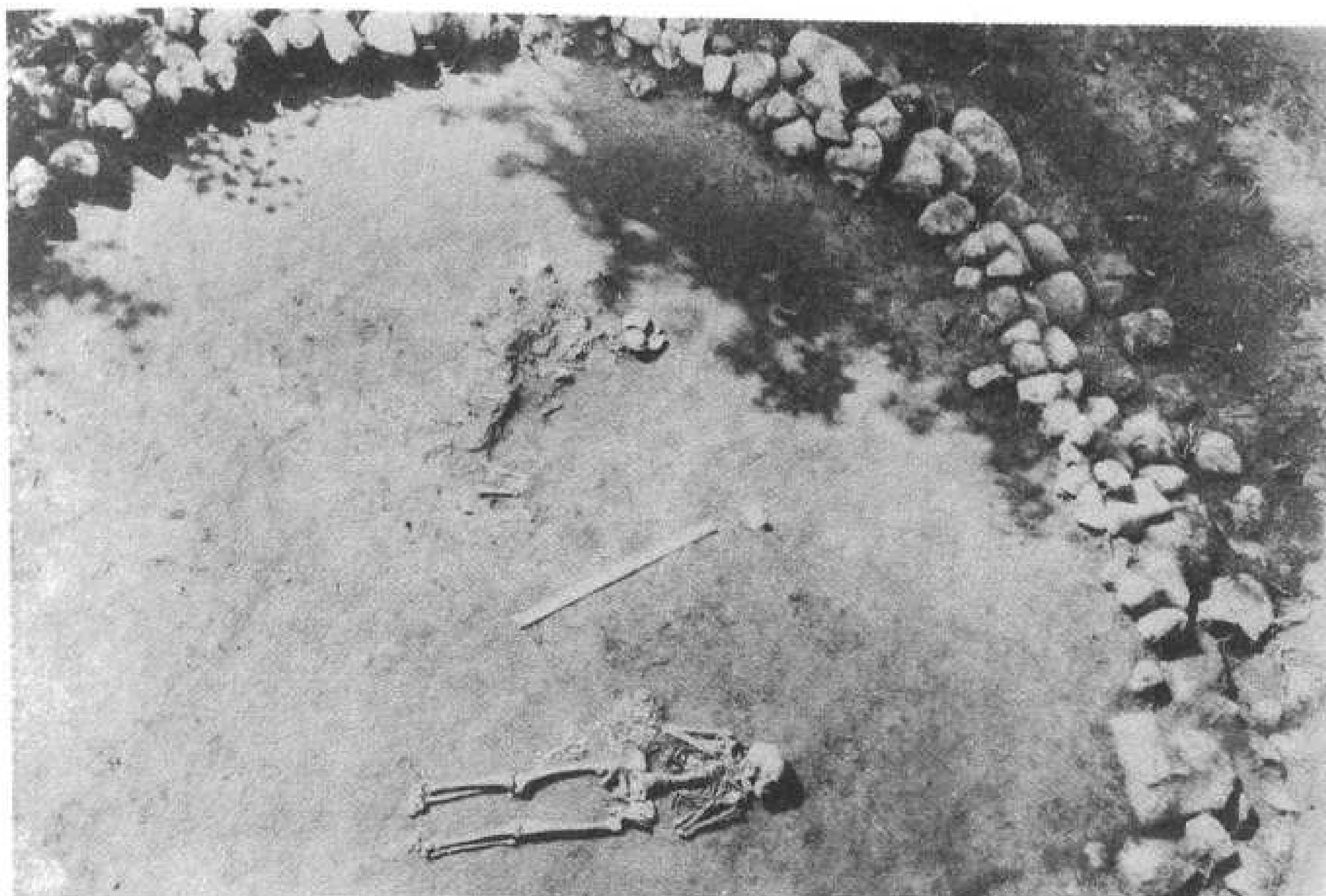
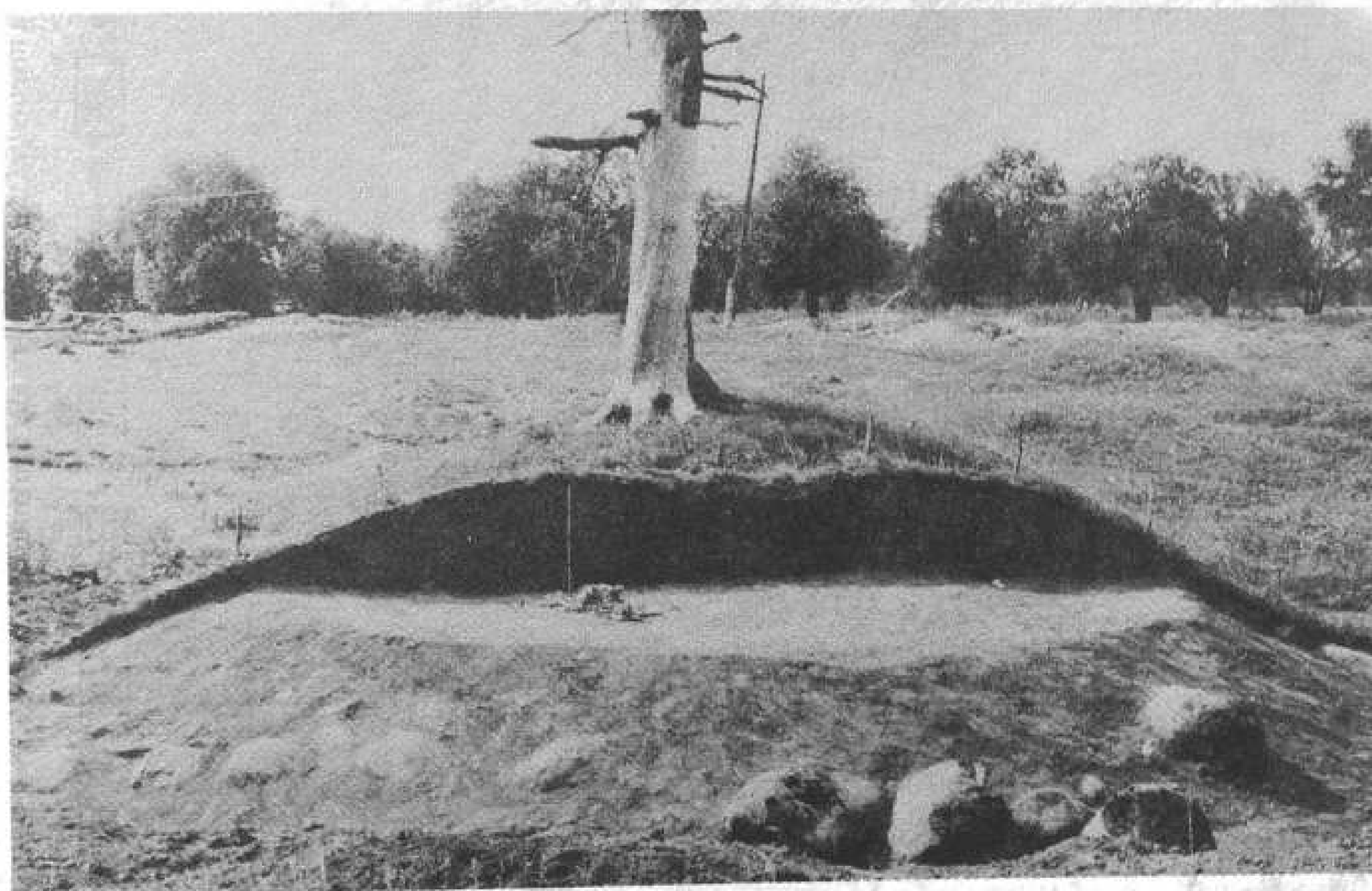

Табл. VIII. План кургана 38 у дер. Лашковицы (группа I).

1 – дерн; 2 – суглинок; 3 – светло-желтая супесь; 4 – серая гумусированная супесь; 5 – слегка гумусированная светлая супесь; 6 – кальцинированные кости; 7 – материк.

А

Б

Табл. IX. Вид курганных захоронений.

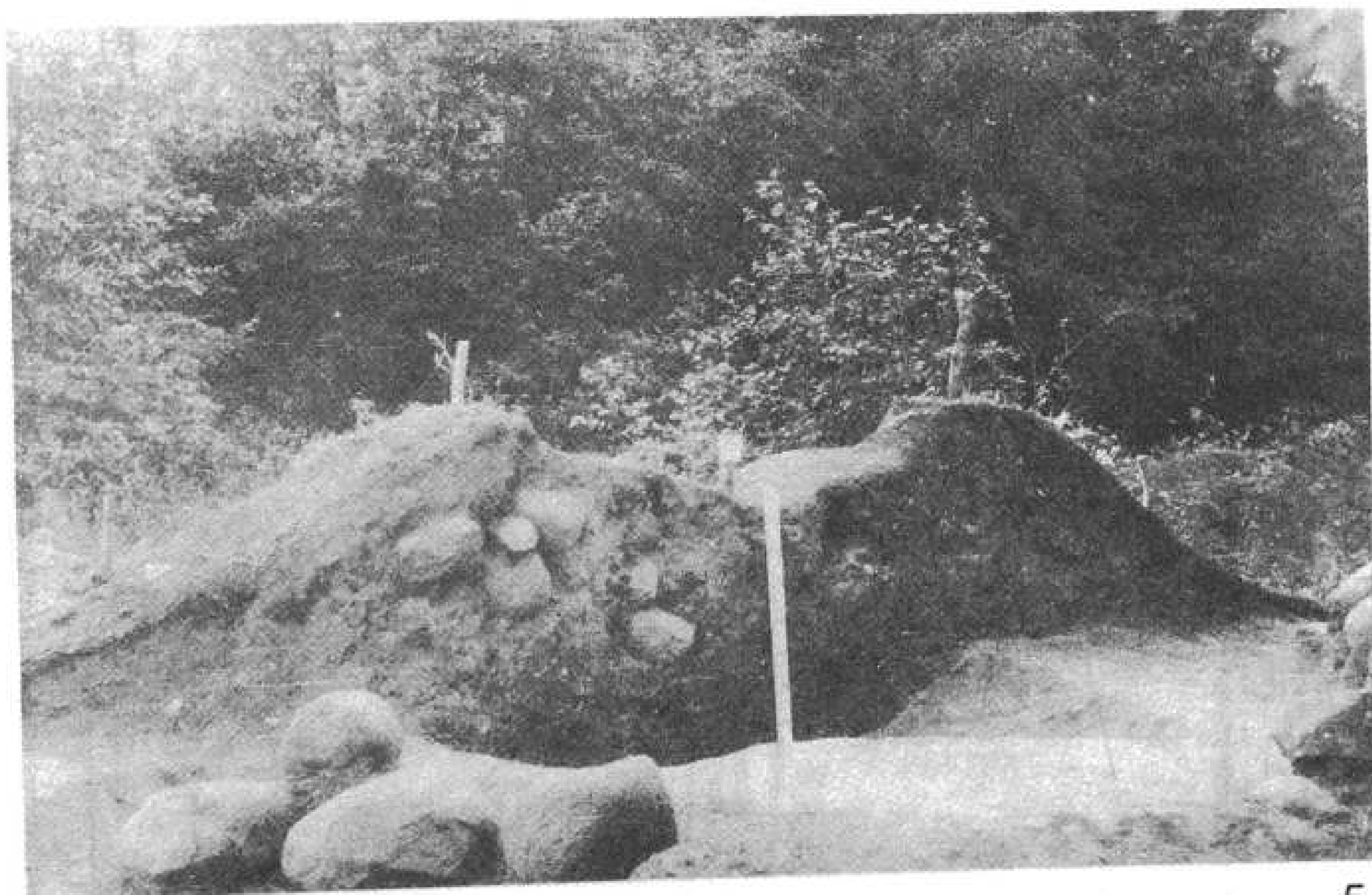
А – курган 58 группы I у дер. Лашковицы с биритуальным обрядом захоронения; Б – курган 20 у дер. Бегуницы с биритуальным обрядом захоронения в верхней части насыпи.

А

Б

Табл. XI. Курганы с каменными конструкциями в насыпи (А – Бегуницы 52; Б – Лашковицы 1-27).

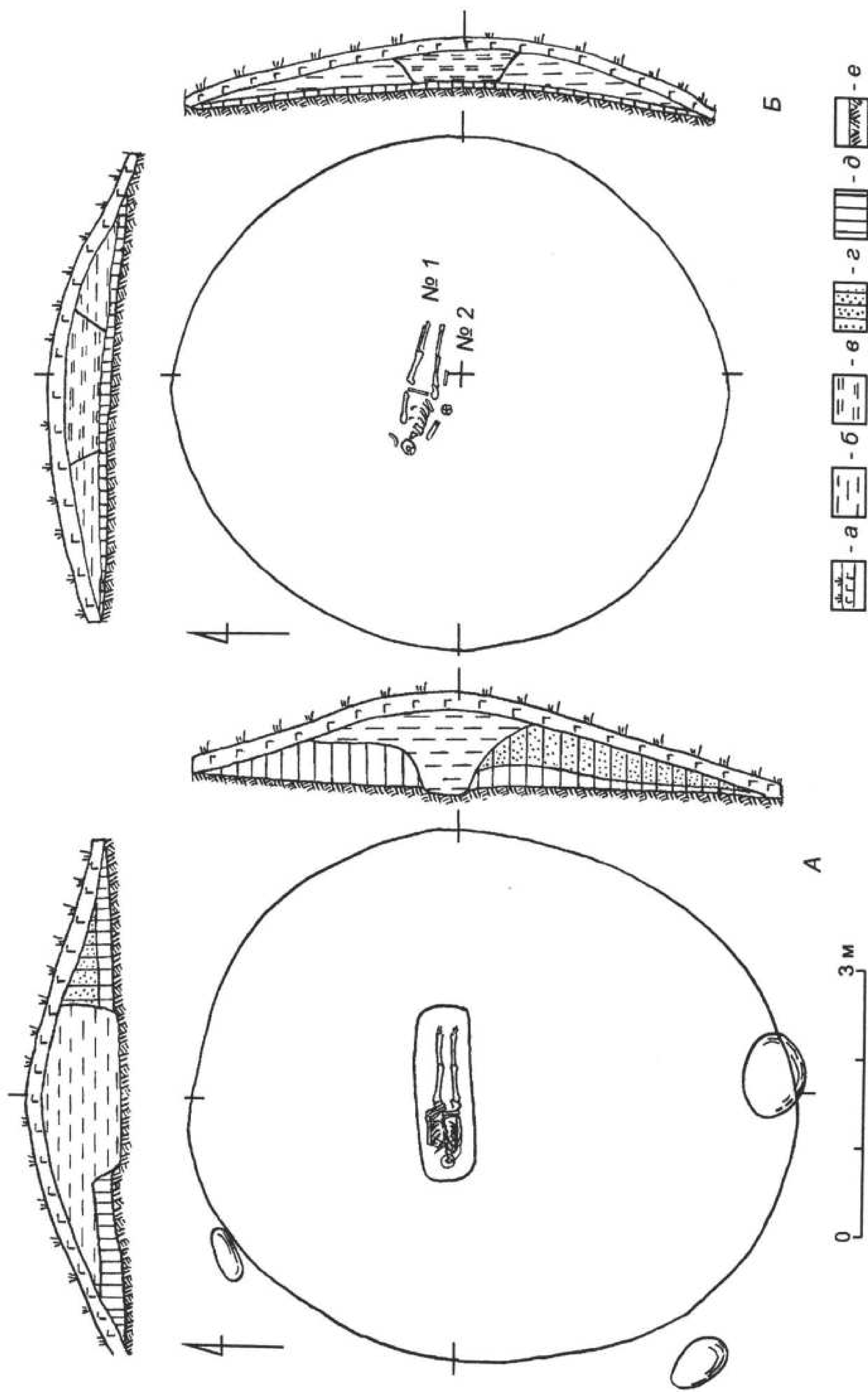

Табл. XII. Планы и разрезы курганов группы I у дер. Лашковицы с впускными основными погребениями (А - курган 31; Б - курган 32).
а - дерн; б - светло-желтый суглинок; в - темный гумусированный суглинок; г - гумусированная темная супесь; д - гумусированная почва; е - материк.

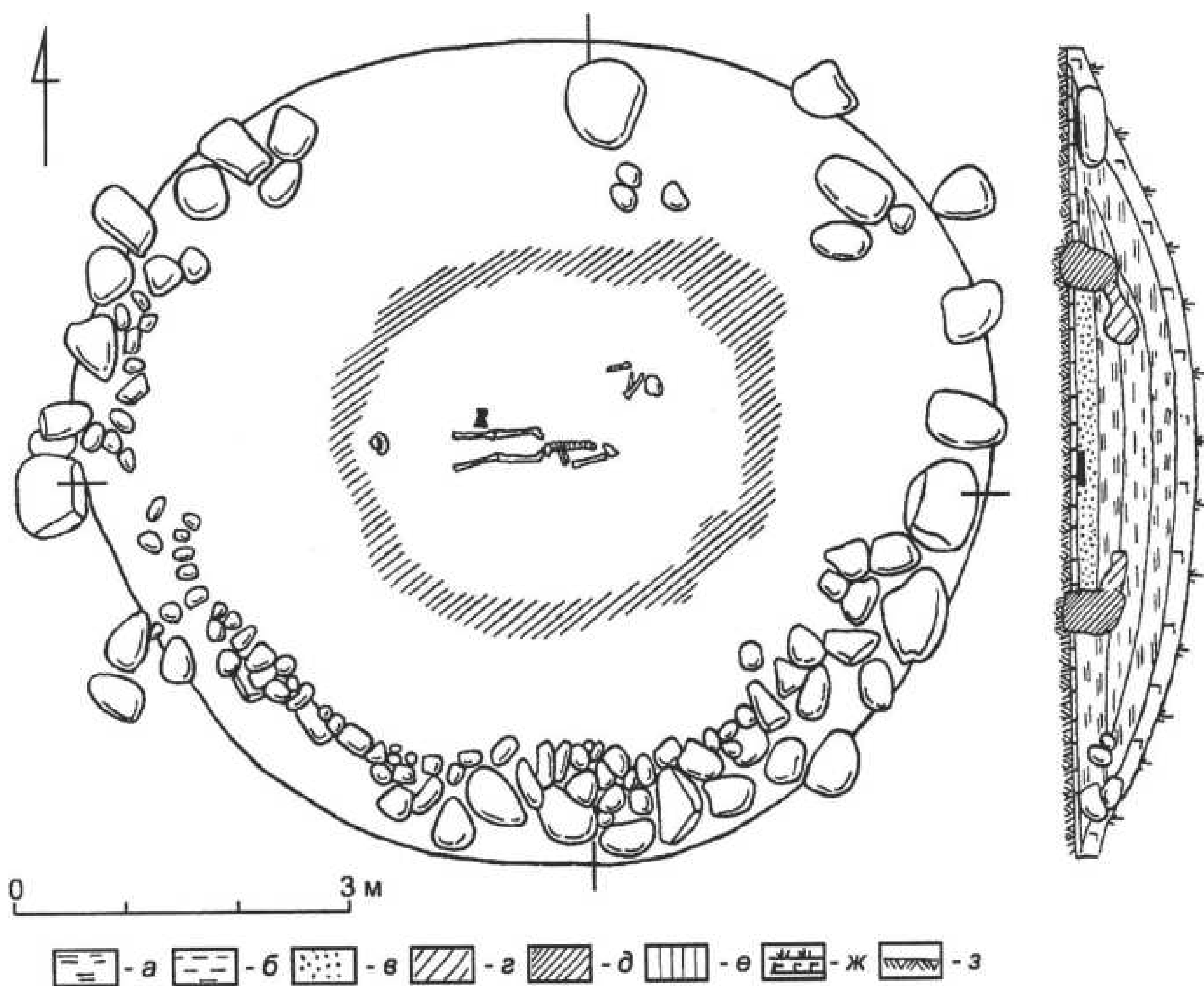
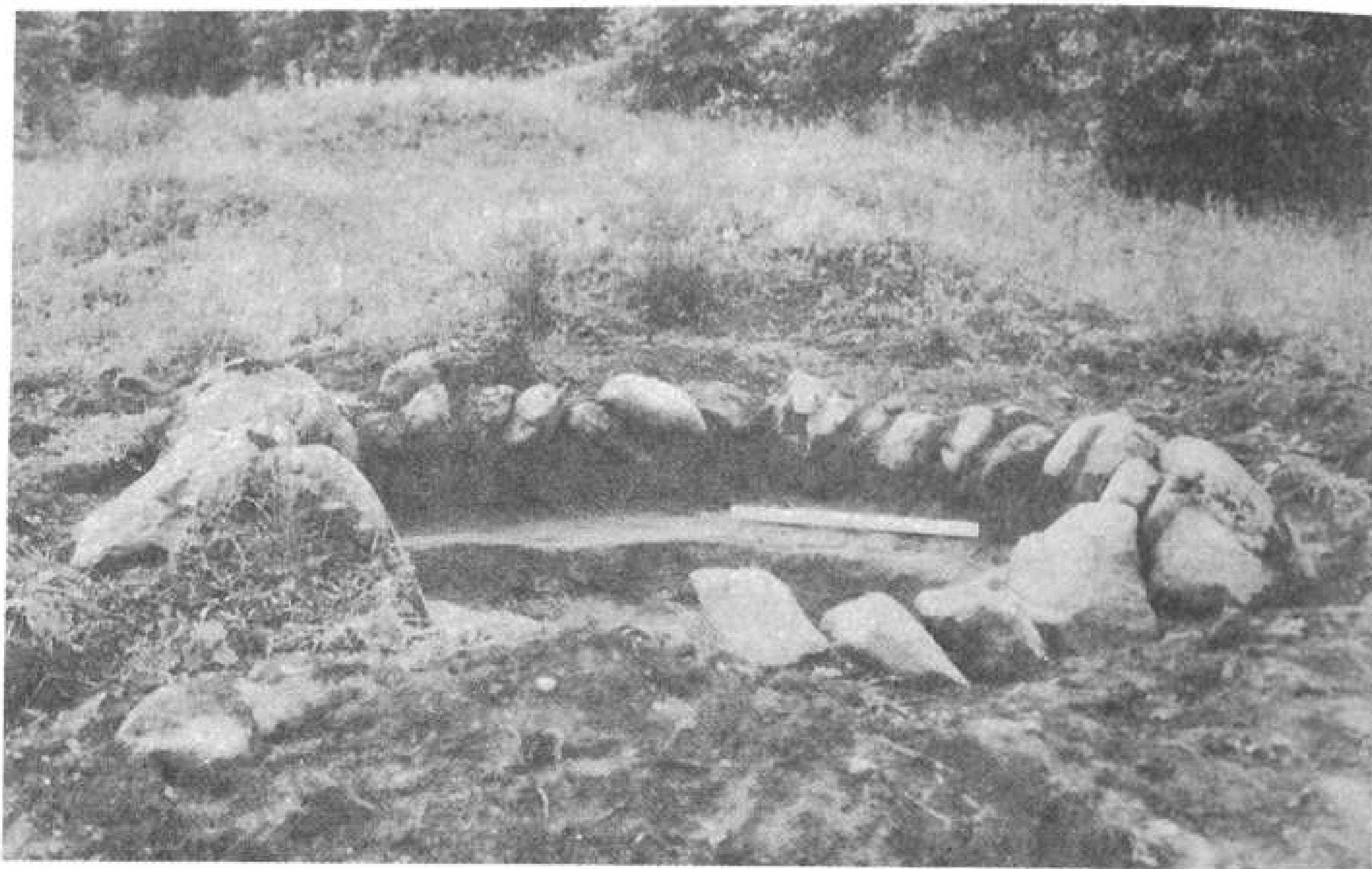
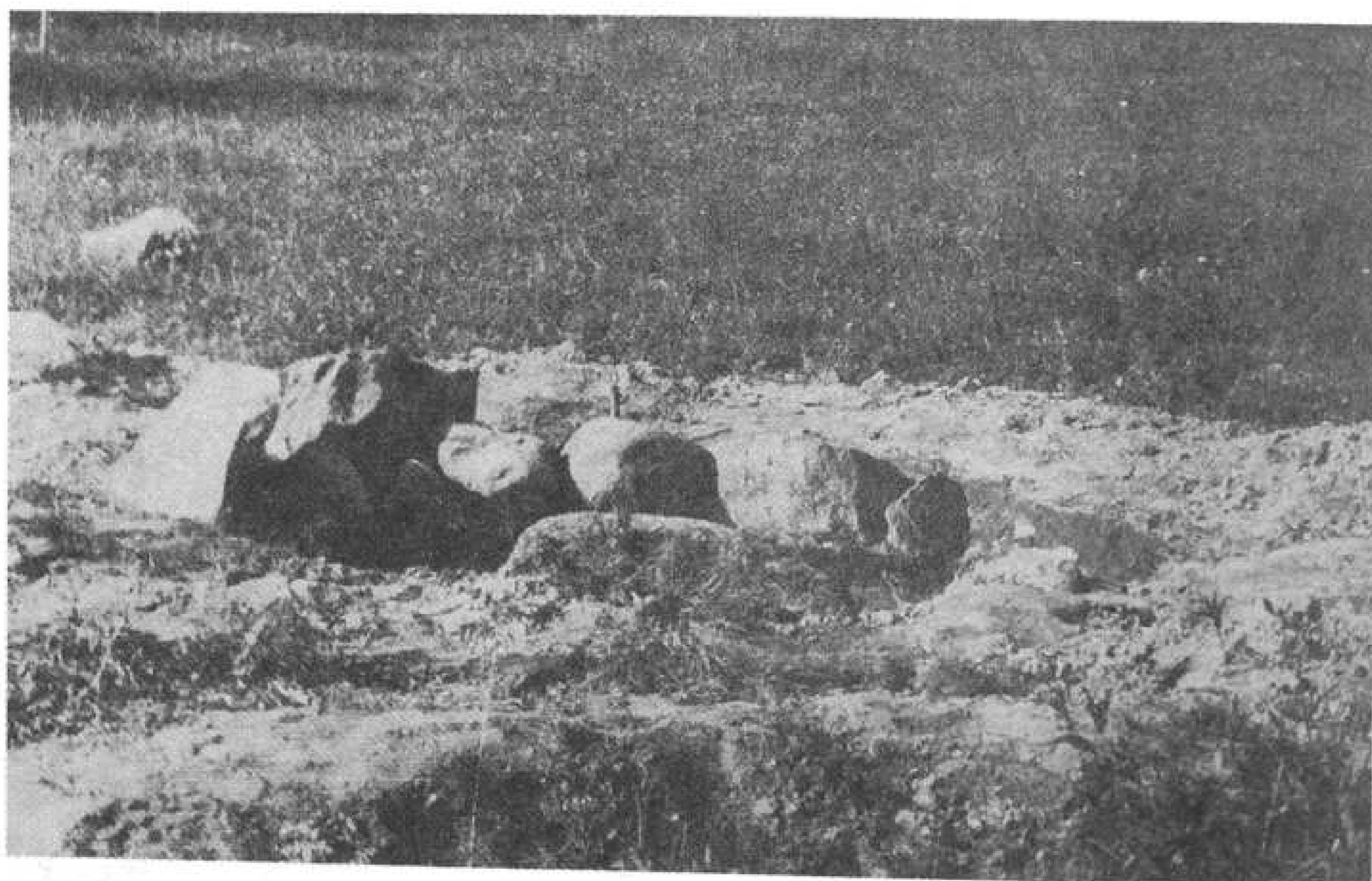

Табл. XIII. План и разрез кургана 8 Бегуницкого могильника.

а – темно-коричневый суглинок; *б* – желтый суглинок; *в* – прослойка песка; *г* – суглинок с зольно-углистыми включениями; *д* – зольно- углистое заполнение канавки; *е* – погребенная почва; *ж* – дерн; *з* – материк.

А

Б

Табл. XIV. Лашковицы, группа I. Вид каменных обкладок курганов-жальников 12 (А) и 13 (Б).

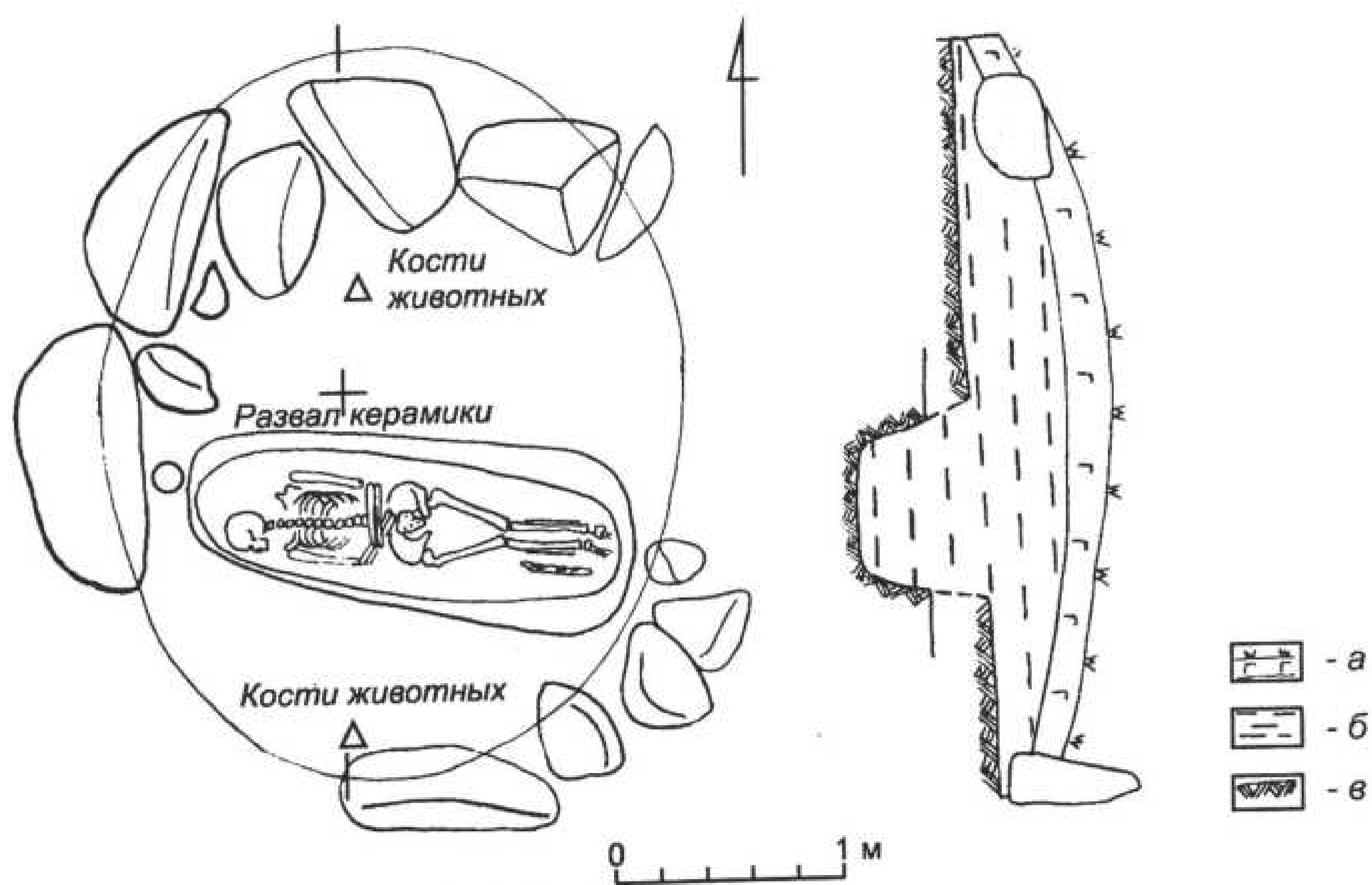
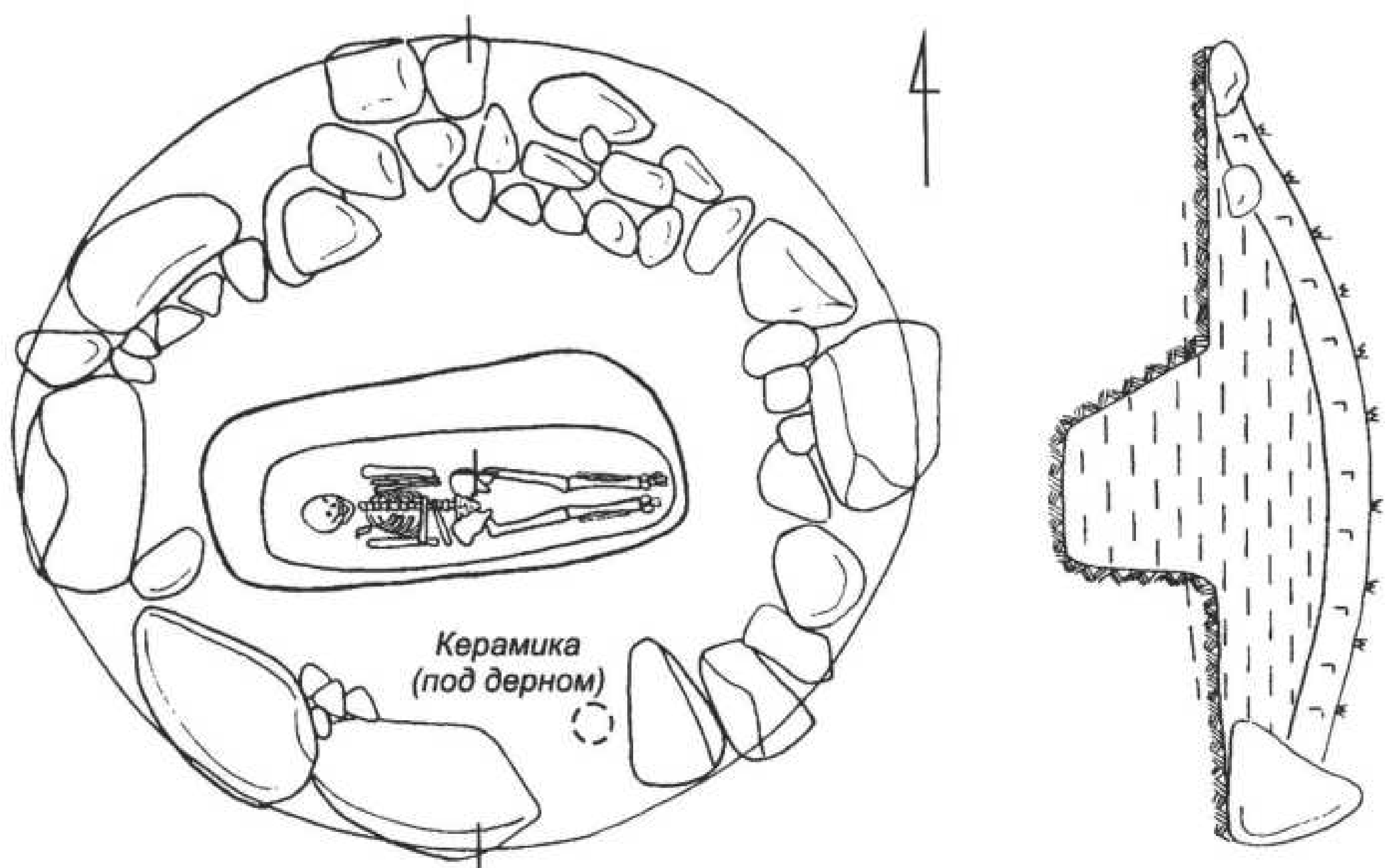

Табл. XV. Планы и разрезы курганов-жальников 12 (А) и 13 (Б) у дер. Лашковицы (группа I).
 а — дерн; б — насыпной суглинок; в — материк.

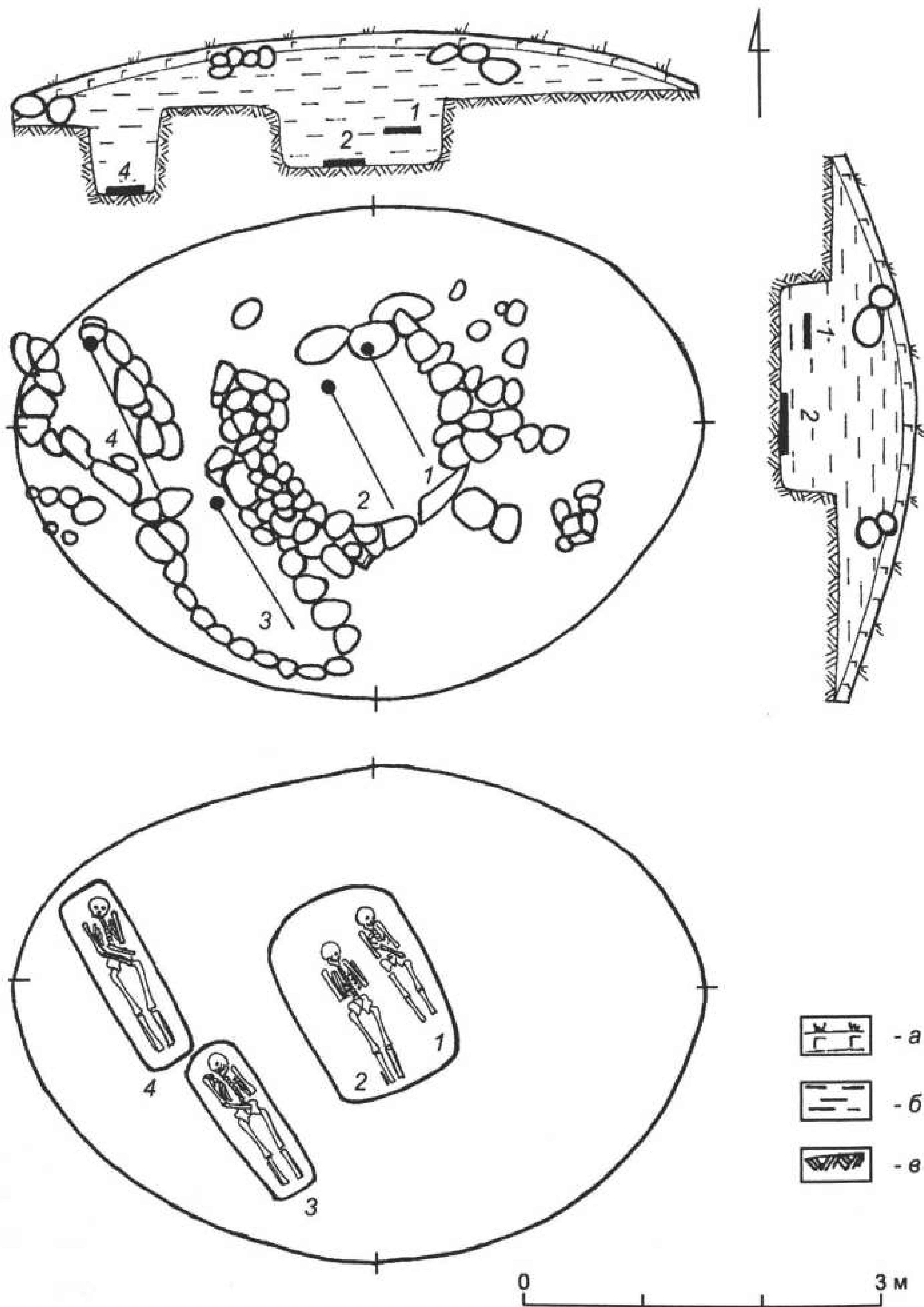

Табл. XVI. Беседа, погребальный комплекс 3.
(Условные обозначения см. табл. XV).

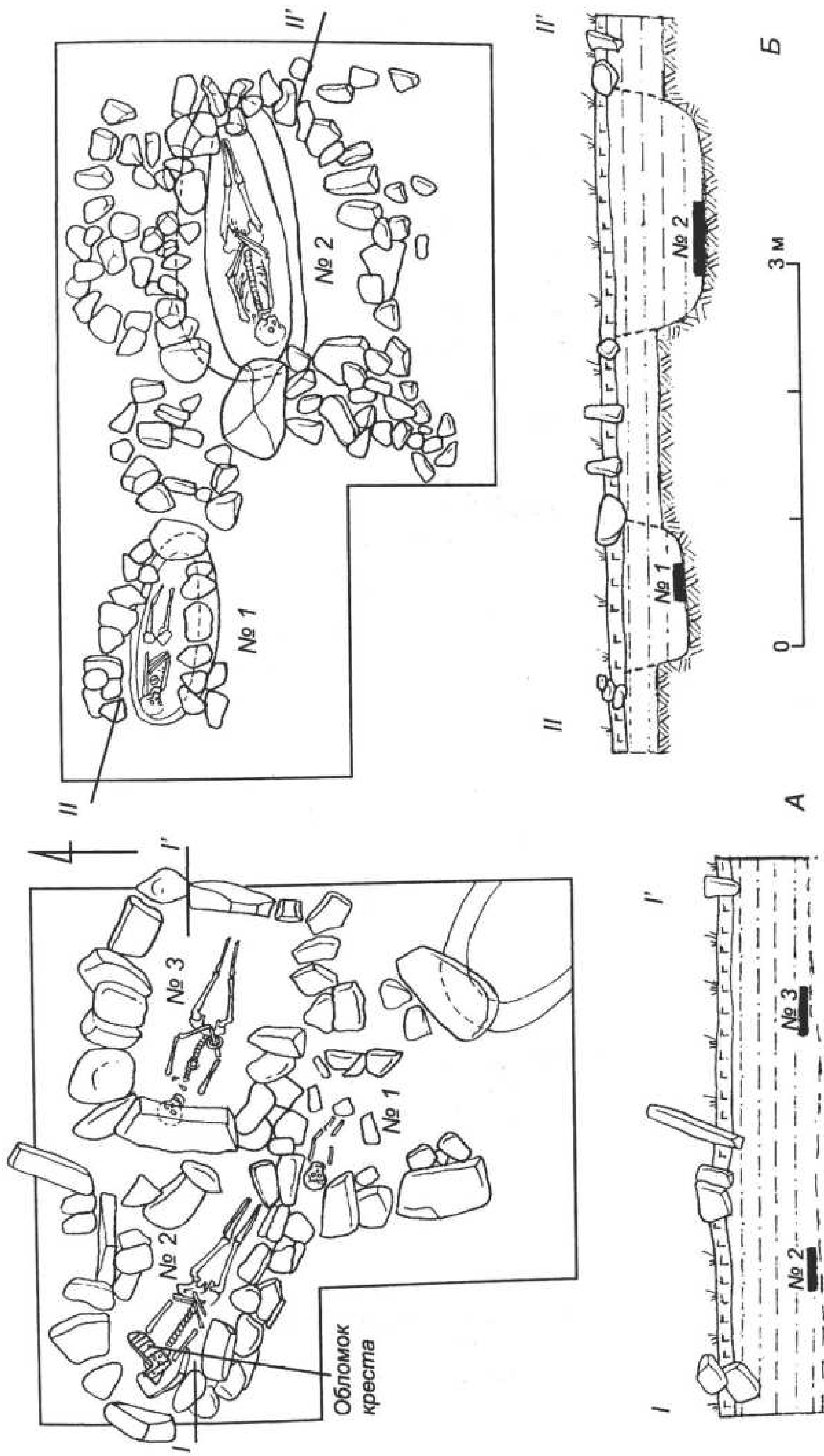

Табл. XVII. Могильник у дер. Беседа. Планы и разрезы жальничных коллективных оградок 4 (А) и 6 (Б).

Условные обозначения см. табл. XV.

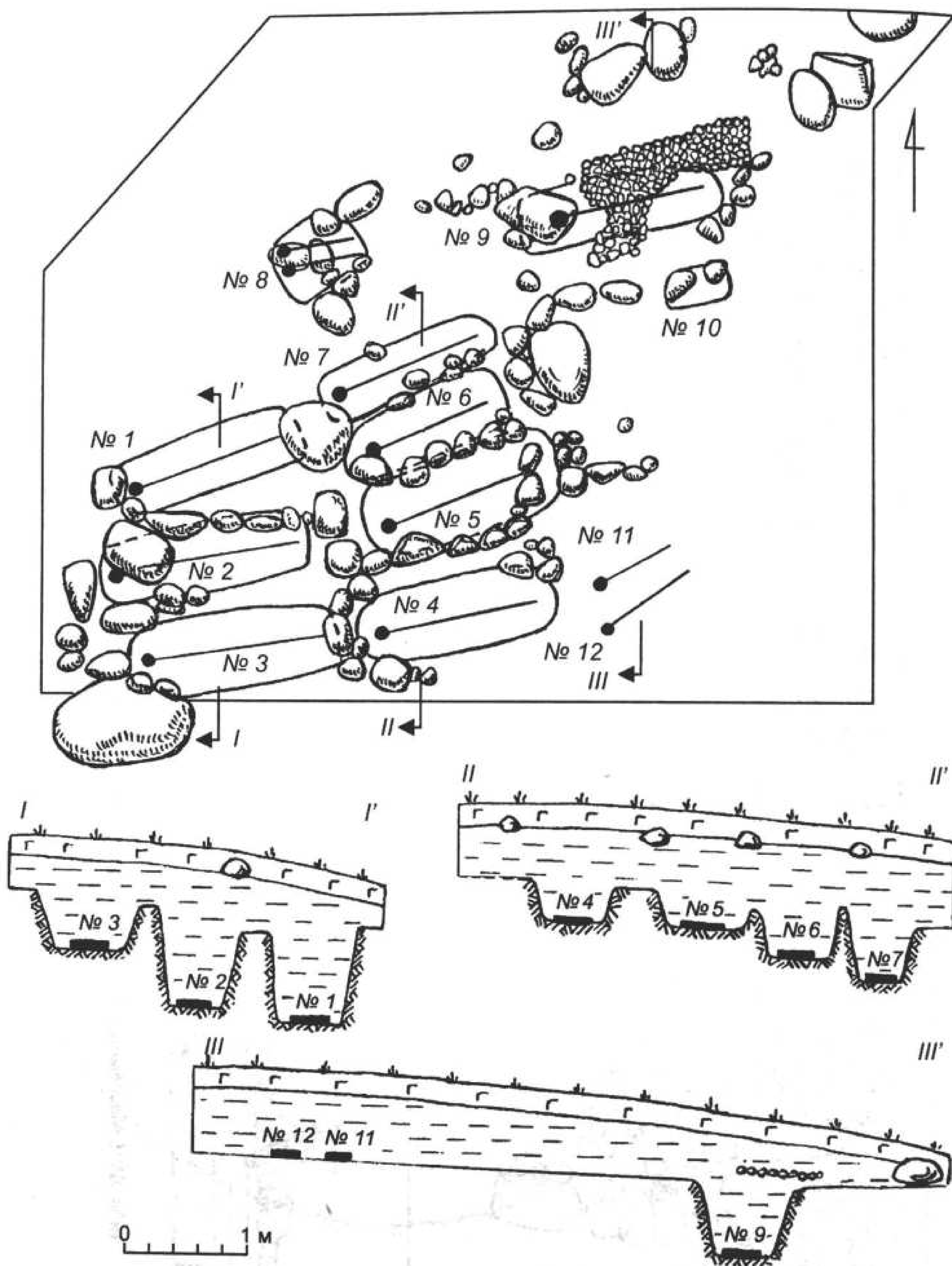

Табл. XVIII. Группа I у дер. Лашковицы. План и разрезы участка 26 с жальничными и грунтовыми погребениями.

Условные обозначения см. табл XV.

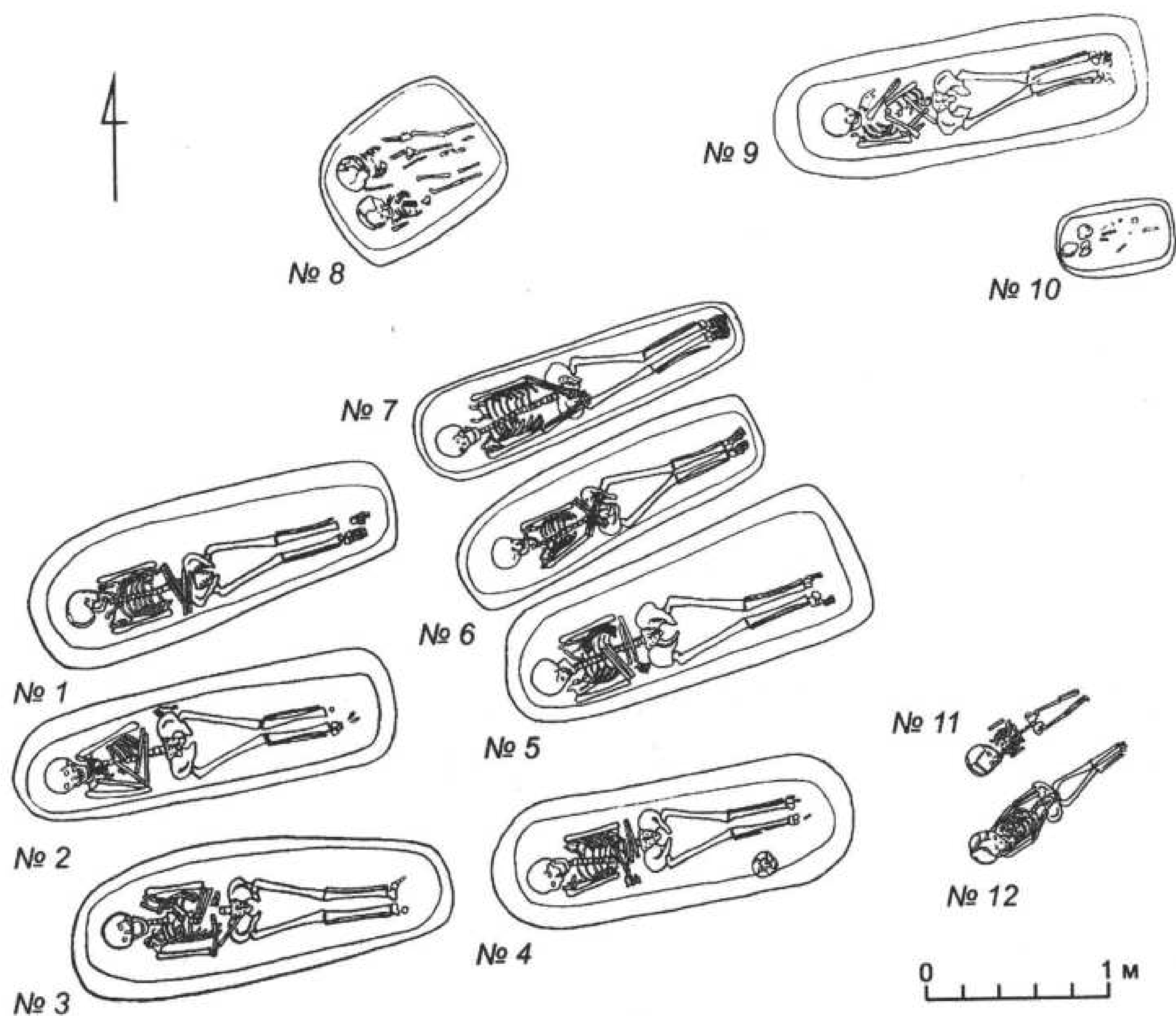
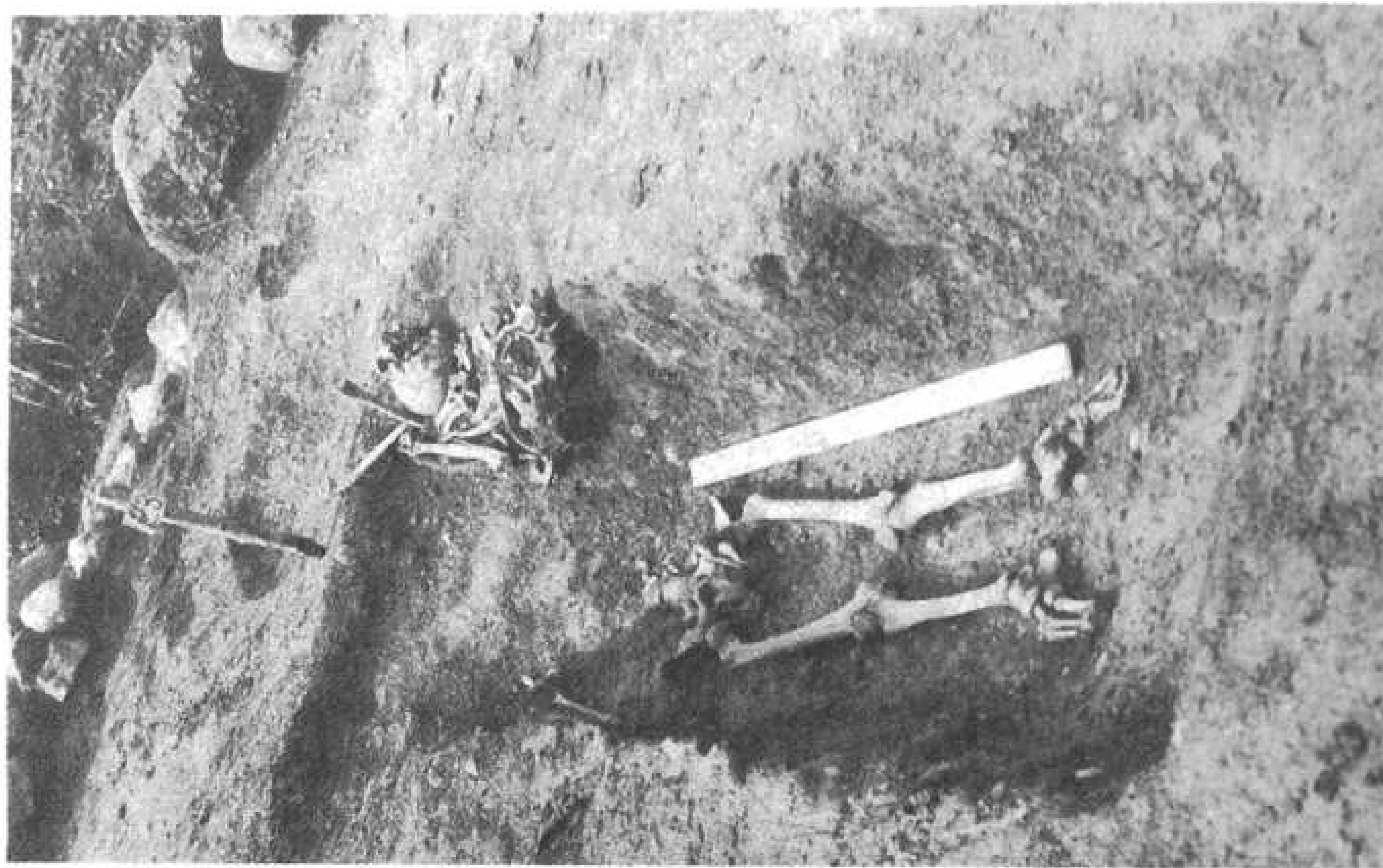
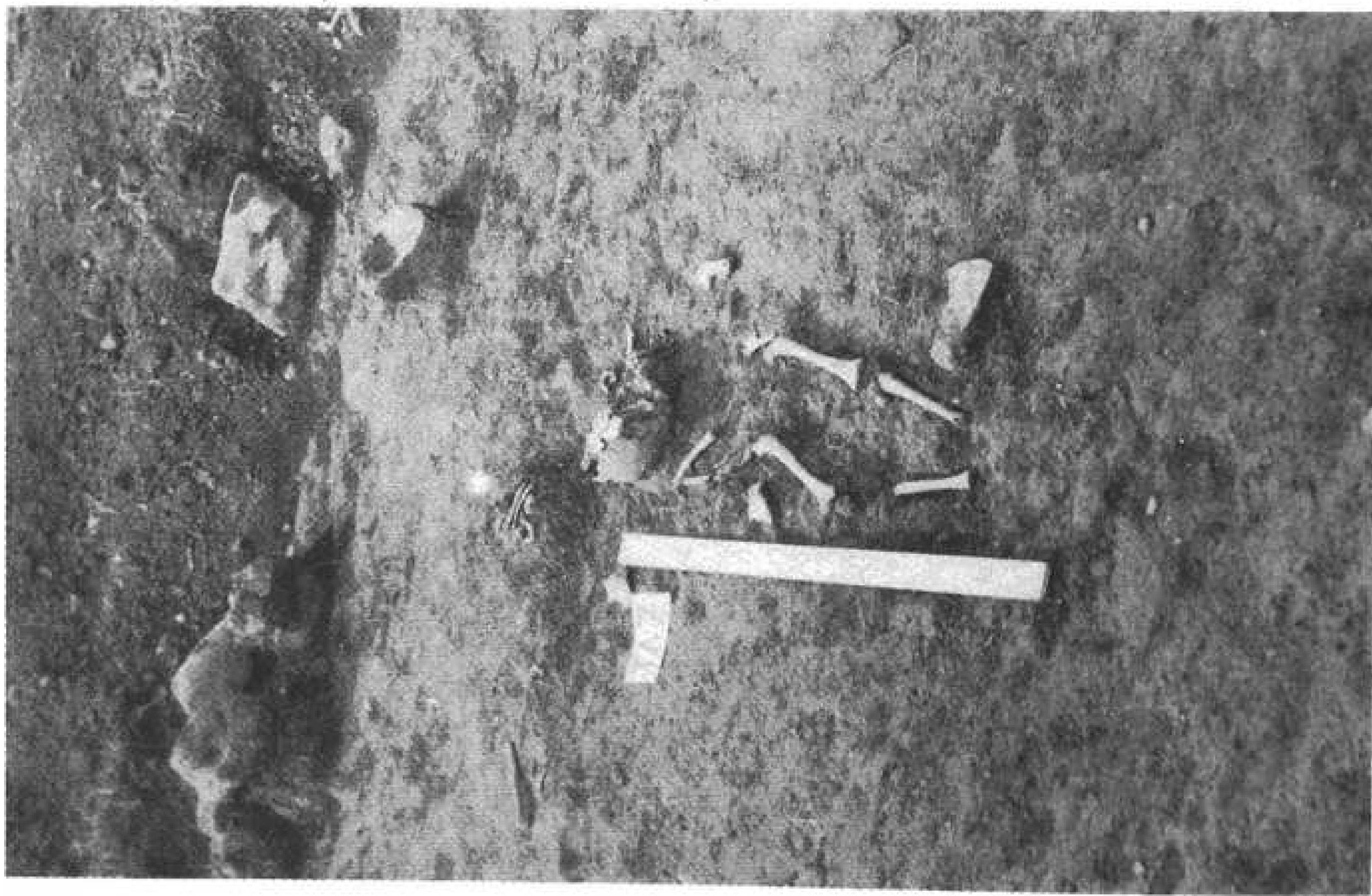

Табл. XVIII (продолжение).

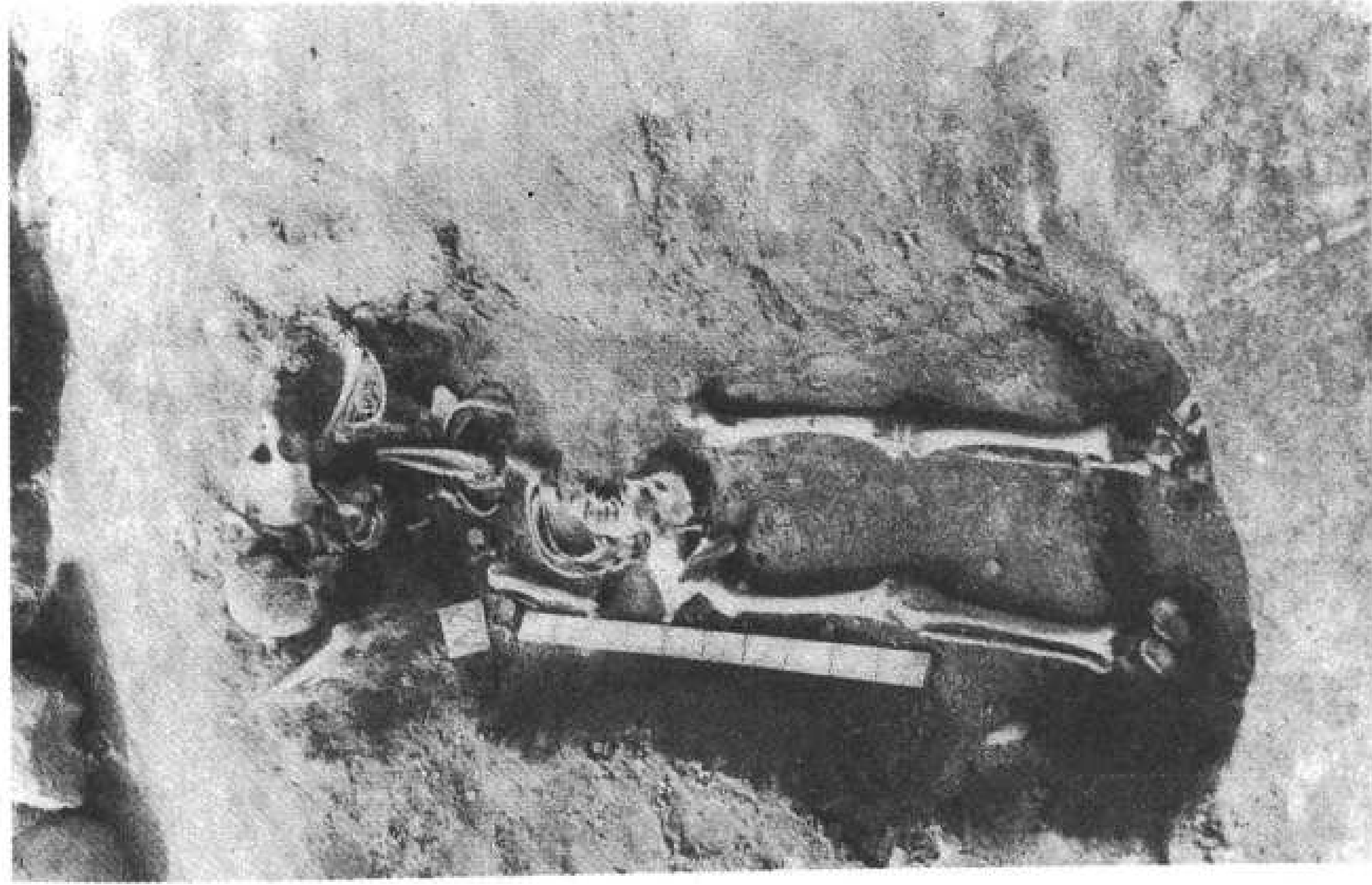

А

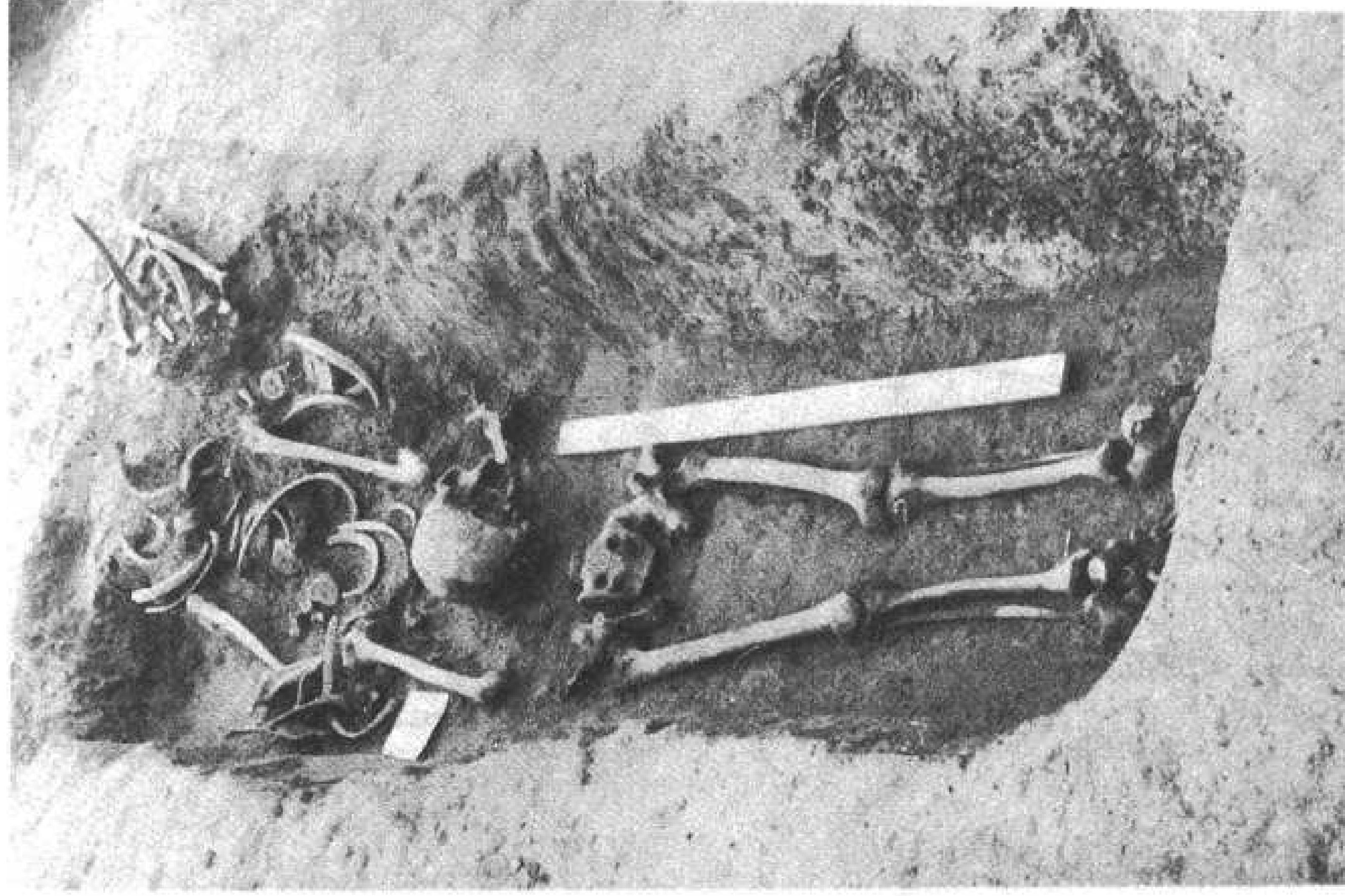
Б

Табл. XIX. Вид сидячих погребений.

А – Теглища 11-7; Б – Лашковицы 1-23.

А

Б

Табл. XX. Вид сидячих погребений.

А – Лашковицы I-28; Б – Теглицы II-6.

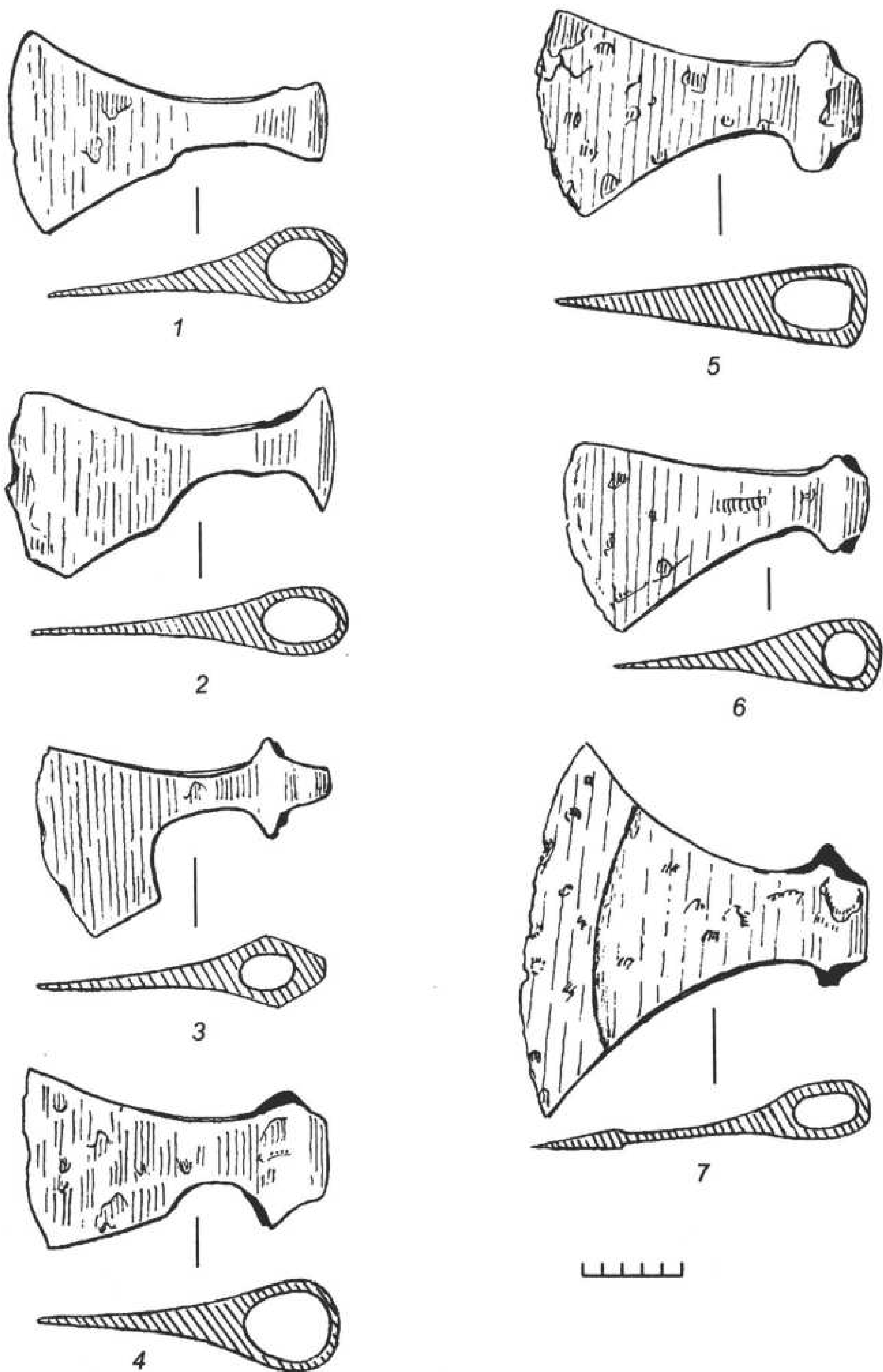

Табл. XXI. Топоры из погребений.

1 – Лаш. II-2; 2 – Лаш. II-3; 3 – Бер. 27, п. 1; 4 – Бер. 10; 5 – Бер. 38, п. 1; 6 – Бер. 43; 7 – Лаш. II-1.

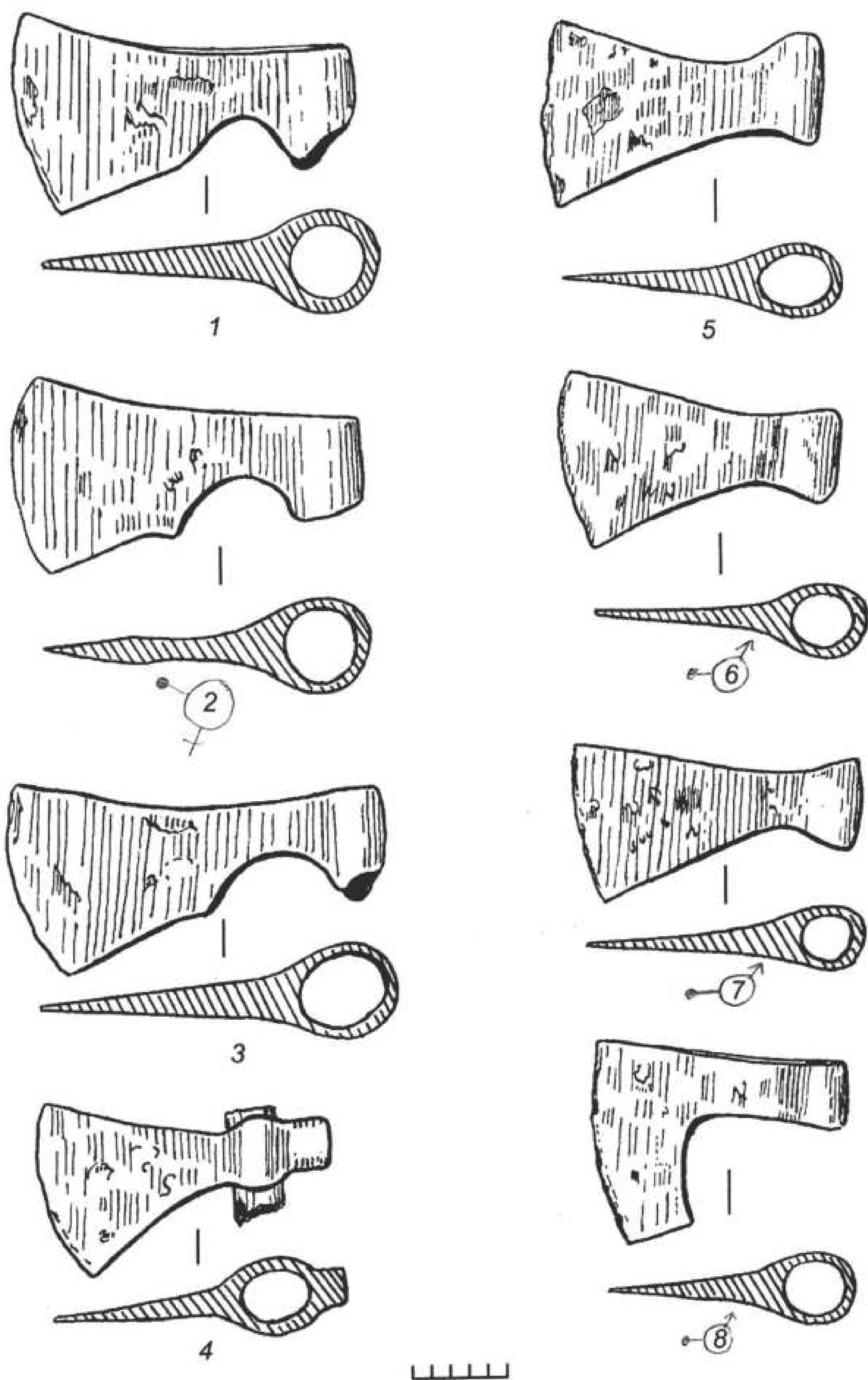

Табл. XXII. Топоры из погребений.

1 – Лаш. I-40, п. 1; 2 – Тер. II-4; 3 – Бер. 20, п. 3; 4 – Тер. I-32; 5 – Тер. II-7; 6 – Тер. I-38; 7 – Бер. 29, п. 2; 8 – Лаш. I-33.

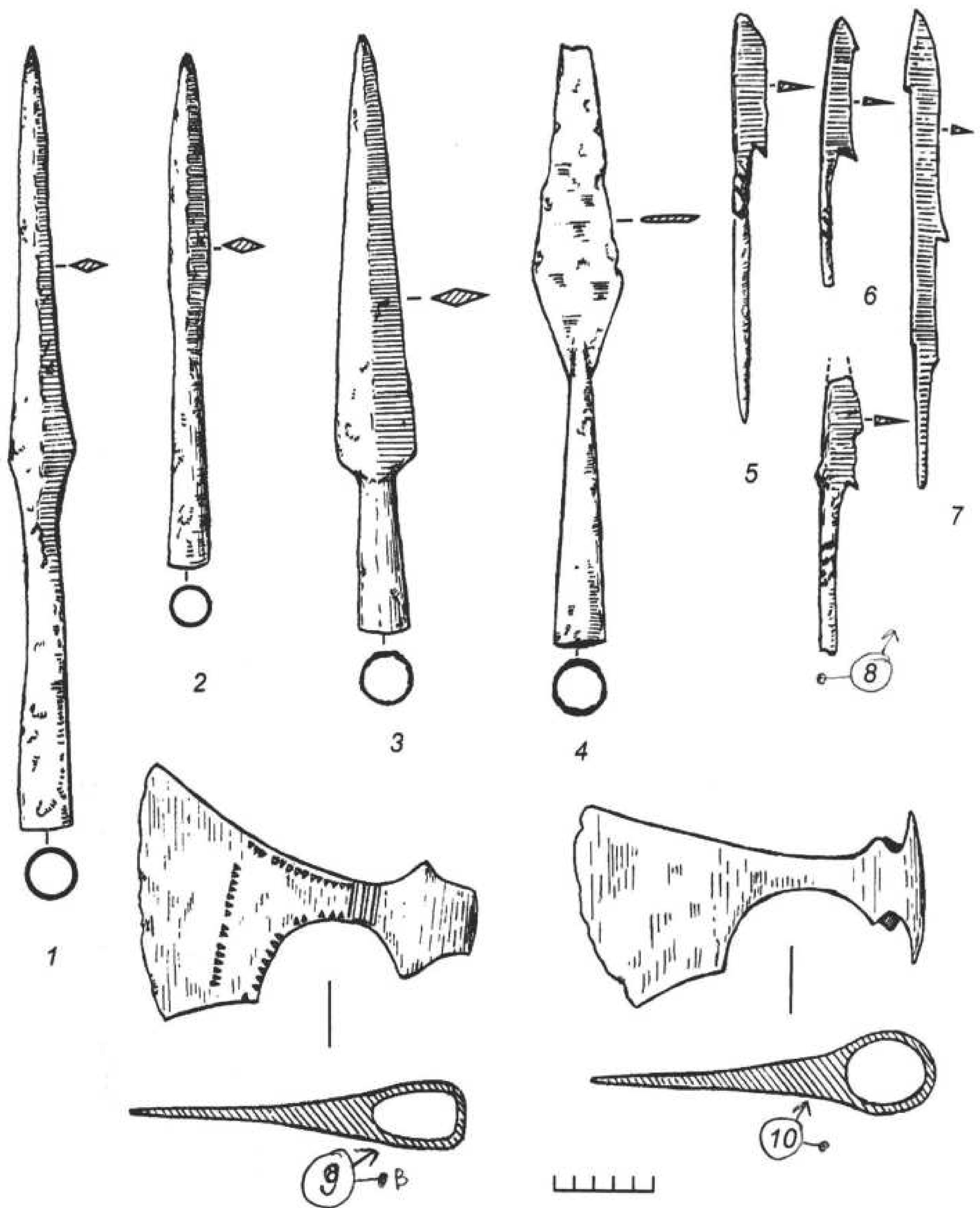

Табл. XXIII. Предметы вооружения и орудия труда из погребений.

1 – Бер. 25; 2 – Бер. 18, п. 1; 3 – Тер. I-31; 4 – Бер. 40; 5 – Лаш. I-40 п. 3; 6 – Лаш. I-38, п. 2; 7 – Бер. 43; 8 – Тер. II-2; 9 – Бер. 8; 10 – Бер. 11.

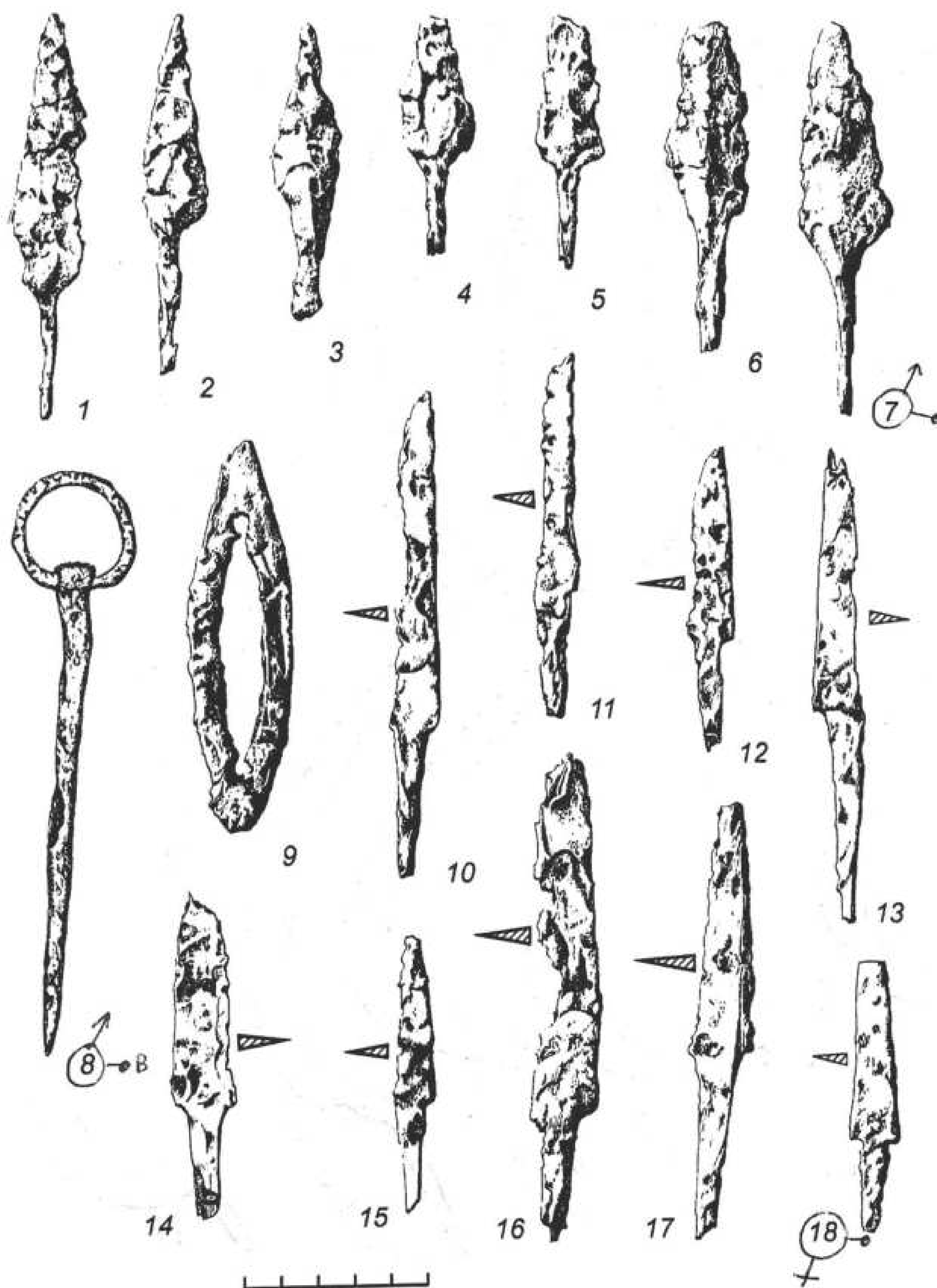

Табл. XXIV. Предметы вооружения и бытовой инвентарь из погребений.

1-5 - Бер. 9; 6 - Бер. 35; 7 - Бер. 39, п. 1; 8 - Бер. 8; 9 - Бер. 38, п. 1; 10 - Бер. 7, п. 1; 11 - Бер. 16; 12 - Бер. 4; 13 - Бер. 42, п. 1; 14 - Бер. 15; 15 - Бер. 13; 16, 17 - Бер. 18, п. 1, 2; 18 - Бер. 21.

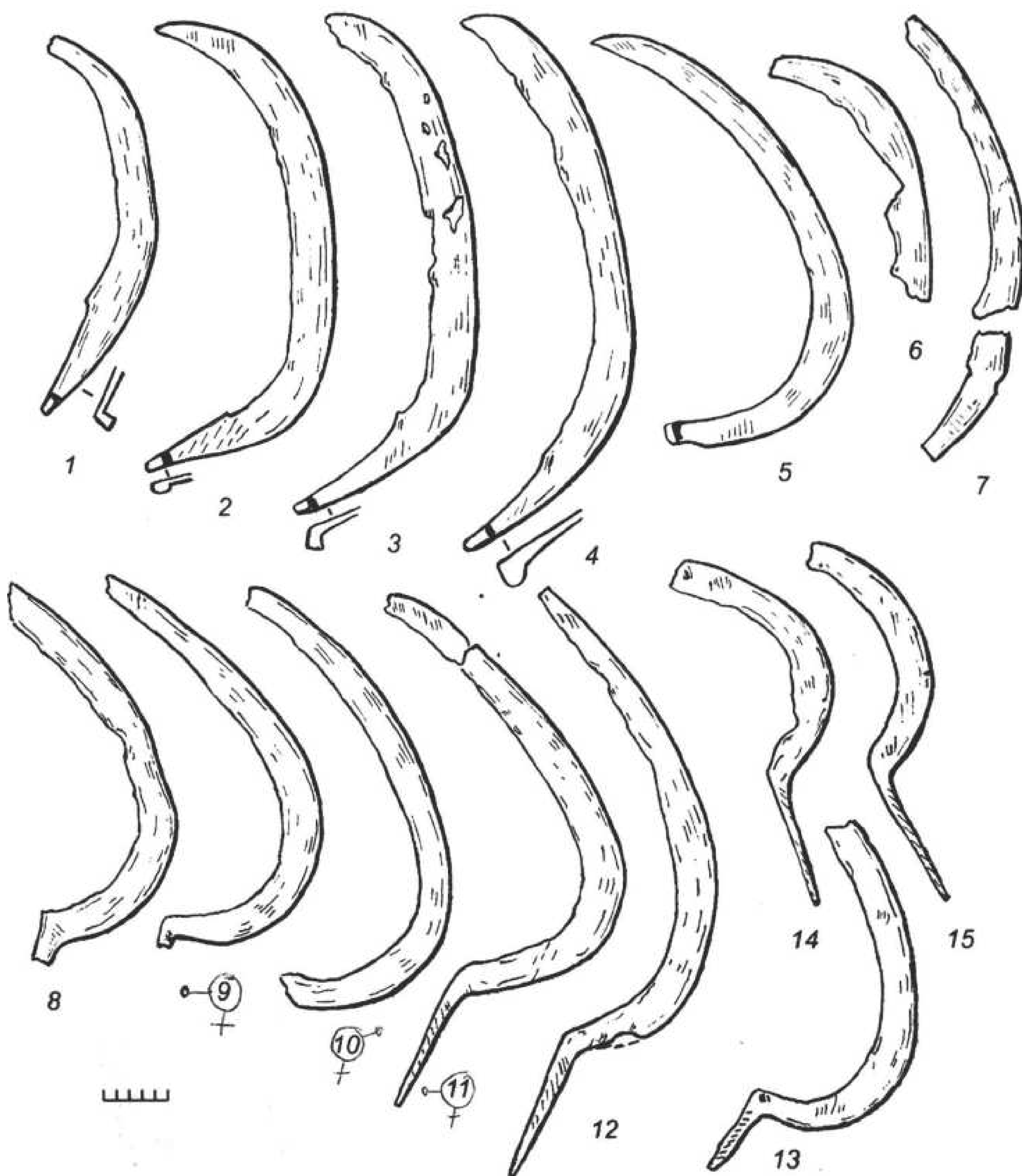

Табл. XXV. Орудия труда из погребений.

1 – Бер. 20, п. 1; 2 – Бер. 40, п. 2; 3 – Бер. 3; 4 – Лаш. I-40, п. 2; 5 – Бер. 42, п. 1 (развертка согнутой вдвое косы-горбуши); 6 – Бер. 14; 7 – Бер. 15; 8 – Тер. I-23; 9 – Тер. II-1, п. 1; 10 – Бер. 55; 11 – Лаш. I-39; 12 – Бер. 41; 13 – Бер. 18, п. 2; 14 – Бер. 38, п. 2; 15 – Бер. 45.

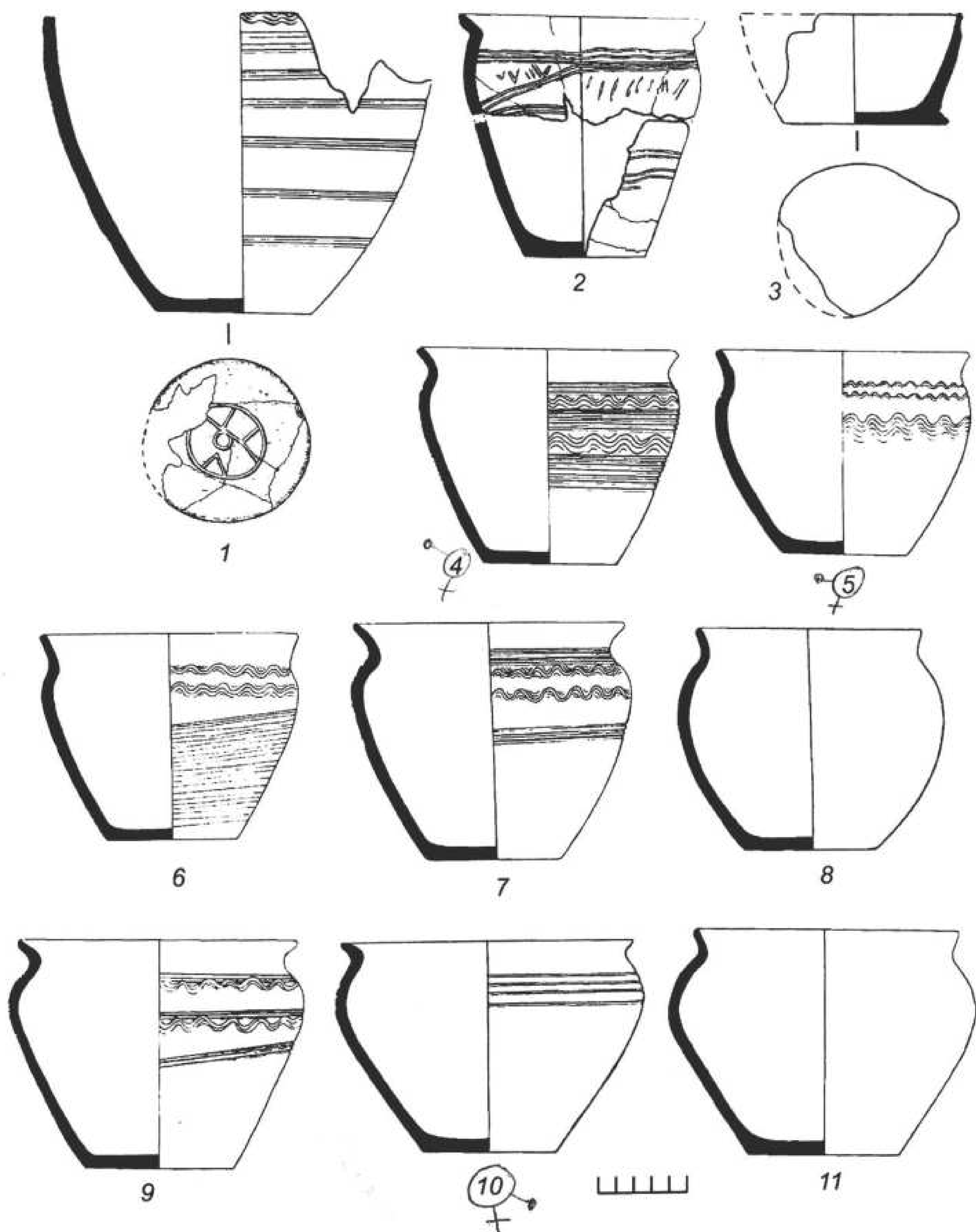

Табл. XXVI. Керамика.

1 – Бер. 17; 2 – Бер. 4; 3 – Бер. 25; 4 – Тер. II-3; 5 – Тер. II-1, п. 1; 6 – Лаш. II-3; 7 – Лаш. II-2; 8 – Бер. 37;
9 – Бер. 7, п. 1; 10 – Бер. 6; 11 – Бер. 11, п. 1.

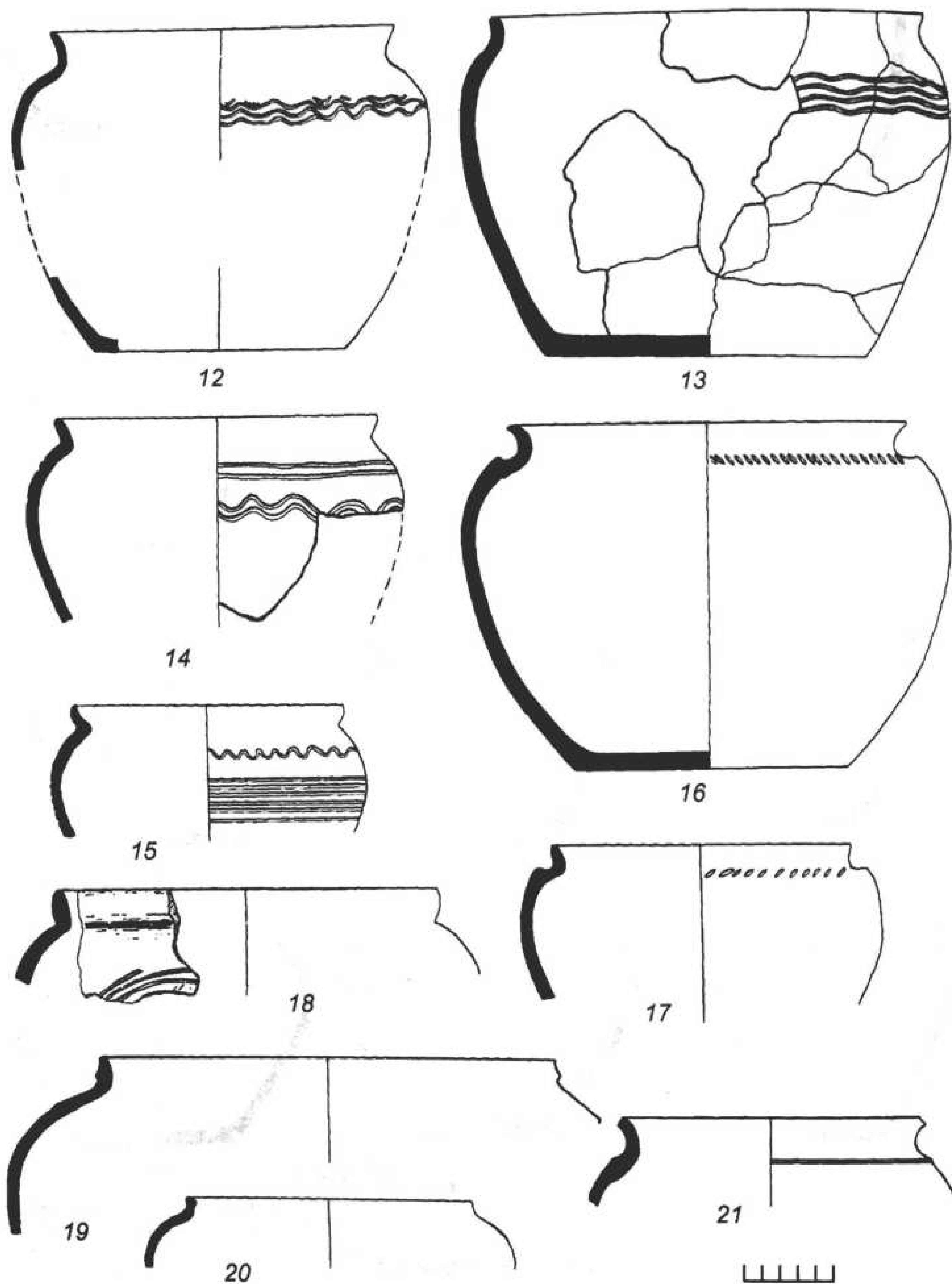

Табл. XXVI (продолжение).

12 – Лаш. I-14; 13, 16 – Лаш. I-29; 14 – Лаш. I-2; 15 – Лаш. I-12; 17 – Лаш. I-42; 18 – Лаш. I-11; 19 – Бер. 25;
20 – Лаш. I-26; 21 – Лаш. I-19.

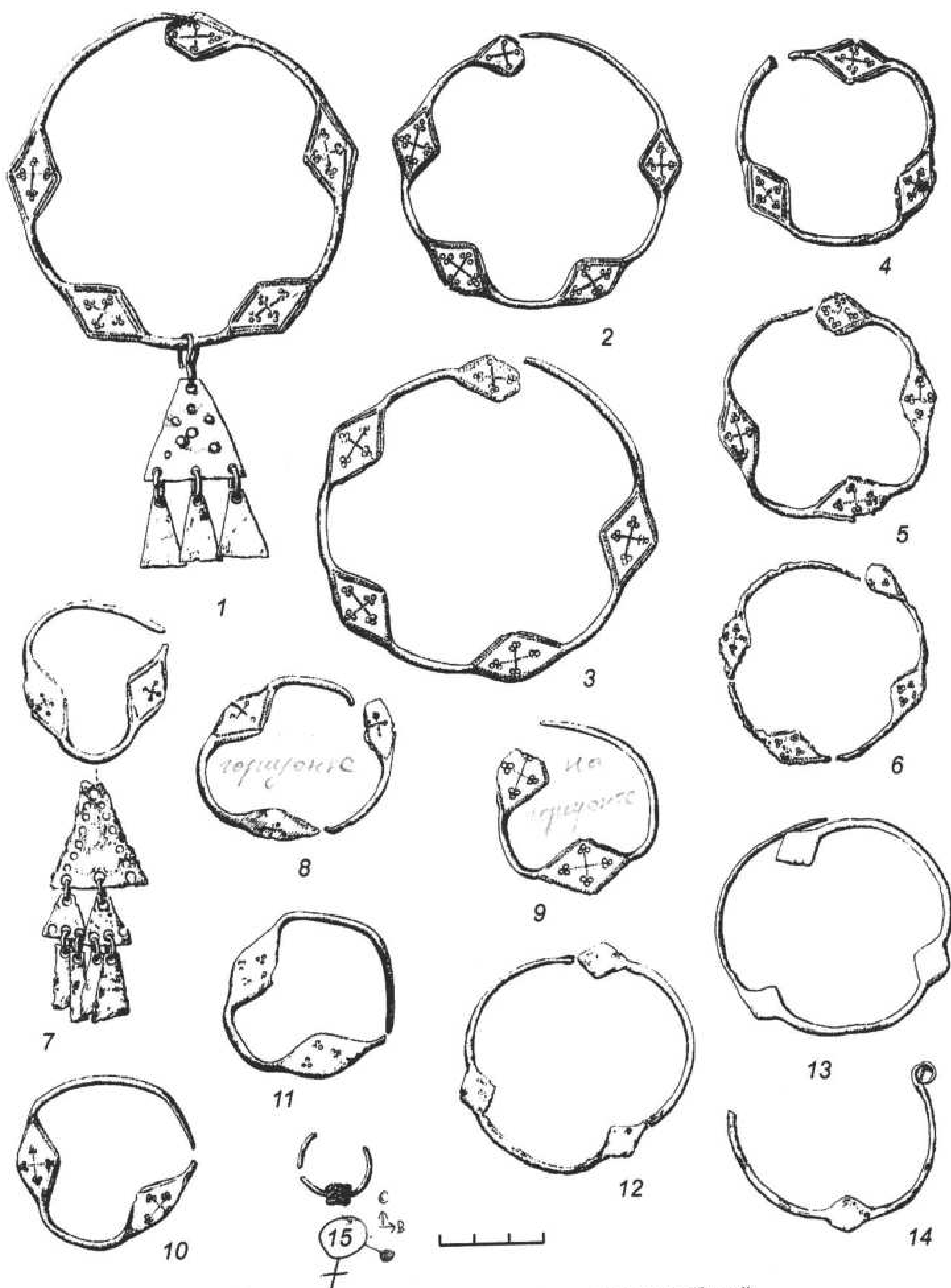

Табл. XXVII. Височные украшения из погребений.

1 – Лаш. I-38, п. 1; 2, 3 – Бер. 42, п. 1; 4, 11 – Бер. 42, п. 2; 5, 6 – Бер. 14; 7 – Бер. 37; 8 – Бер. 4; 9 – Бер. 3; 10 – Бер. 5; 12–14 – Бер. 11, п. 1; 15 – Бер. 6.

Табл. XXVIII. Височные украшения из погребений.

1-4 - Бер. 17, п. 2; 5 - Бер. 42, п. 2; 6, 7 - Лаш. I-5; 8 - Лаш. I-10; 9, 10 - Лаш. I-11; 11 - Бес. 4, п. 3; 12 - Бер. 1;
13 - Бер. 37.

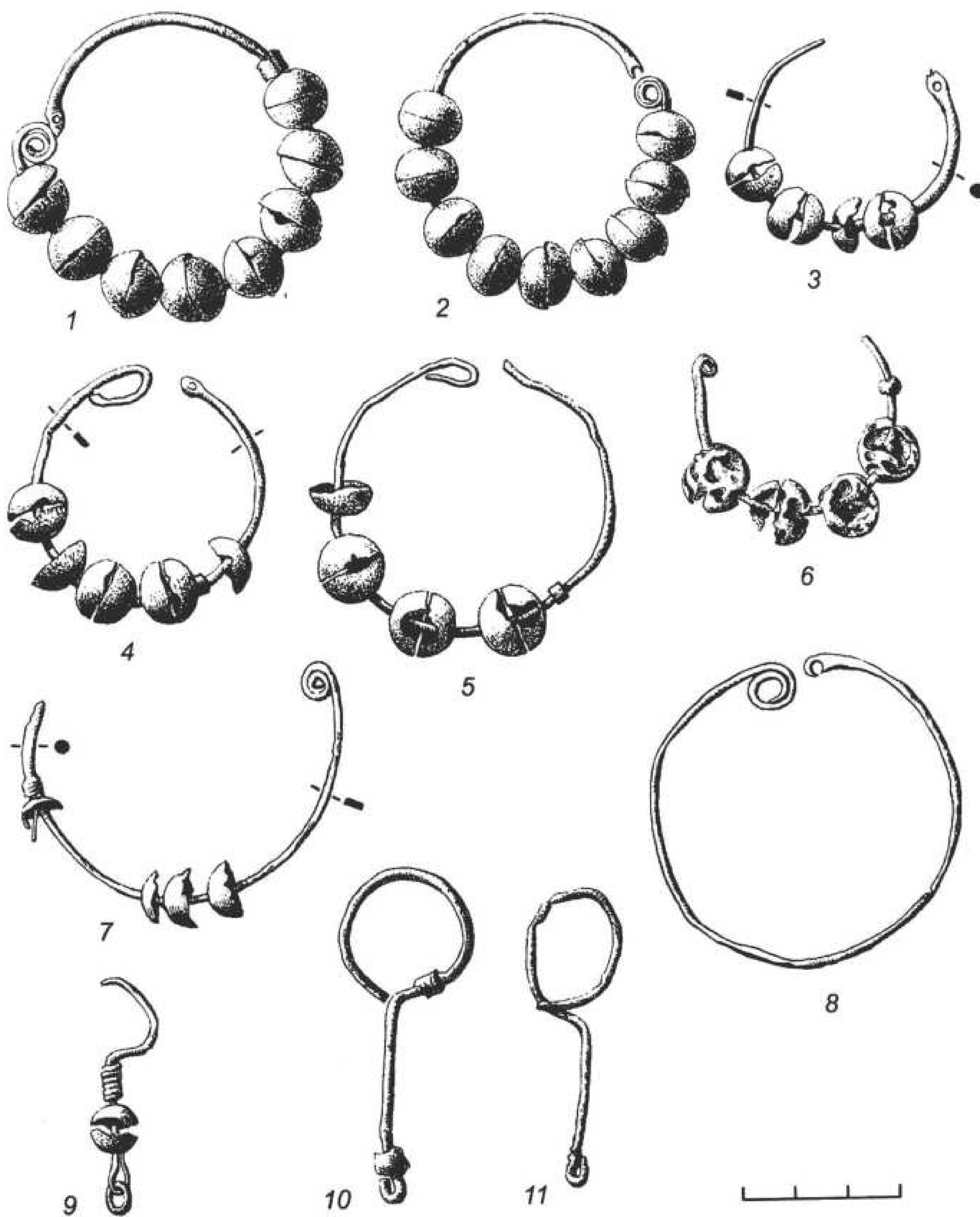

Табл. XXIX. Височные украшения из погребений.

1 – Лаш. I-10; 2 – Лаш. I-11; 3, 4 – Лаш. I-4; 5, 8 – Лаш. I-7; 6 – Лаш. I-14; 7 – Лаш. I-6; 9 – Лаш. I-3;
10, 11 – Лаш. I-26, п. 2, 9.

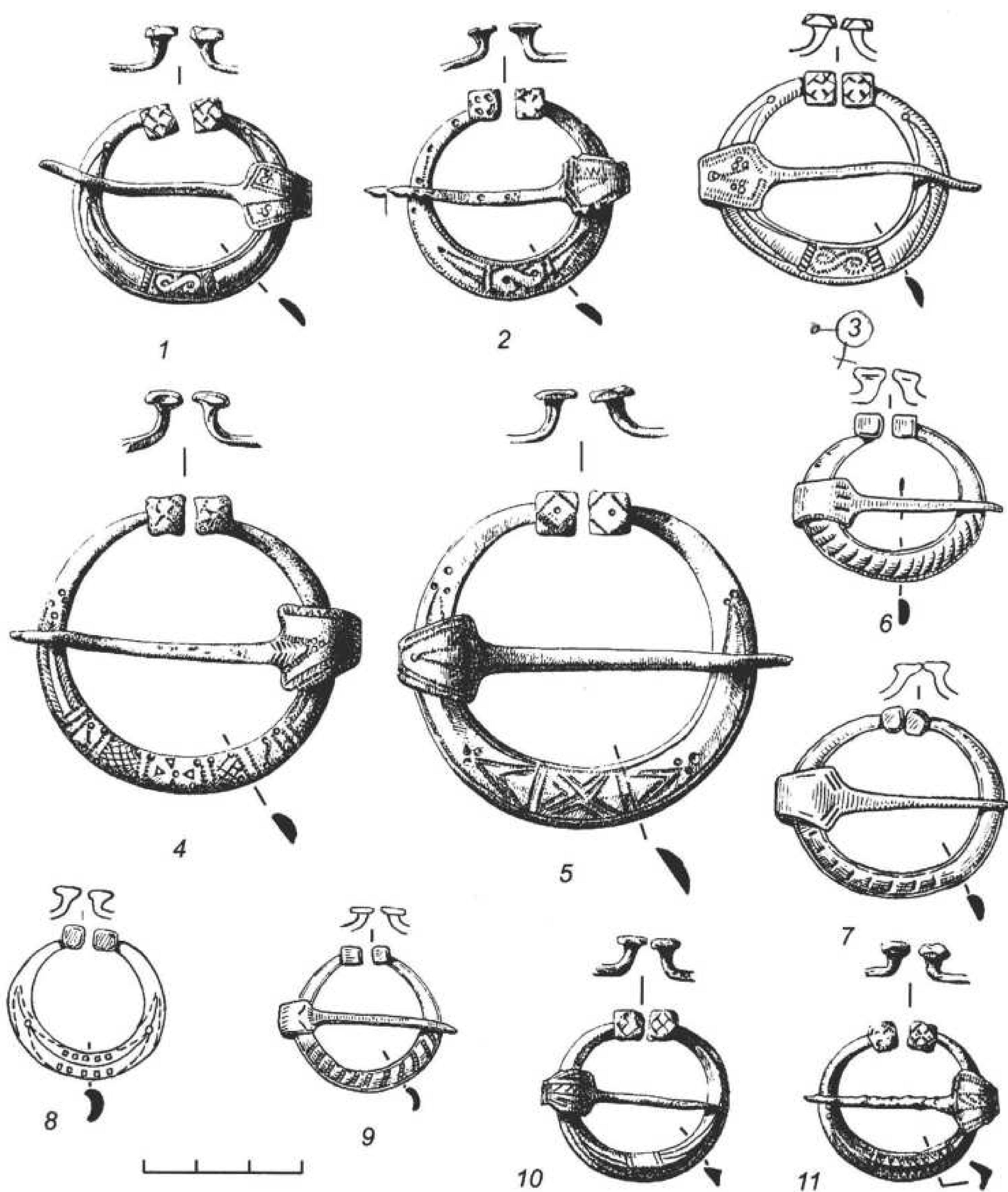

Табл. XXX. Подковообразные фибулы из погребений.

1, 5 – Лаш. I-40, п. 1; 2 – Бер. 15; 3 – Лаш. I-38, п. 1; 4 – Бер. 42, п. 1; 6 – Бер. 53, п. 2; 7 – Лаш. I-30;
8 – Лаш. II-2; 9 – Бер. 20, п. 1; 10 – Бер. 7; 11 – Лаш. II-1.

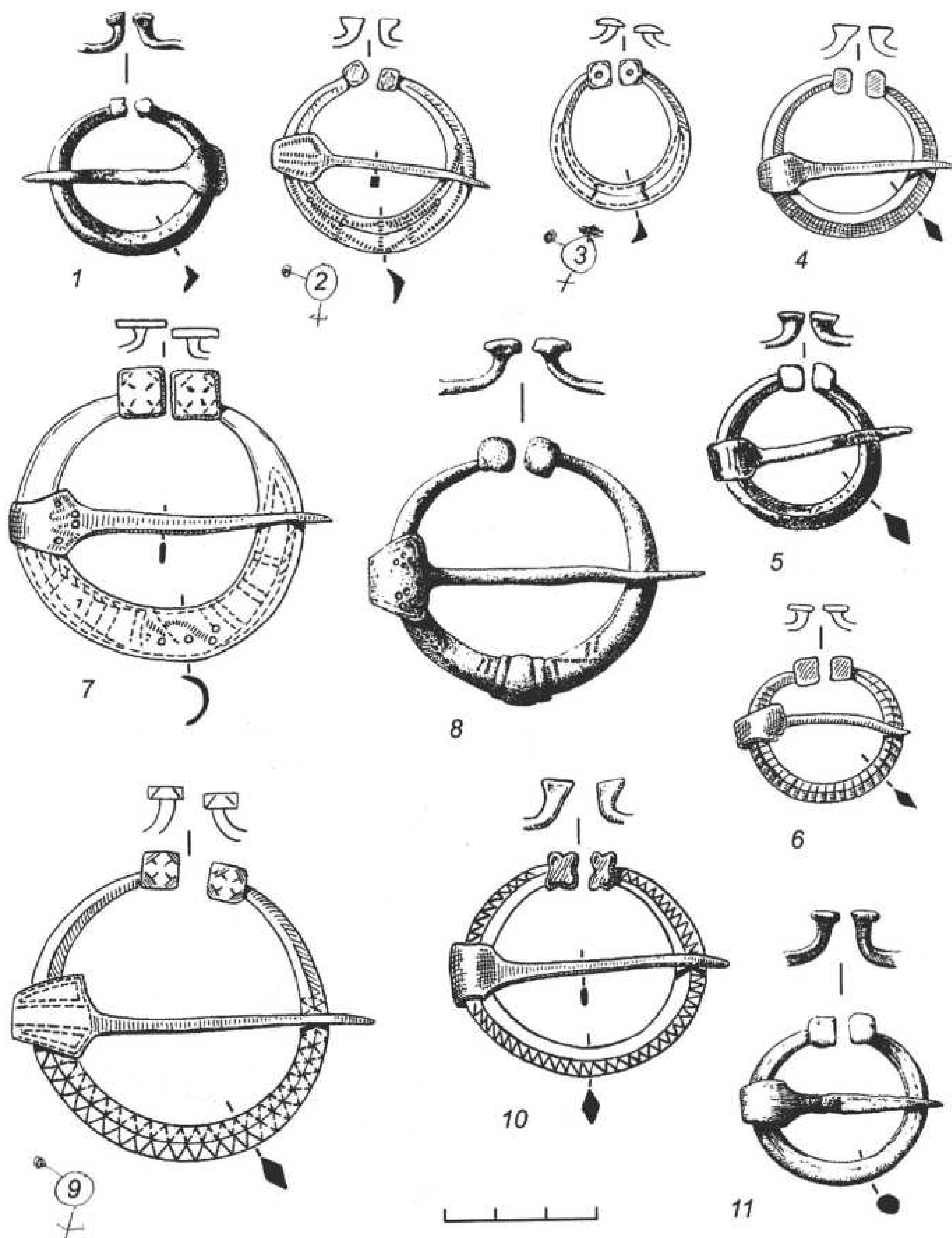

Табл. XXXI. Подковообразные фибулы из погребений.

1, 11 – Бер. 42, п. 2; 2 – Лаш. I-41, п. 1; 3 – Тер. II-4; 4 – Тер. I-10; 5 – Тер. I-14; 6 – Тер. I-24, п. 4; 7 – Лаш. I-38, п. 2; 8 – Бер. 39, п. 2; 9 – Тер. II-3; 10 – Тер. I-3.

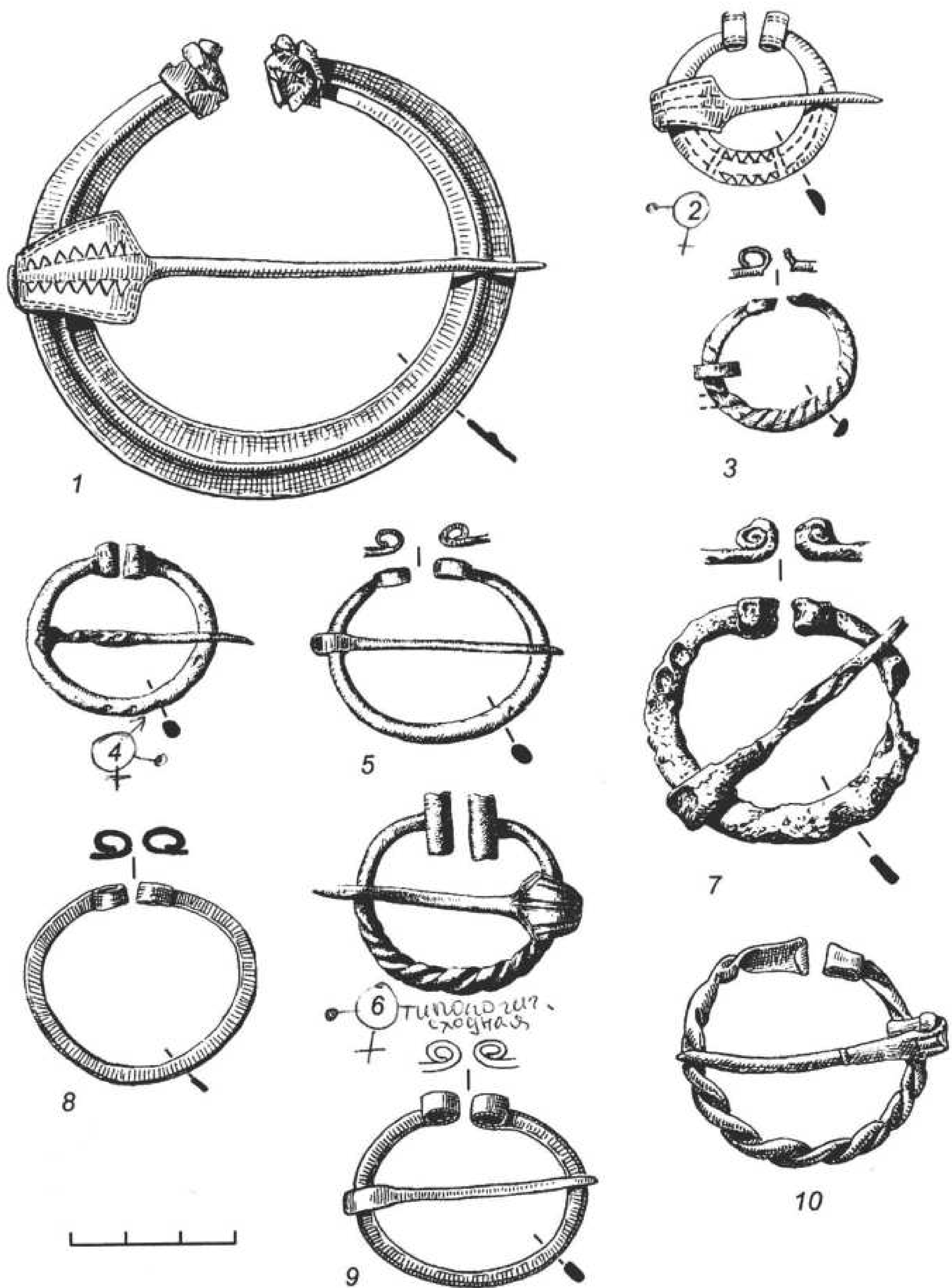

Табл. XXXII. Подковообразные фибулы из погребений.

1 – Тер. I-33; 2 – Тер. II-1, п. 1; 3 – Лаш. I-2; 4 – Бер. 11; 5 – Тер. I-20; 6 – Бер. 29, п. 1; 7 – Бер. 13; 8 – Бес. 4, п. 3; 9 – Бес. 6, п. 1; 10 – Плещ. 2.

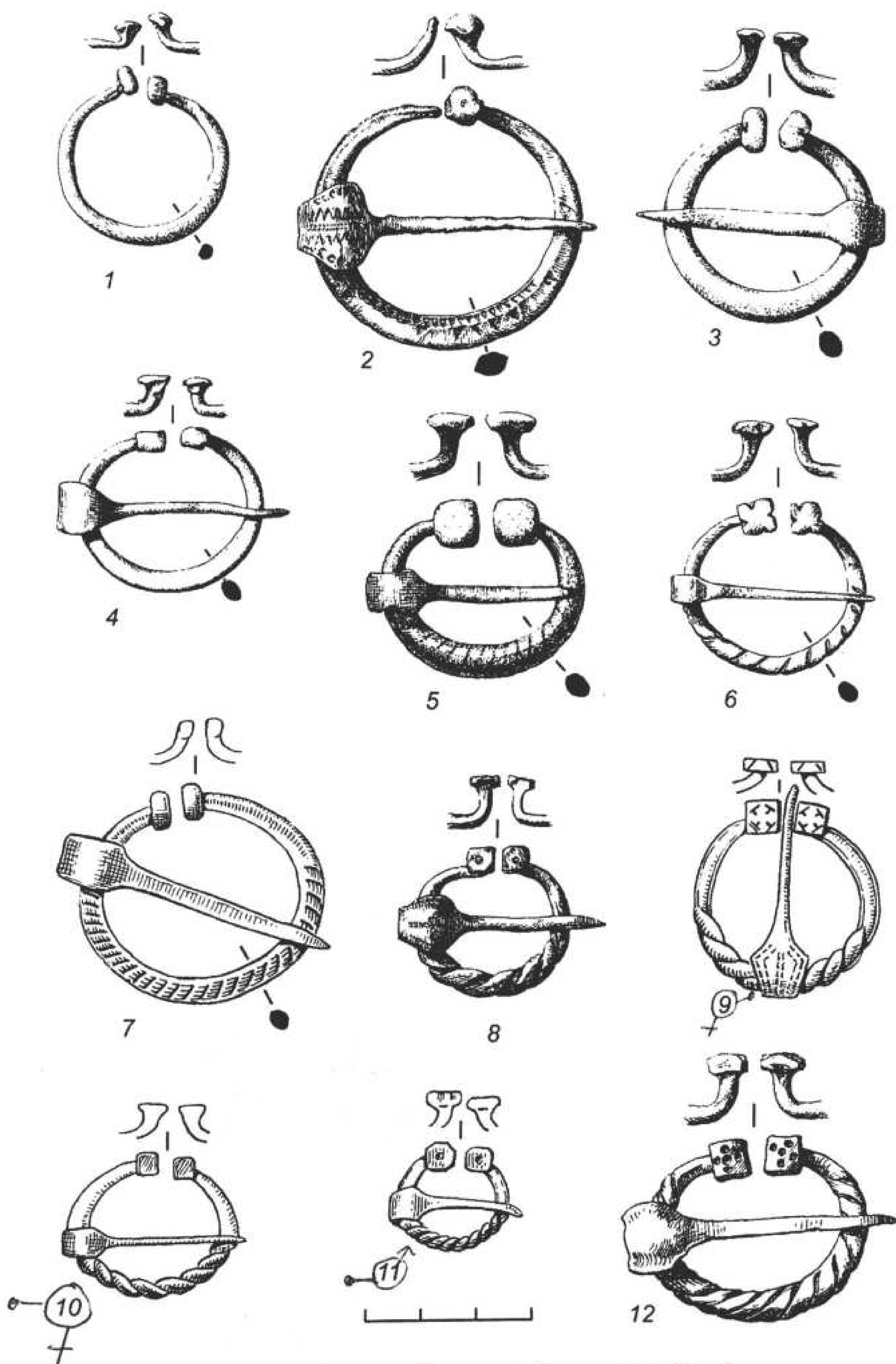

Табл. XXXIII. Подковообразные фибулы из погребений.

1 – Лаш. I-3; 2 – Лаш. I-6; 3 – Лаш. I-17; 4 – Лаш. I-10; 5 – Лаш. I-12; 6 – Лаш. I-16; 7 – Тер. I-4; 8 – Бер. 19;
9 – Бер. 55; 10 – Тер. I-22, п. 1; 11 – Бер. 52; 12 – Лаш. I-7.

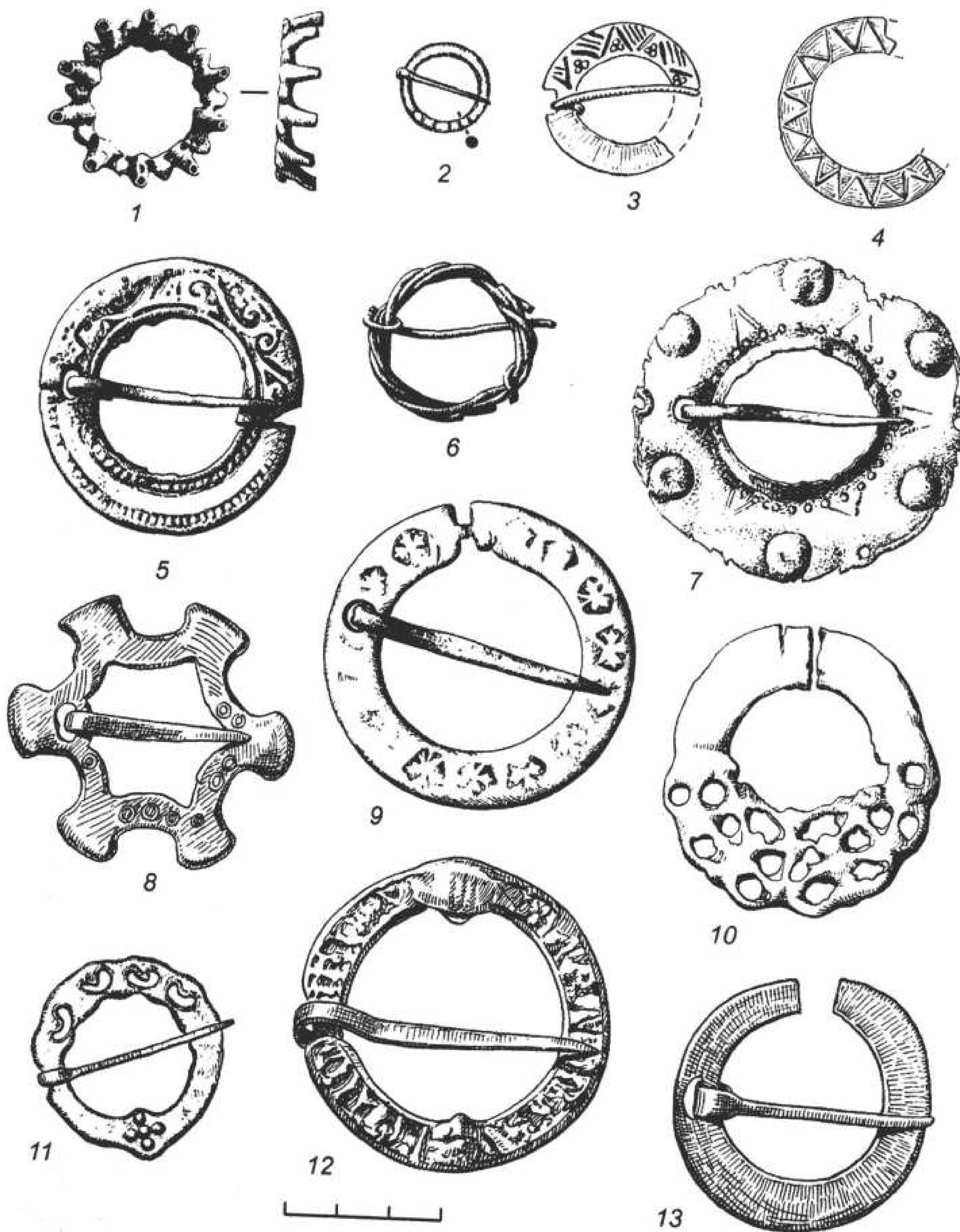

Табл. XXXIV. Кольцевидные фибулы из погребений.

1 - Бег. 18, п. 1; 2 - Тер. I-24, п. 5; 3 - Лаш. I-43; 4 - Тер. I-1, п. 2; 5 - Лаш. I-5; 6 - Лаш. I-26, п. 9; 7 - Лаш. I-14; 8 - Ф. 2, п. 2; 9 - Лаш. I-11; 10 - Лаш. I-4; 11 - Тер. I-26; 12 - Бес. 1, п. 2; 13 - Пл. 1, п. 1.

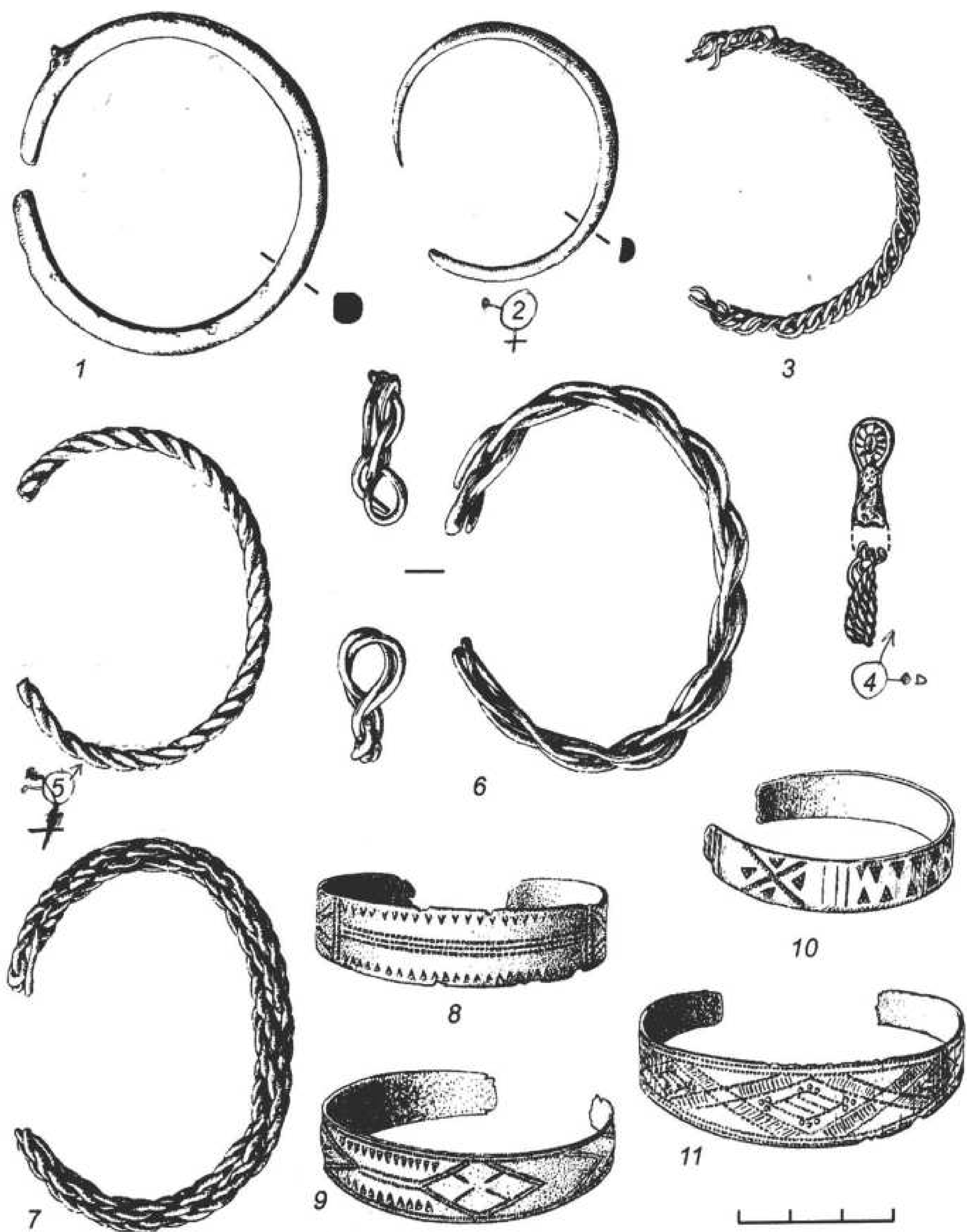

Табл. XXXV. Браслеты из погребений.

1 – Бер. 50; 2 – Бер. 1; 3 – Бер. 14; 4 – Бер. 8; 5 – Бер. 11, п. 2; 6 – Лаш. 1-4; 7 – Лаш. 1-26, п. 4; 8, 11 – Бер. 37; 9 – Бер. 48, п. 2; 10 – Бер. 17, п. 2.

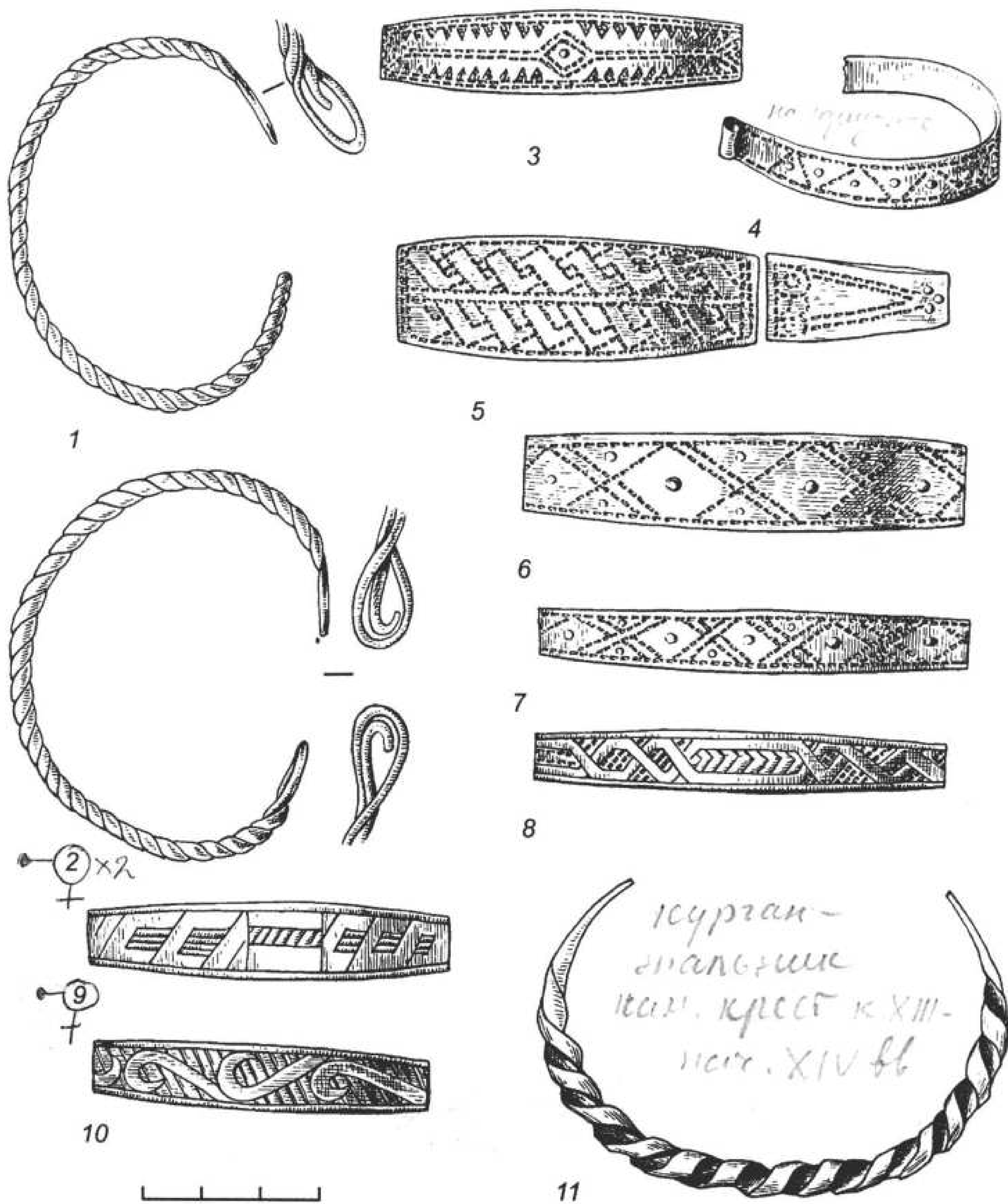

Табл. XXXVI. Браслеты из погребений.

1 – Лаш. I-40, п. 1; 2 – Бер. 47, п. 3; 3 – Лаш. I-40, п. 4; 4 – Бер. 1; 5 – Бер. 48, п. 2; 6 – Тер. I-1, п. 3; 7, 8 – Тер. I-4; 9 – Тер. I-15, п. 2; 10 – Тер. I-24, п. 1; 11 – Пл. 1, п. 1.

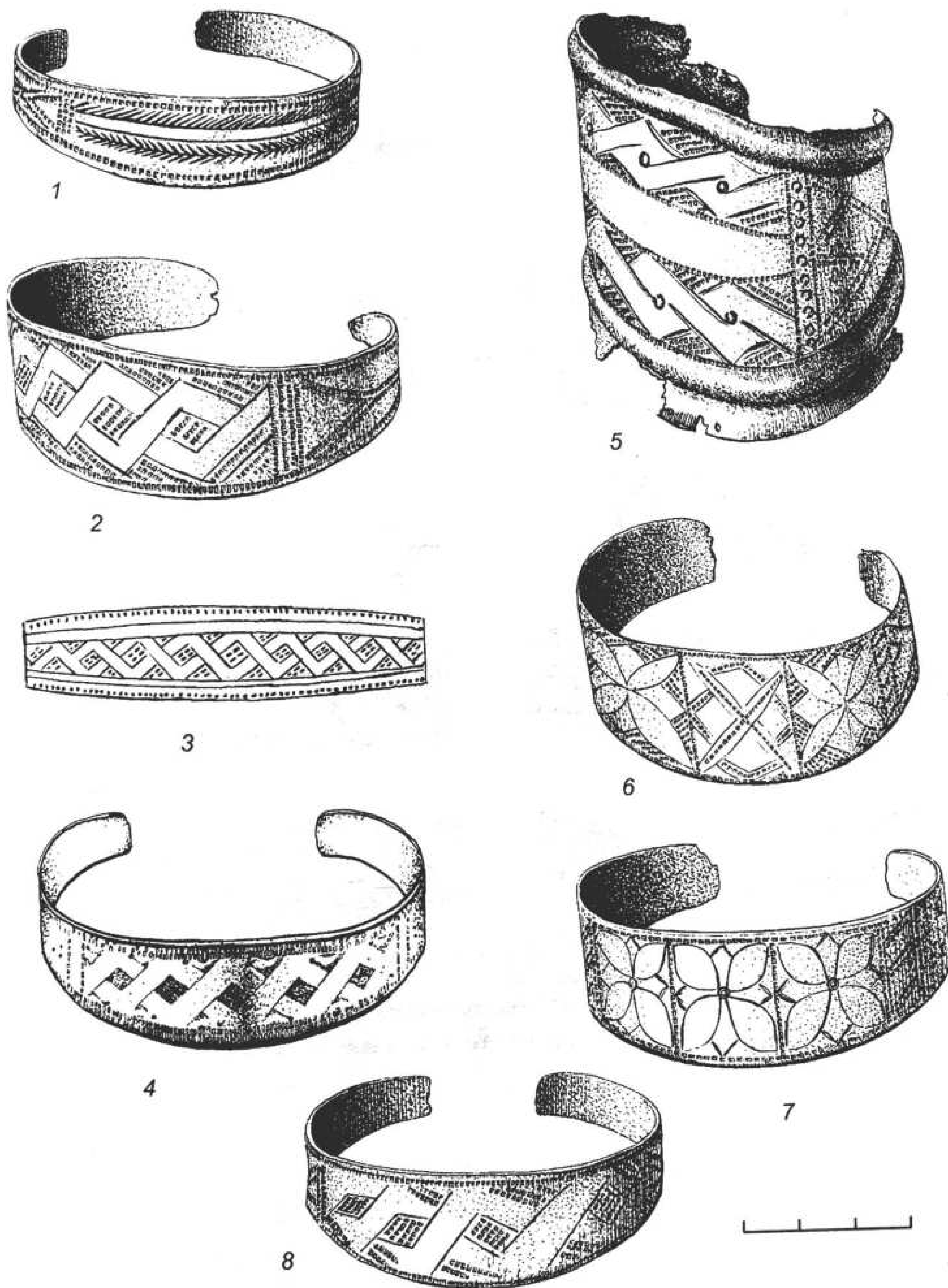

Табл. XXXVII. Браслеты из погребений.

1 – Лаш. I-7; 2 – Лаш. I-6; 3 – Тег. I-4; 4 – Лаш. I-11; 5 – Лаш. I-5; 6 – Лаш. I-3; 7 – Лаш. I-10; 8 – Лаш. I-4.

Табл. XXXVIII. Браслеты из погребений.

1 – Бер. 26; 2, 5 – Бер. 20, п. 1; 3 – Лаш. I-38, п. 1; 4 – Тер. I-25; 6 – Лаш. I-30; 7 – Лаш. I-18; 8, 9 – Лаш. I-30.

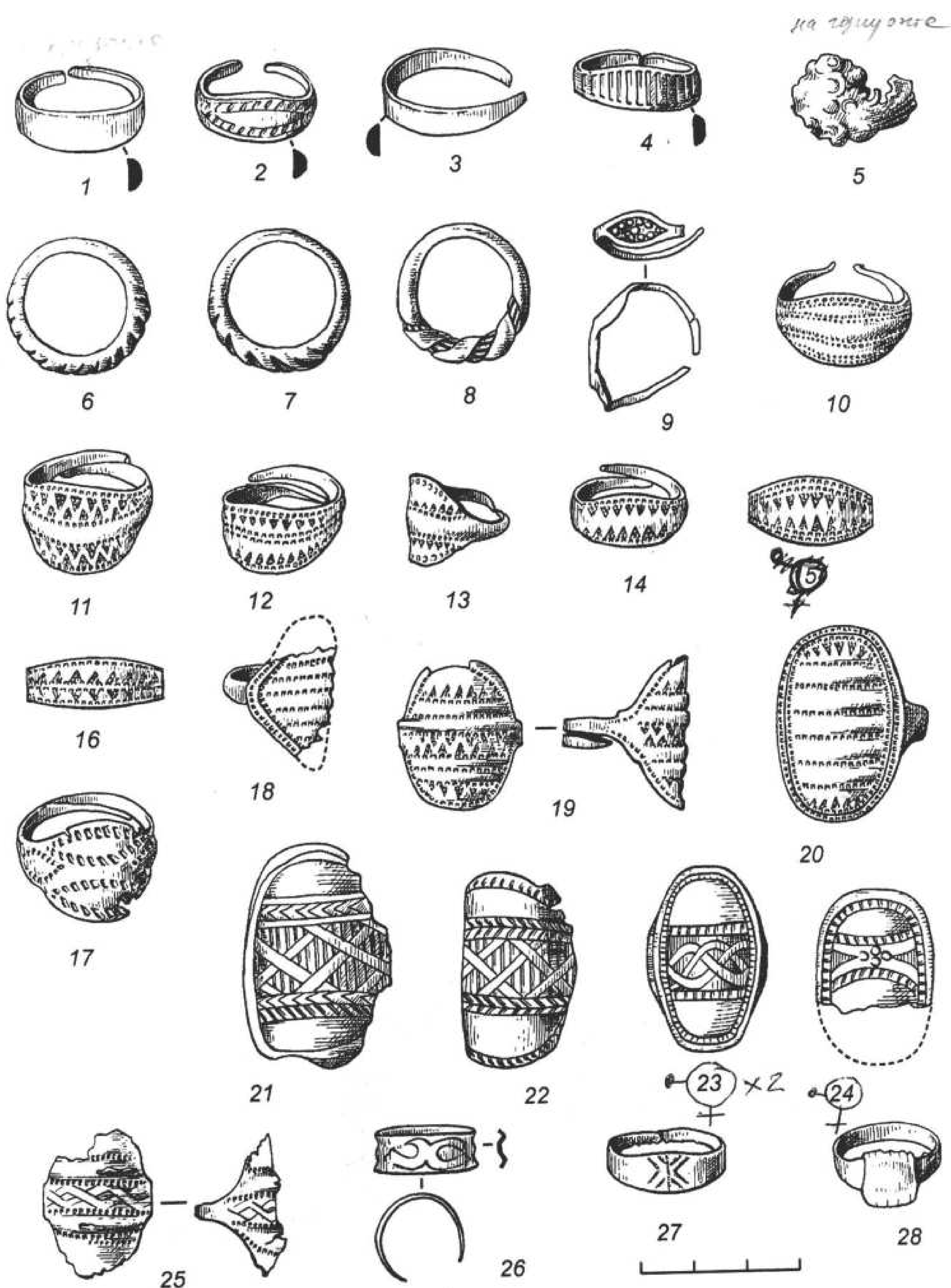

Табл. XXXIX. Перстни из погребений.

1, 5 – Бер. 3; 2 – Тер. I-24, п. 3; 8 – Тер. I-33; 3 – Лаш. II-3; 4 – Тер. I-32; 6, 11 – Бер. 42, п. 2; 7 – Лаш. II-1; 9 – Бер. 5; 10 – Бер. 10; 12, 13 – Бер. 42, п. 1; 14 – Бер. 38, п. 2; 15 – Лаш. I-41, п. 1; 16 – Тер. I-31; 17 – Бер. 47, п. 3; 18 – Бер. 35; 19 – Бер. 37; 20 – Бер. 48, п. 2; 21 – Тер. I-22, п. 1; 22 – Тер. I-34, п. 3; 23 – Тер. I-33; 24 – Тер. I-37; 25 – Лаш. I-4; 26 – Тер. I-1, п. 3; 27 – Лаш. I-26, п. 2; 28 – Лаш. I-26, п. 4.

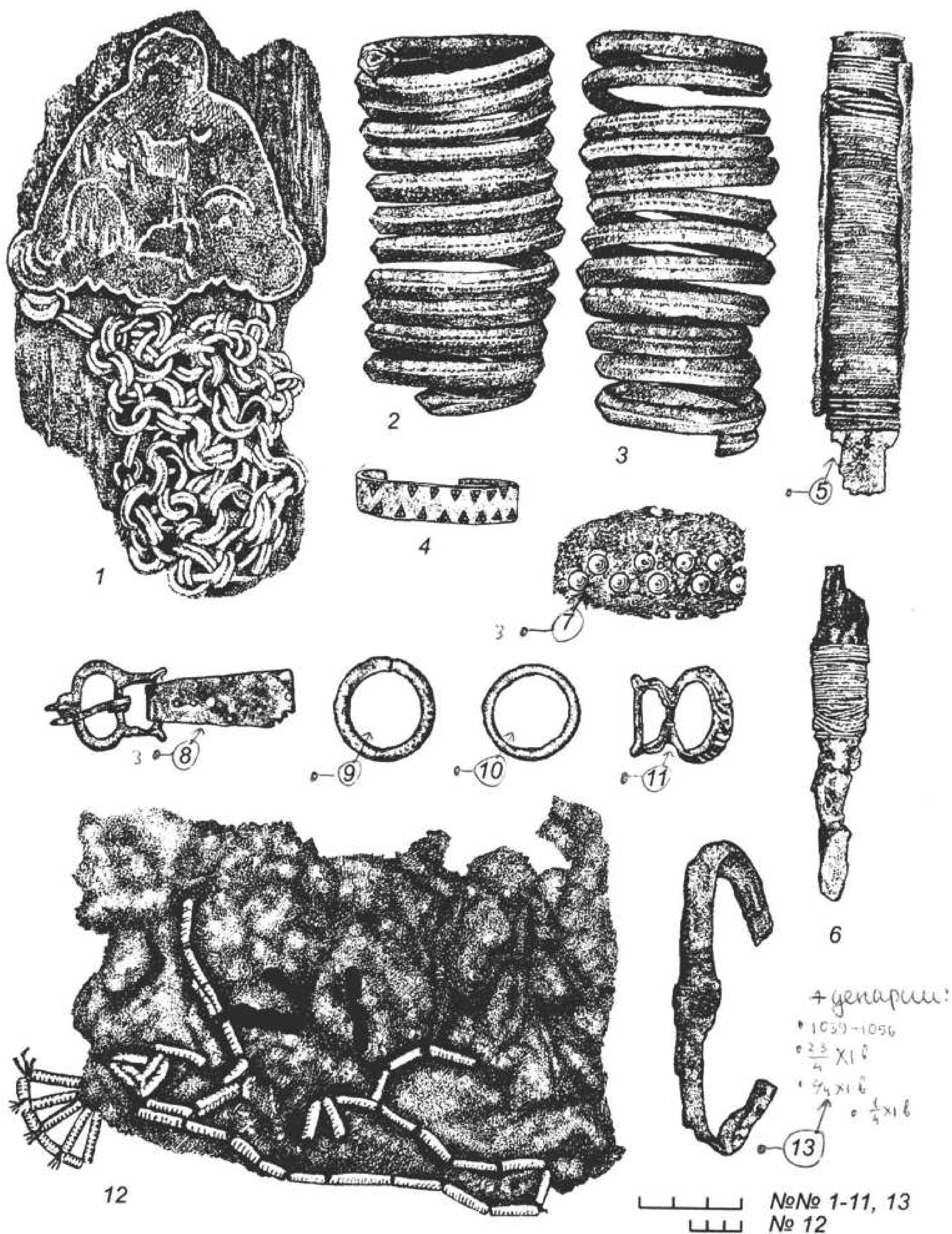

Табл. XL. Находки из кургана 17 у дер. Бегуницы.

1-4, 6, 12 - погр. 2; 5, 7-11, 13 - погр. 1.

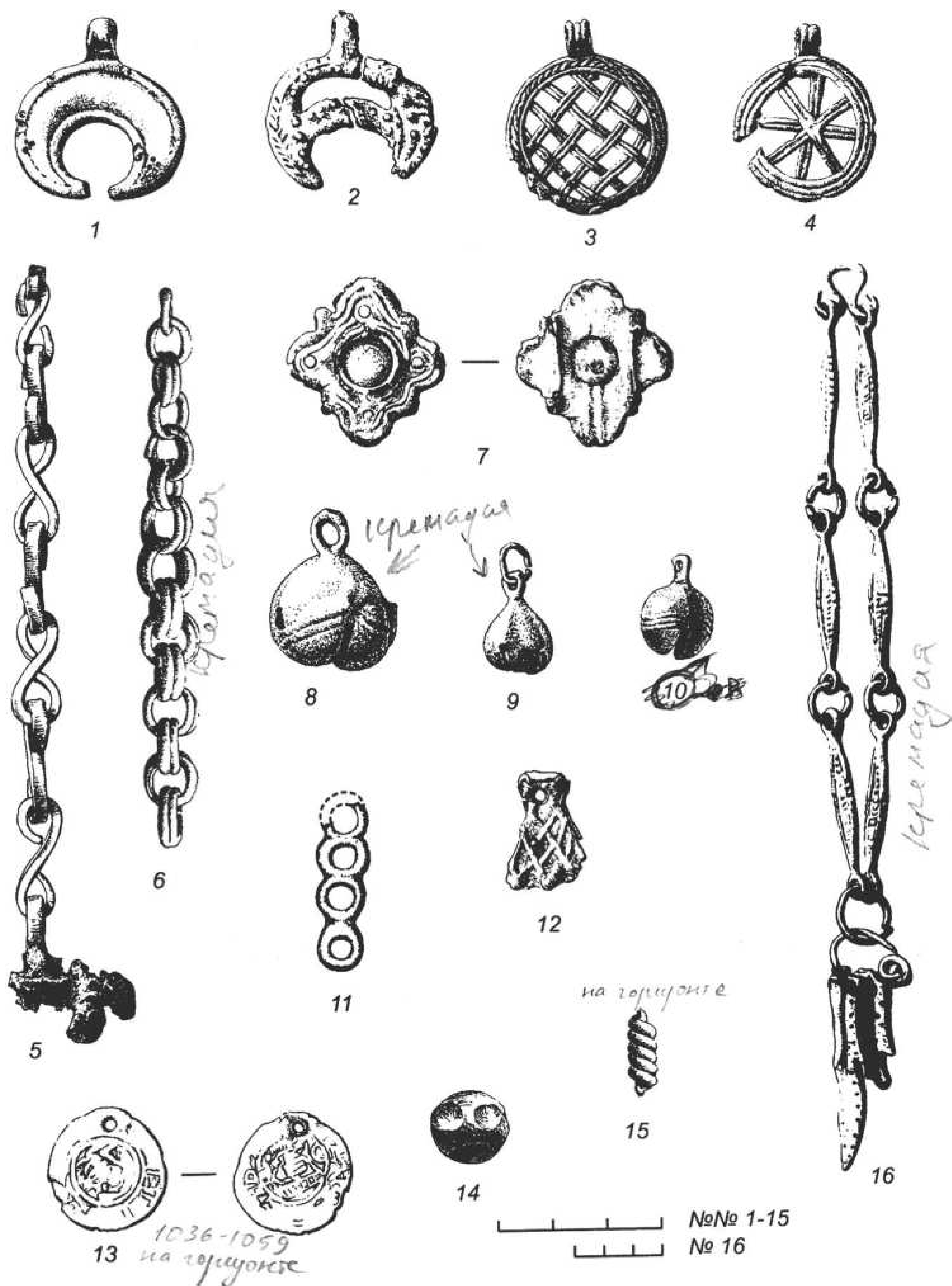
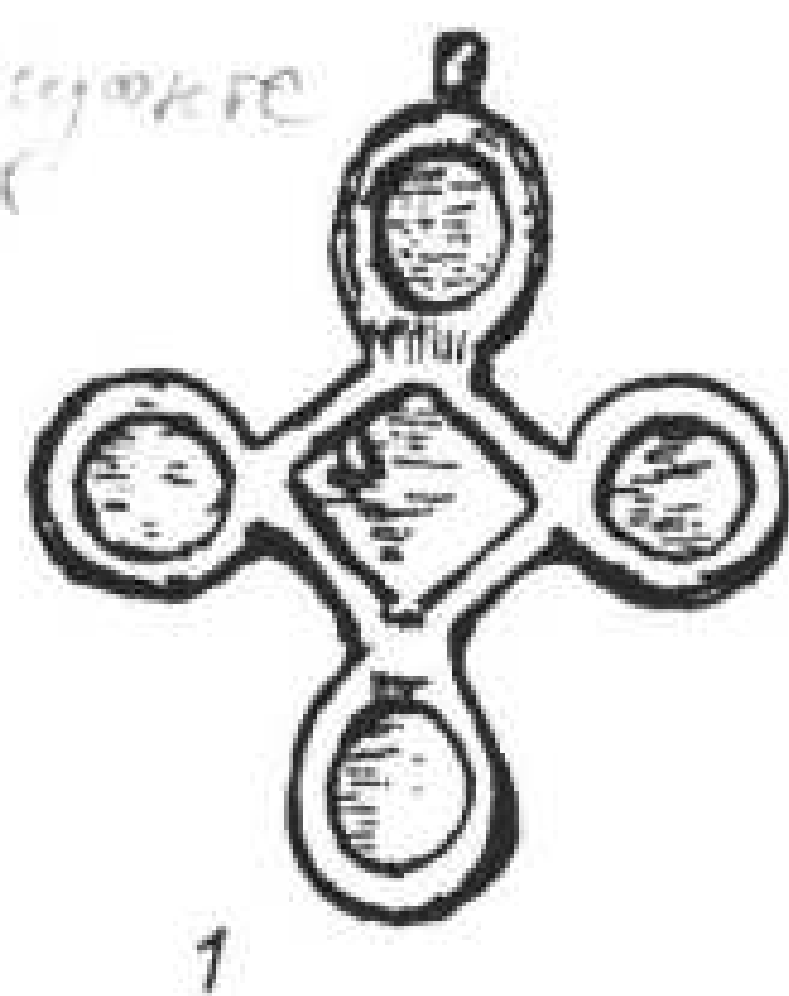

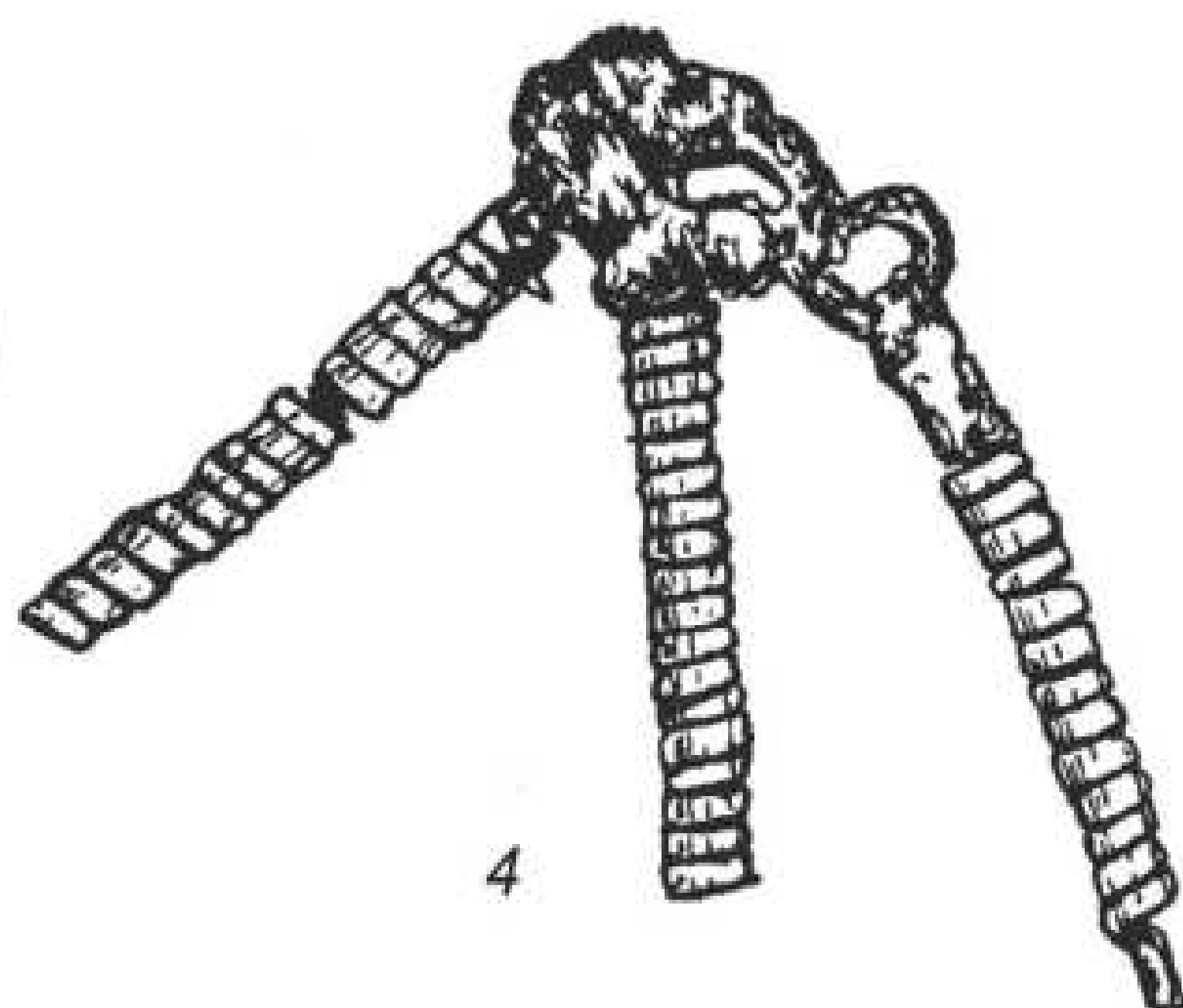
Табл. XLI. Находки из погребений.

1, 3, 4, 6 – Бер. 37; 2 – Бер. 11, п. 1; 5 – Бер. 27, п. 2; 7 – Бер. 29, п. 2; 8, 9, 14 – Бер. 50; 10 – Бер. 8; 11 – Лаш. I-30; 12 – Лаш. I-11; 13 – Бер. 1; 15 – Бер. 3; 16 – Лаш. I-38, п. 1.

на горюшке

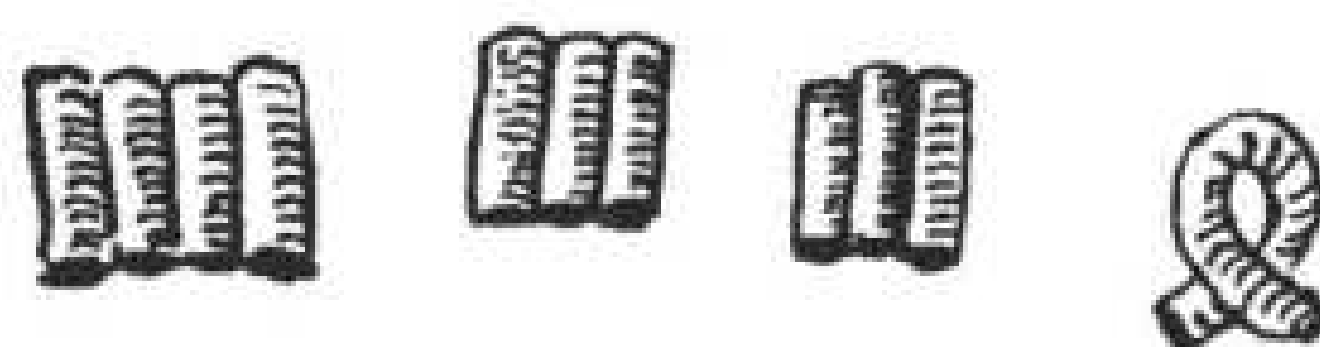
1

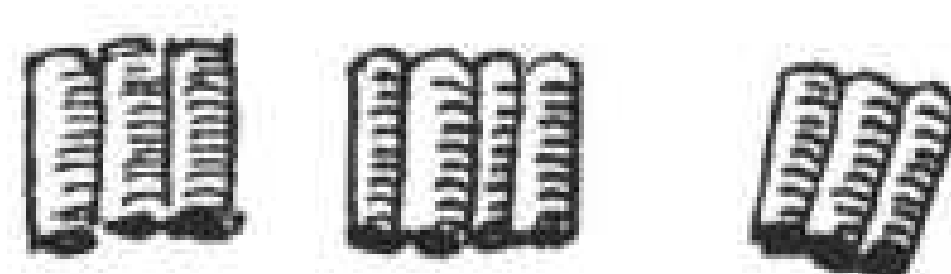
4

2

3

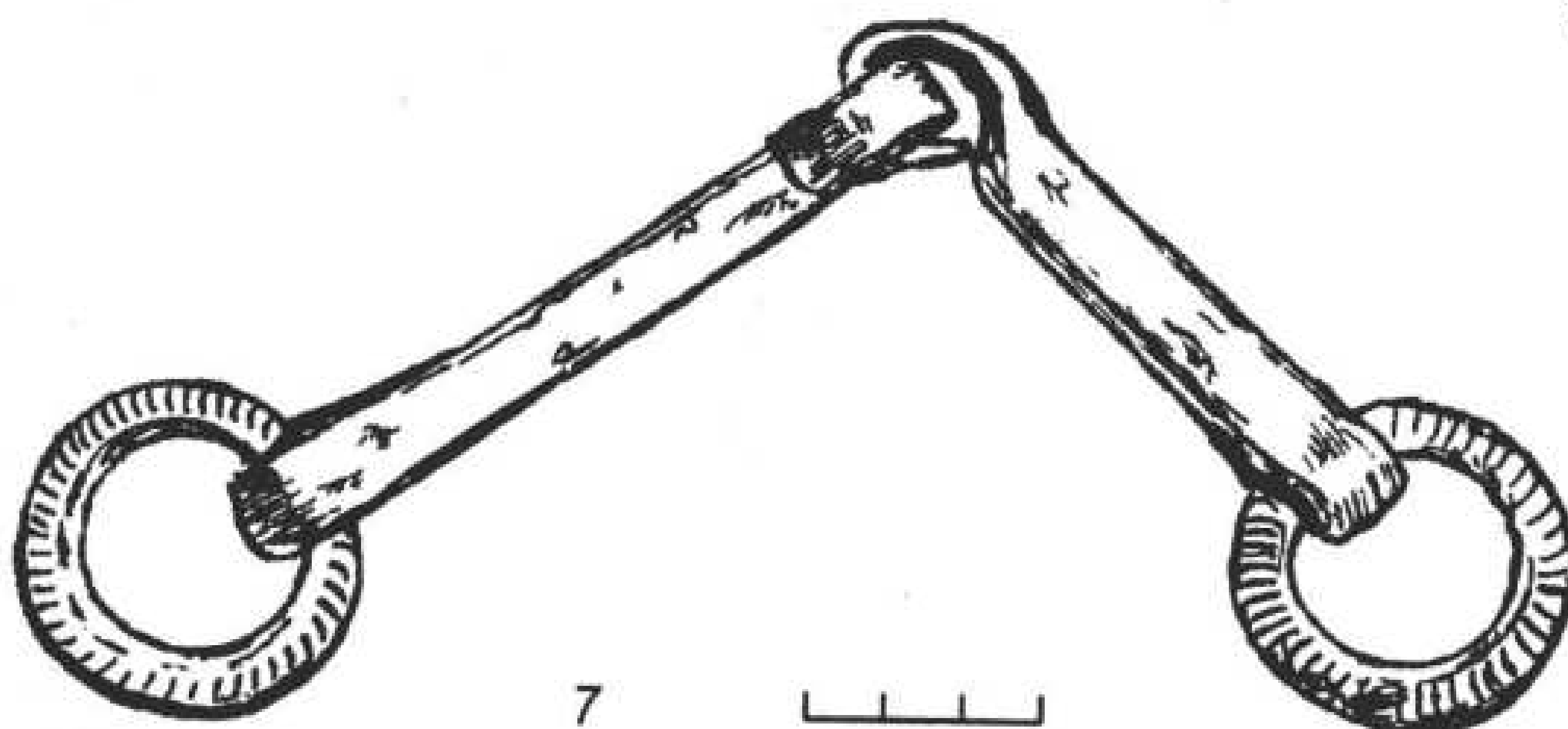
6

срешауа

5

7

Табл. XLII. Находки из погребений.

1 – Бер. 1; 2 – Лаш. I-40; 3 – Бер. 42, п. 2; 4 – Лаш. I-38, п. 2; 5 – Лаш. I-40, п. 4; 6 – Бер. 24; 7 – Бер. 5.

Табл. XLIV. Поясной набор (Лашковицы, группа II, курган 2).

Евгений Александрович Рябинин

ВОДСКАЯ ЗЕМЛЯ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

(результаты археологических исследований 1971—1991 гг.)

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Российской Академии наук*

Редактор издательства *В. С. Волкова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректор *И. А. Динабург*
Компьютерная верстка *Г. А. Новиковой*

Издательство «Дмитрий Буланин»

ЛР № 061824 от 11.03.98 г.

Подписано к печати 18.09.2001. Формат 70×100 ¹/₁₆.

Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ. л. 16,5. Уч.-изд. л. 14,2.

Тираж 500 экз. Заказ № 4273

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН.
Качество соответствует предоставленным оригиналам.
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН

199034, С.-Петербург

наб. Макарова, 4

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Российской Академии наук

Телефон: (812) 235-15-86

Телефакс: (812) 346-16-33

E-mail: bulanina@nevsky.net